

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежный
остросюжетный
детектив**

**МИККИ
СПИЛЛЕЙН**

**НИК
КВАРРИ**

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

4

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежный
остросюжетный
детектив**

**МИККИ
СПИЛЛЕЙН
НИК
КВАРРИ**

ТАЛЛИНН „БИБЛИОТЕКА ”ЛООМИНГ“ 1991

И /А/

Составитель А. Саяпин
Перевод с англ. А. Снежко

Микки Спиллейн
Ник Кварри

«Зарубежный остросюжетный детектив». (Перевод с англ.
А. Снежко.) Составитель А. Саяпин. — Таллинн: «Библиотека
зарубежного крим. и прикл. романа». Выпуск 4, 1991 — 336 с.: ил.
ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-7979-0430-6

В сборнике Вашему вниманию предлагается один из лучших остросюжетных романов знаменитого мастера детективного жанра — Микки Спиллейна. Роман «Стервятник» по динамизму, увлекательности сюжета, количеству драк и погонь ничуть не уступает романам уже широко известного в нашей стране Д. Х. Чейза. Герой романа — частный детектив вступает в смертельную схватку с преступным миром.

Два других романа, являющихся также бестселлерами, принадлежат творчеству Ника Кварри и предлагаются читателю впервые в переводе на русский язык.

Роман «В аду шансов нет» представляет собой сериал о приключениях частного детектива Джека Бэрроу. Произведение написано в интригующем, захватывающем дух стиле, столь характерном творчеству Кварри.

Название гангстерского романа «Вендетта» говорит о его содержании само за себя...

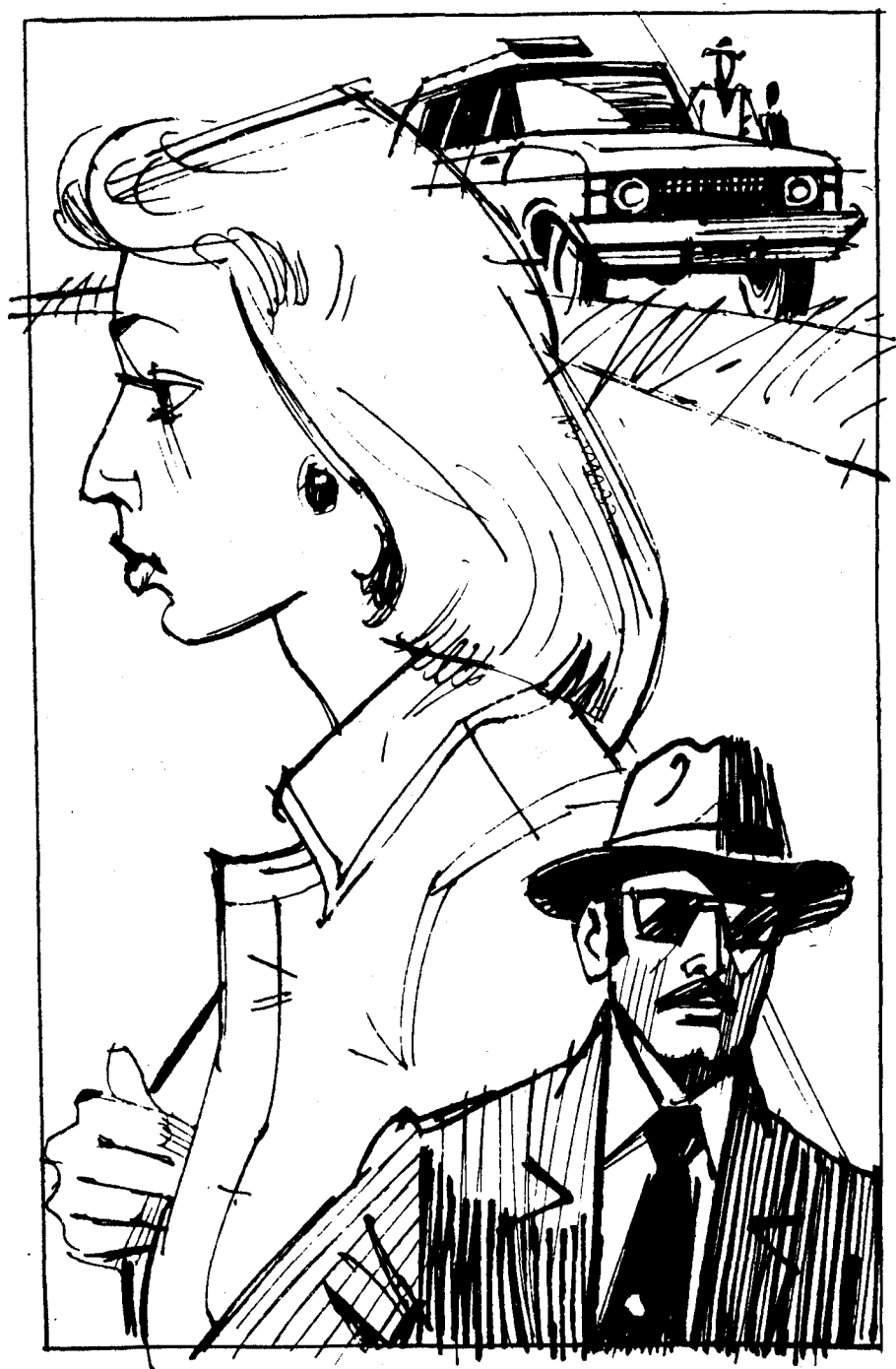
С $\frac{4703010100--14}{904(15)--91}$ Без объявления

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-7979-0430-6

© «Библиотека «Лооминг», 1991

М. СПИЛЛЕЙН

СТЕРВЯТНИК

Глава 1

Когда вы сидите дома, удобно расположившись в кресле перед камином, случается ли вам задуматься, что происходит снаружи? Наверное, нет. Вы берете книгу и читаете умные рассуждения и чепуху, живете чужой жизнью, тревожась из-за событий, которые никогда не происходили, желая заполнить чем-нибудь скучную повседневность. Вы воображаете себя героем или, по меньшей мере, действующим лицом, и это не удивительно. Даже древние римляне приправляли свою жизнь острыми ощущениями: упивались кровью и насилием в Колизее, глядя, как дикие звери раздирают человеческую плоть. Они вопили от восторга и шлепали друг друга по спинам, когда смертоносные когти впились в тело раба, и радовались совершенному убийству...

Жизнь сквозь замочную скважину. Но день проходит за днем, ничего с вами не случается, и вы приходите к выводу, что все это — фантазия писателя, в действительности такого не бывает. Но все равно, почитать стоит... Завтра вы найдете другую книгу, забыв, что было в предыдущей, и поживете еще немного своим воображением.

Но запомните: события происходят и здесь. Происходят под самым вашим носом, а вы не замечаете. Каждый день, каждую ночь... И по сравнению с ними развлечения римлян выглядят безобидным капустником.

... В десять минут первого я завязал узел на папке с утерянными документами Германа Гебла и доставил их ему. Для меня — пачка желтой бумаги, покрытой едва разборчивыми каракулями, но для моего клиента они стоили двух с половиной тысяч долларов. Я написал расписку в получении денег и спустился к машине. В этот час ночи движения почти не было, но при первой же встрече с красным светом я заснул, уронив голову на руль, и проснулся от нетерпеливых гудков. Ну их к черту. Прямо впереди виднелся ночной бар; пара чашек крепкого кофе приведут меня в чувство.

Не знаю, как это место обходили санитарные инспекторы — оно воняло. Двое бродяг убивали время, пожирая десятицентовые порции супа, не забывая при этом о бесплатном печенье. Рядом пьянчужка старался сосредоточить внимание одновре-

менно на тарелке с яичницей и на попытках остановить вращение мира. За соседним столиком, явно скучая, сидела размалеванная девица.

Подошел бармен и спросил:

— Что желаете?

Голос у него был, как у лягушки.

— Кофе. Черный.

Красотка заметила меня. Она улыбнулась, немедленно под села и сказала, кивнув на бармена:

— У Коротышки каменное сердце, мистер,— не угостит ни чашечкой. Не поможешь мне взбодриться?

Я слишком устал, чтобы спорить.

— Саелей два, приятель.

Бармен с отвращением схватил вторую чашку, наполнил ее и швырнул обе на стол, половину разлив.

— Слушай, Рыжая,— проквашал он,— не хватало мне только полиции.

— Успокойся, Коротышка. Все, что я хочу от джентльмена,— это чашка кофе. Он выглядит слишком усталым, чтобы играть в какие-то игры сегодня ночью.

— Да, Коротышка, помолчи,— вставил я. Бармен одарил меня злым взглядом, но так как я был таким же сердитым, как и он, и вдвое крупнее, то поплелся отодвигать тарелку с печеньем подальше от бродяг. Я посмотрел на рыжеволосую.

В общем-то, она не была красивой. То есть, очевидно, когда-то была, но надлом в душе всегда отражается в глазах и складках рта, стирая всю привлекательность женского лица. Да, когда-то она была недурна собой. Причем не очень давно. Платье оставляло неприкрытой большую часть ног и порядочную часть груди: нежное белое тело, еще тугое, но уже постаревшее от не книжных знаний. Я наблюдал за ней исподтишка, когда она поднимала чашку. У нее были изящные руки, длинные тонкие пальцы. И покрытое алмазной пылью тонкое золотое колечко с каким-то выгравированным знаком, похожим на лилию.

Рыжая внезапно повернулась и спросила:

— Нравлюсь?

Я ухмыльнулся.

— Ага. Но, как ты сказала, я слишком устал, чтобы из этого что-нибудь вышло.

Ее смех прозвенел колокольчиком.

— Отдыхай спокойно. Не буду докучать тебе. То, что я продаю, интересует лишь определенный тип мужчин.

— Психолог-любитель?

— Приходится.

— А я, значит, не принадлежу к этому типу?

Глаза Рыжей весело заблестели.

— Таким счастливчикам, как ты, никогда не приходится выкладывать наличные. Расплачивается женщина.

Я вытащил пачку «Лакиз» и предложил ей. Не знаю, почему она пришлось мне по душе. Возможно, привлекли ее глаза. Или несколько ненароком оброненных слов, которые приятно было слышать. Или, возможно, я просто устал, а моя берлога пуста и холодна... Что бы там ни было, она мне нравилась, и знала это, и улыбалась так, я уверен, как не улыбалась очень давно. Слово другу.

— Как тебя зовут?

— Майк. Майк Хаммер. Местный уроженец, обычно бодрый, сейчас смертельно усталый. Белый, холостой, совершеннолетний. Хочешь еще кофе?

Она покачала головой.

— Нет, достаточно. Если бы Коротышка не был таким щепетильным в вопросах кредита, мне не пришлось бы стелиться ради легкой закуски.

— Никогда бы не подумал, что твое занятие может быть таким скучным.

— Скучным его не назовешь.

Раздался приглушенный звук открывающейся двери. Я почувствовал этого парня спиной, прежде чем увидел его в зеркале. Он был высокий, мрачный, с застывшей сальной ухмылкой на лице; от него исходил запах дешевого масла для волос.

— Привет, детка.

Рыжеволосая чуть повернулась, и губы ее сжались.

— Чего тебе надо?

Голос ее потерял всякую окраску, кожа на щеках натянулась.

— Охотишься?

— Я занята. Уходи.

Парень схватил ее за руку и резко вывернул.

— Мне не нравится, как ты разговариваешь, Рыжая.

Как только я соскользнул с табуретки, Коротышка устремился к нам, но, увидев выражение моего лица, замер. Парень злое скривил губы и процедил:

— Убирайся к черту, пока цел.

Он двинулся было ко мне, но я ударил четырьмя жесткими пальцами ему в живот, чуть выше пупка, и он сложился пополам, как перочинный ножик. Я раскрыл его ударом ладони в рот.

Обычно на этом успокаиваются. Однако не этот тип... Он едва мог дышать, но уже проклинал меня разбитыми губами, а тем временем рука его ползла подмышку.

Я позволил ему почти дотянуться до рукоятки, затем вытащил свою пушку сорок пятого калибра на всеобщее обозрение, просто для эффекта приставил револьвер к его лбу и взвел курок. В тишине прозвучал резкий щелчок.

— Только дотронься до своей железяки, и я прострелю твою башку,— предупредил я.

Он дернулся и отключился. Хорошо, пускай полежит без сознания, оно ему ни к чему. У Коротышки тряслись плечи. Ры-

жая, закусив губу, смотрела вниз, на безжизненное тело. Наконец она проговорила:

— Тебе не следовало этого делать. Уходи скорее. Он... он убьет тебя! Пожалуйста, уходи. Ради меня.

Она была в беде, испугана, но оставалась моим другом. Я улыбнулся ей и достал бумажник.

— Обещай мне, Рыжая, хорошо? — И вложил в ее руку три пятидесятидолларовые бумажки. — Уходи с этой улицы. Завтра же купи приличную одежду, возьми газету и поищи работу. Твое занятие — медленное самоубийство.

Не хочу, чтобы на меня так смотрели. Такой взгляд заметишь разве что у молодоженов или в церкви у богомольцев. Масляная голова на полу начал приходить в себя, но он-то как раз устоялся на мой раскрытый бумажник. Его глаза приклеились к значку частного детектива, приколотому там, и если бы мой палец не лежал на спусковом крючке, он бы полез за своей игрушкой. Я нагнулся и вытащил ее из наплечной кобуры, затем схватил его самого за шиворот и выволок за дверь.

За углом стоял столбик с кнопкой вызова полиции, и я ей воспользовался. Через несколько минут к тротуару подкатил автомобиль, и из него вылезли два здоровяка. Я кивнул водителю.

— Привет, Джейк.

— Привет, Майк. Что стряслось?

Я поднял Масляную голову на ноги.

— Этот шутник решил со мной поиграть. — Я протянул короткоствольный пистолет 32-го калибра. — Не думаю, что у него есть разрешение на оружие. Пусть отдохнет до утра.

Я проснулся ранним утром, принял душ, чтобы согнать сон, и побрился. Чувствовал я себя все равно неважно, глаза покраснели и опухли. Но большая тарелка копченой свиной грудинки придала мне сил, чтобы одеться и подумать о том, что день не грех начать с более пристойной пищи.

Изумительный кусок мяса сочился и шипел в жаровне бара Джимми, будто специально поджидая меня. К счастью, я явился вовремя, и он очутился у меня на столе, прежде чем успел пережариться.

— Весь день вчера звонила дама из вашей конторы, — проинформировал Джимми.

— Чего она хотела?

— Интересовалась, где вы. Наверное, черт знает что думала.

— Чепуха. Она всегда что-нибудь думает. — Я прикончил десерт и расплатился. — Если позвонит снова, скажи, что я уже еду, ладно?

— Конечно, мистер Хаммер, с радостью.

Я отодвинул тарелку, закурил, вышел на улицу и вошел в ма-

шину. Поездка к центру заняла немного времени, но чтобы найти место для стоянки потребовалось полчаса. Когда я наконец ввалился в контору, Вельда укоризненно подняла свои большие карие глаза, нагонявшие на меня ужас пуще всяких слов. Когда мне понадобился делопроизводитель, я считал, что сойдет любая девушка, как хорошенькая, так и уродина, — но мне явно удалось снять сливки. Не ожидал я только, что она окажется такой едкой и остроумной... От хорошеньких этого не ожидаешь.

Сбросив пальто, я выложил на стол пачку пятидесятидолларовых бумажек.

— Вычти отсюда расходы и положи в банк остальное. Посетители были?

— Два. Один субъект хотел оформить развод, другому нужен был телохранитель — муж подружки обещал сделать из него хладный труп. Я отослала обоих к Эллисону. Там им помогут.

— Все-то ты решаешь за меня. Работа телохранителя не лишена интереса.

— Ага. Я видела фотографию этой подружки. Как раз твой любимый тип.

— Ах, птичка, ты же знаешь — ненавижу женщин!

Я уселся в кресло для клиентов и подобрал со стола газету. Мое внимание привлекла фотография на первой странице, внизу, в уголке, окруженная сообщениями об очередных происшествиях. Фотография рыжеволосой, скрючившейся у обочины. Заголовок гласил: «Водитель-убийца скрылся».

— Бедняга! Вот тебе и удача...

— Кто это? — спросила Вельда.

Я протянул ей газету.

— Проститутка. Я купил ей кофе в баре и дал немного денег, чтобы выбраться из этого болота.

— Приятная у тебя компания, — саркастично заметила Вельда.

Мне стало обидно.

— Черт побери, она не пыталась меня подцепить. Я ей помог, и она была мне благодарна...

— Прости, Майк. Я действительно сожалею, честно. — Любопытно, Вельда сразу понимает, когда я говорю правду. Она раскрыла газету, прочитала заметку и нахмурилась. — Личность не установлена... Ты знаешь ее имя?

— Нет, ее звали просто Рыжая. Дай-ка посмотрю.

Я проглядел заметку. Тело нашли на улице рано утром. Парень, дважды проходивший мимо, сперва решил, что она пьяна. Довольно разумно. В наше время куда ни глянь — везде валяются пьяные, искать не приходится.

Сложив газету, я сказал:

— Продержись тут без меня. Немного пройду.

— Насчет этой девушки?

— Да. Надо попробовать установить ее личность. Позвони Пату, предупреди, что я скоро буду у него.

— Хорошо, Майк.

Я решил не возиться с машиной и на такси подъехал к зданию из красного кирпича, где располагалась контора Пата Чамберса. Вам стоит увидеть такого парня. Он — молодой капитан отдела по расследованию убийств, полицейский с головы до пят, хотя по виду этого никак не скажешь. Умудрен знаниями и является собой прямо-таки примерный образчик полицейской эффективности. Не часто встретишь стража порядка, водящего знакомство с частным детективом, но Пат прекрасно понимал, что я могу затронуть вещи, недоступные для закона, а он, в свою очередь, способен сделать многое, с чем не справился бы я. Деловое соглашение переросло в прочную дружбу. Он встретил меня в лаборатории, где проводил баллистическую экспертизу.

— Привет, Майк. Каким ветром занесло тебя сюда в столь ранний час?

— Задача, приятель. — Я развернул перед ним газету и указал на фотографию. — Что-нибудь выяснили о ней?

Пат покачал головой.

— Не знаю. Пойдем в кабинет.

Он провел меня в комнату и указал на кресло. Пока я закуривал, он придвинул к себе телефон и набрал номер.

— Чамберс. Я хочу знать, удалось ли установить личность той девушки, сбитой машиной.

Он выслушал и нахмурился.

— Ну, что?

— Ничего. Кроме того, что причина смерти — перелом шеи.

— Могу кое-что добавить. Проститутка, звали Рыжая. Мы познакомились предыдущей ночью в баре.

Пат откинулся на спинку стула.

— Итак, имя неизвестно. Одеты во все новое, с новой сумочкой с шестью долларами мелочью, и ни единой особой приметы. На одежде нет даже меток прачечной.

— Правильно. Я дал ей полторы сотни, чтобы она смогла одеться и найти приличную работу.

— Какой ты великодушный!

Тон у него был, как у Вельды, и я разозлился.

— Черт побери, Пат! И ты несешь эту чепуху! Я на своем веку повидал таких крошек немало. Думаешь, кто-нибудь протянет им руку помощи? Как же! Но удовольствие из них выжмут все до капли. Да, проститутка, да, мне она понравилась — ну и что? Я хотел ей помочь! Может, она была погружена в мечты о будущем и забыла открыть глаза, переходя дорогу!

— Эй, погоди, Майк, не набрасывайся на меня. — Пат потянулся к столу и взял записную книжку. — Думаю, лучшее, что мы можем сделать, это опубликовать ее фотографию и надеяться, что кто-нибудь ее узнает. Устраивает?

Он свернул газету, и в это время вошел лаборант в белом халате и вручил ему листок бумаги. Пат пробежал глазами текст и нахмурился. Потом протянул его мне и кивнул, отпуская лаборанта. Это было заключение экспертизы. Оно ясно гласило, что, хотя, вероятно, смерть была случайной, не исключена возможность убийства. Такой перелом шеи мог возникнуть лишь при самом причудливом стечении обстоятельств. Впервые за все время, что я знал Пата, он занял типично полицейскую позицию.

— Интересную ты задал мне задачку, Майк! Какой ее части я должен верить?

Его голос сочился сарказмом.

— Иди к черту! — Я прекрасно понимал, что происходит сейчас в его казенных мозгах. У нас была пара запутанных случаев, и он думает, что я специально их ему подсовываю. — Ты неплохой парень, Пат. Раньше мы оказывали друг другу услуги, не задавая вопросов. Я когда-нибудь обманывал тебя?

Он начал отвечать, но я прервал его:

— Да, конечно, наши пути несколько раз пересекались, но тебе это только на пользу. Потому что ты полицейский. А что могу я? Ничего... защищать клиента. С каких пор ты считаешь, что я тебе мешаю?

Пат улыбнулся.

— Придется мне снова извиниться. Сделай еще одно одолжение: допусти, что у меня есть причина быть подозрительным. Когда ты занимаешься делом, то, по крайней мере, не играешь в политику. А я должен заботиться о сохранности своей шеи, — знаешь ведь, какое давление оказывают на наш отдел.

Он продолжал говорить, но я его больше не слушал. Передо мной, как живая, стояла Рыжая, с милыми ямочками на щеках, улыбающаяся улыбкой, предназначенной мне одному. Бродяжка, которая могла бы быть леди; мой друг на несколько коротких минут...

В моем желудке сгустился ледяной комок, потому что я вспомнил еще и Масляную голову, с револьвером и гнусной ухмылкой. С каким ужасом глядела на него Рыжая... Мои ногти впились в ладони, я тяжело задышал. Оно всегда так проявляется — это сумасшедшее чувство, когда мне хочется вышибить дух из какого-нибудь сукиного сына.

— Думаешь — убийство? — спросил Пит, всматриваясь в меня.

Я кинул листок на стол.

— Она мертва. И какая разница, как она умерла? Покойники не обращают внимания на подобные мелочи.

— Послушай, Майк, если это убийство, то им займется мой отдел. Ты собираешься поделиться со мной тем, что знаешь?

— Собираюсь, Пат.

Я не лгал. То, что я рассказал ему, было чистой правдой; я просто не сообщил ему всей правды.

Пат взял свою записную книжку.

— Где ты с ней встретился?

— В одном баре на Третьей авеню. Я заскочил туда случайно — остановился на минутку выпить кофе. Не помню названия, потому что был слишком уставшим, но найду его, хотя таких заведений и тысячи.

— Мы произведем вскрытие, а также постараемся разыскать ее старую одежду. Когда найдешь этот бар, дай мне знать.

— Обязательно.

Я улыбнулся, но веселья не чувствовал. Только так я мог сдержаться и быть вежливым, не показывая, что внутри у меня бушует ярость. Мы пожали друг другу руки и обменялись культурным «до свидания», а мне хотелось рвать и метать. Убийство — безобразное слово...

Спустившись на первый этаж, я спросил дежурного сержанта, где можно найти Джейка Ларри. Он дал мне номер его домашнего телефона, и я тут же прошел в будку. Очевидно, Джейк спал, потому что голос его прозвучал не слишком дружелюбно.

— Это Майк Хаммер, Джейк. Что та скотина, которую я передал тебе прошлой ночью?

Джейк произнес что-то непристойное.

— Да уж, подложил ты мне свинью.

— Как это?..

— У него есть разрешение на оружие, вот как. Ты что, хочешь, чтобы у меня были неприятности? Его имя Финней Ласт, он служит шофером и телохранителем у Берин-Гротина.

Я присвистнул сквозь зубы и повесил трубку.

Глава 2

В начале пятого я вернулся в контору. Вельда усиленно подписывала и заклеивала конверты и была рада предложению посачковать.

— Недавно звонил Пат.

— Наверное, просил передать мне, чтобы я был пай-мальчиком?

— Другими словами, но в этом смысле. Майк, ты вроде бы босс, и мне неприятно тебе указывать, но к нам в дверь стучатся солидные клиенты, а ты занимаешься делом, которое и не пахнет деньгами.

Я бросил шляпу на стол.

— Где убийство, там и деньги, цыпленок.

— Убийство?

— Я так думаю.

Приятно было сидеть здесь, удобно развалившись в кресле. Я зевнул. Вельда спросила:

— Но, собственно, чего тебе нужно?

— Имя, — ответил я. — Просто имя женщины, которая умерла безымянной. Болезненное любопытство, да? Но я не могу положить венок с надписью «Рыжей»... Что ты знаешь о некоем Берин-Гротине?

Я наблюдал за мухой, ползущей по потолку, и мой вопрос прозвучал неожиданно.

— Это, должно быть, Артур Берин-Гротин, — ответила Вельда. — Старый джентльмен из общества, ему под восемьдесят. Один из пресловутых «честных» богачей. Одно время был заядлым игроком, но с возрастом остепенился. Сейчас ужасно набожен, старается замолить грехи молодости.

Тогда я немного вспомнил его.

— Зачем ему телохранитель?

— Если не ошибаюсь, его особняк был несколько раз ограблен. Самое забавное, что взломщик мог получить, что ему хотелось, постучавшись в дверь. Артур Берин-Гротин становится простаком, выслушивая душешипательные истории... Кроме того, он крупнейший филантроп в городе.

— Куча денег?

— Угу.

— Откуда ты все это знаешь?

— Если бы ты читал что-нибудь, кроме юморесок, то знал бы это тоже. Он известен, как кинозвезда. Очевидно, у него сильно развито чувство гордости: то он преследует кого-то за клевету, то лишает наследства какого-нибудь дальнего родственника за посрамление фамильной чести Берин-Гротинов. Месяц назад он пожертвовал миллион долларов на приют для собак и кошек. А, вот еще...

Она встала и вытащила из груды бумаг газету недельной давности.

Это была фотография кладбища. На фоне надгробных камней и монументов высился наполовину возведенный мавзолей. Рабочие на лесах устанавливали мраморные плиты. Артур Берин-Гротен хотел быть уверенным, что и после смерти у него будет крыша над головой.

Вельда положила газету на место.

— Это клиент, Майк?

— Нет. Просто случайно встретилось его имя.

— Ты лжешь.

— А ты грубишь боссу.

Я улыбнулся ей, нацепил шляпу и вышел. У меня созрели кое-какие планы, но некоторое время надо было подождать.

В баре внизу я заказал пива. Когда третья кружка подходила к концу, мальчишка принес вечерние газеты. Пат поработал хорошо — фотография была помещена на первой полосе, под ней крупно набрано обращение: «Вам известна эта девушка?» Конечно, мне она известна. Рыжая.

Сунув газету в карман, я вышел к автомобилю. На улицах

было не проехать, и мне удалось добраться до Третьей авеню лишь к шести часам. Это заведение я нашел без труда. Я вскарабкался на табурет и положил газету возле себя, фотографией вверх. Коротышка вертелся в стороне, около какого-то шалопая; меня он еще не видел.

А когда увидел — побледнел.

— Что угодно?

— Яйца. Бекон и яйца. И кофе.

Он бочком подошел к стойке и залустил руку в корзину с яйцами. Одно упало и растеклось по полу. Коротышка, казалось, даже не заметил этого. Зато шалопай издал серию хлюпающих звуков, выливая суп через нос. Позади жаровни стоял стальной рефлектор и я дважды поймал взгляд Коротышки, обращенный на меня. Лопаточка была достаточно велика, чтобы поместился кекс, а он не мог справиться с яйцом. Каждое давалось ему с третьей попытки.

Коротышку била дрожь. И ему вовсе не стало лучше, когда он отодвинул газету, чтобы поставить тарелку, и увидел фотографию Рыжей.

— У яиц есть одно неоспоримое преимущество, — проговорил я. — Их трудно испортить неуклюжим стряпаньем.

— Что вам от меня надо, мистер? — перебил Коротышка. — Вы полицейский?

Мы оба одновременно посмотрели на газету.

— У меня есть значок... и револьвер.

— Частная ищейка? — Он становился невежливым.

Я отложил вилку и поглядел на него. Когда нужно, я могу сделать очень скверное лицо.

— Не доводи меня, милый, не то твоя мордашка превратится в фарш. И чем больше я об этом думаю, тем больше мне нравится эта идея. Мое имя Майк Хаммер... ты, наверное, слышал. Я люблю играть в такие игры.

Он снова побелел.

Я поднял газету и указал пальцем на вопрос, помещенный над фотографией. Коротышка отлично понимал, что это уже не шутки, и был испуган.

— Заглядывала изредка. Иногда пыталась подцепить кого-нибудь, и я ее вышвыривал. Для меня и всех остальных — просто Рыжая. Вот и все, что я о ней знаю.

Я схватил его за ворот рубашки и притянул к стойке.

— Уверен, что стоит полиции немного здесь покопаться, как выплывут все твои делишки.

— Честно, Майк, я ничего не знаю об этой даме. Я бы сказал, если б знал. Я тихий человек и не хочу никуда вступать.

— Прошлой ночью здесь был один парень, Финней Ласт. Ты часто его видел?

Коротышка с трудом разлепил губы.

— Он приходил за рыжеволосой. Никогда даже не ел у меня. Отпустите, а?

Я разжал руку.

— Конечно, друг. — И швырнул на стойку полдоллара. Он был рад отойти к кассе, подальше от меня. — Если выяснится, что ты знаешь больше, чем сказал, то вскоре сюда пожалует визитер. В красивой синей форме. Впрочем, ему придется туго — тебе будет трудно объясняться без зубов.

У самых дверей он меня окликнул:

— Эй, Майк!

Я повернулся.

— По-моему... по-моему, она жила где-то рядом. Кажется, в соседнем квартале.

Он не дождался ответа — слишком был занят вытиранием яиц с пола.

Сперва я влез в машину, но тут же передумал: на прочесывание мрачных каморок, разбросанных поблизости, ушла бы неделя.

Перед газетным стендом на углу стояли три типа в яркой спортивной одежде и отпускали грязные замечания о проходящих мимо девушках.

Я направился к ним и, расстегнув пуговицу на куртке, начал поправлять рубашку так, чтобы ремень кобуры некоторое время был ясно виден.

— Здесь где-то живет рыженькая милашка. Не знаете, как ее найти?

Один из них подмигнул мне как мужчина мужчине.

— Да, она снимала комнату в заведении старой леди Портер. — Он кивнул в конец улицы. — Но не тратьте зря время — эту сучку вчера задавило.

— Ай-ай-ай, как плохо.

Типчик взял меня под руку и одарил понимающим взглядом.

— Если вам нужна настоящая женщина, идите по Двадцать третьей и...

— Какнибудь в другой раз, приятель. — Я сунул ему бумажку. — Купи ребятам пива.

Марта Портер оказалась полной дамой на склоне пятидесяти.

— Вам комнату или девочку? — спросила она.

— Я уже видел девочку. Теперь я хочу узнать ее имя.

Сперва она схватила деньги.

— А зачем?

— Потому что она украла важные бумаги с того места, где последний раз «работала», и я должен их найти. Знаете ее фамилию?

— Вы совсем как ребенок, мистер. На кой черт мне сдалась ее фамилия?.. Комната крайняя на втором этаже. Я даже не заходила туда с тех пор, как Рыжая умерла. Увидела ее лицо в газетах и сразу поняла, что этим заинтересуются.

Мы поднялись по лестнице, я вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Кто-то учинил здесь обыск, а точнее — настоящий погром. Все принадлежности растормошенной постели были разбросаны по полу. Ящики из комода валялись вверх тормашками, причем их использовали как лестницу. Даже линолеум и обои были оторваны. Можно подумать, что здесь бесился полный энергии молодой слон.

Ветер швырнул мне в лицо остатки набивки матраса, и я подошел к окну. Оно выходило на пожарную лестницу, рама была выдавлена каким-то инструментом. Ничего не могло быть проще. На полу у подоконника лежала белая пластмассовая расческа с несколькими темными волосками вокруг зубцов. Я поднял ее и понюхал. Масло для волос. Тот самый сорт.

...Когда я влез с утра в новый костюм и прошелся щеткой по ботинкам, то если и не выглядел одним из «четырехсот первых» колонистов, то, по крайней мере, вполне сносно, чтобы встретиться с представителем этой славной плеяды.

Я нашел имя Берин-Гротина в телефонной книге Лонг-Айленда, этого уголка, столь милого сердцу влюбленных и затворников. Доллары помогли мне быстро подготовить автомобиль, и в полдесятого я мчался по автостраде, вдыхая свежий океанский бриз. Под колесами захрустел макадам, затем гравий и наконец передо мной вырос один из самых удивительных домов после Букингемского дворца. Особняк мог служить символом роскоши, но был совершенно лишен кричащей показухи. Маленькая медная кнопка глубоко ушла в дверную раму. Едва я прикоснулся к ней, раздалась мелодичная трель электронного звонка. Когда дверь отворилась, я подумал, что это автоматика, но ошибся. Дворецкий был такой маленький и старый, что еле доставал до дверной ручки и внешне не был достаточно силен, чтобы долго удерживать дверь открытой: вооружившись улыбкой, я поспешил войти, прежде чем ее захлопнет ветер.

— Я бы хотел видеть мистера Берин-Гротина.

— Да, сэр. Как доложить?

Голос дворецкого потрескивал, будто заигранная пластинка.

— Майк Хаммер из Нью-Йорка.

Старичок взял мою шляпу, провел меня в просторную комнату, облицованную панелями из мореного дуба, и махнул рукой на кресло.

— Пожалуйста, подождите здесь, сэр. Я сообщу хозяину о вашем прибытии. Сигары на столе.

Я поблагодарил и утонул в большом обитом кожей кресле, оглядываясь по сторонам — интересно, как живут в высшем обществе. Совсем недурно. Я выбрал сигару и откусил кончик. Затем поискал место, куда его выбросить. Единственной пепельницей, похоже, служило настоящее произведение искусства из

фарфора. Осквернить его плевком было выше моих сил. Может быть, жизнь в обществе не слишком-то хороша, в конце концов... Послышались шаги, и я проглотил этот заклятый кончик, чтобы избавиться от него.

Когда Артур Берин-Гротин вошел в комнату, я встал. Есть люди, перед которыми невольно преклоняешься. Годы не наложили на него тяжелого отпечатка. Копна благородных белых волос венчала его голову, а глаза блестели, как у мальчишки.

— Мистер Берин-Гротин? — спросил я.

— Доброе утро, сэр.— Он протянул руку, и мы обменялись крепким рукопожатием.— Пожалуйста, ограничивайтесь только первой частью — двойные семейные фамилии всегда действовали мне на нервы, а с тех пор, как я остался один, стало возможным сократить ее.— В противоположность дворцовому, у него был густой сильный голос. Он подвинул ко мне кресло и кивнул, приглашая садиться.— Итак, чем обязан?

Я начал прямо.

— Я детектив, мистер Берин-Гротин. Вчера в городе была убита безымянная рыжеволосая проститутка.

— Помню, видел в газетах. А что вас интересует?

— Я пытаюсь установить ее личность. Скверно умереть так, что никто этого не заметит.

Берин-Гротин утомленно прикрыл глаза.

— Понимаю, мистер Хаммер, прекрасно понимаю... Я пережил жену и детей и боюсь, что когда кончу свой век, разве что случайный прохожий прольет слезу на мою могилу. Вот и возвожу тщеславно монумент, который запомнится людям. Наверное, я кажусь вам выжившим из ума?

— Ничуть.

— Дома строят для различных этапов жизни... почему не для смерти? Моя глупая двойная фамилия уйдет со мной в могилу, но, по крайней мере, останется на виду у многих поколений. Честь семьи, гордость за пройденный путь... Впрочем, вы говорили...

— О Рыжей. Перед самой гибелью ее пытался подцепить в одном из баров ваш шофер.

— Мой шофер?

Берин-Гротин от изумления широко раскрыл глаза, густые белые брови сошлись вместе.

— Да. Его имя Финней Ласт.

— А вы откуда это знаете?

— Он вел себя очень грубо, и я вынужден был вмешаться. Тогда он решил пустить в ход револьвер, и мне пришлось сдать его в полицию.

— Он... хотел убить вас?

— Не знаю. Я старался не предоставить ему такой возможности.

— Ласт действительно был в городе той ночью, я знаю. Никогда бы не подумал, что он способен на подобное!.. Очень сожалею о случившемся, мистер Хаммер. Пожалуй, я его расчитаю.

— Как угодно. Если вам нужен крепкий парень, то в качестве телохранителя...

— Мой дом несколько раз взламывали. Я не держу на руках много денег, но у меня ценная коллекция диковинок и редкостей, и не хотелось бы, чтобы ее похитили.

— Где он был в день гибели девушки?

Старый джентльмен понял, о чем я думаю, и медленно покачал головой.

— Боюсь, вам придется отбросить эту мысль, мистер Хаммер. Финней вчера весь день был со мной. Днем мы поехали в Нью-Йорк, где у меня состоялось несколько деловых встреч. Вечером мы были в «Альбино-клубе», откуда отправились в шоу, затем снова в «Альбино-клуб» и домой. Финней не отлучался ни на минуту... Я читал в газетах, что девушка пала жертвой пьяного водителя. Видимо, предыдущая ее встреча с Финнеем — просто совпадение.

Он провел рукой по лицу и медленно поднял взгляд.

— Мистер Хаммер, мог бы я посодействовать... например, позаботиться о погребальной процедуре? У меня есть все, а у нее...

Я остановил его, покачав головой.

— Лучше это сделаю я. Но, в любом случае, спасибо.

— Если вам понадобится какая-нибудь помощь, обращайтесь ко мне, мистер Хаммер.

Вошел дворецкий с подносом. Мы взяли по бокалу бренди, чокнулись и выпили. Это был на редкость хороший бренди. Я поставил бокал на столик. Оставался Масляная голова, он мог знать личность рыжеволосой. И я предпринял последнюю попытку.

— Как вы нашли этого Ласта?

— По рекомендации фирмы, которая однажды воспользовалась его услугами. Какое отношение он мог иметь к покойной?

— Не знаю. Может, просто входил в число ее клиентов. А где он сейчас, мистер Берин?

— Рано утром уехал на кладбище с именной доской для мавзолея. Я велел ему присмотреть, чтобы ее правильно установили. Вряд ли он вернется раньше полудня.

Я поблагодарил его, и мы снова пожали друг другу руки. Из ниоткуда вдруг появился маленький старый дворецкий и подал мою шляпу. Мистер Берин сам открыл мне дверь, и я сбежал по ступенькам к машине. Он все еще стоял на пороге, когда я отъехал.

... Мраморные колонны поднимались вверх на пятнадцать футов и затеняли массивные бронзовые двери, испещренные греческими письменами. В граните был высечен трилистник — эмблема королевской семьи... или доброго американского виски. Чуть ниже — несколько латинских слов, два из них «Берин-Гротин». Очень просто, очень благородно.

Масляная голова отчитывал кого-то из рабочих. Я тихонько подошел сзади, достал из кармана пластмассовую расческу и подбросил к его ногам. Через минуту он повернулся, заметил ее, поднял, повертел в руках, провел по волосам и положил себе в карман.

Лучшего доказательства мне не надо было. Масляная голова — вот кто разгромил комнату рыжеволосой.

Он не замечал меня, пока я не произнес:

— Привет, Финней.

Тогда зубы его оскалились в зловещей гримасе, а уши отодвинулись назад.

— Грязный сукин сын! — прорычал он.

Его оскал перешел в сардоническую усмешку, а тем временем рука как бы случайно скользнула в карман. Он, наверное, думал, что я болван. Так же случайно я расстегнул свой пиджак и прислонился к стене.

— Чего тебе нужно?

— Тебя, Масляная голова.

— Думаешь, меня просто взять?

— Уверен.

Он продолжал ухмыляться.

— Что ты искал в комнате у Рыжей, Финней? — Мне показалось, что сейчас он взорвется от ярости, так он взбесился. Сумасшедший огонек прыгал у него в глазах. — На полу у окна осталась лежать расческа. Та, которую ты только что подобрал.

Он выдернул руку из кармана и шелкнул сверкнувшим лезвием ножа. Я сорвал пиджак и швырнул ему в лицо. На секунду это его ослепило. Нож полетел в сторону.

Финней Ласта взять было непросто. Он прыгнул на меня прежде, чем я успел защититься. Я получил в висок и в челюсть, но вмазал ему правой прямо в нос; потом поймал его ногу, и он со смачным звуком шлепнулся на землю. У меня хватило сил захватить его кисть в замок. Финней лежал лицом вниз и стоял, потому что я вывернул его руку почти к шее.

— Что тебе от нее надо было, Финней? Кто она?

— Клянусь богом, не знаю. Боже... прекрати!

Чуть сильнее нажим на руку, и снова Финней начал говорить. Я едва разбираю слова.

— Проститутка... Я приходил к ней... Как-то раз она у меня украла... я хотел получить обратно...

— Что украла?

— Кое-что на одного парня. Его засняли в номере с девицей. О, боже...

Он потерял сознание. Тут сзади послышались шаги, и рядом возникли двое рабочих. Один из них, с синяком под глазом, сжимал в руках молоток.

— Вы возражаете, ребята?

Парень с подбитым глазом покачал головой.

— Наоборот. Хотели убедиться, что он свое получил. Слишком любит корчить из себя начальника и пускать в ход кулаки. Если бы мы не боялись потерять хорошую работу, давно бы разобрались с ним сами.

Я встал и поправил то, что осталось от моего нового костюма, затем поднял Финнея и перекинул его через плечо. Как раз поблизости была свежевырытая могила, и Финней Ласт полетел вниз. Надеюсь, его найдут прежде, чем опустят гроб...

Когда я выезжал, к машине подошел привратник. Но взглянув на меня, застыл с раскрытым ртом.

— Здесь у вас недружелюбные покойники,— сказал я.

Глава 3

Я въехал в Нью-Йорк в самом разгаре ужасного ливня. Дома сменил одежду и пропустил бутылочку пива, потом перекурил на скорую руку в забегаловке и направился к себе в контору.

Уже темнело, но Вельда была еще там. И Пат. Он с усмешкой взглянул на меня и поприветствовал.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я.

— Есть новости. Мы нашли парня, убившего Рыжую.

Мое сердце бешено заколотилось.

— Кто?

— Один юнец. Был нетрезв, ехал быстро и проскочил на красный свет; он вспоминает, что кого-то сбил, но не остановился, а помчался дальше.— Пат рассмеялся и добавил: — Теперь дело передано другому отделу, и я могу успокоиться... Тебе следовало быть полицейским, Майк. Ты бы нам пригодился.

— Да, боюсь только, что я слишком часто использовал бы дубинку. Послушай, почему ты так убежден в виновности этого парнишки?

— У нас есть его признание. Лаборатория обследует машину, вмятины на бампере и ее одежду, но еще раньше он предупредил, что постарался уничтожить все следы, которые могли остаться. Специалисты полагают: необычная природа повреждения вызвана тем, что Рыжая, получив скользящий удар, сломала шею, упав на край мостовой. Отсюда же ссадины, царапины на щеках и коленях.

— Установили ее личность?

— Пока нет. Над этим работает Бюро розыска. И вообще,

почему ты так стремишься узнать ее имя? В городе тысячи подобных бродяжек, и каждый день с ними что-нибудь случается.

— Черт возьми, я тебе уже объяснял. Мне она понравилась. Не спрашивай, почему — сам не знаю. Но будь я проклят, если не закончу дела!

Я сунул в рот сигарету. Пат подождал, пока я закурю, потом поднялся, подошел ко мне и положил руку мне на плечо.

— Майк, ты все еще думаешь, что она была убита?

— Угу.

— Какие-нибудь, хоть сомнительные, основания?

— Нет.

— Хорошо. Если что-нибудь выяснишь, дашь мне знать?

Я выпустил в потолок струю дыма и кивнул.

— Она сейчас в морге? — Пат наклонил голову. — Я хочу ее видеть.

...Внутри старого кирпичного здания царил холод. Но не тот, что приходит со свежим воздухом прохладным утром, а холод, пахнущий химией и смертью. Пат попросил у служащего список личных вещей покойной, и пока тот искал его, роясь в бумагах, мы молча ждали.

Губная помада, пудра и немного денег, несколько ничего не стоящих безделушек, которые обычно носят в сумочке женщины.

— И это все? — спросил я, возвращая список.

— Все, что у меня есть, мистер, — зевнул служащий. — Хотите на нее взглянуть?

— Да, пожалуйста.

Служащий пошел вдоль стеллажей, касаясь их пальцами. Дойдя до ряда, помеченного табличкой «Личность не установлена», он сверил номер со списком в руке и отпер второй ящик снизу.

Смерть не изменила Рыжую, только убрала напряженность с лица. Ни синяки на шее, ни ссадины от падения не казались фатальными. Люди попадают под колеса подземки и поднимаются на платформу испуганными, но невредимыми; другие врезаются на автомобиле в скалу и спокойно выходят из него. Ее слегка задело — а шея сломана.

— Когда вскрытие, Пат?

— Теперь его не будет. Это не убийство.

Пат не видел моего лица. Я смотрел на ее скрещенные на груди руки и вспоминал, как она держала чашку кофе. У нее было кольцо, а теперь его нет. И царапины на изящном пальце... Нет, оно не украдено: вор взял бы и сумочку.

Пат ошибался. И теперь это не просто догадка.

— Достаточно, Майк?

— Да, я увидел все, что хотел.

Мы с облегчением выбрались на свежий воздух.

— Что с ней будет, Пат?

Он пожал плечами.

— Обычная процедура. Мы держим тело, пока устанавливаем личность, а затем хороним.

— Вы не должны хоронить ее без имени.

— Будь разумен, Майк. Мы сделаем все возможное.

— И я.

Пат искоса взглянул на меня.

— В любом случае, что бы ни случилось, не сжигайте ее. Похороны оплачу я.

— Ладно, Майк, поступай, как считаешь нужным. Формально это уже не мое дело, но черт побери, парень, если я тебя знаю, скоро оно вновь окажется в моих руках. Если появится что-нибудь новое, сразу сообщай.

— Естественно,— сказал я.

Письмо опоздало на два дня. Адрес был взят из телефонной книги, которая не переиздавалась с тех пор, как я переехал. Мои руки дрожали, когда я открывал письмо.

«Дорогой Майк! Какое чудесное утро, какой прекрасный наступает день! Я чувствую себя свежей и обновленной и хочется петь. Не могу начать с благодарности, потому что слова ничтожно малы. Это не дружба, мы ведь не настоящие друзья. Это доверие, а если б ты знал, как важно иметь человека, которому можно доверять. Ты сделал меня счастливой. Твоя Рыжая.»

Я скомкал письмо в кулаке и швырнул в стену.

Обычно они не выходят на улицы до полуночи. Но если вы спешите, то проводят вас прямо к дому и заберут свою долю позже. У них желтые лица, нервно бегающие глаза. Они бренчат мелочью в кармане или гремят цепочкой с ключами и cedят слова уголками рта.

Таким был Кобби Беннет, и тень он отбрасывал только от искусственного света. Я нашел его в грязном кабаке близ Кэ-нэл-стрит за серьезнейшим разговором с парой деток, которым не дашь больше семнадцати. Они походили на старшекласников, впервые вышедших в свет истратить папины денежки.

Я не стал ждать конца разговора. Детки немного побледили, когда я растолкал их, и без слов отошли в сторону.

— Привет, Кобби.

Сводник был больше похож на загнанную в угол ласку, чем на мужчину.

— Чего ты хочешь?

— Не то, что ты продаешь. Между прочим, кем торгуешь в последнее время?

— Попробуй узнай, свинячье рыло.

Я хмыкнул, ухватил пальцами кусочек кожи у него на ноге и закрутил. Когда лицо Кобби посерело, а в уголках рта показалась слюна, я разжал пальцы и заказал ему выпивку.

— Черт побери, за что? — выдавил он. Его прищуренные, почти прикрытые глаза обжигали меня ненавистью. Он потерял ногу и вздрогнул от боли. — Ты же знаешь, чем я занимаюсь.

— Работаешь на посредника?

— Нет, на себя.

— Кто была Рыжая, убитая вчера утром, Кобби?

На этот раз его глаза широко раскрылись; он облизал губы. Кобби был испуган. Он прямо съезжился, пытаясь стать как можно более незаметным. Как будто ему не поздоровится, если его увидят со мной. Это делало его похожим на Коротышку — тот тоже боялся.

— В газетах пишут, что ее сбило машиной. Ты называешь это убийством?

— Я не говорю, что ее сбило. Я говорю, что она была убита.

— А я-то тут при чем?

— Кобби... ты хочешь, чтобы я в самом деле обиделся на тебя? — Я выждал секунду. — Ну!

Он не спешил с ответом. Подняв глаза и встретив мой взгляд, Кобби отвернулся и залпом осушил бокал. Потом произнес:

— Ты грязный сукин сын, Хаммер. Если б не моя трезвая голова, я давно бы тебя выпотрошил. Понятия не имею, кем была эта проклятая рыжая проститутка. Мне иногда приходилось с ней работать, но то ее не было дома, то на нее жаловались, и я ее бросил. Очевидно, мне здорово повезло, потому что как раз после этого прошел слух, что иметь с ней дело опасно.

— Кто пустил слух?

— Откуда мне знать? Об этом говорили все.

— Продолжай.

Кобби постучал по стойке, требуя еще порцию хайбола.

— Слушай, отстань от меня! Может быть, какой-нибудь молодчик, не скупящийся на нож и пулю, решил поддержать ее подольше и отбить разовых клиентов. Может, еще что-нибудь... Знаю только, что с ней было лучше дела не иметь, а в этом бизнесе для меня достаточно одного слова. Почему бы тебе не спросить кого-нибудь другого?

— Кого? Кого еще здесь спросить? Ты очень правильно понял, что меня интересует. Мне нравится, как ты заговорил. Нравится настолько, что, пожалуй, пусть все узнают, что мы с тобой закадычные дружки. Зачем мне спрашивать кого-то еще, если есть ты...

Его лицо стало неестественно белым. Он потянулся за бокалом и чуть не пролил спиртное.

— Как-то она сказала, что работает в доме...

Кобби проглотил хайбол и, вытерев рот, пробормотал адрес. Я и не подумал благодарить его. С моей стороны было одолжением молча заплатить за выпивку и уйти.

В Нью-Йорке тоже есть трущобы, и я забрался в самую клоаку. Улица с односторонним движением, упирающаяся в реку, гнезда крыс, двуногих и обычных, салуны на каждом углу...

Я смотрел на номера и вскоре нашел нужный, но это был только номер, потому что дома, собственно, не осталось. Как рот прокаженного, черным провалом зиял дверной проем, обгоревшие окна были мертвы.

Приехали! Я выругался и выключил мотор.

Ко мне подошел мальчик лет десяти и по собственной инициативе объяснил:

— Недели две назад кто-то выкинул из окна спичку на кучу мусора. Большинство девиц погибло.

Эти современные детишки слишком много знают для своих лет...

Я зашел в ближайший бар, так сжав кулаки, что ногти вонзились в ладони. Ну вот, думал я, ну вот! Неужели ни за что не ухватиться?

Бармен ничего не спрашивал. Просто сунул стакан и бутылку мне под нос и отсчитал сдачу с моего доллара.

— Еще?

Я покачал головой.

— На этот раз пива. Где у вас телефон?

— Вон в углу.

Я подошел к аппарату, опустил никелевую монетку и позвонил Пату домой. Мне повезло, потому что он ответил.

— Это я, приятель. Сделай одолжение — в одном из публичных домов был пожар, и меня интересует, проведено ли расследование и каковы его результаты. Можно узнать?

— Наверное, Майк. Адрес?

Я продиктовал адрес, и Пат его повторил.

— Когда выясню, я тебе позвоню. Дай мне твой номер там.

Я повесил трубку, сходил за своим пивом и вернулся к телефону, потягивая эту бурду и ожидая звонка. Он раздался через минуту.

— Майк?

— Да.

— Пожар произошел двадцать дней назад. Было проведено тщательное расследование. Огонь возник случайно, а парень, кинувший спичку в окно, все еще в больнице, выздоравливает. Он единственный, кто остался в живых. Пламя заблокировало парадную дверь, а черный ход был завален мусором, и выбраться было невозможно. Три девушки погибли на крыше, две в комнатах и две разбились насмерть, выпрыгнув из окна.

Прежде чем я успел промолвить слова благодарности, Пат продолжил:

— Выкладывай, что знаешь, Майк. Ты же не из любопытства приехал туда... Услуга за услугу.

— Ладно, проникательный, — рассмеялся я. — По-прежнему

пытаюсь разузнать, кто была Рыжая. Мне сообщили, что раньше она тут работала, и вот я здесь.

На этот раз рассмеялся Пат.

— И это все? Спросил бы меня!

Я застыл у телефона.

— Ее имя Сэнфорд. Нэнси Сэнфорд.

— Кто сказал? — выдавил я.

— У нас много людей, Майк. Это узнали двое патрульных.

— Может, тебе известен и убийца?

— Конечно. Тот самый парень. Лаборатория наконец нашла следы краски на ее одежде и кусочки материи на машине. Все очень просто.

— Да?

— Кроме того, у нас есть свидетель. Дворник подметал тротуар и видел, как она тащилась, мертвецки пьяная. Она свалилась, поднялась, шатаясь, прошла еще немного... Потом ее обнаружили неподалеку на обочине, куда ее отбросило машиной.

— Вы нашли родных... кого-нибудь, кто ее знал?

— Нет. Она хорошо потрудились, уничтожая все следы своего прошлого.

— Итак, теперь обычная процедура. Сосновый ящик... И все.

— А что еще, Майк? За исключением суда над парнем, дело кончено.

— Помоги мне, Пат! — зарычал я. — Если ты опустишь ее в гроб прежде, чем я буду готов, я вышибу из тебя дух, будь ты трижды полицейским!

Пат сказал спокойно:

— Мы не спешим, Майк. Время у тебя есть.

Я мягко положил трубку и встал, снова и снова повторяя ее имя. Должно быть, я произнес его слишком громко, потому что на меня вопросительно взглянула стройная брюнетка за угловым столиком. Настоящая красавица, вовсе не подходящая для этой части города. На ней было черное сатиновое платье с вырезом, спускающимся до пряжки пояса. Ярко накрашенные губы разошлись в улыбке, и она произнесла:

— Нэнси, всегда Нэнси. Все ищут Нэнси. Почему бы им не обратить внимание на малютку Лоту?

— Кто искал Нэнси?

— О, ну просто все.

Она попыталась подпереть подбородок рукой, но локоть соскользнул со стола.

— Думаю, они ее нашли, потому что больше ее здесь не видно. Нэнси мертва. Ты знаешь, что Нэнси мертва? Я ее любила, но она мертва. Может, и Лола сгодится, мистер? Лола милая и живая. Тебе очень понравится Лола, когда ты узнаешь ее ближе.

Черт! Она мне уже нравилась!

Глава 4

Когда я подсел к блонетке, бармен и трое пьянчужек у стойки обернулись. Пьянчужки не в счет, они сидели слишком далеко. Я воспользовался сочетанием злобещей улыбки и твердого взгляда, и бармен занялся своим делом. Однако он оставался у конца стойки, где мог услышать слишком громко сказанную фразу. Лола закинула ногу на ногу и наклонилась вперед. Широкополая шляпка качнулась у моих глаз.

— Ты приятный парень. Как тебя звать?

— Майк.

— Просто Майк?

— Этого достаточно. Хочешь покататься и немного протрезветь?

— Умм... У тебя есть блестящий красивый автомобиль для Лолы? Я люблю мужчин с дорогими машинами.

— У меня только одна дорогая вещь. И это не автомобиль.

— Ты говоришь пошлости, Майк...

— Ну так как?

— Идет.

Она поднялась, и я провел ее к выходу, поддерживая за руку и не спуская с нее глаз. Высокая, стройная и красивая. Но рот ее привык произносить вполне определенные слова. Она предназначалась для дешевой распродажи.

Моя старушка разочаровала ее ожидания, но выбирать не приходилось. Лола откинулась на спинку, подставив лицо ветру; ее глаза закрылись.

У меня не было цели... Я просто ехал, бездумно следуя за грузовиком, водитель которого явно никуда не торопился, потому что не нарушал правил и аккуратно тормозил на красный свет. Огни города скрылись позади, свежий воздух, идущий с океана, оставлял на губах солоноватый привкус. Грузовик повернул налево. Я же поехал по извилистой макадамовой дороге туда, откуда дул бриз.

Мы стояли уже час. Лола спала. Тихо работало радио, разливалась музыка, и все было бы прекрасно, если бы меня сюда привело не убийство.

Сонно разлепив веки, Лола пробормотала:

— Привет.

— Салют, детка.

— Где Лола на этот раз?

— На побережье.

— А с кем?

— С парнем по имени Майк... Мы познакомились в городе, в баре. Помнишь?

— Нет, но я рада, что ты здесь со мной.

Она смотрела на меня без сожаления, без замешательства, просто с любопытством.

— Который час?

— Полночь, — ответил я. — Прогуляемся?

— Давай. Можно мне снять туфли и идти по песку босиком?

— Можешь снять все, если хочешь.

Лола взяла меня под руку. Она прижала мою руку к себе так крепко, будто за меня стоило держаться, и я вспомнил слова Рыжей о том, что парням вроде меня никогда не приходится платить...

Она сняла туфли и шла босиком, сбивая ногами песчаные холмики. Дойдя до кромки воды, я тоже скинул ботинки. Мы брели так по берегу, пока не осталось ничего, кроме песка, и даже дома виднелись далеко-далеко позади.

— Мне здесь нравится, Майк, — сказала Лола. Я обнял ее за талию, и мы сели на песок между высокими дюнами. Я протянул ей сигарету и в свете пламени заметил, что лицо Лолы изменилось.

— Холодно?

— Немного прохладно.

Я не предлагал — просто набросил на нее свой плащ и откинулся назад на локти, а она обхватила руками колени и глядела в океан. В последний раз глубоко затянувшись сигаретой, она повернулась и произнесла:

— Зачем ты меня сюда привез, Майк?

— Поговорить.

Лола легла на песок.

— Кажется, понимаю. О Нэнси?

Я кивнул.

— Кто убил ее?

Лола долго молча изучала мое лицо.

— Ты полицейский, да?

— Частный детектив. Но меня никто не нанимал.

— Думаешь, ее убили?

— Лола, я не знаю, что думать. Но мне не нравится, как она умерла.

— Майк... Я тоже считаю, что ее убили.

Я чуть не подскочил.

— Почему?

— Причин много. Если это несчастный случай, значит он произошел как раз перед тем, как должно было произойти убийство.

Я повернулся, и моя ладонь опустилась на ее руку. Матово-лунная белизна треугольного выреза мешала сосредоточиться. Я мог думать лишь о том, какой лифчик находится под таким платьем. Инженерное чудо, не иначе.

— Откуда ты ее знала, Лола?

Ответ был достаточно прост.

— Мы работали вместе в том доме.

— Я думал, все девушки погибли в огне.

— Меня тогда там не было. Я... лежала в больнице. До сегодняшнего дня. — Она уставилась в песок и вывела на нем две буквы: «В.З.» — Вот почему я попала в больницу. Вот почему я работала в доме терпимости, а не развлекалась в компании ребят с тугими кошельками. Все это было у меня когда-то, и все это я потеряла. Я ведь не очень хорошая, а, Майк?

— Нет, — ответил я. — Нет. Так зарабатывать себе на жизнь нельзя. Ты не должна была идти на это, и Нэнси тоже. Для таких вещей нет оправдания.

— Иногда есть. — Она провела пальцами по моим волосам и накрыла своей рукой мою ладонь. — Может, потому мы с Нэнси и подружились, что у нас были какие-то оправдания. Я любила, Майк, страстно любила человека, который оказался подлецом. Я могла выбрать любого, кого захочу, но вот влюбилась в него. Мы собирались пожениться, когда он... Потом я имела все, но не любила. Жизнь стала слишком легкой. Вскоре меня свели с верными людьми. После этого встречи назначались просто по телефону. Вот почему нас называли «девушки по вызову». Сосунки платили щедро, получали, что хотели, и были в безопасности. Но однажды я напилась и стала болтать. Меня вычеркнули из списков; оставалось лишь идти на панель. Однако есть люди, ищущие именно таких — оказавшихся за бортом. Так я стала работать в том доме и познакомилась с Нэнси. У нее тоже были причины — не такие, как у меня, но были, и это ставило нас выше других. Потом я заболела и попала в больницу. Нэнси убили, а дом сгорел. Нет Нэнси, нет моего единственного друга. Я пошла к Барни и напилась.

— И профессионально пыталась подцепить меня.

— Привычка. Привычка плюс опьянение. Ты меня простишь, Майк?

Когда я смотрел на этот вырез, то был готов простить все. Но сперва надо было кое-что выяснить.

— Нэнси... Как она оказалась там?

— Нэнси тоже из «девушек по вызову», только раньше скатилась.

— Попала в больницу?

Лола нахмурилась.

— Нет, она была очень осторожна. Сперва буквально купалась в деньгах, потом внезапно исчезла из виду и выпала из системы... Нэнси всегда опасалась незнакомых людей, будто искала, где спрятаться.

— Спрятаться от чего?

— Не знаю. О таком не спрашивают.

— У нее было что-нибудь ценное?

— Разве что камера. Одно время она снимала парочки на улицах и продавала им фотографии.

Я закурил и дал затянуться ей.

— Как твоя фамилия, Лола?

— Это имеет значение?

— Возможно.

— Берген, Лола Берген. Я родом из Байвиля, маленького городка на Миссисипи. Мои родители думают, что я известная нью-йоркская манекенщица, и маленькая сестричка мечтает стать, когда подрастет, такой же. Если она это сделает, я вышибу ей мозги... Майк, ты любил Нэнси?

— Нет. Она была моим другом. Я видел ее всего один раз и говорил с ней несколько минут. Потом какая-то сволочь убила ее.

— Прости.. Как бы я хотела, чтобы ты полюбил меня... Ты бы смог?

Ее голова приютилась на моем плече, и Лола стала водить моей рукой по своей груди до тех пор, пока я не понял, что там не было никакого инженерного чуда, а было лишь чудо природы. Примечательная пряжка на ремне оказалась ключом ко всему ансамблю, и вскоре все потеряло значение. Остались только шелест волн, только наше дыхание, только тепло кожи...

Рыжая была права.

В час пятнадцать меня разбудил назойливый звонок телефона. Откинув покрывало, я поплелся к столу, сгоняя сон с глаз, и буркнул в трубку «алле».

Это была Вельда.

— Где ты околачивался, черт побери?! Я звоню тебе все утро.

— Нигде не околачивался. Спал дома.

— А что ты делал ночью?

— Работал. Чего тебе надо?

— Утром звонил джентльмен, очень милый. Его имя Артур Берин-Гротин. Я назначила вам встречу на полтретьего в конторе. Надеюсь, ты приедешь?

— Хорошо, детка, буду.

Минут десять я плескался в душе, потом перекусил и стал одеваться. Костюм был весь помят, из складок сыпался песок; картину дополняли следы губной помады на плечах и воротнике. Пришлось его отправить за шкаф. Оставались твидовые брюки; сверху я набросил куртку и надел под нее плечевую кобур с револьвером. Потом взглянул на себя в зеркало и хмыкнул — прямо-таки тип из детективного фильма.

Мистер Берин-Гротин прибыл ровно в два тридцать. Когда он отворил дверь, я встал и пошел ему навстречу.

— Рад видеть вас, мистер Берин. Проходите, садитесь.

— Молодой человек, — начал он, опустившись в кожаное кресло у стола. — С тех пор, как вы меня посетили, я все чаще и чаще возвращался к мысли о бедственном положении той девушки. Той, что была найдена мертвой.

— Рыжая.. Ее имя Нэнси Сэнфорд.

Его брови поднялись.

— Вы так быстро выяснили?..

— Нет, это поработала полиция. Я же раскопал только кучу мусора, не имеющую никакого значения.

— А нашли ее родителей? Кого-нибудь, кто позаботится о теле?

— Полиция тоже не всесильна. В городе тысячи подобных девушек. Десять против одного, что она, из другого штата и дома давно забыта. Я единственный, кто стремится вернуть ей прошлое. Возможно, мне придется пожалеть об этом.

— Именно потому я и пришел к вам, мистер Хаммер.

— Майк... ненавижу формальности.

— Хорошо, Майк. В общем, когда вы уехали, я думал и думал — о той девушке. Я навел осторожные справки через друзей в газетах, и мне сообщили, что она была просто... э... гулящая. Позор, что такие явления сохраняются в наши дни! Мне кажется, мы все в некоторой мере виновны в этом. Ваша глубокая убежденность передалась мне, и я решил хоть немного помочь. Я ведь постоянно занимаюсь благотворительностью, но это что-то абстрактное, а тут представляется возможность...

— Я же сказал — о похоронах позабочусь сам.

— Вы неправильно меня поняли. Любое расследование нужно финансировать. Я буду очень признателен, если вы позволите дать вам средства установить родственников девушки. Этого я не ожидал.

— Ваше предложение многое упрощает.

Мистер Берин достал из кармана пиджака бумажник.

— Какие у вас ставки, Майк?

— Пятдесят в день. Без дополнительной оплаты расходов.

Он положил на стол пачку хрустящих новеньких банкнот. Наверху красовалась чудесная пятидесятка.

— Здесь тысяча долларов. Пожалуйста, оставьте эти деньги себе. Если все выяснится быстро, отлично. Если не установите ее прошлое в течение двадцати дней, наверное, это безнадежное занятие и не стоит вашего времени. Устраивает?

— Я краду ваши деньги, мистер Берин.

Его лицо осветилось теплой улыбкой, и озабоченность исчезла из глаз.

— Я придерживаюсь иного мнения, мистер Хаммер. Я навел справки и о вас и знаю, на что вы способны. Поступайте, как считаете необходимым. Если через некоторое время появится нужда в деньгах, вы ведь сообщите мне?

— Обязательно.

— Вот я готовлю себе уход из этой жизни, воздвигая памятник, разбрасывая тысячи, а эта девушка умирает так, будто никогда и не жила... Понимаете, я знаю, что такое одиночество; у моих умерших близких нет даже могильной плиты... Моя же-

на была страстной спортсменкой. Она любила море, любила слишком сильно. Во время одного из плаваний на яхте, на которой вообще нельзя было выходить из спокойных вод, ее смыло за борт. Мой единственный сын погиб на войне. Его дочь была самым дорогим мне существом. Как и моя жена, она тоже обожала море. И оно забрало ее к себе в шторм на Багамах. Теперь, может быть, вам понятно, почему я построил себе такой мемориал... Потому что над прахом моих родных нет даже камня, за исключением, возможно, креста над могилой сына где-то во Франции. И я не хочу, чтобы были люди, разделяющие мою ношу, люди, у которых не осталось никого, совсем никого. Я рад, что есть вы, Майк, и подобные вам. Моя вера в доброту человека была крайне слаба. Думалось мне, что людей волнуют только деньги. Теперь я вижу, что ошибался.

Я кивнул, выпустив в потолок струю дыма.

— Деньги значат немало, мистер Берин, но иногда на душе становится так тяжело, что деньги просто забываются...

Мой клиент встал и отвесил мне старомодный поклон.

— Если натолкнетесь на что-нибудь интересное, звоните. А вообще меня больше интересуют результаты, а не сам процесс.

— Ясно. Да, между прочим, Финней Ласт все еще с вами? Его глаза сверкнули, лицо скривилось в усмешке.

— К счастью, нет. Он просто-напросто испугался — сбежал. До свиданья, Майк.

Я проводил его до двери, и мы пожали друг другу руки. Мистер Берин поклонился Вельде и вышел. Она подождала, пока закрылась дверь, и заметила:

— Очень милый старичок. Он мне нравится.

— Мне тоже, крошка. В наше время таких больше не делают.

— И он принес деньги. Мы снова в деле?

— Ага.

Я взглянул на селектор. Тумблер был наверху, и Вельда слышала весь наш разговор. Я рассерженно нахмурился, как подобает настоящему начальнику, но ее это ни капли не смутило. Тогда я сел на стол и потянулся за телефоном. Трубку взял Пат.

— Предлагаю выпить кофе. Надо поговорить.

— О чем?

— О том, что должна знать полиция, и не должна знать широкая публика. Или лучше мне все выяснять самому?

— Предпочитаю, чтобы ты был моим должником. Встретимся у Муни. Идет?

— Отлично, — сказал я и повесил трубку.

Пат уже сидел за столиком и потягивал кофе. Я выдвинул стул и сел рядом. У меня не было лишнего времени; как только официант принес мне кофе и пирожные, я перешел к делу.

— Как у нас с системой «девушки по вызову»?

Чашка остановилась на полпути к его рту.

— Черт поberi, вот так вопросик...

— Пат, есть вещи, которые происходят независимо от нетерпимости граждан и силы полиции.

— Так, уже лучше... — усмехнулся он. — Мне, собственно, нечего тебе сказать. Мы редко получаем жалобы, потому что вряд ли неудовлетворенный клиент побежит жаловаться. Полиции известно о существующем положении, и она делает, что может. Но не забывай о политике: на нас давят. Кроме того, очень трудно что-либо доказать. Верхушка непосредственно не содержит домов, для этого есть посредники. А неугодных устраняют. В течение года у нас зарегистрировано несколько смертей, связанных с этим.

— И как вы их квалифицировали?

— Как самоубийства, в основном. Кроме случая Росса Боуэна. Ты слышал... Его нашли продырявленным как решето. Да, Росс был убит, но остальные случаи признаны самоубийствами.

— А ты как считаешь?

— Убийства, Майк, не о чем говорить. Дела еще открыты, и когда-нибудь мы прищучим их... Не только наемников, выполняющих грязную работу, но и тех, кто управляет организацией. Тех, кто заманивает в свои сети невинных и бросает их в грязь и мерзость, а сам ведет красивую порядочную жизнь и считает деньги. Тех, кто может убить и безнаказанно смеяться, слушая, как газеты называют это самоубийством!

Лицо Пата пылало ненавистью. Я перехватил его взгляд.

— Самоубийством... или несчастным случаем?

— Да, и несчастным случаем. Они издеваются...

Гнев исчез, и лицо снова стало дружеским, но что-то новое появилось в его глазах.

— Ты негодай, Майк. Здорово меня поймал.

— Разве?

Я пытался выглядеть невинным, но это не сработало.

— Что тебе надо?

Я с удовольствием доел пирожное и закурил.

— Ничего мне не надо. Просто ты сам дошел до верной мысли. Я с самого начала утверждал, что Рыжую убили.

Пат сжал кулаки и процедил сквозь зубы:

— Черт бы тебя побрал, Майк, она погибла случайно, я уверен. Могут ошибаться люди, но не криминалистическая лаборатория!

Забавно было наблюдать, как он бьется головой об стену. Его глаза метали молнии.

— Вначале я еще сомневался, допускал, что в чем-то, воз-

можно, ты и прав. Но теперь, я точно знаю, что произошло. Заметь, я говорю не «думаю»... я говорю «знаю»!

— Но... — попытался вставить я.

— Но ты... ты ставишь все вверх ногами, и мне кажется, что я ошибаюсь, даже когда я убежден в своей правоте! Господи, чтоб ты сдох!

Давно я не видел Пата в таком состоянии. Через минуту он закурил из протянутой мной пачки «Лакиз», и я тихо произнес:

— Никто не спорит, твоя контора делает большое дело: вы тянете за кончик нити, распутываете клубок, и негодяй платит обществу за преступление. Все это так, Пат. Но вы забываете о случайности. Ты так восхищен своим неоспоримым доказательством, что за ним ничего не видишь. Почему убийство не может быть похоже на несчастный случай?

— Ее сбила автомашина, Майк. Водитель признался, лаборатория обнаружила следы. У нас есть свидетели, наблюдавшие, как она, мертвецки пьяная, тащилась по улице незадолго до происшествия. Сбивший ее парень — обыватель, без всяких связей с преступным миром. Мы проверили.

Я кивнул.

— И все равно тебя разбирают сомнения. Так?

Он пробормотал что-то неразборчивое.

— Ты заставляешь меня отвергать все, чему меня учили. И знаешь, почему я сомневаюсь?

— Да, но скажи мне еще раз, Пат.

Он перегнулся через стол и прошипел:

— Потому что здесь... — он постучал по голове, — у тебя кое-что есть. У тебя есть мозги, нюх, хватка и то, чего не достает мне — интуиция.

— Ладно, брось самобичевание. Лучше скажи, кто стоит за всей этой организацией?

— Хотел бы я знать. Мне известны имена только нескольких ребят, которые подозреваются в участии в деле.

— Сойдет.

— Ну нет. Сперва послушаем, что скажешь ты. Давай, Майк, колись.

Это могло занять много времени, и я заказал еще кофе для нас обоих, а потом рассказал Пату все с начала и до конца — кроме некоторых совсем уж интимных деталей.

Когда я закончил, он откинулся на спинку стула и закурил.

— Прелестная коллекция событий, Майк. Теперь думай. Начинай с Рыжей.

— Я задаю себе вопрос: почему ее убили? Выходит, для кого-то она представляла опасность. Однако чем могла угрожать девушка в ее положении? Компрометирующими документами? Не верится, что она могла пойти на это... Пат, я потерял голову, и кто-то ответит мне за ее смерть.

— Найди мотив и найдешь убийцу, — сказал Пат. — А как Финней Ласт?

— Как раз он-то способен на шантаж. По его словам, Рыжая украла какие-то материалы, и, так как она все же была той, кем была, от этого нельзя отмахнуться. Но все может быть и наоборот.

— Он мог убить ее?

— Конечно, но без всяких затей. Финней не артист. Он любит ножи и револьверы. Нет, это не его рук дело, иначе Рыжая умерла бы быстро и просто.

Пат затянулся.

— Твой клиент, Майк?

— Берин-Гротин? Исключено! Черт, да он и мизинцем не оказался бы замешанным в этой истории, если бы не газеты. Это человек другого поколения, Пат. Деньги, положение, манеры... все, что можно ожидать у джентльмена старой школы. Он чрезвычайно гордится своим именем... не дай бог, от облачка падет тень. Берин-Гротин не глуп. Нуждаясь в защите, он нанял себе Финнея, но поспешил избавиться от него, как только тот вляпался в дерьмо.

— Ты говоришь, Кобби Бенет и тот, в баре, были чем-то напуганы. Подумай об этом.

— И здесь тупик, Пат. Коротышка — мелкий жулик. Кобби — в таком деле, где всего надо опасаться. Обоих напугать очень легко. Вот почему я не придаю особого значения их страху.

Пат хмыкнул. Я чувствовал, как он размышляет, отыскивая ответ, гасует события, сопоставляет факты и возможности.

— Ребята, которых я знаю, мелкие сошки. У меня есть кое-какие предложения, но с тобой ими пока не поделюсь, потому что ты осатанеешь и впутаешь меня в какую-нибудь историю. — Он усталился в пепельницу. — Послушай, Майк, чего ты хочешь?

— У тебя есть люди. Пусть они поработают, узнают подробности. Действуй, как будто это убийство, и что-нибудь выяснится. Подробности, вот что нам нужно.

— Ладно, Майк. Но сотрудничество должно быть взаимным. И раз я пускаю людей, чего ждать с твоей стороны?

— Черт побери! — воскликнул я. — Сегодня вечером у меня встреча с Лолой. Может быть, у нее найдется подружка.

Глава 5

Приятно было возвращаться к Лоле. Она открыла дверь прежде, чем я дотронулся до звонка, и стояла с радостной улыбкой глядя на меня, будто я действительно что-то из себя представлял. Она была снова в черном, но без декольте.

Ее голос звучал мягко, как мурлыканье кошки.

— Привет, Майк. Ты не войдешь?

— Только попробуй не впустить!

Я прошел через коридор в маленькую комнату, украшенную безделушками, которые так любят собирать одинокие женщины. Занавеси были накрахмалены, а от свежей краски еще пахло скипидаром. Усевшись в кресло, я поинтересовался:

— Недавно переехала?

Она кивнула и, устроившись напротив, стала смешивать два хайбола из миниатюрного бара.

— Совсем недавно, Майк. Я не могла оставаться в старой квартире. Слишком много неприятных воспоминаний. У меня для тебя сюрприз.

— Да? Какой?

— Я снова манекенщица. В универсальном магазине, за скромную плату, но работа мне нравится.

В самом ее облике, как и в квартире, чувствовалось что-то новое. Забылось то, кем она была, и осталось только будущее.

— Твои бывшие... связи, Лола. Как с ними?

— Никаких привидений, Майк. Все в прошлом. Люди, которых я знала, никогда не станут искать меня здесь, и один шанс из миллиона, что где-нибудь встретятся со мной случайно. Ну, а если и встретятся...

Я закурил «Лакиз», бросил пачку на кофейный столик и смотрел, как она ногтем выбирает сигарету. После первой затяжки Лола подняла глаза и заметила, что я за ней наблюдаю.

— Майк, — произнесла она, — прошлой ночью тебе было хорошо?

— Прекрасно.

— Но ведь сегодня ты пришел... не только за этим?

Я медленно покачал головой.

— Спасибо, приятель, — подмигнула она мне. — А теперь выкладывай, зачем явился.

Я подцепил носком оттоманку и подтянул ее к себе под ноги. Устроившись удобнее, с удовлетворением затянулся и выдохнул струю дыма.

— Нэнси убили. Почему? Если я отвечу на этот вопрос, то найду и убийцу. Она была в древнейшем рэжете в мире. Это денежный рэкет; это политический рэкет. У девушек в нем вырабатывается интересное отношение к жизни — никто не может задеть их, зато они запросто могут кое-кому навредить... если захотят. Я говорю о шантаже. Нэнси не могла им заниматься?

Руки Лолы так дрожали, что она должна была поставить бокал. В ее глазах заблестели слезы.

— Это грубо, Майк.

— Я не о тебе, детка.

— Знаю. Просто мне больно. Нет, не думаю, что Нэнси способна на такое. Она могла быть... мм... нехорошей, но бесчестной ее никто не мог бы назвать. Готова поклясться. В других обстоятельствах Нэнси была бы достойной женщиной. Что-то

подтолкнуло ее на тот путь, по которому она пошла. Не знаю, что. Это способ быстро разбогатеть, если у тебя нет моральных устоев.

— Предположим, что причина — деньги. Зачем они ей?

— Не представляю. Мы не делились секретами, просто что-то нас объединяло.

Этот круг начал мне надоедать.

— Ладно, давай вернемся к системе «девушек по вызову». Кто ей заправляет?

Впервые лицо Лола побелело. Она смотрела на меня со страхом в глазах, плотно сжав губы.

— Нет, Майк! — Ее голос был едва слышен. — Держись от этого подальше, прошу тебя.

— Чего ты боишься, милая?

Только мой тон несколько ее успокоил.

— Не заставляй меня рассказывать о том, что я не хочу вспоминать!

— Но ты ведь не этого боишься, Лола. Ты боишься людей... каких? Почему ты страшишься даже думать о них!

Я наклонился вперед, напряженный, возбужденный, пытаюсь извлечь что-нибудь полезное из каждого произнесенного ею слова. Лола сперва колебалась, недоверчиво оглядываясь, будто нас кто-нибудь мог слышать.

— Майк... они злобны и отвратительны. И действуют без урызений совести. Сломать чужую жизнь им так же легко, как тебе потратить доллар. Если станет известно, что я проговори-лась, меня убьют. Да, убьют. Для них это не впервой!

Можно было подумать, что со мной разговаривает Пат. Испуг ушел с ее лица, в глазах засверкал гнев, но в голосе еще слышалась дрожь.

— Деньги — вот все, что им надо, и они их получают. Тысячи... миллионы... кто знает. Это не просто дома... это больше. Маленькая сплоченная группа так все организовала, что никто не смеет шелохнуться, а с человеком, пытающимся вести свою игру, что-нибудь происходит. Майк, я не хочу, чтобы со мной что-нибудь произошло!

Я поднялся, присел к ней на подлокотник кресла и ласково погладил ее по волосам.

— Не бойся, детка, ничего с тобой не случится. Продолжай...

Лола закрыла лицо руками и бессознательно стала всхлипывать; я ждал. Через пять минут она выплакалась, но все еще дрожала и затравленным взглядом смотрела на свои ладони, расцарапанные ногтями до крови. Я зажег сигарету и протянул ей. Лола с благодарностью затянулась и облегченно выпустила дым.

Затем перевела глаза на меня и произнесла:

— Если они узнают, что я что-нибудь тебе сказала, что я сболтнула лишнее, меня убьют, Майк. Они не могут допустить,

чтобы у нас развязывались языки. Они не могут допустить, чтобы публика хоть что-то заподозрила. Я боюсь! И ты здесь бессилен... Система будет существовать вечно, пока есть люди. Я не хочу умирать!

Я терял над собой контроль и поэтому слова подбирал очень осторожно.

— Детка, — сказал я ей, — ты меня не знаешь. Ты не знаешь — зато многие знают. Они могут до смерти перепугать достопочтенных обывателей, но поджигают хвосты, видя поблизости меня. Им отлично известно: я не стану с ними церемониться. У меня есть оружие, и мне приходилось пускать его в ход, причем довольно часто. На это у меня имеется разрешение, которого нет у них. И если кто-нибудь будет убит, я дам объяснение в суде. Возможно, мне придется несладко, и я вылеку из дела, но если они нажмут на курок, то сядут на горячее сиденье. Мне нравится стрелять в этих мерзавцев, я делаю это при каждой возможности, и они знают об этом. И не волнуйся, ничего с тобой не случится. Если они и догадаются, откуда исходит информация, то поймут, что я собираюсь играть грубо, что при первом же их шаге они получают пулю в лоб или в грудь. Я не спортсмен и не забочусь, куда стреляю. Я играю в их игру, действуя их же способами, только еще более жестко.

Лола повернулась и поцеловала мою руку, лежащую у нее на плече. Затравленное выражение исчезло из ее глаз. Она была готова к разговору.

— Неизвестно, кто руководит всей организацией. Может быть, один человек, а может, целая группа. Ты не представляешь, какие лица в это вовлечены. Я знаю некоторых девушек с потрясающим положением, а раньше они были ничем не лучше меня. Просто вовремя выбрались — сделали верные знакомства между «заданиями» и вышли замуж.

Видишь ли, система «вызовов» высоко специализирована. Отбираются девушки только высшего качества — красивые, хорошо образованные. Их клиенты — богатейшие люди. Обычно «задание» означает уикэнд на какой-нибудь вилле или круиз на роскошной яхте. Бывают, конечно, и менее заманчивые вызовы, но всегда очень прибыльные: например, кто-нибудь желает привлечь партнера по бизнесу.

За девушкой долго наблюдают, прежде чем пригласить в систему. Все начинается с того, что ее видят в городе со слишком многими мужчинами. В процессе своих передвижений она сталкивается с девушками, уже участвующими в деле; те, кажется, получают все, что угодно, без всяких заметных усилий. Знакомства продолжают и ширятся, девушке делаются намеки, и вскоре она начинает думать: зачем бесплатно, когда можно и за деньги?

Ее представляют нужным людям, снимают для нее хорошую квартиру и записывают в книгу как определенный тип жен-

щин — вносят в списки. Когда клиент интересуется таким типом, ее вызывают. Из денег, выплаченных за услуги, должная часть поступает на ее банковский счет.

О, все это очень приятно и просто, чудесная сделка. За время службы девушка часто получает даже солидные премии. Ее ничего не связывает. Если посчастливится найти мужа, она совершенно свободна и может выйти из игры. Девушка не будет болтать, потому что не в ее интересах, чтобы всплыли ее прежние связи и знакомства, а организация не будет удерживать ее насильно, потому что нет ничего опаснее истеричек.

Но случается, что одна из девушек становится опасной. В ней может пробудиться совесть, или она напьется и развяжет язык, или в ней проснется чрезмерная жадность и стремление сорвать еще больший куш. Она может попытаться угрожать разоблачением. Тогда организация вынуждена позаботиться о себе. Девушка исчезает... или просто происходит несчастный случай. Это урок для нас, урок, как себя вести.

Когда я потеряла осторожность и заразилась, меня лишили места в системе. Меня вышвырнули. Я внезапно оказалась без дохода, с дорогой квартирой на руках. И с тех пор стала опускаться. Мне было стыдно идти к врачу и, не зная, что делать, я начала пить. Меня подхватили другие люди, «классом ниже», которых не беспокоила моя болезнь. Мне предоставили комнату в доме, и я опять оказалась в деле. В конечном итоге — больница. Когда я вышла оттуда, дом сгорел, Нэнси убили, и появился ты.

Она откинулась в кресле и в изнеможении закрыла глаза.

— Теперь имена, Лола, — сказал я.

Почти не открывая глаз, она проговорила шепотом:

— Мюррей Кандид. Он владеет несколькими ночными клубами, но всегда находится в «Зеро-Зеро». Это посредник. Кандид составляет все встречи, но не он главный. Город разбит на секции, и он руководит секцией моего района. Это очень опасный человек.

— Я тоже не безобиден.

— Что ты теперь собираешься делать?

— Не знаю, крошка. Я не могу обвинить его без доказательств, даже если уверен в своей правоте. Закон на стороне подозреваемого. Мне нужны факты... Как его уличить?

— Есть книги, Майк... если их найти. Они бы предпочитали обходиться без книг, но не могут, потому что не доверяют друг другу.

Я встал, налил себе и выпил.

— Ну, Лола, спасибо. Теперь я представляю, с чего начать. И можешь не тревожиться — ты тут ни при чем. Живи спокойно, а я время от времени буду тебя навещать.

Лола медленно встала с кресла и обвила руку вокруг моей талии. Она положила голову мне на плечо и задышала в шею.

— Будь осторожен, Майк. Пожалуйста, будь осторожен. Я поднял ее подбородок и улыбнулся.

— Я всегда осторожен, сладость моя. Не волнуйся.

— Ничего не могу с собой сделать. Майк, я без ума от тебя. —

Прежде чем я заговорил, она опустила палец на мои губы. — Молчи! Я не набиваюсь — только позволь мне любить тебя. Без обязательств, мистер Хаммер, просто знай: рядом кто-то, кому ты очень нужен, к кому можешь прийти в любой момент. Ты чудесный парень, Майк. Если бы у меня хватило ума вести нормальную жизнь, никуда бы ты от меня не ушел.

На этот раз я не дал ей говорить. Горьчее тело трепетало в моих руках. Я прижимал Лолу к себе, чувствуя, как дрожь возбуждения пробегает по ее спине. Сочные губы раскрылись полыхающим пламенем, и кем бы она ни была, все забылось.

Мне пришлось оттолкнуть ее. Мы остановились, судорожно дыша, и мой голос мне не повиновался. Наконец я выдавил:

— Сохрани это для меня, Лола. Только для меня.

— Только для тебя, Майк, — повторила она!

Она стояла посреди комнаты, высокая и красивая, со страстно вздымающейся грудью, когда я вышел за дверь.

Клуб «Зеро-Зеро» находился в самом начале Шестой авеню; незаметное, со скромной неоновой вывеской заведение, затерявшееся среди себе подобных. Но посетители его жаловали — в четверть двенадцатого зал, практически скрытый завесой сигаретного дыма, был уже набит битком.

У входа какой-то тип с поклоном и протягиванием руки играл роль портье, и я дал ему двадцатипятицентовик, чтобы он запомнил меня как мелкого спекулянта. В противоположность большинству местечек, здесь обходились без стандартных дешёвок и хромированной мишуры. Стены были обиты благородным красным деревом, столики сгруппированы вместе, в нише рядом с площадкой для танцев помещался оркестр.

Судя по лицам, ньюйоркцев было мало, по крайней мере, что касается мужчин. В основном, приезжие, вышедшие вечером на поиски развлечений. Сразу выделялись женатые. Они сидели у стойки и потягивали коктейли, один глаз держа на жене, а другой не сводя с ошивающихся вокруг них заблудших девиц.

Да, атмосфера здесь была... Клуб возвращал во времена салунов Дикого Запада, и денежной публике это нравилось. Рассеянные среди посетителей, в толпе ходили «хозяйки», следящие за тем, чтобы никто не скучал. Я сел за угловой столик, где уже веселилась компания ползунков, заказал подошедшему официанту хайбол и стал ждать.

Через пять минут меня заметила «хозяйка» — крутобедрая блондинка. Она одарила меня широкой улыбкой слишком красных губ и сказала:

— Хочешь позабавиться?

— Не очень.

Я потянулся и выдвинул ей стул. Она огляделась по сторонам и села. Я подал знак официанту, и тот, не спрашивая, принес ей «Манхаттан».

— Это не чай, дружок. Ты платишь за хорошее виски,— заметила блондинка.

— Положено предупреждать?

— Все эти простофили слишком много читали о «хозяйках», пьющих исключительно холодный чай.

Не было смысла убивать время за праздной болтовней. Я прикончил выпивку, заказал еще порцию и спросил:

— Где Мюррей?

Блондинка бросила на меня острый взгляд, посмотрела на часы и покачала головой.

— Он никогда не приходит раньше полуночи. Ты его друг?

— Не совсем. Мне нужно с ним повидаться.

— Обратись к Баки. Он замещает Мюррея, когда того нет.

— Вряд ли он мне поможет... Ты помнишь Нэнси Сэнфорд?

Блондинка опустила бокал и стала водить им по столу, оставляя влажные круги.

— Помню. Она мертва, ты знаешь?

— Да. Я хочу выяснить, где она жила.

— Зачем?

— Послушай, детка, я детектив. У нас есть основания считать, что Нэнси Сэнфорд была не той, за кого себя выдавала. Мы знаем о ней все. Но надо еще кое-что прояснить.

— Почему же ты пришел сюда?

— Нам известно, что она работала здесь.

В глазах блондинки появилась печаль.

— Она работала в доме...

— Он сгорел,— прервал я ее.

— Затем, мне кажется, переехала на квартиру. Я не знаю, куда, но...

— Мы проверили. Там Нэнси обреталась только самое последнее время. А где она жила раньше?

— Понятия не имею. Я потеряла ее след, когда она отсюда ушла. Боюсь, что помочь не могу.

— Между прочим, за информацию назначена премия,— заметил я.— Пятьсот долларов.

При этих словах ее лицо прояснилось.

— Ладно, придержи денежки. Я постараюсь что-нибудь узнать.

Она допила коктейль, махнула мне рукой и удалилась. Ясно, крошка не прочь подработать. Не совсем то, ради чего я сюда пришел, но тоже может что-нибудь дать.

Через полтора часа появился Мюррей Кандид. Я никогда не видел его раньше, но по тому, как засуетились посетители, став-

шие подмигивать и выкрикивать приветствия в ожидании ответной улыбки, которая произведет впечатление на подружку, можно было догадаться, что пришел босс.

Мюррей Кандид не походил на содержателя притона. Низенький и толстый, розовощекий, с лучащимся скромностью лицом, он был похож на какого-нибудь любвеобильного дядюшку. По его пятам следовали, как члены семьи, двое типов, к которым единственно подходило слово «мордоворот». Оба были молоды, одеты в безупречно сшитые смокинги. Они сочли улыбки и жали руки знакомым — сильные, смелые, с уверенными взглядами. Работа им явно нравилась. Готов поспорить, что они не пьют и не курят.

Компания приближалась. В тусклом свете я видел, как они прошли в альков, направляясь к месту, которое меня интересовало — к конторе. Я подождал, пока кончился танец, посмотрел номер со стриптизом и в полумраке пробрался к алькову. Там был короткий коридор с двумя дверями. Одна стеклянная, с надписью «Выход»; другая — металлическая, выкрашенная под дерево, без ручки. Контора Мюррея. Я прикоснулся к кнопке, и где-то прозвенел звонок, которого я не услышал, но через несколько секунд дверь открылась, и мне коротко кивнул один из телохранителей.

— Я бы хотел видеть мистера Кандида. Он здесь?

— Да. Ваше имя?

— Мартин. Говард Мартин из Де-Мойна.

Он протянул руку к стене и снял трубку внутреннего телефона. Пока он звонил, я ошупал дверь. Она была в три дюйма толщиной, с обивкой из звукопоглощающего материала. Приятное местечко.

Парень повесил трубку и отошел.

— Мистер Кандид примет вас.

У него был особенный голос: невыразительный, лишенный малейшей окраски, дающий возможность говорить, не выделяя ни одного слова. Дверь сзади меня с тихим звуком закрылась, телохранитель открыл другую, и я вошел в кабинет.

Я находился посреди комнаты, когда обернулся на шум и увидел, как закрывается еще одна дверь. В этом месте было слишком много дверей, зато не было и признака окон.

Мюррей Кандид сидел за массивным письменным столом, занимавшим большую часть стены. За его спиной висели фотографии «хозяек» и студийные портреты десятка знаменитостей, все с автографами. Кроме нескольких стульев и дивана, на котором развалился еще один мордоворот, в комнате больше ничего не было.

— Мистер Кандид?

— Мистер Мартин из... э-э... Де-Мойна, верно? — Он с улыбкой поднялся и протянул руку. — Присаживайтесь. Чем могу быть полезен?

Типчик на диване, едва взглянув в мою сторону, равнодушно бросил:

— У него револьвер, Мюррей.

Он чуть было не застал меня врасплох.

— Точно, приятель, — согласился я. — Я полицейский, полиция Де-Мойна.

Однако меня это чертовски разозлило. Заметить кобуру под специально пошитым костюмом... Да, ребята знают свое дело.

Мюррей лучезарно улыбнулся.

— Вы, офицеры, без оружия чувствуете себя голыми. Слушаю вас.

Я закурил, собираясь с мыслями.

— Нельзя ли пригласить несколько девушек на вечер? В начале месяца у нас в городе съезд, и мы хотим хорошо провести время.

Брови Мюррея изумленно полезли вверх, и он в недоумении постучал пальцами по столу.

— Я не совсем понимаю. Вы говорите... девушки?

— Ага.

— Но как я..?

Я одарил его полу-улыбкой, полу-усмешкой.

— Послушайте, Кандид. Я полицейский. Ребята из Нью-Йорка советовали обратиться к вам.

Лицо Мюррея выражало полнейшую растерянность.

— Ко мне? Да, я имею дело с туристами, но какая может быть связь?.. Как я могу обеспечить вас девушками? Я ведь не... не...

— Мне советовали обратиться к вам.

Он снова улыбнулся.

— Похоже, здесь какая-то ошибка, мистер Мартин. Сожалею, но ничем не могу вам помочь.

Он встал, показывая, что разговор окончен, но руки на этот раз не предложил. Мальчики любезно кивнули мне, когда я выходил, и дверь позади меня захлопнулась. Я не знал, что думать, поэтому прошел в бар и, держа в руке бокал, тупо смотрел, как поднимаются и лопаются пузырьки.

...Там ничего не было, никакого сейфа, где симпатичный мистер Кандид мог бы хранить книги. Что ж, раз их нет здесь, то они в другом месте — если вообще существуют.

Допив коктейль, я взял шляпу и очистил славное заведение от своего присутствия. Воздух на улице был не очень чист, но после духоты клуба пах получше миллиона зелененьких. Напротив через дорогу находился «Прибежище моллюска» — приятный погребок, специализирующийся на морской пище, где можно спокойно посидеть и одновременно понаблюдать за улицей. Я заказал пива и начал ждать.

Я не рассчитывал, что это произойдет так скоро. У меня оставалось еще полпорции моллюсков, когда у выхода из «Зеро-

Зеро» появился Мюррей Кандид. Он постоял немного и важной походкой направился вверх по улице. Через минуту я уже следовал за ним по другой стороне, футах в пятидесяти сзади.

Вскоре я понял, куда он идет. Впереди, на моей стороне, находилась автостоянка, и Кандид шел наискосок, срезая угол; я не мог не ухмыльнуться. Даже если он меня засечет, то лучшего объяснения не придумать — моя машина тоже там припаркована.

Вслед за Кандидом я зашел на стоянку. Служащий взял мою квитанцию и вручил мне ключи от машины, стараясь не заснуть, прежде чем получить на чай.

Не слышалось ни одного звука, кроме шороха моих шагов по гравию. В воздухе разливался только напряженный гул джунглей города и стальное безмолвие, когда тигр затаился и готов прыгнуть. И вдруг неподалеку кто-то слабо вскрикнул. Через секунду крик повторился, и я сорвался с места.

В узком темном коридоре из хрома и металла машин на мое лицо мягко опустилась тяжелая рукоять револьвера. Не было времени ускользнуть, не было времени развернуться, перед тем, как последовали мощные удары в грудь и в голову. Ноги крушили мои ребра, и торец револьвера методично молотил лицо.

Из моих губ вырывались звуки — низкие звуки боли, закипавшей в легких. Я хотел приподняться, схватиться за что-нибудь, все равно, за что, но получил жестокий удар носком ботинка в подбородок. Моя голова откинулась назад и врезалась в металл, и больше я не мог двигаться вообще.

Лежать было почти приятно. Боли я не чувствовал. Только толчки и ощущение рвущегося мяса. Потом издалека донесся голос:

— Хватит на этот раз.

Другой голос заспорил, утверждая, что вовсе не хватит, но победил первый. Толчки прекратились. Затем исчезли и звуки.

Глава 6

Меня разбудили первые косые лучи солнца. Они упали на крыши домов, отразились в стеклах и хrome машин, вырвали меня из благословенного онемения и вонзились тысячами игл острой боли.

Мое тело облепил гравий, а пальцы так впились в ладони, что их с трудом удалось разжать. Пот, обильно заливавший лицо, пока я вылезал из-под машины, смывал ручейками засохшую кровь.

Чувства возвращались медленно, пропорционально усилению боли, повсеместной и нескончаемой. Голова буквально раскалывалась, в глазах двоилось. Я уже кое-что вспомнил и начал соображать, из разбитых губ вырывались проклятья.

Тяжесть, тянувшая меня вниз, оказалась моим револьвером. Он все еще был под мышкой. Я так и не воспользовался им. Кретин, угодить в такую ловушку! Круглый идиот, вполне заслуживающий того, чтобы ему набили морду!

Каким-то чудом уцелели часы, и теперь стрелки стояли на 6.15; значит, я провалялся здесь всю ночь...

Подняться не удалось, ноги не держали меня, и я привалился спиной к машине, пытаюсь отдышаться. Адская боль не позволяла шелохнуться. От одежды остались одни лохмотья. С лица свисали кусочки содранной кожи, а притронуться к затылку вообще было невозможно. В груди стучал и разрывался гигантский молот. Я не мог определить, сломано ли у меня какое-нибудь ребро... судя по боли, не было ни одного целого.

Не знаю, сколько я так сидел, бездумно пропуская сквозь пальцы гравий. Может, минуту, а может, и час. Потом мне надоело процеживать гравий, и я стал кидать мелкие камушки в колесо автомобиля напротив. С коротким тонким звуком они ударялись в декоративный колпак и падали на землю.

Затем вдруг раздался совсем другой звук, и я потянулся за камушком, чтобы попробовать снова. Но это был не камень. Это было кольцо. Знакомое кольцо с гравировкой, поцарапанное и помятое.

Неожиданно я забыл про усталость, забыл про боль. Я вскочил на ноги, и скверная широкая ухмылка разлепила мои губы, потому что кто-то заплатит жизнью, когда попытается забрать у меня кольцо Рыжей. Этот «кто-то» умрет медленно и мучительно, и ставлю его проклятую голову, что пока он будет умирать, я буду смеяться.

Моя машина дожидалась меня на своем месте. Я открыл дверцу и рухнул на сиденье, стараясь устроиться так, чтобы тело меньше горело и ныло. Выезжая из ворот, я протянул в окошко два доллара в уплату за превышение времени стоянки. Парень взял их, даже не подняв глаз.

Тысячи ножей вонзались в мою плоть, ноги отказывались жать на педали. Чудом никого не задавив, я добрался до Пятдесят шестой улицы. У дома Лолы была стоянка, я въехал и вырубил мотор. Когда волна боли немного схлынула, я слез с сиденья и поплелся к парадной.

Лестница оказалась пыткой, у меня еле хватило сил, чтобы нажать звонок. Дверь открылась, и глаза Лолы округлились.

— Боже мой, Майк, что произошло?

Она схватила меня за руку и провела в комнату, где я свалился на диван.

— Майк... с тобой все в порядке?

Я с трудом сглотнул.

— Полный ажур.

— Я вызову врача!

— Нет.

— Но, Майк...

— Я сказал нет, черт побери! Оставь меня в покое. Мне нужно отдохнуть.

Лола расшнуровала мои ботинки и подняла ноги на диван. Она была взволнована, но, как всегда, прекрасна, в другом черном платье, казавшемся на ней нарисованным.

— Куда-то собралась, детка?

— На работу, Майк. Теперь, конечно, не пойду.

— Я тебе дам «не пойду»! Сейчас это важнее всего. Только разреши мне остаться здесь, пока я немного не оклемаюсь. Такие переделки для меня не впервой, чепуха. Иди.

— У меня еще час.

Ее нежные руки опустились на мой галстук, развязали его и убрали. Она вытащила меня из пиджака и рубашки без особых для меня страданий, и я удивленно посмотрел на нее.

— Патриотизм, прошла курсы медсестер. Сейчас я тебя вымою.

Лола прикурила сигарету и сунула ее мне в рот, затем прошла на кухню, и я услышал шум воды. Появилась она с кипой полотенец.

Мои мышцы застыли, и я не мог вынуть окурок изо рта, пока это не сделала Лола. Достав ножницы, она разрежала мою майку. Мне было страшно смотреть, но я себя пересилил. По груди расходились полосы, приобретающие густой багровый оттенок. Лола слегка надавила на ребра, ища перелом, и даже это прикосновение заставило меня напрячься. Но зато мы оба убедились, что кости не торчат, все обошлось.

Вода казалась обжигающе горячей и в то же время мягкой. Я лежал, а Лола протирала мне лицо, плечи, грудь, руки, обрабатывала раны и ссадины... Я уже почти спал, когда почувствовал, как пальцы расстегивают ремень. Мои глаза приоткрылись.

— Эй, что... — начал я, но получилась жалкая пародия на речь, и Лола не послушалась. Боль не давала шелохнуться, и мне оставалось лишь закрыть глаза и позволить раздеть себя. Ее пальцы нежными, ласковыми прикосновениями, словно легчайшими перышками уносили боль, ручейками горячей мыльной воды смывали грязь.

Это было замечательно. Это было так хорошо, что я заснул, а когда проснулся, было четыре часа, и Лола уже ушла. На столе у изголовья стоял кувшин воды с почти растаявшими кубиками льда, пачка «Лакис» и записка.

Потянувшись за ней, я обнаружил, что боль поутихла. Записка гласила: «Майк, дорогой, оставайся здесь до моего прихода. Все твои вещи пошли в помойку, так что не пытайся от меня убежать. Я взяла ключи и захвачу из твоей квартиры одежду. Револьвер под диваном, но, пожалуйста, в комнате не стреляй, не то меня отсюда выставят. Веди себя хорошо. Люблю, Лола.»

Одежда! Черт, неужели она выбросила... там ведь кольцо! Я откинул простыню и вскочил, несмотря на возникшую боль. Впрочем, это оказалось лишним. Мой бумажник, мелочь и кольцо лежали совсем рядом, на столе за кувшином.

Но, по крайней мере, я смог без дополнительных усилий позвонить. К телефону подошел мистер Берин-Гротин.

— А, это вы, Майк, добрый вечер. Как дела?

— Хвалиться нечем. Только что из меня едва не выбили дух.

— Что? Что такое?

— Я попал в ловушку. Сам виноват... В следующий раз буду умнее.

— Что произошло?

Я услышал, как он тяжело сглотнул. Насилие было противно самой его натуре.

— Меня направили к некоему Мюррею Кандиду. Не найдя у него того, что искал, я последовал за ним к автостоянке и там влип. Один из этих подонков думает, что проявил снисходительность, позволив мне жить, но я начинаю сомневаться в его доброте.

Мистер Берин потерял самообладание.

— Боже мой! Майк... возможно, вам не стоит... я имею в виду...

Я рассмеялся, но в моем голосе звучало все, что угодно, кроме веселья.

— Они избili меня, но не запугали. Так, урок на будущее. В определенном смысле я даже рад, что это случилось.

— Рады?! Боюсь, мне непонятна ваша точка зрения, Майк. Так... чудовищно некультурно! Я просто отказываюсь...

— Один из ублюдков — убийца рыжеволосой, мистер Берин.

— Да? Это очень важно, разумеется... Но как вы узнали?

— Он выронил кольцо, которое снял с пальца Рыжей. Оно у меня.

На этот раз в голосе моего клиента прозвучало нетерпение.

— Вы видели его, Майк? Вы сможете опознать негодяя?

Боже, как мне не хотелось огорчать его.

— Увы, мистер Берин, там было темным-темно.

— Жаль. Майк... что вы теперь намерены делать?

— Не принимать все близко к сердцу, — отшутился я. На меня навалилась усталость. — Простите, я вам перезвоню потом. Сейчас надо хорошенько помозговать.

— Конечно, Майк. Но, пожалуйста... будьте осторожней. Если с вами что-нибудь случится, я буду чувствовать себя виноватым.

Я как мог успокоил его, повесил трубку и улегся на диван, взяв телефон с собой. Пата на работе не оказалось, и я позвонил ему домой. Он молча меня выслушал. Я рассказал про все, кроме кольца.

И Пат это понял.

— Есть ведь еще кое-что?
— Почему ты так думаешь? — спросил я.
— Слишком ты доволен для парня, которому только что пересчитали все кости.

— Да. Я, кажется, напал на след.

— Кто эти ребята? Мальчики Кандида?

— Не уверен. Конечно, не исключено, что они пришли туда раньше нас и все организовали. Но у меня есть другая идея.

— Выкладывай.

— Когда я пришел, из кабинета Мюррея кто-то уходил. Кто-то, кто меня видел. Я следовал за Кандидом, а тот, другой — за мной. Поняв, куда направляется Мюррей, он с несколькими ребятами нас обогнал.

— Тогда почему не вмешался Мюррей? — возразил Пат.

— Потому что у него такое положение — он должен быть чист и не замешан ни в какие дела.

— Возможно, — согласился Пат. — Пожалуй, тут стоит покопаться... Слушай, для тебя есть новость: я напал на след твоего приятеля.

— Приятеля? Какого?

— Финнея Ласта.

Я чуть не выронил трубку. Одно упоминание этого имени выводило меня из себя.

— Я бы не сказал, что у него хорошая репутация, — продолжал Пат. — Двумя городами на Западном побережье объявлен розыск. В обоих случаях он подозревается в убийстве, но веских доказательств нет.

— Иными словами, не ухватиться?

— Да, Майк.

— А разрешение на оружие, которое он получил на работе у Берин-Гротина?

— Ласт подумал и об этом. Оно возвращено по почте.

— Итак, у него остается другой метод.

— То есть?

— Для ножа разрешение не требуется, дружище, а Финней любит холодную сталь.

Моя спина ныла, и я устал от долгих разговоров, поэтому пообещал Пату позвонить позже и положил трубку. Поставив телефон на стол и устроившись удобнее, я попытался раскинуть мозгами. Кольцо лежало в моей руке, а лицо Рыжей стояло у меня перед глазами. Все жесткие черты разгладились, их место заняла беззаботная счастливая улыбка...

Кольцо оказалось впору для моего мизинца, и я надел его.

В половине пятого меня вывел из состояния забытья звук поворачивающегося в замке ключа. Я очнулся, выхватил из-под дивана револьвер, поцарапав при этом руку, и отвел предохранитель.

Но это была Лола.

Ее так испугало выражение моего лица, что она выронила пакет, который принесла с собой.

— Майк!

— Проси, детка, нервничаю,— признался я и бросил пушку под стол.

— Я принесла тебе одежду.

Лола развязала пакет и подошла ко мне. Когда она села на край дивана, я притянул ее к себе и поцеловал в губы.

Она улыбнулась, поглаживая меня пальцами по лбу.

— Как ты себя чувствуешь?

— Чудесно, милая. Мне просто нужно было выспаться. Еще несколько дней помучаюсь, но совсем не так, как придется кое-кому. Давно мне не мяли бока... В следующий раз буду держать глаза открытыми и всажу пулю в чьи-то кишки, прежде чем войду в темный переулочек.

— Пожалуйста, не говори так, Майк!

— Девушка, вы прекрасны,— искренне сказал я, желая переменить тему.

Она рассмеялась. Затем быстро встала, отдернула простыню и бросила: — Ты тоже красив,— усмехнувшись с дьявольским коварством.

Я издал вопль и схватился за покрывало. Когда Лола ушла на кухню, я распаковал одежду и сообщение, что суп готов, встретил уже при галстуке.

— В естественном виде ты мне нравишься больше,— заметила Лола.

— Будь пайнкой и накорми меня.

Закончив суп, она вывалила из сковороды на блюдо свиные отбивные. Их было слишком много, и я уже хотел протестовать, но Лола положила и себе. Она удловила мое удивление.

— Вот почему я выросла такой большой. Ешь плотнее, и будешь таким же.

Я был слишком голоден, чтобы разговаривать за столом. Закончили мы пирогом.

— Хорошо?

— Восхитительно. Я чувствую себя заново родившимся.

Лола взяла сигарету.

— Что будешь делать, Майк?

— Сперва надо выяснить, зачем мне устроили ловушку, а потом — кто.

— Я предупреждала тебя, что Кандид опасен.

— Эта жирная образина безвредна, душка. За него работают деньги. Они покупают людей, чтобы те делали то, на что он сам не способен.

— Я слышала о Мюррее такие истории, от которых уши вянут. Ты искал книги, да?

— Нет. Он не держал бы их на виду. Я искал потайное место, но там не было и признака сейфа. Если книги вообще су-

шествуют — а это под большим вопросом — то запрятаны так далеко, что выкопать их будет просто.

Я откинулся на спинку стула и затушил в пепельнице сигарету. Сидеть прямо было еще больно.

— Допустим, я раздобуду компромат на Кандида — что это даст? Мне нужен убийца, а не сенсационный материал для газет.

Сейчас я обращался больше к себе, чем к Лоле, пытаюсь разложить все по полочкам. Пока что я располагал бессмысленным нагромождением фактов, которые могли оказаться важными, а могли не стоить ни гроша. Словно подъем по бесконечной лестнице: каждый пролет ведет к следующему, а конца не видно.

— Итак, Нэнси была убита. Причем, весьма замысловато... Как это произошло, я, черт побери, не знаю, но обязательно выясню. Мотивы? Ее кольцо после смерти исчезло. То, что оно оказалось у одного из ребят, с которыми мне пришлось иметь дело, — лишнее доказательство того, что это убийство.

Однако кому нужна смерть Рыжей? Финней Ласт утверждает, что она украла у него изобличающие документы. Пронесся слух, что с ней лучше не связываться. Финней — крепкий орешек, и мог бы заставить парней держать язык за зубами. Но чего они боятся? Получить по морде? Или получить пулю? Черт побери, в городе не так-то просто стрелять в людей! Попробуй, вытащи пушку и посмотри, как далеко ты уйдешь. Может, тебе и удастся напугать кого-то, но ненадолго, и рано или поздно придется доказывать, что ты не ограничиваешься пустыми угрозами. Кто пойдет на такое? Лишь тот, кто уверен в своей безнаказанности.

Тут меня прервала Лола.

— Финней Ласт?

— Возможно. Подозревают, что он бандит. Но Финней слишком глуп.

— Думаешь, он мог убить Нэнси?

— Я бы много дал, дорогая, чтобы узнать это, — ответил я.

— Бедная Нэнси... До сих пор не понимаю, почему она им так мешала... почему должна была умереть. Такая хорошая, мягкая, добрая...

— Но ведь что-то толкнуло ее на эту дорожку, верно?

— Да.

— Ты не думаешь, что она поступила так назло бывшему возлюбленному?..

— Конечно, нет! Она чересчур умна!

Лола подалась вперед и посмотрела на меня долгим напряженным взглядом.

— Майк... Что это за люди... те, что убивают?

— Грязные люди, крошка, — сказал я. — Деньги, власть они ценят выше человеческой жизни и убивают, чтобы получить свое, а затем убивают, чтобы сохранить это...

— Тебе приходилось убивать, Майк?

Я почувствовал, как у меня пересохли губы.

— Да, и об этом я не жалею. Ненавижу слизняков. Мой револьвер быстр. Я играю лучше их. Я доведу дело до такой точки, когда они теряют голову и бросаются на меня, и тогда я стреляю. Самооборона, я чист перед законом. Полицейские не могут зайти так далеко, но хотели бы, не забывай. Мы обычно хулим полицию, но там работают отличные ребята, по рукам и ногам повязанные запретами. Конечно, среди них есть и негодяи... А где их нет?

Лола смотрела сквозь меня отрешенным, направленным куда-то вдаль взглядом.

— Чем я могу тебе помочь? — прошептала она.

— Думай, Лола. Вспоминай каждый разговор с Нэнси, все, что было связано или подразумевалось. И если найдешь что-нибудь важное, сообщи мне.

— Да, Майк. Но откуда я знаю, что важно?

Я наклонился и сжал ее руку.

— Слушай, детка... не хочу напоминать, но ты была в денежном рэкете. Все, что мешало некоторым людям получать доход, могло стать причиной смерти.

— Кажется, поняла.

— Ну и умница.

Я встал и сунул сигареты в карман.

— Ты знаешь, где меня найти. И смотри, сама ничего не предпринимай. Я не желаю никаких «случайностей».

Лола отодвинула стул, мы вместе прошли к двери.

— Почему? — спросила она. — Я что-нибудь значу для тебя?

Она была еще обворожительнее, чем всегда. Высокая и грациозная, с глубокими темными глазами, устремленными на меня.

— Ты значишь для меня больше, чем думаешь. Ошибаться может каждый. Не всякий может исправить ошибку. Ты одна из миллиона.

В ее глазах появились слезы. Нежной мягкой щекой она прижалась к моему лицу.

— Милый, пожалуйста, не надо. Я слишком поздно вышла на верный путь. Просто будь хорошим ко мне... но не очень. Я... я боюсь, что не выдержу этого.

Ответить словами было нельзя. Я потянулся к ее рту, и тут же по ее телу пробежал огонь, который передался и мне. Страсть закипела. Лола крепко прижалась ко мне, и я знал, что мои руки причиняют ей боль, но ей было все равно.

Я вышел, не произнеся ни слова, только сжав ее руки. Но мы оба знали, что это значит. Я шел и чувствовал себя так, будто прошлой ночи не было, будто мое тело не саднило, а лицо не было поцарапанным и опухшим.

Глава 7

Я сидел в машине, приводя в порядок мысли. Ха, порядок!.. Я был похож на председателя собрания, резиновым молоточком пытающегося успокоить беснующийся зал.

На моем пальце тускло блестело кольцо Рыжей — тоненький золотой ободочек. Я снял его и стал внимательно рассматривать, словно оно могло заговорить. Заговорить... Ну, что ж, может и заговорит. Я тронул машинку и с Девятой авеню свернул направо.

Большинство маленьких магазинов было уже закрыто. Я ехал медленно, ища ювелирный магазинчик моего друга. Мне повезло, потому что Нат как раз выключил свет и собирался уходить.

Узнав меня, он расплылся в улыбке и отпер дверь.

— Привет, Нат. У тебя есть немного времени?

Он был сплошная улыбка, добряк-коротышка. Его рука твердо сжала мою.

— Майк, — рассмеялся он. — Для тебя у меня всегда найдется время. Проходи. Поговорим о старых временах?

Я обнял его за плечи.

— На этот раз о новых, Нат. Мне нужна помощь.

— Садись.

Он выдвинул стул, достал бутылку вина и разлил.

Мы выпили. Хорошее вино. Он снова наполнил бокалы, затем откинулся назад и скрестил руки на животе.

— Ну, Майк, что я могу для тебя сделать? Надеюсь, мне не придется, как в прошлый раз, служить приманкой для мошенников?

Я ухмыльнулся и покачал головой, протягивая кольцо Рыжей. Его пальцы автоматически нырнули в карман жилетки за увеличительным стеклом, которое он незамедлительно вставил в глаз.

— Вот и просьба. Можно проследить историю этого кольца?

Несколько минут Нат молчал, вглядываясь, затем стекло упало в ладонь, и он покачал головой.

— Не знаю, что и сказать. Антиквариат. Я видел много подобных вещей и уверен, что прав. Тем не менее, я всего лишь...

— Ты меня вполне устраиваешь, Нат. Ну?

— Кольцо женское. По-моему, дарственной надписи не было, но, возможно, ее стерли. Посмотри на цвет золота, видишь? Кольцу лет триста, или даже больше. Нет, Майк, сожалею, но ничем не могу тебе помочь.

— Как можно его проследить? Найти кампанию, которая его сделала?

Он пожал плечами.

— Понимаешь, триста лет назад... значит, оно сработано в Старом Свете. В то время не было кампаний, только небольшие

семейные дела типа «отец-и-сын». Скорее всего, кольцо сделали на заказ.

Я забрал кольцо и надел его на палец.

— Ну что ж, Нат, попытка не пытка. По крайней мере, теперь я избавлен от массы работы.

— Разве у полиции нет способов выявлять стертые надписи?

— Да, они могут сделать это. Но, предположим, найду я инициалы. Они принадлежат первому владельцу, а так как кольцо женское, оно, без сомнения, передавалось по наследству, переходя из рук в руки. Нет, надпись мало что даст.

Я встал. Нат был разочарован.

— Ты уже собираешься уходить, Майк? Пойдем ко мне, жена хочет тебя видеть. Ты не был у нас целый год.

— Не сегодня, Нат, как-нибудь в другой раз. Передай от меня привет Фло и детям.

— Обязательно. Ребята огорчатся, что я тебя не привел.

Я вышел, махнув ему на прощанье рукой, и сел в машину. Кольцо Рыжей блеснуло на пальце, и я вспомнил, как изящно она пила кофе.

Проклятье... У меня есть ключ, но я не могу найти замка! Почему убийца снял это кольцо с ее пальца, если оно не может вывести на след?

Я словно раздвоился. Одна моя часть вела машину, соблюдая правила движения и останавливаясь перед светофорами. А другая задавалась вопросом: зачем, собственно, меня били? И почему это было так тонко обставлено? Предупреждение? Конечно. Что же еще?

Мюррей и его мальчики не знали меня, но почувствовали фальшь и посчитали опасным типом, возможно, злоумышляющим против них. А один из «предупредивших» меня мордоворотов убил Рыжую, или во всяком случае был как-то связан с убийством.

И вдруг я понял, что надо делать.

Не уверен, что это был тот самый сторож, что и в прошлую ночь; этот, по крайней мере, не спал.

Я постучал и, когда он открыл окошко, спросил:

— Здесь никто ничего не терял недавно?

— Один парень посеял ключи от машины. А что, нашли что-нибудь?

— Да так, пустяк, дамскую безделушку.

— Посмотрите в газетах. Если вещьца даме дорога, она могла дать объявление. С собой?

— Нет, оставил дома.

— А... — протянул он и закрыл окошко. Я собирался уходить, когда на стоянку въехала машина с зажженными фарами. Луч света выхватил из темноты чьи-то ноги.

Кто-то шел по тому же проходу, где прошлой ночью бежал я. Мое сердце затанцевало, и внутренний голос сказал: вот

ради чего ты сюда пришел. Возможно, сейчас тебе повезет. Только на этот раз не делай ошибок!

Фары потухли, хлопнула дверца. Прозвучали шаги по дорожке, и на свет вышел полный мужчина в плаще. Он обменялся парой фраз со сторожем в будке, хохотнул и исчез на улице. Я подождал минуту и двинулся вперед.

Дважды гравий хрустнул под моими ногами, и я, прислушиваясь, замирал. Потом из соседнего прохода донесся легкий звук. Я потянулся к кобуре и достал револьвер.

Парень был так занят, что ничего не слышал. Он стоял на коленях, спиной ко мне, просеивая гравий сквозь пальцы. Еще один автомобиль въехал на стоянку, и парень замер, не шевелясь, пока водитель не ушел. Тогда он снова принялся за свое занятие. Я наклонился и тронул его за плечо.

— Что-то потерял?

Он попытался встать так быстро, что упал лицом вниз. Когда он повторил попытку, ударом в челюсть я швырнул его в машину, но это его не остановило. Я заметил крюк его левой и, поднырнув, провел свою коронную серию двойных ударов. Я не старался играть чисто. Коленом я разбил ему нос, и парень закричал, но захлебнулся собственной кровью. Еще пара ударов головой о металл машины, и он безвольно повис в моих руках с широко раскрытыми глазами.

Я опустил тело на землю, зажег спичку и поднес к его лицу, вернее, к тому, что от лица осталось. И выругался: в жизни не видел этого типа. Он был молод и, возможно, красив. Дорогая одежда явно пошита на заказ. Я снова выругался, обнаружив, что у него нет оружия. В карманах оказались только деньги, пара карточек и водительские права на имя Вальтера Вельбурга. Ключей от машины не было. Очевидно, он искал именно их.

О, черт, кажется, он тут ни при чем.

Улица становилась шумной и многолюдной — вечерняя толпа выходила на променады. Двери всех ресторанчиков распахнулись гигантским, заглатывающим посетителей зевом. Зазывно подмигивал «Зеро-Зеро», и швейцар зарабатывал серебро, старательно открывая дверцы такси. Он не видел, как вошел я, и упустил чаевые.

Размалеванная девушка-гардеробщица надела на меня профессиональную улыбку и билетом, а затем, заметив синяки на моем лице, ухмыльнулась.

— Что случилось — она сказала «нет», а ты не поверил?

Я улыбнулся ей в ответ.

— Пришлось выдержать целое сражение, детка.

Она перегнулась через стойку и опустила подбородок в руки, открывая мне прекрасный вид на все, находящееся за вырезом блузки. Всего там было обильно.

— Могу себе представить,— произнесла она.— На ее месте я бы поступила так же.

— И зря.

Я послал ей поцелуй. Она сделала вид, будто поймала его и спрятала за вырез. Ее глаза потемнели и стали чувственными.

— Приходи еще...

Вошла пара в вечерних туалетах, и она поспешила к ним, а я проследовал внутрь. Большинство столиков вокруг танцплощадки было занято. На маленькой эстраде покачивалась левичка, гораздо больше впечатления производившая своими бедрами, нежели голосом. Ни Мюррея, ни его мальчиков нигде не было видно. Я нашел неприметный столик сзади, заказал хайбол и стал наслаждаться зрелищем.

Официант принес коктейль, но не успел я его высосать до половины, как мои волосы взлохматил чья-то рука, и, подняв глаза, я увидел давешнюю улыбчивую «хозяйку». Я хотел подняться, но она толкнула меня вниз, выдвинула стул и села.

— Я тебя искала.

Она закурила сигарету из моей пачки и выпустила в воздух густую струю дыма.

— Ты говорил что-то о пяти сотнях зелененьких...

— Продолжай.

— Пожалуй, я могу тебе помочь.

— Да?

— Но не за пятьсот.

— Грабеж!

— Может быть.

— Что у тебя есть? За пятьсот долларов можно достать многое.

Блондинка еще раз глубоко затянулась и смяла сигарету в пепельнице.

— Я освобождаюсь в час ночи. Встретишь меня на углу. Пройдем ко мне и обо всем поговорим.

— Хорошо.

— И приноси побольше денег.

— Посмотрим.

Она улыбнулась и накрыла мою руку своей.

— Знаешь, ты очень хорошенький. До встречи!

Я не стал ждать, махнул официанту, расплатился и вышел в фойе. Девушка в окошке притворно нахмурилась.

— Ты слишком нетерпелив. Я еще занята.

Подавая мне шляпу, она, с удовольствием ловя мой взгляд, еще раз продемонстрировала место, где спрятала брошенный ей поцелуй. Я вытащил банкноту, свернул ее в длину и сунул в заветное местечко.

— Если не найдет босс, оставь себе.

— Он и не думает сюда заглядывать,— улыбнулась она

соблазнительно. Потом выпрямилась, и вся непосредственность исчезла. — Но если желаешь разменять, достань сам.

На сей раз я просто надел шляпу и вышел.

В баре поблизости нашлось несколько свободных мест. Я заказал пиво с бутербродами и настроился приятно провести вечер, но мои мысли все время возвращались к блондинке. Скоро я узнаю что-то стоящее. Пять сотен, половина моего гонорара... Через два часа я решил и прошел к телефонной будке.

Мне ответили, что мистер Берин удалился на ночь, но я настаивал, и вскоре в трубке раздался сонный голос.

— Мистер Берин, это Майк. Простите, что потревожил вас. Есть новости.

— Важные?

— Да. Вам следует их знать.

— Слушаю, Майк.

— Могу получить информацию относительно Рыжей. Сначала я предложил пять кусков...

— Что?

— Пятьсот долларов, если одна дама кое-что выяснит. Но теперь она хочет больше. Следует мне идти на это, или попытаться получить сведения другим путем?

— Но... о чем они?

— Она не говорила. Хочет встретиться со мной позже.

— Понимаю. — Он задумался. — А вы как считаете, Майк?

— Решать вам, мистер Берин, но я бы сказал: посмотри внимательно, и, если это чего-нибудь стоит, покупай.

— На ваш взгляд, информация интересная?

— Возможно. Это дама — «хозяйка» в клубе «Зеро-Зеро» и знала Нэнси, во всяком случае, в последнее время. А здесь, кажется, и зарыта собака.

— Что ж, давайте, Майк. Сумма достаточно тривиальная... для меня, по крайней мере. Поступайте, как находите нужным.

— Договорились. Но она хочет деньги сейчас же.

— Выпишите чек, потом позвоните мне, и я переведу эту сумму на ваш счет.

Я повесил трубку и вернулся в бар, а в полпервого ночи поехал на такси к стоянке, где оставил свою машину.

В пять минут второго я подъехал к углу, где уже стояла блондинка. Она узнала меня, открыла дверцу и скользнула на сиденье.

— Куда?

Я отъехал от тротуара и влился в поток машин, направляющихся к центру.

— Прямо. Я живу на Восемьдесят девятой.

Между ног у нее стояла сумка, и я кивнул.

— Материалы там?

— Ага.

Блондинка достала губную помаду и, несмотря на скудное

освещение, стала приводить себя в порядок. Затормозив перед светофором, я внимательно рассмотрел ее. Вовсе не дурная штучка.

Она повернула голову и посмотрела мне прямо в глаза; затем легкая усмешка тронула ее губы.

— Интересуешься?

— Сумкой?

— Мной.

— Я всегда интересуюсь блондинками.

Она ждала, что я предприму дальше, но свет переключился, и мы поехали. На Восемьдесят девятой я подрулил к тротуару там, где она указала, вырубил двигатель и взял сумку.

— Надеюсь, ты не думаешь с ней удрать? — спросила она.

— Думал, но потом заинтересовался.

— Сумкой?

— Тобой.

Она сжала мою руку, и мы поднялись в старую квартиру с высокими потолками. Стены были покрашены в различные оттенки пастели. Мебель только выглядела неуклюжей, а на деле оказалась надежной и удобной.

Когда я швырнул шляпу на лампу, блондинка заметила:

— Может, представимся? Меня зовут Энн Минор.

Она сняла пальто, глядя на меня со странным выражением.

— Майк Хаммер, Энн. Я не из полиции, я частный детектив.

— Знаю. Я как раз думала, скажешь ты мне это или нет.

Она с облегчением рассмеялась.

— Кто тебя предупредил?

— Сама догадалась... Я заметила значок.

— И постаралась поскорее выставить меня из заведения?

— Да.

— Почему?

— Мюррей не в восторге от сыщиков, пусть даже частных.

— Чего бояться честному бизнесмену?

— Повтори это снова и выброси одно слово.

Я не стал этого делать, сел на подлокотник кресла и уставился на нее. Энн повесила пальто в гардероб, сняла мою шляпу с лампы, положила на полку и закрыла дверцы. Затем круто повернулась и подошла ко мне.

— Я не ребенок, — сказала она. — Мне кажется, я никогда им не была. В клуб ты пришел не развлекаться. Стоило тебе упомянуть про Нэнси, как я похолодела от мысли, чем это пахнет. Покажи мне, на что ты способен.

Дуло моего револьвера ткнулось ей в живот, прежде чем она успела договорить. Дав ей им полюбоваться, я убрал револьвер в кобуру и стал ждать. Ее глаза расширились.

— Я ненавижу Мюррея. Не могу сказать, что люблю остальных, но его я ненавижу. Мюррея и его ребят.

— А что ты имеешь против них?

— Не строй из себя пай-мальчика, Майк. Он крыса. Мне не нравится, что он делает с людьми.

— Что Мюррей тебе сделал?

— Мне — ничего. Но я видела, что он делал с другими. Он платит мне зарплату, и это все, но я не слепая. Мюррей гладко стелит, однако любыми путями добивается того, что хочет.

Мне не терпелось добраться до сумки. Энн это поняла. Она улынулась и нащупала в моем внутреннем кармане бумажник.

— Принес деньги?

— Сколько мог достать.

— Сколько же?

— Все зависит от содержимого. Как ты собираешься распорядиться деньгами?

— Уеду. Сделаю все, чтобы выбраться из этого города. Я устала от него.

Я подошел и поднял не очень тяжелую сумку. Она была испачкана, по бокам виднелись грязные подтеки. Возможно, здесь находится ответ, таится причина смерти Рыжей... Сумка была закрыта на замочек.

— Я нашла ее сегодня утром. У нас есть маленький чуланчик, забитый всяким хламом. И вот сегодня, когда мне понадобилась какая-то мелочь, я натолкнулась на нее. На сумке был автобусный ярлык с именем Нэнси.

— Как она туда попала?

— Недавно Мюррей делал ремонт. Когда убирали помещение, все ненужное сносили в чуланчик. Очевидно, Нэнси тогда не было, а потом она решила, что потеряла ее.

Энн вышла и вернулась с бутылкой и двумя бокалами. Мы молча выпили, затем она снова налила, села на край тахты и принялась за мной наблюдать. Ее поза напоминала кошку — совершенно свободная, но таившая мощь сжатой пружины. Она подтянула под себя ноги, и даже грубый нейлон не мог скрыть упругую округлость ее бедер. При каждом вдохе грудь наполняла складки платья, борясь с материей, и мне казалось, что схватка будет выиграна.

— Ты не собираешься открывать ее?

В голосе Энн сквозила насмешка.

— Мне нужна булавка... спица. Что-нибудь...

Слова давались мне с трудом.

Энн поставила бокал на край стола и соскользнула с тахты. Она прошла слишком близко. Я потянулся и остановил ее, но мне не нужно было тратить усилий, потому что ее рот жадно принял к моему, а сама она оказалась в моих объятиях, прижимаясь ко мне так тесно, что я чувствовал каждую частицу ее восхитительного тела. Я запустил пальцы в волосы Энн и запрокинул ее голову, чтобы целовать шею и плечи, а она страстно стонала...

Когда я отпустил ее, глаза Энн тлели темными угольками, готовыми немедленно воспламениться. Улыбнувшись, она вышла, и я услышал шум выдвигаемого ящика и возню с инструментами. Шум стих, но Энн вернулась не сразу. А когда вошла, то платья на ней не было: его и все нижнее белье заменил прозрачный халатик. Она намеренно прошла перед лампой, чтобы подтвердить мои догадки.

— Нравится? — спросила Энн.

— На тебе — да.

— А если бы не на мне?

— Все равно нравилось бы.

Она протянула мне одну из тех патентованных штучек, которые якобы разрешают все механические трудности, возникающие в домашнем хозяйстве; потом вытащила из моего кармана сигарету и прикурила от настольной зажигалки. Выдохнув дым мне в лицо, она спросила:

— Это не может подождать?

Я поцеловал ее в кончик носа.

— Нет, милая, не может.

Когда я повернулся и засунул приспособленье в замок, Энн отошла в сторону. Хитрая штуковина скрипела и проворачивалась и, наконец, погнулась. Я повернул инструмент другой стороной. На этот раз мне повезло: раздался щелчок, и замок открылся. Но не успел я шевельнуться, как верхний свет погас, и сквозь пелену ночи и табачного дыма лишь слабо пробивался свет настольной лампы.

— Майк... — прошептала Энн.

Я обернулся, чтобы запустить в нее чем-нибудь, и застыл — она сбросила халат и живой статуей в чулках стояла посреди комнаты, куря сигарету, которая оранжевым огоньком отражалась в ее глазах. Энн широко расставила ноги, держа руку на бедре, и каждая мышца этого дерзкого тела разжигала во мне страсть. У моей блондинки оказалась основа брюнетки, но это делало ее только более интригующей, соблазнительной — достаточно, чтобы заставить меня забыть о сумке, избиениях и убийствах.

Я схватил ее в объятья, и она тяжело задышала мне в плечо, затем кинула меня в шею и выскользнула из моих рук на тахту, куда я вынужден был за ней последовать, и мерцающий свет лампы, струившийся по комнате, словно шептал вместе с нашим дыханием, пока не раздался вскрик...

Моя рука дрожала, когда я потянулся за сигаретой. Энн улыбнулась мне и мягко проговорила:

— А я уж сомневалась, что могу еще быть интересна.

Я поцеловал ее снова.

— Не кокетничай. Довольна, что сбила меня?

— Да.

Она не произнесла ни слова, когда я встал и вернулся к сто-

лу, но следила за мной неотрывно. Я отложил сигарету, дым которой застревал у меня в груди, и взялся за сумку.

Я присвистнул сквозь зубы. Сумка была набита детской одеждой, совершенно новой. Я медленно ощупывал ее — крошечные свитера, ботиночки, чепчики, другие вещицы, названия которых были мне даже неизвестны. На дне лежали два аккуратно сложенных шерстяных одеяльца.

Десятки предположений носились в моей голове, но только одно имело какой-то смысл. Рыжая была матерью; кто-то был отцом. Изумительная, прекрасная ситуация для шантажа. И причина для убийства... И еще факт: все вещи совершенно новые, с иголки, на некоторых даже сохранились ценники.

Я открыл молнию бокового отделения: набор булавок, губная помада и карманное зеркальце. В маленьком карманчике лежало несколько фотографий. Я разглядывал их и видел совсем другую Нэнси — молодую девушку лет шестнадцати. Вот она на пляже с юношей, а вот — уже с другим. Снимки, очевидно, были сделаны на загородной прогулке или пикнике. Ребят было много, но Нэнси, казалось, никому из них не отдавала предпочтения.

Да, тогда она была иной — свежей, как едва распустившийся цветок. Ее глаза улыбались мне, словно зная, что в один день эти карточки окажутся здесь, передо мной. На двух фотографиях были ясно видны ее руки; Нэнси носила кольцо.

Я внимательно вглядывался в фон в надежде понять, где делались снимки, но видел только воду и песок. На обратной стороне тоже не было никаких пометок... Проход оканчивался тупиком. Высокой крепкой стеной, которую я не мог одолеть без лестницы.

— Это тебе помогло? — внезапно произнесла Энн.

Я кивнул, вырвал из чековой книжки листок, подписал его и положил на стол. Я уже определил сумму, но все-таки спросил:

— Сколько ты хочешь?

Она не ответила, и я оглянулся: Энн, все еще обнаженная, лежала на тахте и улыбалась. Наконец она сказала:

— Нисколько. Ты уже заплатил.

Я захлопнул сумку, взял с полки шляпу и открыл дверь. Мистер Берин все равно должен мне пятьсот долларов; Энн получит свою поездку.

Я подмигнула ей, она подмигнула мне, и дверь захлопнулась.

Глава 8

Ночью я не спал — выложил содержимое сумки перед собой на стол и курил одну сигарету за другой, пытаюсь понять, какой все это имеет смысл. Детская одежда, несколько фотокарточек, грязная сумка... Вещи Рыжей.

Когда это было?

Где?

В холодильнике стояло пиво, и я медленно потягивал его, размышляя, перебирая в уме все факты.

Лучи солнца пробились сквозь оконные занавески, тщетно пытающиеся удержать ночь, и я вспомнил, что обещал позвонить мистеру Берину. Он сам лоднял трубку, и на этот раз сонливость звучала в моем голосе.

— Это снова Майк.

— Доброе утро. Вы рано на ногах.

— Я еще не ложился.

— В преклонные годы вам придется расплачиваться за отсутствие самодисциплины, молодой человек.

— Возможно, — произнес я невыразительно, — но сегодня платите вы. Я оставил моему другу чек на пятьсот монет.

— Отлично, Майк, сейчас же позабочусь об этом. Вы узнали что-нибудь от вашего... мм... источника?

— Все только запуталось. Но я узнаю. Клянусь.

— Тогда я могу считать, что деньги потрачены с пользой. Но, пожалуйста, будьте осторожны, я вовсе не желаю, чтобы вы опять попали в какую-нибудь переделку.

— Это обычная вещь в моей профессии, мистер Берин. Теперь, кажется, я выхожу на след.

— Прекрасно. Вы меня заинтриговали. Секрет?

— Никаких секретов. Я достал сумку, набитую детской одеждой. И несколько фотографий.

— Детской одеждой?

— Вещи Рыжей... или ее ребенка.

Он поразмыслил над этим и признался: это головоломка, просто головоломка.

— Теперь немедленно отправляйтесь спать. Звоните, когда понадобится.

Глаза горели, выпитое пиво мешало думать. Я в последний раз затянулся и отбросил окуроч, потом рухнул на диван и тут же провалился в сон, прекрасный, благословенный сон, отгораживающий от злых безобразных вещей бытия и оставляющий только туманную мечту...

Колокол. Он звонил и звонил, я пытался отмахнуться от звонка как от назойливой мухи, но безуспешно. Наконец я очнулся. У головы надрылся телефон, и я едва сдержал желание швырнуть его в стену.

— Это была Вельда.

— Майк... ты? Майк, отвечай мне!

— Я, дорогуша, я. Чего ты хочешь?

В ее голосе прозвучало облегчение.

— Где тебя черти носили? Я обзвонила каждый салун в городе!

— Здесь был.

— Я звонила четыре раза!

— Спал.

— А, снова гулял всю ночь... Кто она?

— Зеленые глаза, голубые волосы, пурпурная кожа. Ты чего пристаешь? Кто из нас начальник?!

— Рано утром звонил Пат. Что-то насчет Финнея Ласта. Перезвони ему.

— Так бы сразу и сказала!..

Я быстро дал отбой, набрал номер полиции, и дежурный объяснил мне, что капитан Чамберс на работе, но сейчас его нет: ушел по служебному делу. Желаете что-нибудь передать?.. Я желал только выругаться, но попросил не беспокоиться и бросил трубку.

Было пять минут двенадцатого, день наполовину убит. Я собрал детскую одежду в сумку, положил в боковое отделение фотографии, затем пошел в ванную и принял душ.

Снова зазвонил телефон, и мне, мокрому, пришлось шлепать в комнату.

Пат рассмеялся.

— Как проводишь время, приятель?

— Если бы ты знал, то захотел поменяться со мной работой. Вельда сказала, что у тебя новости о Финнее.

Он сразу перешел к делу.

— Утром я получил сообщение с Побережья. Похоже, на Финнея Ласта падает подозрение в убийстве. Но дело в том, что парень, который мог бы его распознать, мертв, есть только описание.

— Это уже кое-что. Финнея Ласта не трудно описать — Масляная голова. Что ты собираешься делать?

— Я дал запрос. Если описание сойдется, то... У меня имеются копии его фотографии — взял с разрешения на оружие — и я отправил их туда.

— Значит, когда понадобится, его можно задержать по подозрению... если сумеем его найти.

— Ну вот и все, просто решил держать тебя в курсе. А я сейчас занят. Смерть. Нужно писать рапорт.

— Кто-нибудь из наших знакомых? — спросил я.

— «Хозяйка» из клуба «Зеро-Зеро».

Моя рука сжала трубку.

— Как она выглядит, Пат?

— Крашеная блондинка, около тридцати. Патологоанатом считает, что это самоубийство. Была найдена прощальная записка.

Мне не надо было спрашивать ее имя. В «Зеро-Зеро», возможно, дюжина крашенных блондинок, но я не сомневался.

— Самоубийство, Пат?

Ему не понравился мой тон.

— Самоубийство, безусловно!

— Ее имя Энн Минор?

— Да... ты... как ты?..

— Тело в морге?

— Да.

— Жди меня там через двадцать минут, слышишь?

Я приехал через сорок минут. Пат нетерпеливо рассказывал снаружи. Увидев мое лицо, он покачал головой.

— Ты только что отсюда? — поинтересовался он. — Я видел более приятных на вид покойников.

Мы вошли. Пат отдернул простыню.

— Знаешь ее?

Я кивнул.

— В связи с делом Сэнфорд?

Я опять кивнул.

— Черт побери, Майк! Патологоанатом совершенно уверен: это самоубийство.

Я взял уголок простыни из его руки и прикрыл лицо Энн.

— Она убита, Пат.

— Ладно, приятель, давай зайдем куда-нибудь и поговорим.

— Я не голоден.

Мне вспомнилась прошлая ночь. Светловолосая улыбчивая Энн хотела убедиться, что она еще не лишена интереса, способна привлекать внимание. Но привлекла она не только мое внимание...

Пат потянул меня за рукав.

— Ну, а я голоден, и морг не портит мне аппетит. Я желаю знать, каким чудом явное самоубийство превратится в убийство.

Неподалеку было кафе, специализирующееся на итальянской кухне, и мы отправились туда. Пат заказал поесть и бутылку красного.

— Ее имя Энн Минор... это тебе, кажется, известно. Она работала «хозяйкой» у Мюрре Кандида. До этого — танцовщицей в мелких клубах, а еще раньше — в балаганном стриптизе. Последнее время, по словам ее коллег, была немного не в себе. Прощальная записка гласит, что она не смогла найти места в жизни и от всего устала. Почерк сличен с образцами на других документах.

— Подделка!

— Нет, Майк. Это подтвердили эксперты.

— Значит следует проверить еще раз!

Пат опустил взгляд, когда увидел выражение моего лица.

— Я прослежу за этим.

Он придвинул тарелку спагетти, подцепил полную вилку и тщательно прожевал.

— Мы считаем, что все произошло так: перед рассветом она вышла на мост у Риверсайд-Драйв, сняла шляпку, туфли, жакет... положила на панель, сверху поставила сумочку и прыгнула. Очевидно, она не умела плавать, да и все равно ее платье

зацепилось за какой-то болт под водой. Около половины девятого утра на набережную пришли ловить рыбу ребята и заметили сперва ее вещи, а затем и ее саму. Один из них сбегал за полицейским, а тот вызвал спецслужбу.

— Когда наступила смерть?

— Приблизительно за пять часов до обнаружения тела. Я налил еще вина и выпил.

— Этой ночью до двух сорока мы были вместе.

Глаза Пата вспыхнули.

— Продолжай.

— Я интересовался у нее Рыжей, и Энн передала мне сумку — с детской одеждой, совершенно новой.

Он кивнул.

— Она была испугана? Подавлена?

— Я общался с нормальной счастливой женщиной. Это не самоубийство.

— Черт побери, Майк! Я...

— Когда вскрытие?

— Сегодня... немедленно! Ты снова заставляешь меня сомневаться! Теперь я уже не удивлюсь, если она окажется напичкана мышьяком!

Пат отшвырнул вилку, с шумом отодвинул стул и подошел к телефону. Вернувшись, он буркнул:

— Через два часа будет готово заключение.

— Спорю, что это ничего не даст.

— Почему?

— Потому что кто-то чертовски хитер!

— Или ты чертовски глуп.

Я закурил и улыбнулся ему, вспоминая все, что мне известно об утопленниках.

— На мою глупость можешь не надеяться.

— Думаешь, это связано с Нэнси?

— Да.

— Тогда предоставь мне доказательства, Майк. Без них я не могу и пальцем шевельнуть.

— Ты их получишь.

— Когда?

— Когда в наши руки попадет тот, кто достаточно много знает.

Пат взялся за спагетти, а я прикончил бутылку. Только Пат закончил трапезу, как его позвали к телефону.

Через пять минут он вернулся с ухмылкой.

— Твоя теория провалилась. Специалисты перепроверили записку. Совершенно никаких сомнений, что писала ее Минор. Подделка исключается. Выбрось этот бред из головы.

Я нахмурился — здесь, по крайней мере, ошибки быть не может.

Пат наблюдал за мной.

— Теперь, сам понимаешь, дело у меня заберут.

— Остается еще вскрытие.

— Хочешь на нем присутствовать?

Я покачал головой.

— Нет, лучше пройдуся.

— Хорошо. — Пат посмотрел на часы. — Позвони мне часа через два. Я буду у себя.

— И еще одно...

Пат улыбнулся.

— Сейчас у меня нет времени на такую колоссальную работу. Проверь, пожалуйста, все больницы: лежала ли в акушерском отделении Нэнси Сэнфорд.

— Обязательно, Майк.

— Спасибо.

Я заплатил по счету, простился с Патом и бесцельно побрел по улице, насвистывая какой-то мотивчик. Хороший день, прекрасный день... что за день для убийства!

Да, состряпано все так тонко, что полиция не может назвать это убийством... пока. Ну, а я могу. Готов заложить последнюю рубашку: блондинка задавала вопросы не там, где надо. Кому-то необходимо было заставить ее замолчать.

Обойдя кругом весь квартал, я вернулся к машине. Улицы, как бы для разнообразия были пусты, и мне не пришлось подолгу торчать перед каждым светофором. Добравшись до Девяносто шестой улицы, я свернул к реке и нашел место на первой попавшейся стоянке.

С воды дул легкий ветерок, несущий с собой, несмотря на все очистные сооружения, гарь и вонь промышленного города. Река была серого цвета, а пена, оставляемая проплывающими судами, казалась слишком густой. Почти как кровь. К берегу она прибивалась грязно-коричневой... Смотреть на это еще было можно, но если остановиться и подумать, становилось тошно.

Она сняла шляпку, туфли, жакет... положила на панель, сверху поставила сумочку и прыгнула. Это не внезапное решение. Так поступает человек, который долго обдумывал свой шаг, привел в порядок все дела. Самоубийство?..

Ноги сами привели меня к траве у воды. Там стоял полицейский — коротенький толстый парень с бутылкой пива в руках, который, очевидно, принял меня за своего, так как кивнул и позволил пройти.

Музыка заиграла у меня в голове — как всегда, когда мне приходят невероятные мысли. Возникла сумасшедшая идея, дикая идея, которая все ставила на свои места. Дело будет у Пата.

В траве на берегу валялась пустая жестянка с дохлыми дождевыми червями. Я выбросил червей, до блеска вытер банку, потом выбросил платок, зачерпнул воды и вернулся назад.

Не звоня Пату, я поехал прямо к нему. Он пожал мне руку, провел в кабинет и сунул заключение.

— Вот, Майк. Она захлебнулась. И время названо верно. Теперь в этом сомнения нет.

Я не удосужился читать заключение, просто швырнул его на стол.

— Патологоанатом здесь?

— Внизу, если еще не ушел.

— Проверь.

Он хотел задать вопрос, но передумал и возвопил.

— Пока здесь.

— Попроси его подождать.

Не сводя с меня глаз, Пат выполнил мою просьбу, а повесив трубку, перенулся через стол и спросил:

— Что на этот раз?

Я поставил на стол жестянку.

— Отдай на анализ.

Он взял банку, встряхнул и, нахмурив брови, уставился в поднявшуюся муть. Поняв, что объяснять я ничего не собираюсь, он резко встал и вышел за дверь, и я услышал шум лифта, увозящего его вниз.

Я выкурил почти полпачки «Лакиз», прежде чем снова зашумел лифт. Пат был вне себя от злости. Он швырнул банку на стол и повернулся ко мне с перекошенным лицом.

— Ну?! Вода со всевозможной грязью... Потом мне стали задавать вопросы. Я выглядел совершенным идиотом. Прикажешь всем сообщить, что частный сыщик использует лабораторию полиции как свою собственную?!

— Почему ты не спросил, не то ли нашли у нее в легких? Не в желудке, заметь, — в легких. Захлебываясь, человек начинает задыхаться, потому что в горле закрывается маленький клапан — он предохраняет легкие от всякой всячины. Не много требуется, чтобы удушить таким способом... лишь капля воды — закрыть этот клапан. Вода попадает в желудок, а в легких ее нет. Иди, спроси!

Глаза Пата чуть не вылезли на лоб. Его зубы обнажились в звериной ухмылке, и он произнес:

— Ты, головастый ублюдок...

Разговор по телефону длился не более минуты, но был очень оживленным. Пат опустил трубку и свалился в кресло.

— Перепроверят. Но, думаю, ты прав.

— Я давно это говорил.

— Погоди, Майк. Нужно подождать заключения. Пока рассказывай.

— Все очень просто. Энн Минор задушили, вероятно, у нее дома. Затем бросили в реку.

— Значит, тело тащили от дома до реки, и никто этого не заметил?

— А кому быть на улице в такой час?

— Осталось одно: предсмертная записка.

— Кажется, я могу объяснить и это.

Пат уронил голову на руки.

— Слушай, ты знаешь, я не круглый дурак. Я не первый год в полиции и люблю свою работу; все идет хорошо. Но появляешься ты со своими идеями и... Что я — глупею, старею? Превращаюсь в тупого бюрократа? Что со мной, Майк?

Я мог только рассмеяться.

— Не волнуйся, ничего с тобой не случилось. Просто ты забываешь, что иногда преступник опытнее самого лучшего полицейского. Ставь себя на их место — помогает.

— Чепуха.

— Теперь у нас на руках два убийства. Мы не разобрались в первом, но второе показывает, с кем нам предстоит иметь дело. Это отнюдь не новички-любители.

Пат поднял голову.

— Ты говорил, что можешь объяснить...

— Ну нет, дорогой. Сам трудись.

Снова зазвонил телефон, и Пат взял трубку. Лицо его осталось безучастным до конца разговора.

— Вода в ее легких чистая. Следы мыла. Очевидно, она была утоплена в ванне.

— Так радуйся.

— Ну да, есть чем гордиться... Теперь меня будут поджидать с поздравлениями — и как это я додумался?! А что я скажу?

Когда я выходил, Пат выругался мне вслед, но уже с улыбкой.

Улыбался и я. Часть дела, слишком большого для одного человека, возьмет на себя полиция. В полиции есть люди и есть оружие. Мозги у них тоже есть. Теперь головы полетят, полетят головы, черт побери, — и скоро!

Перед тем, как идти домой, я поужинал в забегаловке. Нагрузив поднос всем, что было, я устроился за свободным столиком, не спеша поел и, закулив сигарету, почувствовал, как на меня снисходит сытая благодать. Все кусочки мозаики, все части этой истории были собраны у меня в голове, но упорно не желали складываться в целую картину.

День заметно потускнел, и вместе с сумерками на город спустился мелкий дождь. Я поднял воротник и под крышами домов пошел к машине. Движение стало гуще. Пока я добрался до дома, дождь усилился, и не было никаких признаков прояснения. Выйдя из гаража, я побежал, но все равно промок до нитки.

Ключ в замке провернулся. Я попробовал еще раз и он снова провернулся. Тогда я заметил царапины — замок был взломан. Я вытащил револьвер и с силой толкнул дверь. Она с треском распахнулась, и я влетел в квартиру, готовый ко всему, — но только никого, кроме меня, там не оказалось.

В каждой комнате горел свет, и все было перевернуто вверх тормашками. Сквозняк продувал пыльные внутренности тахты и

кресел, с которых была содрана обивка. Пустые ящики шкафа валялись на полу. Одежда, с вывернутыми наизнанку карманами, лежала сваленная в кучу. Не обошли вниманием даже холодильник: бутылки, банки, всякая снедь были разбросаны по кухне и собирали мух.

Я схватил телефон и набрал номер интенданта.

— Майк Хаммер, из 9-Д. Меня кто-нибудь искал?

Ответ был отрицательным.

— Сегодня никто подозрительный здесь не ошивался?

Ответ снова отрицательный. Он поинтересовался, не произошло ли чего-нибудь.

— Нет, но скоро, черт побери, произойдет. У меня в квартире похозяйничали, — едва сдерживаясь, ответил я.

Он тут же разволновался, и мне пришлось просить его помалкивать — очень не хотелось отвечать на вопросы и пугать соседей.

Я прошел в спальню и принялся расшвыривать кучу одежды, пока не наткнулся на сумку. Подкладка ее была распорота, молния — открыта, детские вещицы валялись рядом. Оба боковых кармана зияли раскрытыми ранами. Пачка фотографий исчезла.

Я провел тщательную инвентаризацию всего, что было в доме, — поиски стоили мне двух часов, — но единственной пропажей оказались фотографии. Потом, для верности, убедился еще раз. Не стоило беспокоиться. Пятьдесят долларов и часы лежали нетронутыми на тумбочке, а пачка старых выцветших фотографий исчезла.

Эти снимки вовсе ничего не представляли для меня, но что-то значили для кого-то другого. Поэтому умерла Энн. Я опустил на обломки кресла, закурил дрожащей рукой и стал собираться с мыслями. На полу валялась разодранная пачка сигарет. Патроны из-под лампочек были распотрошены, сломанными пальцами висели провода. Я огляделся еще раз, внимательно всматриваясь в почерк обыска. Взяли фотографии — но искали что-то еще, что-то очень маленькое. Из чернильницы были вылиты чернила, и я вспомнил пустую перечницу и солонку на кухне.

Конечно, все просто. Я поднял руку и улыбнулся кольцу.

— Они еще вернутся, — сказал я ему. — На этот раз ты им не досталось, и они еще вернутся. А мы будем ждать.

...Из забытья меня вывел комариный писк телефона. Из трубки донесся голос Пата.

— Что там?

— Хотел тебе сообщить: мы снова все проверили. Сходится. Осталось только разобраться с этой предсмертной запиской. У тебя была какая-то идея... просто ума приложить не могу.

Я ответил устало:

— Расспроси ее друзей. Не заговаривала ли она когда-нибудь

о самоубийстве? Возможно, прежде она думала о нем и даже написала записку. Кто-то отговорил ее, а записку приберег — на будущее.

— Ты подумал обо всем.

— Если бы.

— Я изложил наши соображения районному прокурору. Он считает их досужим вымыслом.

— А ты как думаешь?

— Я думаю, ты поймал змею за хвост.

— Это единственно безопасный способ.

— Надеюсь ты прав. Продолжаем игру, Майк?

— Конечно, малыш. Я дам тебе знать, когда появится что-нибудь новенькое. Как сейчас: у меня распотрошили квартиру. Искали кольцо Нэнси. Не нашли, но забрали те фотографии, что я взял у блондинки.

— Дьявол! — взорвался Пат. — Почему ты их не спрятал?!

— Конечно, я запру двери конюшни после того, как лошадь украдена... Я бы и не знал, что они для кого-то важны, если бы их не унесли. Я не жалею. Им нужно было кольцо, зачем — вот вопрос.

— У меня тоже есть новости, — помолчав, заметил Пат. — Я получил ответ из больницы в Чикаго.

Я стиснул трубку.

— Ну?

— Нэнси Сэнфорд лежала там четыре года назад. Незамужем, имя отца сообщить отказалась. Ребенок был мертворожденный. Никто не знает, куда она делась потом.

Мои руки дрожали, голос упал почти до шепота, когда я благодарил его. На прощание он сказал:

— А кольцо... Отдай его лучше мне, Майк.

Я рассмеялся.

— Черта с два. Случай Нэнси все еще числится самоубийством в твоих книгах. Вот когда он станет убийством...

Пат начал спорить, но я перебил его.

— Что ты собираешься делать с Мюррем?

— Его сейчас взяли в клубе. Везут сюда. Слушай, насчет кольца. Я хочу...

Я выпалил «спасибо» и бросил трубку. Мюррея собираются допросить. Значит, у меня есть по меньшей мере два часа, хотя у него хороший адвокат и нужные связи. Времени достаточно.

Глава 9

Мюррея Кандида можно было разыскать по двум адресам: в клубе и дома, в уважаемой части Бруклина. По домашнему телефону ответил дворецкий, который с британским акцентом сообщил, что мистера Кандида нет и не ожидается до ночи,

но он сможет передать все, что требуется. Я попросил его не беспокоиться и повесил трубку.

Дворецкий. Золотые канделябры и редкие китайские вазы.

Я опустил руку на диск и, подумав, набрал номер Лолы. Она сразу узнала мой голос.

— Привет, милый. Ты где?

— Дома.

— Я тебя увижу?

Буквально от нескольких ее слов у меня на душе становилось легко и свободно.

— Немного позже. Сейчас я по уши в делах. Может, понадобится и твоя помощь.

— Конечно, Майк. Что?..

— Ты знаешь Энн Минор? Она работала у Мюррея.

— Естественно. Не один год. А что?

— Она мертва.

— Нет!

— Да. Убита, и я знаю, почему. За это дело взялась полиция.

— О, Майк... почему так происходит? Энн не была... одной из нас. Она ничего... Всегда пыталась помочь... О, Майк, почему? Почему?

— Успокойся, дорогая. Сейчас важно другое: где у Мюррея может быть квартира? Не дом в Бруклине, а просто место для развлечений или деловых встреч?

— У него был уголок в Вилледже. Но я не уверена, что он сохранил его за собой. Мюррей регулярно менял такие квартиры, потому что не любил подолгу засиживаться в одном месте. Хотя Вилледж как район ему всегда нравился. Я... была там однажды... на вечеринке. Майк, я не хочу вспоминать.

— И не надо. Примерно, где это?

Она дала мне координаты, и я записал их.

— Тебе придется расспрашивать. Я могу тебе помочь, но...

— Сиди смирно, сам найду. Вовсе незачем рисковать тобой.

— Хорошо, Майк. Пожалуйста, будь осторожен. Береги себя.

Я улыбнулся.

— Обещаю, милая. Я тебе позвоню потом, чтобы ты знала, что все в порядке.

— Буду ждать.

Вечер уже вступил в свои права, когда я кончил одеваться: одел сшитый на заказ костюм с местом для кобуры и, предусмотрительно набив карманы сигаретами, набросил на себя плащ, который вытащил из-под кучи вещей.

В последний раз оглядев кавардак, я вышел за дверь и спустился к гараж: Дождь усилился и косыми струями рассекал воздух, разбиваясь на тротуарах и загоняя пешеходов под крыши. Машины двигались медленно, склонившиеся над рулем во-

дители внимательно смотрели на дорогу, и только быстро и неутомимо, как возбужденные клопы, бегали по стеклам щетки стеклоочистителей.

Я свернул на Бродвей, входя в основной поток автомобилей к центру. Улицы совсем опустели, даже такси предпочитали пережидать под навесами стоянок. Иногда из распахнувшейся двери салона кто-нибудь выбегал и, с газетой над головой, стремительным броском неся к другому бару или к метро. Но если и можно было обнаружить в Вилледже жизнь в тот вечер, то только под крышей.

Неподалеку от места, которое обозначила Лола, находилось заведение под названием «Моника». Красная неоновая вывеска мерцала сквозь дождь и, проезжая мимо, я разглядел бар с горсткой посетителей, уныло склонившихся над выпивкой. Что ж, с таким же успехом можно начать и отсюда.

Я поставил машину, поднял воротник плаща и побежал, преодолевая ощутимое сопротивление стены дождя. Пока добежал, брюки промокли насквозь, в ботинках хлопало.

Головы в баре, как по взмаху дирижерской палочки, развернулись в мою сторону. Три парня, пойманные здесь в ловушку, равнодушно отвели глаза. Две дамы, интересующиеся более друг другом, чем мужчинами, вернулись к томным чувственным взглядам и пожиманиям ног. Две другие милашки расплылись в зазывных улыбках, готовые бороться за права на вновь прибывшего. «Моника» обслуживала самую пеструю клиентуру.

За стойкой красовался здоровый жирный тип со шрамом на подбородке. Одно его ухо, размером с клетку, окраской и формой смахивало на цветную капусту. Вряд ли это его зовут Моника. Он поинтересовался, что я закажу. Я попросил виски.

— Все меняется,— прокаркал он, брезгливо скривив рот.— Все шиворот-навыворот.— Лесбиянки метнули на него по разъяренному взгляду и оскорбленно отвернулись.— Там, где я работал раньше, девочки готовы были передрасться за парня. Здесь дамы не думают ни о чем, кроме дам.

— Верно, в них нет ничего женского,— поддакнул я.

— Там, дальше есть парочка нормальных. Пойди, может понравится.

Он по-дружески кивнул, и я, взяв стакан, прошел в дальний конец помещения. Там действительно сидела пара деток, только они были уже заняты. Две женщины в костюмах мужского покроя развлекали их лучше, чем это удалось бы мне.

Поэтому я сел в одиночестве за столик у пианино и стал за ними наблюдать. От стойки оторвался один из парней и с самодовольной ухмылкой сел напротив меня.

— Не правда ли, бармен слишком старомоден?

Я хмыкнул и отхлебнул виски. Эти типы действуют мне на нервы.

— Вы не местный?

- Нет.
- Из центра?
- Да.
- А-а... — Он нахмурился. — Уже... свидание?

Парень явно напрашивался на неприятности, но я передумал и объяснил:

— У меня встреча с Мюрреем Кандидом. Он сказал мне, где живет, да я запомнил.

— Мюррей? Это мой лучший друг! Но он недавно снова переехал. Джорж говорил, что теперь куда-то к бакалейному магазину, в двух кварталах к северу. Вы давно его знаете? Я на прошлой неделе... почему же вы уходите... мы еще не...

Я даже не оглянулся. Если эта гнилушка посмеет пойти вслед за мной, пусть пеняет на себя. Бармен прочиркал мне вслед, что подобная публика мешает бизнесу. Согласен.

Я медленно проехал по улице, развернулся и поехал обратно. В магазине было темно, как и в окнах наверху. У тротуара стояло несколько машин, я втиснулся между ними, и переждав, пока пара педерастов не затерялась в дожде, вошел в подворотню магазина — будто бы прикурить, но больше для того, чтобы оглядеться. Ничего не было видно. Я толкнул дверь, поддавшуюся под моей рукой. На виду висели два почтовых ящика. На одном было написано: «Байл»; это же имя на вывеске магазина. Другой был без надписи и относился к квартире наверху. Вот оно...

Через несколько минут мои глаза привыкли к темноте, и я увидел ступени, дряхлые и шаткие, покрытые вытертым ковром. Я старался подниматься как можно осторожнее, но лестница все равно скрипела. Узкую площадку второго этажа украшала разошедшаяся дверь с табличкой «Байл». Держась руками за стену, я стал подниматься выше. Здесь лестница была новее, и ступени не издавали ни звука. Добравшись до двери, я замер, прислушиваясь к едва уловимому шуму. Внутри кто-то был.

Дверь открывалась на хорошо смазанных петлях. Внутри царил мрак. Из дальней комнаты доносились приглушенные звуки. Потом что-то упало на пол и разбилось, и кто-то прошептал кому-то, чтобы тот был потише из любви к богу. Итак, их двое.

Затем другой сказал:

— Проклятье, я порезал руку! — Отодвинули стул, покати-лось стекло. Раздался звук рвущегося материала. — Черт, не могу перевязать. Придется выйти.

Он пошел в моем направлении, лавируя среди мебели.

Я вжался в стену. Парень на секунду застыл в дверном проеме, темный силуэт на еще более темном фоне, затем его рука задела мой плащ, и он открыл рот для крика.

Я ударил его в лоб стволом револьвера, и его колени подогнулись, не выдержав тяжести тела. Он свалился прямо в мои объятия, со свесившейся на бок головой, и я услышал, как капает на пол кровь. Все было бы хорошо, если бы мне удалось тихо

опустить тело; но оно повернулось в моих руках, и из кобуры вывалился пистолет.

Наступила тишина. Я зашаркал ногами и вполголоса выругался, как будто только что ударился об стену.

Донесся едва слышный голос:

— Рэй... это ты, Рэй?

И я вынужден был ответить:

— Да, это я.

— Иди сюда, Рэй.

Я снял с себя плащ и положил на пол — этот малый примерно моей комплекции, может, сойду за него. Нагнувшись я вовремя — в дверях комнаты стоял парень с револьвером, нацеленным на то место, где должен был быть мой живот.

Имя его приятеля было не Рэй, а я на него отозвался.

Язычок пламени с каким-то слабосильным щелчком вылетел в моем направлении, но я уже катился в сторону, и пуля врезалась в стену. Я вскочил на ноги и задействовал свою пушку с грохотом, от которого ходуном заходила вся комната. А потом, не дожидаясь ответного выстрела, кинулся под кресло, слушая, как парень искал прикрытия поблизости.

Я не знал, видно меня или нет, и только заставлял себя лежать неподвижно и дышать тихо. Тому парню это не удалось. Он судорожно, с хрипом втягивал в себя воздух; потом, испугавшись, что его услышат, начал быстро двигаться. Пусть полотеет. Теперь я знал, где он, но не стрелял. Он снова переменял место, удивляясь моему молчанию и думая, не задел ли меня первым выстрелом. У меня свело ногу, от напряжения затекла рука.

Парень, наконец, справился со своими нервами. Я навел револьвер в том направлении, где, по моим ожиданиям, он должен был появиться и, не фиксируя взгляда на какой-нибудь точке, стал ждать. Из-за задернутых штор еле-еле пробивался свет, углублявший тени, и на этом фоне светлым пятном вдруг выделилось лицо. Он был прямо у меня на мушке.

И тут начал возвращаться к жизни парень в передней. Его ноги засучили по стенке, ногти заскребли по полу. Он лежал несколько секунд, вспоминая, как сюда попал и что случилось, затем выругался и пополз к двери.

Это словно спустило пружину. Прятавшийся парень резко вскочил и случайно опрокинул на меня кресло — как раз в тот момент, когда я поднимал револьвер. Прежде чем я успел отбросить кресло, комната опустела. По лестнице загрохотали шаги, потом на улице взревел автомобильный двигатель, и все стихло.

Преследовать их не было смысла. Я чиркнул спичкой, нашел выключатель и зажег свет. Стоило мне оглядеться, как я понял, что они здесь делали. Одну стену занимал большой стеллаж. Половина книг лежала на полу, в беспорядке разбросанные, часть разодрана.

Я сунул револьвер в наплечную кобуру и продолжил их работу

с того места, где они остановились. При свете дело пошло лучше. Вдруг одна из книг легко раскрылась, и из вырезанной в страницах ниши выпала маленькая книжечка.

Кто-то крикнул на улице, этажом ниже хлопнула дверь. Я упрятал книжечку за ремень сзади, схватил шляпу и плащ и совершил сумасшедшую пробежку по лестнице, причем последний пролет к открытой парадной двери пронесся, перепрыгивая через две ступени.

Что-то невообразимо тяжелое ударило меня в шею, и в голове взорвался фейерверк диких звуков и вращающихся огней. Тело больше мне не принадлежало. Оно превратилось в жидкую кашу: но боли не было, а было какое-то светло-розовое оцепенение, внезапно нарушенное другим цветом, на этот раз ярко-красным. Я почувствовал удар в грудь и в последний момент просветления понял, что попал в ловушку — кто-то в упор вплеп в меня пулю.

Сколько я лежал там, сказать не могу. Меня заставил очнуться звук — высокий плачущий вой сирены. Я вскарабкался на ноги, держась за перила, машинально подобрал шляпу и, пошатываясь, вышел за дверь. На улице собралась толпа, но если меня и заметили, то виду никто не подал. Сейчас я был рад дождю и мраку, окутавшим меня непроницаемой пеленой, и поплелся на поиски машины. Найдя же ее, свалился на сиденье и из последних сил захлопнул за собой дверцу. Грудь казалась смятой в лепешку, а в голове, как в кузнице, с грохотом работали гигантские меха, раздувающие языки пламени по всему телу.

Визжали тормоза полицейских машин, слышался топот ног, возбужденно гудела толпа, разрастающаяся с каждой минутой... Терпеть больше не было сил. К дьяволу все и вся. Я позволил глазам закрыться и свалился вниз, ткнувшись носом в залежи пыли.

...Струйки дождя били в открытое окно и ручейками стекали по телу. С трудом разлепив веки, я уперся руками в пол и с грехом пополам сел за руль.

Толпа разошлась, полиции не было, улица опять опустела. Только дождь — потоки воды, омывающей тротуары, — и черные квадраты окон. Мой мозг медленно очищался от тумана. Я сунул руку под сиденье и вытащил револьвер, вернее то, что от него осталось. Пуля угодила в спусковой механизм и сплюснулась в опасную уродливую амебу. В груди горело адское пламя, но кожа не была даже поцарапана. А кто-то думал, что мне каюк.

Я потянулся к поясу — книга была на месте. Прошло еще десяток минут, пока я не почувствовал себя в состоянии держать руль. Я врубил мотор и зажег фары.

Кольцо Рыжей не блеснуло мне в тусклом свете приборной панели. На моем пальце, откуда его в спешке содрали, красовалась свежая царапина. Кольцо исчезло. За ним пришли раньше, чем я ожидал.

Время ничего не значило для Лолы. Она сказала, что будет ждать, и ждала. Во всем доме светилось только ее окно, и я видел, как дважды падала на шторы ее тень.

Я шел от машины и жалел, что на тротуаре нет ковра, который хоть немного смягчил бы боль в ногах. Каждый шаг отдавался в голове, будто горящей огнем, а когда я закурил, дым судорогой свел легкие и тысячью ножей впился в ребра.

Лестница казалось длинной в милю. Я поднимался на пару ступенек, отдыхал, затем снова поднимался. Добравшись до двери, нажал на звонок и, не отпуская кнопки, привалился к косяку.

Послышались торопливые шаги. Дверь распахнулась.

Я не предполагал, что выгляжу так плохо. Лола вздохнула:

— О, Майк! — и нежно погладила мое лицо. Потом взяла меня за руку и ввела в комнату.

— Я сейчас не совсем в форме.

Мне нелегко было улыбаться.

Лола посмотрела на меня и покачала головой.

— Когда-нибудь... ты придешь ко мне... когда не будешь нуждаться в больничном уходе?

Она была прекрасна, эта женщина, почти такая же высокая, как я, в зеленом переливающимся платье, под которым при каждом движении вырисовывались контуры ее тела. Я любовался ей, вдыхая запах ее духов. Ее мягкие нежные волосы волной спадали на плечи. И хотелось закрыть глаза и зарыться в них лицом. В Лоле появилась новая красота; или эта красота была всегда, а сейчас раскрылась с особой силой. Я медленно притянул ее к себе. Ей не надо было говорить, что она — моя. Я знал это.

— Майк...

— Что, милая?

— Я люблю тебя, Майк. Молчи!.. Мне предстоит большой путь...

— Нет, детка. Забудь все, что было. Кто я, черт побери, такой, чтобы поучать других? Я делал то же самое, но для мужчины это почему-то считается естественным. Главное не то, что делаешь, а то, что думаешь. Да я встречал бродяг в притонах, готовых сделать для тебя больше, чем половина прихожан в церкви!

— Но я хочу, чтобы все было по-другому. Я так стараюсь быть хорошей!

Я притянул к себе ее лицо и поцеловал закрытые глаза.

— Ты всегда была хорошей, Лола. Я знаю тебя недолго, но ручаюсь, что ты всегда была хорошей.

Она сжала мою руку и улыбнулась.

— Благодарю вас, мистер Хаммер. С вами так легко... Поэтому я вас люблю. — Пальчиком она закрыла мне рот. — Но все-таки мне ещё предстоит долгий путь. Я хочу быть достойной твоей любви.

Я попытался поцеловать ее в нос, но сделал резкое движение и невольно сморщился. Лола сразу все поняла. Озабоченные линии появились в уголках ее глаз. Она указала мне на кресло.

— Опять, Майк?

— Опять.

— Плохо?

— Могло быть хуже. Целились в грудь, но пуля попала в револьвер. Теперь никогда не буду оставлять Бетси дома. Угостили меня и ударом по шее — чуть не оторвали голову.

— Кто... кто это сделал?

— Ха. Было темно, а нас в спешке забыли представить.

Лола ослабила мне узел галстука и расстегнула ворот рубашки, села на подлокотник кресла и погладила меня по шее. Ее пальцы, длинные и прохладные, ласкали раны и убирали боль. Я откинул голову и закрыл глаза, наслаждаясь прикосновениями, ее близостью. Она напевала песню низким грудным голосом, пока я совсем не расслабился.

— Они отняли кольцо Нэнси.

— Да.

Это был не вопрос, а, скорее, утверждение, что она готова слушать меня, когда я смогу говорить.

— Я разыскал пристанище Мюррея. Двое его ребят рылись там в книгах. Он, наверное, не успел им сказать, где это лежит.

— Нашли?

— Нет, нашел я.

Ее руки гладили мои плечи, массируя мышцы.

— Что же это?

— Книжка. Маленькая книжка, спрятанная внутри другой книги.

Не открывая глаз, я потянулся и вытащил ее из кармана. Послышался шорох страниц.

— Здесь какая-то тарабарщина.

— Неудивительно.

Я отвел с шеи руку Лолы, поцеловал ее и взял книжку.

Блокнот в кожаном переплете, как раз по размеру внутреннего кармана пиджака. Строчки шли по странице прямо, будто проведенные по невидимой линии. Почерк мелкий и аккуратный.

Буквы, числа. Заглавные буквы, маленькие буквы. Бессмысленные, на первый взгляд, знаки. И все же во всем этом чувствовался порядок. Я быстро пролистал страницы. Примерно четверть книжки оставалась пустой.

Лола смотрела через мое плечо.

— Что это, Майк?

— Код.

— Ты можешь его прочесть?

— Нет, но специалисты смогут. А может и тебе удастся. Посмотри, нет ли чего-нибудь знакомого.

Прикусив нижнюю губу, Лола внимательно следила за моим пальцем, скользящим по строчкам. В конце каждой страницы она качала головой, и я переворачивал на следующую.

— Она знала не больше меня. Я уже собирался закрыть книжку, когда ее рука сжала мое запястье.

— Что, это? — подсказал я.

— Нет, не может быть.

Лола нахмурилась.

— Скажи мне, детка.

Ее палец дрожал, указывая на значок.

— Очень давно... я как раз зашла в контору Мюррея, когда ему позвонили. Он поговорил и что-то записал в блокноте. Мне кажется... мне кажется, вот это... Позже он сообщил мне о «задании».

— Кто это был?

— Я... я должна?

Она молила меня не заставлять ее вспоминать.

— Только сейчас, крошка.

— Имени не помню, — быстро проговорила Лола. — Он был не из города. Жирный и скользкий; я ненавидела его. Майк, пожалуйста, не надо больше, не надо.

— Хорошо, хватит.

Я закрыл книжку и положил ее на стол. Мяч пошел в игру: скоро покатаются головы. Я потянулся за телефоном.

Пат был в постели, но не спал. В его голосе сквозило напряжение.

— Я ждал твоего звонка. Что происходит?

— Хм, недурно бы знать. Может, поделишься?

— Конечно. В конце концов, эту кашу заварил ты.

— Осложнения, Пат?

— Еще какие. Мы допросили Мюррея. Естественно, тот ни сном ни духом. По его словам, Энн Минор — взбалмошная истеричка. Он давно хотел ее рассчитать и уверен, что она почувствовала это и еще больше взбесилась. Не был удивлен, когда мы сказали, что она покончила самоубийством.

— Ясно.

— Конечно, Мюррей сообразил, что дело не только в Энн Минор, что здесь кроется нечто большее. Через тридцать минут после того, как мы его отпустили, как будто ад взорвался. И все шишки посыпались на меня. До сегодняшнего дня я не подозревал, что политики настолько грязны. Да, заварил ты кашу, братец.

— Я ее расхлебую. А в квартире Энн... никаких отпечатков?

— Практически ничего. Ванна чиста, как зеркало. Нашли несколько ее волосков, но все остальное смыто. Мы взяли пробу воды. Сработало — следы того же мыла.

— Вы расспрашивали о предсмертной записке?

— Черт побери, у меня не было времени! Двое моих людей начали болтать кое с кем из «Зеро-Зеро», но их сразу же позвали

к телефону. И посоветовали не ввязываться в это дело во избежание неприятностей.

— Ну, а они?

В тоне Пата появилась злость.

— Не испугались. Выяснили, что звонили из автомата у метро. Тогда они связались со мной, и я велел действовать смелее и напористей.

Я засмеялся.

— Ага, сердисься?

— Еще как! Люди платят за защиту. Интересно, за кого они принимают полицию? За частную прислугу?

— Некоторые, да,— раздраженно подтвердил я.— Слушай, Пат, у меня тут кое-что для тебя есть. Понимаю, уже поздно и все такое прочее, но дело важное. Приезжай поскорее, хорошо?

Он не задавал вопросов. Я продиктовал ему адрес Лола и повесил трубку.

Лола сходила на кухню за пивом, открыла бутылку и протянула мне большой стакан.

— Что там? — спросила она, устроившись в кресле напротив.

— Думаю, кое-кого мы хорошенько потрепsem.

— Мюррея?

— И его тоже.

Мы молча потягивали пиво. Лола переместилась на диван, соблазнительно свернувшись калачиком.

— Ты пойдешь ко мне, или я пойду к тебе? — шаловливо улыбнулась она.

— Я пойду к тебе.

Лола подвинулась, освобождая для меня место.

— Одну руку мы удержим от осложнений.

— А что с другой рукой?

— Пускай попадает в осложнения.

Я рассмеялся и с такой силой прижал ее к себе, что она засопела в мое плечо:

— Майк... это довольно приятно.

Я не мог с ней не согласиться. Когда пиво кончилось, Лола принесла еще и вернулась в мои объятия. Возможно, мне следовало думать о Нэнси, что-то организовать, куда-то спешить, но было так хорошо просто сидеть с ней рядом, смеясь над глупостями... Такая девушка может вернуть вам то, что, казалось, давно потеряно.

Пат приехал слишком быстро. Лола с улыбкой открыла дверь, а я крикнул:

— Лола, познакомься с Патом Чамберсом, прекраснейшим из прекрасных.

— Привет, Лола,— произнес Пат, входя в комнату и швыряя шляпу на диван. Он не собирался тянуть время.— Выкладывай. Что там у тебя?

Лола взяла со стола книжку, и я вручил ее Пату.

— Из коллекции Мюррея. Шифр. Вы сможете разобраться в нем?

Его губы сжались в узкую бледную линию.

— Код памяти. Проклятье!

— Что?

— Это код памяти, ставлю руку на отсечение. Каждый символ обозначает вещь, известную только одному человеку.

Я опустил стакан.

— Ребята в Вашингтоне ведь разгадали шифр япошек, а?

— Да, но это совсем другое дело.— Пат покачал головой.— Вот представь себе. Предположим, ты сказал мне слово, значение которого я не понимаю. Как мне догадаться? Если ты не будешь повторять его, используя различные символы и сочетания букв, которые ты держишь в памяти, я не смогу даже подступиться.

— Нужна хорошая память?

— Собственно, запоминать не так-то много.— Пат постучал по книжке.— При известном усердии может каждый.

Я потянулся за стаканом и плеснул в него то, что оставалось в бутылке.

— Похоже, Лола узнала один из знаков. Мюррей употреблял его для обозначения некоего «заказчика». Эта маленькая книжца — список клиентов и весь бюджет.

Пат вскочил на ноги, и в его глазах сверкнул огонь.

— Где ты ее достал?

— На квартире Мюррея в Вилледже. Пока вы задавали ему вопросы, он послал за ней своих ребят. А я их там застал. Из-за этого проклятого шифра они пытались меня пристукнуть.

— Можешь сказать, кто «они»?

— Нет, лиц я не видел. Но у одного должен быть порез на руке и красный синяк на лбу. Порасспрашивай в клубе. Думаю, это телохранители Мюррея.

— Я передам книжку экспертам. Если что-нибудь получится, сразу же сообщу.

— Хорошо.

— Как мне с тобой связаться?

— Я сам с тобой свяжусь.

— Не понимаю, Майк. Ты?..

Он замолчал, увидев выражение моего лица.

— Меня считают мертвым.

— Боже мой!

— Там у Мюррея было трое парней. Один — отдельно. Ему нужно было только кольцо Рыжей. Он стрелял в меня и весьма удивится, обнаружив, что я жив.

Пат сообразил сразу.

Тот же парень убил блондинку, обыскал твою квартиру и следил за тобой, пока не представился удобный случай.

— Ага. В темном подъезде.

— И его интересовало только кольцо?

— Да. У меня была эта книжка, но он даже не удосужился поискать.

— Итак, существуют две группы. Обе охотятся за тобой, однако по разным причинам.

— Возможно, причина одна, но им это неизвестно.

По его лицу расплылась усмешка.

— Они желают увидеть твоё тело. Они захотят узнать, что с твоим телом.

Я кивнул.

— Пусть помучаются. Пусть думают, что полиция специально держит все в тайне. Пусть решат, что у нас козырной туз в рукаве. Посмотрим, что выйдет.

Пат удовлетворенно хмыкнул и направился к двери, на ходу уже прикидывая различные варианты. Он повернулся, рассеянно махнул и вышел.

Лола взяла пустую бутылку и искоса посмотрела на меня.

— Если ты такой мертвый, то мне не терпится дождаться твоего воскрешения.

Я послал ей воздушный поцелуй, и она пошла на кухню. Вернулась Лола с несколькими бутылками пива и уже в другом настроении.

— Ты можешь рассказать мне... об обыске?

Я описал, опуская некоторые детали, самое основное, что произошло. Она буквально впитывала каждое слово, пытаясь следовать за моими рассуждениями. Я закончил и дал ей время переработать информацию.

— Детская одежда, Майк... Сходится.

— Что сходится?

— У Нэнси на животе были следы операции. Я никогда не спрашивала ее...

— Ребенок родился мертвым.

— Отец?

— Неизвестен.

Лола о чем-то задумалась, покусывая ногти.

— Фотографии, которые были украдены...

— Ее снимки в юности.

— Не это.

— А что тогда?

— Тот тип, что тебя подстерег, такой небрежный... ты сказал, он взял только кольцо... не искал книжечку, которая была у тебя...

— Он не знал, что она у меня.

— Нет, я не то имею в виду. Может быть, он просто взял фотографии. Взял, не глядя.

Я начал понимать, но хотел убедиться.

— К чему это ты, Лола?

— У Нэнси была камера — одно время она работала в фото-

ателье «Момент». Может, они искали карточки, которые она снимала. А эти прихватили случайно.

Разумно. Я поцеловал ее в шею.

— Но, умница моя, ты же сказала, что Нэнси не пойдет на шантаж.

— Я сказала: думаю, что Нэнси не пойдет на шантаж. Я и сейчас так считаю. Однако, кто знает?

— Понимаешь, мы опять выходим на Финнея Ласта!

Лола накрыла мою руку своей, погладила пальцы.

— Майк, не горячись. Надо все хорошенько взвесить. Обычный головорез...

— Нет, это не он. Возможно, я его недооценил. Итак, у Нэнси имелся материал для шантажа... По словам Финнея, фотографии одного типа в отеле с девочкой. Кто этот тип и кто крошка? Может, сама Нэнси? Если у нее был хороший аппарат, съемка могла вестись автоматически, через определенные интервалы времени. Финней пронюхал об этом и решил заполучить снимки. Черт побери! Они вместе могли задумать этот шантаж!

Одно мы знаем: Финней обыскал ее комнату. Ублюдок не брезговал ни малейшей возможностью. Но вот загвоздка: у Финнея есть алиби. Когда Нэнси была убита, он сопровождал Берин-Гротина.

— К тому же полиция уверена, что парень наехал на Нэнси случайно,— добавила Лола,— Как ты это совместишь?

У меня снова заболела грудь, и я откинулся на спинку дивана.

— А, не знаю. Какая-то белиберда! Если это несчастный случай, то кто и зачем снял кольцо? И почему так необходимо было получить его обратно? Какова роль кольца?

Я закурил сигарету, глубоко затянулся и закрыл глаза. Тишину нарушила Лола.

— Майк, послушай. У Нэнси были какие-то важные снимки. Их искали в ее квартире и, очевидно, не нашли. Тогда перевернули твою квартиру и забрали фотографии, которые, судя по всему, интереса не представляют. Хорошо... а где же нужные?

Боже, какой невообразимый идиот! Я смял сигарету в руке и не почувствовал ожога. Фотографии, фотографии... У Нэнси были снимки всех и каждого, и она была готова пустить их в ход, когда вмешался Финней Ласт.

Конечно, как может быть иначе? Дешевый бандит с большими претензиями, увидевший путь к достижению своих целей. Но Нэнси попала под машину и погибла. Возможно, Финней поставил следить за ней парня, который знал достаточно, чтобы догадаться снять кольцо и украсть документы. А зачем? Потому что, когда ее личность будет установлена, кто-то другой может добраться до материала первым. Выходит, кольцо — случайность, а Нэнси — просто шантажистка...

Чепуха. Она все равно была моим другом. Возможно, Финней

не убивал ее, но собирался это сделать и дорого заплатит!..
Блондинка мне тоже нравилась.

— Фотоаппарат, Лола, где он может быть?

Она ответила мне вопросом:

— Разве Нэнси не жаловалась тебе? Дела шли плохо — Финней отгонял клиентов. Ей нужны были деньги. Она заложила камеру.

Каждая мысль порождала следующую. Призрачные пальцы подбирали осколки и раскладывали их по порядку. Этакая игра: сперва кладет соперник, потом я...

У Рыжей наверняка было место, где она могла спокойно оставить снимки, которые и сейчас ждали ее, пока кто-то ищет их и зря тратит время, думая, что я мертв. Финней Ласта ждет большой сюрприз.

— Завтра начнем, Лола. Я куплю новый револьвер, и мы начнем.

— Кто это «мы»?

— Я и ты, дорогуша. Меня считают мертвым, не забывай. Покойнику не пристало бродить по улицам. Так что завтра твоим бедным ножкам предстоят тяжкие испытания — обойти все ломбарды. На квитанции на камеру должен быть адрес, а это все, что нам надо.

Лола успела, вытянула ноги и медленно, соблазнительно опустила чулки, обнажая округлость икр.

— Говоришь, ходьбы много? — лукава произнесла она.

Я наклонился и поднял чулки, что было совсем не похоже на меня; но дело стоило того, потому что Лола откинула голову назад и засмеялась, и я поцеловал ее, прежде чем она успела закрыть рот. Ее руки обвилились вокруг моей шеи, и она прошептала.

— Я люблю тебя, Майк, я люблю тебя, люблю тебя, люблю...

Я хотел сказать ей то же самое, но Лола поняла это и остановила меня поцелуем. Затем встала и разложила постель. Я сбросил туфли и швырнул галстук на стул.

— Иди спать. Отметим твоё воскресение в другой раз. Спокойной ночи, Майк.

Я лежал и думал, просто ли я устал или влюблен.

Я решил, что просто устал, и, улыбаясь, заснул.

Глава 11

Меня разбудили ароматы кофе и шипящей на сковороде яичницы с беконом. Я зевнул, потянулся и ожил, когда вошла Лола, такая же красивая утром, как и ночью.

— Завтрак подан, мой господин.

Она вернулась на кухню, а я влез в брюки и последовал за ней. За столом выяснилось, что Лола уже звонила на работу,

сказалась больной и получила разрешение несколько дней оставаться дома.

— Я вижу, у тебя там солидное положение.

Она сморщила носик.

— Им нравится моя техника моделирования.

Закончив завтрак, Лола прошла в спальню и одела костюм, уложив волосы под шляпку и решительно убрав почти всю косметику, что вовсе не портит ее вид.

— Надо выглядеть так, чтобы все решили, что я могу делать покупки только в комиссионках и ломбардах,— объяснила она.

— В это никто не поверит, милая.

— Прекрати подлизываться.

Лола стояла перед зеркалом, там и тут внося последние поправки.

— Так что мне говорить, Майк?

Я развалился в кресле и вытянул ноги.

— Возьми телефонную книгу, составь список всех магазинов и действуй. Ты знаешь камеру... она может быть на витрине, может быть на полках. Как увидишь, покупай. Помни, нам нужен адрес на квитанции. Придумай какую-нибудь историю... веди себя естественно.

Я достал бумажник и выбрал несколько банкнот.

— Возьми. На такси, чаевые и камеру. Если найдешь ее. Лола положила деньги в кошелек.

— Майк, только честно: ты веришь в успех?

— Видишь ли, это единственный шанс. Другой нити у нас в руках нет.

— Ты будешь здесь?

— Возможно, не знаю.

Я записал свой домашний адрес и адрес конторы, а затем добавил телефон Пата.

— Ищи меня в этих местах. Если попадешь в переделку, а меня поблизости не будет, обратись к Пату. Все ясно?

Она кивнула.

— Кажется, да. Должна верная жена, отправляющаяся на работу, получить прощальный поцелуй от ленивого супруга?

Я схватил ее за руку и притянул к себе, чувствуя, как по телу разливается огонь возбуждения.

— Не хочу уходить,— сказала Лола. Она улыбнулась и с порога махнула мне.

Как только она ушла, я подошел к телефону и набрал номер конторы.

— Простите, мистера Хаммера сейчас нет,— ответила Вельда.

— А где он?

— Не могу сказать. Он... Майк! Где тебя черти носят?! Почему бы тебе не заняться делом? Я никогда...

— Спокойней, цыпка. Мною интересовались?

— Еще как! Я не успевала отвечать.

— Кто звонил?

— Во-первых, человек, который пожелал остаться неизвестным; по его словам, дело конфиденциальное, обещал позвонить позже. Затем два возможных клиента; я объяснила, что ты занят, но каждый из них считал, что ради него ты бросишь все остальное.

— Да. Оба по имени Джонсон. Марк и Джозеф Джонсоны, не родственники.

Я хмыкнул. Джонсон, пожалуй, самая распространенная фамилия в телефонном справочнике.

— Кто еще?

— Тип по имени Кобби Беннет. Я замучилась, пока записывала его имя, потому что он был почти в истерике. Кричал в трубку, что ты ему немедленно нужен, зачем — не говорил. Номера не оставил, с того времени звонил трижды.

— Кобби!.. Ладно, продолжай.

— Мистер Берин-Гротин. Хотел узнать, вовремя ли поступил в банк его чек. Я сказала, что ты с ним свяжешься. Он попросил не беспокоиться, если все в порядке.

— Все не в порядке, но беспокоиться уже поздно. Сиди у телефона, детка. Отвечай в таком же духе любому. Запомни одно: ты понятия не имеешь, где я, и ничего обо мне не слышала со вчерашнего дня. Поняла?

— Да, но...

— Без «но». Говори свободно только с Патом и с девушкой по имени Лола. Если у них будут новости, попробуй найти меня дома или здесь.

Я продиктовал номер Лолы и подождал, пока она его записала.

— Майк... что это? Почему ты не можешь...

Мне уже надоело повторять.

— Меня считают мертвым, Вельда. Убийца думает, что я не ушел.

— Майк!

— Не волнуйся, я даже не поцарапан. Пуля попала в револьвер. Кстати... надо купить новый. Пока, малышка, до встречи.

Я повесил трубку и сел на край стула, потирая руками лицо. Кобби Беннет в истерике и желает меня видеть; не говорит, зачем... Интересно, кто из звонивших был убийцей, желающим удостовериться, что я покинул бранный мир?.. По крайней мере, мне известно, кто такой Кобби.

Я надеялся, что сумею его разыскать.

Пальто помялось — лежало на стуле, — а костюм без револьвера под мышкой висел мешком. Кобура заполнила пустое пространство, но заменить оружие не могла. Я захлопнул дверь, спустился по лестнице и вышел на улицу.

На Девятой авеню я взял такси и поехал в оружейную на Ист-сайд. Владелец магазина, судя по возрасту, стрелял еще из кремневых ружей. Не задавая вопросов, он изучил мою лицензию,

сравнил фотографию с оригиналом и кивнул. Я выбрал армейский револьвер 45-го калибра и забрал свою покупку вместе с напоминанием сорбщить в полицию об изменении номера оружия в билете.

...Если бы солнце сейчас клонилось к закату, мне бы ничего не стоило найти Кобби Беннета. В разгар дня сделать это было гораздо труднее. В табачной лавке на углу я наменял кучу мелочи и устроился в телефонной будке, обзванивая все его любимые заведения. И везде мне давали одинаковый ответ. Кобби Беннет исчез. Многие желали знать, кто я. «Друг», — отвечал я и вешал трубку.

Город в определенном отношении как джунгли — потеряться в миллионах его жителей проще простого. Сегодня я был этому рад. Можно бродить по улицам неделю, не будучи узнанным, если, конечно, быть достаточно осторожным, чтобы не привлекать внимания. Мимо проехало такси. Я свистнул и, когда оно остановилось, с удовольствием сел. Сказав, куда ехать, я задернул шторку и стал массировать шею.

Кольцо Рыжей потеряно. Нэнси — шантажистка? У меня из головы не выходил ее взгляд — в тот момент, когда я протянул деньги. Никогда не забуду его, потому что я сказал ей: этот род занятий — убийство. Я и не знал, насколько был прав.

Нэнси, девушка с манерами леди и привычками бродяги. Девушка, которая вынуждена была продавать себя, чтобы жить. Нежная добрая девушка, которая должна проводить вечера дома, готовя ужин для любимого человека. Вместо этого ее терроризировал бандит. Я предложил ей помощь, и ее глаза засветились, как свечи на алтаре...

— Приехали, мистер, — сказал шофер.

Я просунул в окошко деньги и вышел, ища знакомую голубую форму. Я собирался найти Беннета кратчайшим путем. Полицейский шел мне навстречу, и я уставился в витрину, пока он не миновал меня, а потом ленивым шагом направился вслед за ним.

Люди привыкли к полицейскому. Для них он незаметный постовой или заурядное лицо в патрульном автомобиле. Они забывают, что у полицейского есть глаза и уши, и он может думать. Они не догадываются, что иногда полицейскому может нравиться его работа. Улица — его владения. Он знает каждого, знает, кто чем занимается и как проводит свободное время. Иногда ему даже не хочется принимать повышение, потому что оно отрывает его от друзей и приковывает к столу. Мой полицейский походил именно на такого человека. В его походке чувствовалась устремленность, в осанке — гордость. Он здоровался с женщинами, сидящими у дверей, и кивал малышам. Когда-нибудь, если случится беда, они будут кричать и звать его.

Полицейский зашел в бар, вскарабкался на табурет, а я занял место рядом с ним. Он снял фуражку, заказал корнбиф с капустой.

Я взял то же самое. Ели мы оба в молчании. Вскоре двое сидевших рядом парней расплатились и ушли. Эта была возможность, которую я ждал.

Развернув перед собой, как экран, газету, я достал удостоверение и значок. Полицейский, увидев их, нахмурился.

— Майк Хаммер, частный детектив.— Я говорил тихо, не переставая жевать.— За меня может поручиться Пат Чамберс. Мы работаем вместе по одному делу.

Он еще больше помрачнел, и на его лице появилось недоверие.

— Мне нужно найти Кобби Беннета,— продолжал я.— Немедленно. Вы знаете, где он?

Полицейский разменял мелочь, прошел в телефонную будку и закрыл за собой дверь.

Через минуту он вернулся и вновь принялся за корнбиф. Затем отодвинул тарелку, придвинул к себе кофе и, казалось, впервые заметил меня.

— Прочитали газету, приятель?

— Да.

Я передал газету. Он выбрал из кармана очки в роговой оправе и углубился в бейсбольные счета. Губы его шевелились, как бы при чтении:

— Кобби Беннет прячется в доме кварталом западнее. Испуган до смерти.

У нас забрали грязную посуду. Я взял пирог и еще кофе, не спеша поел, потом заплатил и вышел из бара. Полицейский все еще читал газету. Он ни разу не оторвал от нее взгляда и будет сидеть так, вероятно, еще минут десять.

Я нашел дом, а Кобби Беннет нашел меня. Он выглянул из окна, и я заметил белое, искаженное ужасом лицо.

— Сюда, сюда, Майк!

Теперь я внимательно смотрел, куда иду. Здесь было полно подозрительных углов. Едва я добрался до площадки, как Кобби схватил меня за рукав и втянул в комнату.

— Господи, как ты меня нашел?! Я никому... Кто тебе сказал, что я здесь?

Я оттолкнул его.

— Тебя не трудно найти, Кобби. При достаточной сноровке можно найти любого.

— Не говори так, Майк! Боже, ты меня нашел, это плохо. Предположим...

— Заткнись! Ты хотел меня видеть? Я здесь.

Кобби задвинул засов на двери и забежал по комнате, теребя руками лицо и волосы.

— Они меня ищут, Майк. Я вовремя убрался.

— Кто «они»?

— Ты должен мне помочь. Господи, Майк, из-за тебя я влип, ты меня должен и вытянуть. Меня ищут, понимаешь? Надо смыться из города!

— Кто «они»? — повторил я.

До него, наконец, дошло.

— Не знаю. Не знаю. Что-то большое. Что-то бурлит в городе, что-то готовится... Не понимаю, что. Знаю одно: мне как-то, потому что меня видели с тобой. Что делать, Майк? Здесь оставаться нельзя. Ты их не знаешь. У них не бывает осечек.

Я встал и потянулся, стараясь показать, что мне это надоело.

— Ничего не могу тебе посоветовать, Кобби, пока ты все не расскажешь. А не хочешь — пошел к черту.

Он схватил мой рукав и повис на нем.

— Нет, Майк, не надо... Я все скажу, только я ничего не знаю. Я просто что-то почувствовал. Насчет Рыжей. Прошлым вечером видел в городе кое-каких людей. Не местных. Они приезжали сюда прежде, когда были неприятности, и после этого исчезло несколько парней. Ясно, зачем они явились — за мной... и за тобой, возможно.

— Продолжай.

— Существует рэкет, понимаешь? Мы платим за защиту, и платим немало. Пока мы платим, все идет гладко. Но, черт побери, кто-то видел, как я с тобой болтаю, и вот...

— Как они узнали, что ты мне говорил?

Лицо Кобби стало мертвенно-белым.

— Кого это волнует? Я связан с тобой, а ты связан с этой Рыжей!.. Почему она не сдохла раньше?!

Я ухватил его за рубашку и подтащил к себе.

— Заткнись, — процедил я сквозь зубы.

— Ах, Майк, я не хотел... Я только пытаюсь рассказать...

Я отпустил его, и он попятился назад, вытирая лоб рукавом. В слезинке, покотившейся по щеке, блеснул лучик света.

— Я не хочу умирать, Майк. Ты можешь что-нибудь сделать?

— Не исключено.

Кобби с надеждой посмотрел на меня и облизал пересохшие губы.

— Да?

— Думай, Кобби, думай. Думай о парнях, которых ты видел. Кто они такие?

Морщины на его лице углубились.

— Убийцы. Мне кажется, из Детройта.

— На кого они работают?

— Наверное на того, кто заправляет всем рэкетом.

— Имена, Кобби.

Он беспомощно покачал головой.

— Я маленькая сошка, Майк. Откуда мне знать? Каждую неделю я передаю четверть выручки парню, который передает ее дальше по цепочке. Я даже не хочу знать. Я... я боюсь, Майк. Ты единственный, к кому я могу обратиться. От меня теперь будут шарахаться, как от чумы.

— Кто-нибудь знает, что ты здесь?

— Ни одна живая душа.

— А домохозяйка?

— Я не представлялся. И ей все равно. Как ты нашел меня, Майк?

— Не беспокойся, этим способом твои знакомые не воспользуются. Вот что нужно тебе сделать: сиди тихо, из комнаты носа не высовывай, даже на лестницу. К окну не подходи и убедись, что двери заперты.

Кобби схватил мою руку, глаза его расширились.

— У тебя есть план? Ты думаешь, я смогу выбраться?

— Посмотрим... Еды достаточно?

— Консервы и две бутылки пива.

— Хватит. Запоминай: завтра вечером ровно в девять тридцать ты должен отсюда выйти. Спускайся по улице, заверни направо и иди себе, будто ни в чем не бывало. Здравойся с каждым знакомым. Только все время иди. Понял?

Маленькие капли пота выступили у него на лбу.

— Господи, ты хочешь, чтобы меня убили. Я не могу...

— Тогда тебя пристукнут здесь... если не подохнешь раньше с голоду.

— Нет, Майк, я не возражаю! Но, боже, идти по улице!..

— Ты согласен? У меня нет времени, Кобби.

Он рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

— Д-да. Да. В девять тридцать.— Его голова дернулась, на глазах навернулись слезы.— Что ты придумал? Ты можешь мне сказать?

— Не могу. Делай, что велено. Тогда исчезнешь из города и спасешь свою шкуру. Но я хочу, чтобы ты кое-что хорошенько запомнил.

— Что?

— Никогда не возвращайся.

Я оставил его плачущим и дрожащим.

На город спустились преждевременные сумерки, небо застилали тяжелые тучи. Не успел я дойти до станции, как вновь зарядил дождь. Поезд только что ушел, и в оставшиеся пять минут я позвонил Лоле. Никто не ответил. Тогда я набрал номер конторы, и Вельда сообщила, что день выдался на редкость спокойный. Трубку пришлось повесить, прежде чем она начала задавать вопросы: уже подходил поезд.

На Пятьдесят девятой я схватил такси и приехал к стоянке, где бросил машину. Мне показалось, что навстречу идет знакомый, и ничего не оставалось делать, как спрятаться. Неприятно все-таки играть покойника.

Усилился ветер, больно хлестали косые струи дождя. Редкие незадачливые пешеходы пытались ловить неостанавливающиеся такси и жались под навесы. Каждый раз, стоя перед светофором, я видел размытые очертания бледных лиц за витринами

магазинов. Все с тоской глядели на низвергающиеся потоки воды...

Дождь мог сильно затруднить поиски камеры, а время так дорого! Проклятая камера. Зачем она вообще понадобилась Рыжей? Стоп! Лола говорила о работе в каком-то фотоателье, вроде «Момент»... Я подъехал к магазину, дождался секундного затишья, выскочил из машины и пробился через небольшую толпу, собравшуюся у входа.

В телефонном справочнике ничего похожего на «Момент» не оказалось. Я купил сигарет и спросил у продавца, нет ли у него старого манхаттанского указателя. Он сперва покачал головой, потом скрылся в задней комнате и вернулся с потрепанной книгой, покрытой пылью.

— Обычно их забирают, — пояснил он, — но эту забыли. Вчера случайно заметил ее на полке.

Я принялся листать. Вот: телефон и адрес на Седьмой авеню. Когда я набрал номер, раздались потрескивания, и оператор сообщил, что такого абонента нет.

Вот и все. Почти. Может быть, контора еще существует, только без телефона.

Узнав, что я еду в центр, один парень попросил подвезти его. Всю дорогу он развлекал меня непрерывающейся болтовней, которую я не слышал, затем поблагодарил меня и, шлепая по лужам, исчез в дожде.

Сзади прозвучали сердитые гудки и предупреждающий свисток полицейского. Я очнулся и стал внимательно смотреть по сторонам. А через минуту не сдержал грязного слова: в киоске у метро продавали вечерние газеты, и каждая кричала на весь мир, что полиция начала чистить город.

Кто-то заговорил.

Остановившись у очередного светофора, я крикнул мальчишке, чтобы принес газету, и дал ему доллар за труды. Ну да, вот: шапки, заголовки и подзаголовки. Полиция располагает сведениями о гигантской преступной организации.

Пат, наверное, сошел с ума. Теперь все крысы дадут деру! Черт бы побрал эти газеты! Почему они не могут помолчать?

Зажегся зеленый свет, и я тронулся с места. Пришлось объехать квартал с односторонним движением и втиснуться между грязным грузовиком и маленьким седаном. Нужный мне дом оказался старым, обшарпанным зданием с заколоченной лавкой тканей на первом этаже.

Я позвонил; через минуту зашумел лифт. Открылась узкая дверь, и на меня выжидательно посмотрел парень с недельной щетиной на лице.

— Где можно найти сторожа?

— Фто фы фосисе?

Я вытащил значок и монету.

— Я частный детектив.

Он сплюнул табачную жвачку в шахту лифта и засунул монету в карман.

— Я сторож. Слушаю вас.

— Меня интересует ателье «Момент». Оно было зарегистрировано здесь.

— Э-э, когда еще... Уже больше года, как выехали.

— Теперь никого нет?

— Никого. Какой идиот захочет арендовать помещение в такой дыре?

— Можно посмотреть?

— Конечно, пойдете.

Мы поднялись на четвертый этаж. Здесь сторож остановился и включил свет в коридоре.

— Комната 209.

Дверь была залепта. Парень поколдовал над выключателем, и комната осветилась.

Кто-то убирался отсюда в такой спешке, будто за ним по пятам гнался дьявол. На полу, покрытом паутиной, валялись пленки и негативы. Занавесей на окнах не было, но толстый слой грязи надежно защищал от солнечных лучей. И повсюду тончайшей пудрой лежал гипосульфит.

Я поднял несколько фотографий: парочки, гуляющие под ручку; парочки на скамейках парка; парочки, выходящие из бродвейских театров. На обратной стороне снимков карандашом были проставлены номера.

Боковую стену занимал стеллаж с выдвижными ящиками. На одном было написано: «Нэнси Сэнфорд». Там лежали квитанции и смятая записка — напоминание заказать пленку. Изящный почерк, очень женственный. Наверняка Нэнси. Я взял записку и положил ее в карман. Сторож торчал в дверях, молча за мной наблюдая. Он несколько раз вздохнул и, наконец, промямлил:

— Знаете, это место было не таким, когда они выезжали.

Я замер.

— Не понял.

Он сплюнул на пол.

— Тогда все аккуратно было сложено в углу. А сейчас будто расшвыряли.

— Кому принадлежало дело?

— Забыл имя этого типа. — Он пожал плечами. — Однажды прикатил сюда на несколько машинах, сложился, заявил, что выезжает — и только его и видели. Жмот страшный — за все время и цента не дал.

— Ну, а люди, которые у него работали?

— Ха, пришли и, обнаружив, что он смылся, развонялись на всю округу. Ну, а я тут при чем? Что мне им, зарплату платить?

Я пожевал спичку, оглядел в последний раз комнату и вышел. Сторож закрыл дверь, снова поколдовал над выключателем, затем зашел за мной в лифт, и мы спустились.

— Узнали, что хотели? — спросил он.

— У меня, собственно, не было определенной цели. Я... э-э... проверяю владельца. Он задолжал некоторую сумму. За пленку.

— Тут внизу еще что-то есть. Меня попросили оставить кое-какие вещи. Я разрешил, когда она дала мне доллар.

— Она?

— Ну. Здесь работала. Рыженькая такая... милая крошка. Он снова плюнул сквозь коричневые, как глина, зубы, и плевок разбился о стену.

— Ты газеты читаешь? — спросил я.

— Иногда смотрю карикатурки. Четыре года назад разбил очки и все никак не соберусь заказать новые. А что?

— Да так, ничего. Пойдем, взглянем на эти вещи.

Я сунул ему еще пятерку, и она исчезла в том же кармане. Мы опустились в подвал. Воздух здесь был сырой и пыльный, с затхлым душком, почти как в морге. Ко всем прелестям добавлялся еще и непрекращающийся шорох крыс. Свет не горел, однако у парня оказался фонарь, которым он освещал стены. В темноте блестели бусинки глаз. По спине у меня поползли мурашки.

Луч перешел на пол, и мы остановились перед ящиком, поломанной мебелью и всякой хранимой годами дрянью. Мой гид поворошил этот хлам ручкой метлы, но только вслугнул несколько крыс. Вдоль стен стояли заваленные бумагами полки. Счета и расписки, ветхие гроссбухи и пачки серых листов.

Свет ушел в сторону, и сторож произнес:

— Кажется, вот.

Я подержал фонарь, а парень вытащил скособоченную коробку, перевязанную бечевой. Сверху красным фломастером на ней было выведено: «Осторожно»!

— Точно.

Он кивнул и сжал губы, выискивая, куда бы сплюнуть. Наконец увидел крысу и выпустил заряд. Я услышал, как крыса дернулась, поскребла лапками и свалилась в грудку бумаги. Эта штука, которую он жевал, была отравлена, не иначе.

Я развязал веревку. Возможно, я ожидал слишком многого. Моя рука с фонариком слегка дрожала, и, нагнувшись, я затаил дыхание. Коробка была выложена промокательной бумагой, чтобы поглощать влагу. А на дне, аккуратно разделенные карточками с датой съемки, в два ряда стояли фотографии.

Я разразился всеми грязными словами, которые только знал. Еще одна куча снимков с улыбающимися в объектив парочками!.. Я бы их бросил там, если бы не вспомнил, что они стоили мне пять зелененьких.

У лифта сторож попросил меня расписаться в книге посетителей. Я нацарапал «Дж. Джонсон» и вышел.

В четверть девятого я позвонил Пату домой. Он еще не приходил, и пришлось искать его на работе. Как только я услышал его голос, то понял: что-то стряслось.

— Майк? Ты где?

— Тут поблизости. Что-нибудь новенького?

— Да.— Он глотал слова.— Я хочу с тобой поговорить. Можешь подойти через десять минут в гриль-бар?

— А что?..

— Узнаешь,— перебил Пат и бросил трубку.

Ровно через десять минут я был на месте и нашел Пата в отдельном кабинете. На лбу у него собрались морщины, которых прежде я не замечал. Это его старило. Увидев меня, он выдавил слабую улыбку и махнул на кресло. На столике лежала вечерняя газета. Пат выразительно постучал по кричащему заголовку.

— Что ты об этом скажешь?

Я сунул в рот сигарету и закурил.

— Тебе лучше знать, Пат.

Он скомкал газету и в ярости отшвырнул ее.

Официант принес два пива, и Пат прикончил свое и заказал еще, прежде чем тот ушел.

— На меня давят, приятель. Знаешь, сколько на свете пройдох? Миллионы. Девять десятых из них живут в нашем городе. И все могут голосовать. Они звонят какой-нибудь шишке и говорят, чего хотят. Очень скоро эта шишка получает много одинаковых звонков; значит, надо реагировать. И вот начинается давление. Здорово, да? У тебя на руках такой материал, а ты должен его бросить!

Второе пиво последовало за первым. Я никогда не видел Пата в таком состоянии.

— Я старался быть настоящим полицейским,— продолжал он.— Я старался следовать букве закона и честно выполнять свой долг. Какой обман!.. Мне звонят, напоминают, что я всего лишь полицейский капитан. Сиди, мол, тихо и не рыпайся!

— Ближе к делу, Пат.

— Все сводится к одному: убийство Энн Минор, конечно, можно расследовать, но без далеко идущих последствий.

Я стряхнул пепел с сигареты.

— Ты хочешь сказать, что с системой «девушек по вызову» связаны большие люди, которые не желают, чтобы всплыли их имена?

— Да. Или я продолжаю работу и самым милым образом получаю отставку, или сдаюсь и спасаю свою шкуру.

Я насмешливо покачал головой.

— Такова плата за честность... Что же ты выбираешь?

— Не знаю, Майк.

— Скоро тебе придется решать.

Наши взгляды встретились, и Пат медленно кивнул. Скверная улыбка раздвинула его губы.

— Подскажи.

— Ты делаешь свое дело, а я позабочусь о тех, кто тебя беспокоит. Если понадобится, я вколочу им зубы в глотку с превеликим удовольствием. Дорогостоящие девицы — только одна сторона организованной проституции. Рэкет, шантаж — все тесно перепелось. И ниточки тянутся на самый верх. Но стоит развязать один узел, как посыпется вся сеть. Надо поймать кого-нибудь, кто расколется, и, чтобы спасти шею, начнут колотиться остальные. Так мы получим доказательства.

Я стукнул рукой по столу и сжал пальцы в кулак так, что кожа на суставах побелела.

— Сейчас они испуганы, заматают следы. Это паника, а в панике неизбежны ошибки. Нам нужно лишь быть наготове и ждать.

— Да, но сколько?

— Один из их людей взят ими на заметку, потому что болтал со мной. Завтра вечером, ровно в девять тридцать субъект по имени Кобби Беннет покинет дом, где сейчас прячется, и пойдет по улице: где-то они его обязательно засекут. Вот и все: накрыв их там, мы откроем счет. Это снова здорово напугает их. Надо показать, что политикам не удалось замаять дело.

— Беннет знает о плане?

— Он понимает, что должен сыграть роль подсадной утки. Это его единственный шанс остаться в живых, другого выхода нет. Ты расставишь по пути своих людей, готовых вмешаться... А Беннет пусть потом убирается. Больше он не вернется.

Я написал на обратной стороне конверта адрес Кобби, пометил маршрут, каким он пойдет, и протянул конверт Пату. Тот осмотрел его и сунул в карман.

— Это может стоить мне работы.

— Это может стоить тебе и головы, — напомнил я ему. — Но если выйдет, звонить и предупреждать не будут, а поспешат смыться из города. Мы ничего не переделаем — игра стара, как Ева, — но кто-то одумается и станет жить нормально, а кто-то поскорее сдохнет.

— И все из-за одной рыжеволосой девушки.

— Да. Из-за Нэнси. Все из-за того, что ее убили.

— Мы этого не знаем.

— Брось, Нэнси была приговорена. Но я чувствую что-то еще...

— Страховая компания согласна выплатить родственникам, если таковые найдутся.

— Тут-то и зарыта собака, как сказал поэт. — Я поднялся и допил пиво. — Позвоню тебе завтра утром, Пат. Я хочу присутствовать на операции. Дашь мне знать, если расшифруете книжечку..

Он все еще ухмылялся; а в глазах его уже горел огонь, от которого у кого угодно душа могла уйти в пятки.

— Кое-что получается. У Кандида нашли заметки, сейчас их

сравнивают с символами в книжке. Так что ему придется попотеть, когда мы его найдем.

Я застыл с открытым ртом.

— То есть как это «найдем»?

— Мюррей Кандид исчез, — сказал Пат.

Глава 12

Сев в машину, я начал думать над тем, что сообщил мне Пат. Исчез Мюррей? Почему? Проклятье, вечно «почему»!.. Удрал на всякий случай? Или его убрали — слишком много знал? Мюррей ловкач и наверняка имел подстраховку — объемистую папку в сейфе адвоката, которая в случае гибели владельца попадает в полицию. Большие люди вынуждены оставить его в живых из боязни замарать себя.

Нет, Мюррей целехонек. Город достаточно велик, чтобы спрятать даже его, но рано или поздно он покажется. Пат предусмотрел это, и теперь каждый автобус, каждый поезд осматривают полицейские. Готов поспорить: не одна только крыса Мюррей спешит покинуть тонущий корабль.

На улице шел дождь — морозящий, холодный, противный. Вечерние толпы заметно поредели. Магазин у дома Лолы еще работал, а буженина выглядела слишком привлекательной, чтобы пройти мимо. Нагрузившись таким количеством продовольствия, которое невозможно съесть и за месяц, я прикрыл голову целлофановым пакетом и побежал к подъезду.

Лола лежала в постели с влажным полотенцем на лбу.

— Это я, милая.

— А я подумала, это лошадь несется по ступеням.

Я положил пакет на стул и присел на край постели, потянувшись к полотенцу. Лола улыбнулась.

— О, Майк, как хорошо тебя видеть!

Она обняла меня за шею, закрыла глаза и потерлась волосами о мое лицо.

— Тяжелый день, крошка?

— Ужасный, — пожаловалась она. — Я промокла, выбилась из сил и чертовски голодна. А камеру не нашла.

— По крайней мере, я могу тебя накормить. Все закуплено. И ничего не надо готовить.

— Ты прекрасный человек, Майк. Я бы хотела...

— Что?

— Ничего. Давай поедим.

Я подхватил ее на руки и поднял. Глаза Лолы заблестели, что могло означать многое.

— А ты, оказывается, большая девочка.

— Я должна быть такой... для тебя. На кухню, н-но-о-о!

Она игриво ударила меня по спине.

Я накрыл на стол. Лола сварила кофе. Вместо тарелок были салфетки, между ними лежал нож. Наши колени, когда мы сели, соприкасались.

— Расскажи мне, как прошел день.

— Не о чем рассказывать. Я начала с самого начала списка и обошла пятнадцать магазинов. Ни в одном из них камеры не было и нет. А продавцы встречались такие предприимчивые, что чуть не уговаривали меня купить другую.

— Сколько еще осталось?

— Работы на неделю, Майк. Не слишком ли долго?

— Ничего другого не остается.

— Хорошо. Не беспокойся, я беру это на себя. Между прочим, камеру искал кто-то еще.

Моя чашка застыла в воздухе.

— Кто?

— Какой-то мужчина. Причем — я расспросила продавцов, — его интересовала именно эта камера.

Теперь стоило хорошенько подумать, прежде чем пускать Лолу на поиски.

— Возможно, совпадение... но вряд ли.

— Я не боюсь, Майк.

— Если это не случайность, он скоро узнает про тебя и где-нибудь подстережет. Нет, мне это не нравится.

Она помрачнела.

— Как ты сказал, Майк, я большая девочка. Мне не впервой справляться с мужчиной, если он пристаёт на улице. Точный удар коленом может наделать много хлопот для парня, а если это не сработает, ну... громкий крик соберет массу героев, готовых защитить честь девушки.

Я рассмеялся.

— Хорошо, хорошо. После такой речи мне страшно будет поцеловать тебя на ночь.

— Майк, с тобой я беспомощней котенка и нема как рыба. Пожалуйста, поцелуй меня на ночь, ладно?

— Я подумаю. Сперва нам предстоит работа.

— Какая?

— Смотреть на фотографии. У меня целая куча снимков, сделанных Нэнси. За них уплачены деньги, так что грех бездельничать.

Мы расчистили стол, и я выбрал фотографии из коробки.

— Половину смотришь ты, половину я. Будь внимательна, вдруг что-нибудь найдем.

Лола кивнула и взяла верхнюю; я сделал то же самое. Сперва я рассматривал каждую карточку очень тщательно, но фотографии следовали одному образцу и вскоре я заторопился. Лица и еще раз лица; улыбки, порой удивленные, нарочитые позы... Все снято на Бродвее.

На двух снимках мужчина пытался загородить лицо; камера

остановила его движение. Я отложил их в сторону — открытая часть лица казалась мне знакомой.

— Майк... — внезапно произнесла Лола.

Она прикусила губу и указала на фотографию: приятная молоденькая девушка улыбалась мужчине средних лет, который сосредоточенно хмурился в объектив.

— Она... одна из нас. Мы вместе... вместе ходили на «задания».

— А мужчина?

— Его я не знаю.

Через пять минут Лола нашла другой снимок: кукольная девушка с застывшими чертами манекена и мужчина, низенький и толстый, в одежде, которая должна была сделать его выше и худее, но делала только еще более низеньким и толстым.

— Она тоже, Лола?

— Да. Но в Нью-Йорке была недолго — умная игра позволила ей выйти замуж. Помню и этого мужчину. У него игорный дом в городе. Кроме того, он немного занимается политикой и на свидания обычно приезжал в государственной машине.

Вот оно. Детали, объясняющие почему. Мелкие подробности, способные превратиться в вопросы первостепенной важности. Стопка откладываемых фотографий росла. Может быть, каждый снимок имел непонятное для нас значение; может быть, большинство из них — лишь камуфляж для обмана посторонних.

Я перевернул снимок и увидел надпись, сделанную карандашом: «Смотри С-5».

Нэнси вела досье?

Осколки начала складываться в одно целое, и уже можно было представить всю картину.

Со следующей фотографией повезло мне. Я так ненавидел некоторых людей, что их лица запечатлелись в памяти как живые... Со снимка улыбалась молодая двадцатилетняя пара, лучилась надеждой юности, у которой впереди жизнь. Но меня интересовал задний план: мой клиент входил в какое-то здание. На его руке висела трость; за ним закрывал дверцу машины Финней Ласт в униформе шофера. Но главным было выражение лица Ласта — ядовитая ухмылка, полная ненависти, с которой он смотрел на проходящего мимо человека.

А тот был обуян ужасом; даже на снимке было заметно, что он пятится от Финнея.

Да, ему стоило бояться. Его звали Росс Боуэн, и позже он был найден изрешеченный пулями.

Мои челюсти сжались, кожа на висках напряглась. Лола что-то сказала, но я не расслышал. Тогда она схватила мою руку и заставила посмотреть на себя.

— Что случилось, Майк? У тебя такой вид...

Я положил перед ней снимок и показал группу на заднем плане.

— Этот парень мертв. А рядом — Финней Ласт.

Ее глаза медленно, недоверчиво расширились. Она покачала головой.

— Финней?.. Не может быть.

— Не спорь, малышка. Это Финней Ласт. Фотография сделана, когда он работал у мистера Берина.

Лола внимательно посмотрела на меня. Затем ее взгляд переместился на снимок, и она снова покачала головой.

— Его имя Миллер, Пол Миллер. Он один из тех, кто... кто снабжает дома девушками.

— Что?!

— Да. Мне показала его одна подруга. Он работал на Западном побережье — подбирал их там и посылал на восток в синдикат. Я уверена, что это он!

Хорошо, Финней, думал я, очень хорошо. Респектабельная работа для прикрытия темных делишек. Боже мой, если б об этом узнал нетерпимо-щепетильный Берин-Гротин!.. А снимок отличный. Я даже разобрал надпись над дверью здания: «Альбино-клуб». Очевидно любимое место мистера Берина.

— Тебе известен этот, перепуганный?

— Да. Он заправлял несколькими домами. Его убили, да?

— Убили...

Лола закрыла глаза и склонила голову. Потом глубоко вздохнула и произнесла:

— На обратной стороне что-то есть.

Другая надпись. «Смотри Т 9-20». Значит, с фотографией связаны одиннадцать страниц какого-то досье. Подробности убийства Росса Боуэна? Возможно ли, что Рыжая знала о них? Если так, то вмешательство Финнея не удивительно.

Больше я ничего не смог найти. Тогда мы с Лолой поменялись снимками и начали все сначала. Я опять ничего не обнаружил, зато Лола отложила с дюжину фотографий и предложила мне обратить внимание на женщин. Ее бывшие подруги. Она знала в лицо и некоторых мужчин. Их одежда была дорогой, на пальцах блестели перстни.

Эти снимки я положил в конверт и сунул в карман, а остальные бросил в ящик стола.

— Мне нужно выпить.

— В доме ничего нет, — заметила Лола.

Я потянулся к шляпе.

— Одевайся, пойдем.

— Но ты ведь мертв?

— Не настолько. Собирайся.

Она надела сапожки, накинула на себя плащ.

— Я готова, Майк. Куда идем?

— Сама увидишь.

Всю дорогу к центру я молчал. Лола прижалась ко мне, и даже сквозь одежду согревала теплом своего тела. Она не хотела отвле-

кать меня и лишь изредка с любопытством поднимала глаза, положив голову мне на плечо и сжав мою руку. Не сказал бы, что это помогало мне сосредоточиться.

Туда и сюда сновали пустые такси в тщетных поисках клиентов. Дождь серой сеткой затянул город, разогнав зрителей по домам. Только тигры бродили по улицам этой ночью.

Мы проехали «Зеро-Зеро», и Лола оглянулась, но смотреть было не на что. Клуб был погружен во мрак, на двери висела табличка «Закрето». Пат поработал.

Мы оставили машину на полупустой стоянке, вошли в первый попавшийся бар и сели у стойки. Четверо парней на другом конце, до нашего появления явно скучавшие, неожиданно нашли тему для разговора, и четыре пары глаз забегали по Лоле. Один из этих типов велел бармену поставить Лоле коктейль.

На меня нахлынули воспоминания. Рыжая потягивала кофе, изящно оттопырив пальчик с кольцом; теперь она лежит со скрещенными на груди руками и без кольца, а Масляная голова торжествующе ухмыляется...

Я заказал еще пива. Перед Лолой стояли уже два мартини и один пустой бокал. Парни смеялись, разговаривая достаточно громко, чтобы быть услышанными. Один из них встал, отпустил какую-то грязную шутку и с гнусной усмешкой направился к нам.

Он обнял Лолу за талию и стал стаскивать ее с табурета, когда я зажег сигарету между пальцами и щелчком швырнул ее. Горячий конец попал ему в глаз. Сладкая речь сменилась воплем боли и потоком ругательств.

Дружки тут же повскакивали со стульев — но позже меня. Я подошел к парню и въехал ему в брюхо так, что он брякнулся на пол, как куль с железом. Его команда спокойно заняла свои места у стойки, даже не оказав пострадавшему первую помощь.

Следующий мартини я заказал Лоле сам.

Парень на полу застонал: его вырвало.

— Уйдем отсюда, Майк, — попросила Лола. — Я так дрожу, что не могу поднять бокал.

Я кинул мелочь тупо ухмыляющемуся бармену, и мы ушли.

— Когда ты заговоришь со мной? — поинтересовалась Лола. — Моя честь спасена, а ты не снизошел даже до улыбки победителя.

Я улыбнулся.

— Так лучше?

— Майк, когда-нибудь я попрошу тебя рассказать откуда взялись эти царапины у глаз и шрам на подбородке.

— Это тайна, покрытая мраком.

— Женщины в твоей жизни, а?

Когда я весело кивнул, она ткнула меня в бок кулаком и сделала вид, что обиделась.

Дорога была пустынна. Мы пропустили несколько машин и, подняв воротники, перебежали на другую сторону. Мы неслись по

улице, смеясь без всякой причины, держась за руки, и капельки дождя тысячами искр сверкали в волосах Лолы... мне пришло в голову, что сейчас мы похожи на те влюбленные парочки, которые с удовольствием приобретут фотографию на память о счастливом мгновении.

Интересно, сколько Рыжая с этого имела — пять центов с каждой пары высланных снимков? А Финней Ласт и ему подобные купаются в деньгах и проводят уикэнды с дорогостоящими проститутками. Наживаются на тех, кого уговорили продать свою душу и тело... Кстати, Энн Минор вряд ли успела реализовать чек на пятьсот долларов. Он, должно быть, так и лежит в ее квартире, никто не посмеет взять его, пока газеты трубят об убийстве и расследовании.

— Куда мы идем?

— В «Альбино-клуб». Слышала о таком?

— Красм уха. Почему туда? Я думала, ты не хочешь, чтобы тебя видели.

— Меня там не знают. Зато, возможно, встречу с клиентом и отдам ему пять сотенных.

Через десять минут мы дошли до бара, и швейцар в ливрее радостно приветствовал новый источник доходов. «Альбино-клуб», расположенный в полуподвале, оказался заведением средних размеров, без мишурного блеска «Зеро-Зеро». Вместо хрома и позолоты — мореный дуб и мягкое мерцание настенных светильников. Небольшой джаз-оркестр наигрывал спокойные тихие вариации, не отвлекающие от беседы или приема пищи.

Несколько столиков было занято припозднившимися обедающими. В углу сидели шесть мужчин в деловых костюмах и оживленно обсуждали какую-то проблему. Четыре бармена за длинной стойкой от безделья протирали стаканы; пятый наливал виски двум дамам.

Лола вздрогнула и прошептала мое имя. Я понял, что она имела в виду: среди сидевших у стойки был Финней Ласт, а рядом — парень, которого я избил на стоянке. Тот самый, который якобы искал ключи от машины. Меня сильно порадовала его подпорченная внешность.

Мы вошли в «Альбино-клуб». Я схватил свою шляпу и вытолкнул Лолу в фойе. Пораженный швейцар, собрав остатки самообладания, все же вежливо пожелал нам спокойной ночи.

Мы вышли на Бродвей. Я усадил Лолу за столик в кафе, а сам побежал звонить.

Пат оказался дома. Он, должно быть, только пришел, потому что тяжело дышал, как после подъема по лестнице.

— Это Майк. Финней Ласт сейчас в «Альбино-клубе». Ты не можешь послать «хвоста»? Я бы сам последил за ним, да нет времени.

— Ха! — взорвался Пат. — Вот уже два часа, как его ищут все полицейские патрули города!!

— Что?..

— Я получил телеграмму с Западного побережья. Ласт официально в розыске. Он полностью подошел под описание убийцы.

— А что это было за убийство, Пат?

— Драка. Начал с ножа, а когда выронил его, просто свернул одному парню шею.

Холодок пробежал по моей груди. Сомнений не оставалось: Финней владел разнообразной техникой.

— «Альбино-клуб», Пат. Ты знаешь, где это. Я собираюсь поспорить в скорости с патрульной машиной, и если выиграю, придется тебе заказывать похоронный фургон.

Я бросил трубку и стал проталкиваться сквозь толчею у стойки к выходу. Лоле не надо было говорить, что что-то случилось. Когда я прошел мимо, ничего не замечая вокруг, она окликнула меня и рванулась следом, опрокинув стул. Но к тому времени я уже был на улице и бежал, бежал так, как не бежал ни разу в жизни, и редкие прохожие застывали, разинув рты.

В груди у меня стучал огненный комок, и я мог думать только о том, с каким вожделением разобью поганую морду Финнея рукояткой револьвера... Из-за угла донесся нарастающий рев sireны, еще более усиливший мое желание попасть туда первым.

Мы опоздали. В желтом свете уличных реклам я увидел, как от обочины рванулся автомобиль. В «Альбино-клубе» Финнея Ласта и его дружка не было.

Почему — я узнал через минуту. В баре стояло радио, и Финней для смеха уговорил бармена настроиться на частоту полиции. Вот уж посмеялся.

Глава 13

Пат приехал спустя семь минут. Лола уже прибежала и стояла рядом со мной, с трудом переводя дыхание. Как обычно, вокруг собралась толпа зевак, и полицейские уговаривали их разойтись.

— Не заметили номера машины? — спросил Пат.

Я покачал головой.

— Нет. Швейцар тоже ничего не видел. Черт побери, это меня бесит!

Сквозь кордон протолкался бойкий репортер, и Пат сухо произнес:

— Официальное заявление будет сделано позже.

Мне нельзя было испытывать судьбу. Я считался мертвым и хотел оставаться им как можно дольше. Мы прошли к машине.

— Как дела, Пат?

— Хорошего мало. На меня жмут со всех сторон. Вообще, создалась какая-то напряженная атмосфера: всюду снуют почуявшие сенсацию газетчики, политики меня травят... Помнишь, я говорил тебе о местах, известных полиции, которые все же при-

ходится терпеть? Мы провели несколько рейдов. И застукали таких людей... Одним словом, теперь у нас есть имена и конкретные факты. Кое-кто при этом пытался подкупить моих людей и поплатился за это.

— Друг!

— Они напуганы, Майк. Они не знают, какой информацией мы располагаем, и не смеют рисковать.

— Не удивительно.

Пат облизал губы и стал ждать продолжения. Я взглянул на Лолу.

— Через пару дней мы тебе сможем кое-что рассказать.

— Моим бедным ножкам придется изрядно потрудиться, — вздохнула она.

— О чем это вы? — спросил Пат.

— Узнаешь. Между прочим, ты все приготовил к завтрашнему вечеру?

Пат вытащил сигарету и закурил.

— Майк, я начинаю сомневаться: кто руководит моим отделом? — Потом улыбнулся и добавил: — Да, мы готовы. Люди подобраны, но задание я им не сообщил — нам ни к чему утечка информации.

Толпа поредела, но тут подъехала машина с газетчиками. Меня знали слишком многие, а я не хотел быть опознанным, поэтому распрощался с Патом, и мы с Лолой заторопились прочь.

Я проводил ее домой, и она настояла, чтобы я поднялся выпить чашечку кофе. Здесь было тихо и спокойно в эти предутренние часы, когда весь город спал. Улица замерла. Даже случайный автомобильный сигнал звучал дико и нелепо в этой неестественной тишине.

Из печальных раздумий меня вывел голос Лолы.

— Кофе готов, Майк. Замечтался?

— Ага. — Я взял чашечку с подноса. Лола добавила туда молока и сахара. — Иногда так приятно помечтать...

— А иногда нет. — Она улыбнулась. — И мечты у меня изменились. Они стали лучше. Я люблю тебя, Майк.

Я промолчал. Она и не ждала ответа.

— Тебя можно назвать некрасивым, если разобрать твое лицо на кусочки и рассматривать их по отдельности. В тебе есть что-то грубое, жестокое, и поэтому тебя ненавидят мужчины. Но, может быть, женщине нужен зверь. Может быть, ей нужен мужчина, который способен ненавидеть, и все же сохраняет доброту. Сколько я тебя знаю? Несколько дней? Достаточно, чтобы сказать: я люблю тебя, и будь все по-иному, я бы мечтала об ответной любви. Но это невозможно, и мне все равно. Я просто хочу, чтобы ты знал.

Лола застыла, полуприкрыв глаза, и мне она показалась воплощением совершенства. Разум и тело, очищенные от всякой грязи, порождающей несвободу души. Я никогда не видел ее

такой: спокойной, безмятежной, счастливой в сознании своего несчастья. Ее лицо излучало необычайную красоту, волосы живым потоком струились по плечам. Высокая упругая грудь, не стесненная оковами лифчика, манила к себе.

Я поставил чашку на край стола, не в состоянии отвести взгляда.

— Мы будто давно женаты, — произнесла Лола. — Сидим себе как ни в чем не бывало, а нас разделяет целая комната.

Комнату пройти нетрудно. Лола протянула мне навстречу руки; я поднял ее на ноги и сжал в объятиях, упиваясь терпкой сладостью ее губ и языка.

Я не хотел ее отпускать, но она выскользнула из моих рук, достала сигареты, заставила меня закурить, а сама исчезла в спальне.

Окурок обжигал мне пальцы, когда она позвала меня. Только одно слово.

— Майк.

Лола стояла в центре комнаты, в тени абажура, повернувшись ко мне спиной. Она смотрела в открытое окно, в ночную тишину, и казалась творением гениального скульптора, столь нежна и красива была ее поза. Легкий ветерок плотно прижимал прозрачный шелк ночной рубашки, вырисовывая каждую черту, каждую линию.

Я замер, в дверях, не осмеливаясь дышать, боясь, что это чудесное видение исчезнет. Ее голос был едва слышен.

— Тысячу лет назад я решила, что надену эту рубашку в свадебную ночь. Тысячу лет назад я вырвала из груди сердце... И вот встретила тебя.

Она повернулась грациозным порывистым движением и шагнула мне навстречу.

— Никогда у меня не было ночи, которую я хотела бы запомнить. Так пусть ею будет эта.

В глазах Лолы горел ярко-жгучий танец страсти.

— Иди ко мне, Майк.

Требование, которое было ненужным. Я схватил ее за плечи, и мои ногти впились в нежное тело.

— Я хочу, чтобы ты любил меня, только сегодня, — выдохнула она. — Я хочу любви такой же сильной, и такой же яростной, как моя, потому что «завтра» для нас может не наступить, а если и наступит, то так больше не будет. Скажи мне, Майк, скажи.

— Я люблю тебя, Лола. Я сказал бы тебе это раньше, но ты не позволяла. Тебя нельзя не любить. Когда-то я решил для себя, что не способен на любовь. Я был не прав.

— Только сегодня...

— Нет. Нет. Всегда...

Пальцами она закрыла мне рот. Потом взяла мою руку и положила себе на плечо, к бретельке.

— Эта рубашка одевается лишь один раз. И есть лишь один способ снять ее.

Дьявол соблазнял мою плоть. Я любил дьявола.

Я рванул шелковую материю, та разошлась с торжествующим треском...

— Я люблю тебя, Майк, люблю, — повторила Лола.

Ее рот был холоден, но тело пылало.

Эта была ночь, которой, она думала, у нее никогда не будет.

Это была ночь, которую мне никогда не забыть.

Я проснулся в одиночестве. Рядом к подушке была приколоты записка. «Теперь надо закончить ту работу, которую ты мне поручил. Завтрак готов — только подогрей».

К черту завтрак. Уже больше двенадцати. Я жевал на ходу, одеваясь и бреясь. Пока остывал кофе, я включил радио. Диктор, казалось, впервые в жизни был искренне возбужден. Он говорил быстро, вздохнул, еле успевая вздохнуть между фразами. С тех пор, как я видел Пата, полиция провела еще два рейда, и ее сети охватили тайные закоулки гигантского города.

Железный кулак замахнулся на могущественную организацию, взявшую в кольцо джунгли Нью-Йорка. Он попадал в места и людей, о которых я и не слышал. Зловещая улыбка появилась на моем лице. Я вспомнил, как Пат утверждал, что он бессилен...

Теперь ничего остановить нельзя. Сенсацию подхватили и разнесли газеты. Публика с яростным негодованием осуждала то, что только вчера поддерживала своим безразличием. Просто новая забава: смотреть, как мараются грязью известные имена. Новое развлечение: смаковать теневые стороны жизни.

Но основные главы еще не написаны. Действие в них разыгрывается позже, в судах, после заявлений, протестов, апелляций, необходимых для того, чтобы протянуть время. А потом, может быть, на кого-то наложат штраф, кого-то оправдают за недостатком улик...

Доказательства! Полиция делает все возможное, но если доказательств не будет, преступники выйдут из судов, твердо решив ничего подобного впредь не допускать. Сильные люди, богатые люди, властолюбивые, они будут мало-помалу подтачивать закон, как волны незаметно подмывают основание могучего утеса, пока он не падает в воду.

Я позвонил Пату. Несмотря на смертельную усталость, он был рад меня слышать.

— Читал газеты?

— Да, и слышал радио. Вижу, что началось.

— Мы берем их десятками, и у многих развязываются языки. Но это всего лишь подручные, мелкие сошки. О крупных шишках, держащих в руках всю организацию, им ничего не известно. И еще клиенты.

— Они поддерживают систему.
— И заплатят за это дороже, чем ожидали. Показалось много грязных рож, по которым не терпится смазать.

— И ты это сделаешь?

— Сделаю, Майк. Мне угрожают, предлагают взятки, угрожают... Клиенты не вооружены, не оказывают сопротивления при аресте и у всех отличные адвокаты. Нам не к чему прицепиться.

Мои ладони вспотели.

— Это говорят большие деньги, Пат... Что происходит? Мы снова на Диком Западе?

— У нас связаны руки. Кроме того, им как будто известен каждый наш ход.

Проклятье! Я ударил кулаком по спине стула. Хорошо, пусть себе играют жестоко. Пусть спокойно, планомерно отступают и пользуются услугами наемных убийц, чтобы убрать ненадежных. Пусть. Но их легко напугать. Только надо играть смелее, резче, жестче — и они побегут, побегут в панике и будут бежать, пока не подкосятся ноги.

— Майк, ты слушаешь?

— Да-да. Извини, задумался.

— Ну, я домой, завалюсь спать. Придешь вечером на представление?

— Ни за что не пропущу.

— Хорошо. Лишь бы тебя не было видно — районный прокурор кое о чем догадывается, и если узнает, что ты приложил свою руку к этому делу, сидеть мне без работы.

— Не беспокойся, пока меня нет в живых. Я велел Лоле в случае необходимости связаться с тобой. Сделай одолжение, не задавай ей вопросов, просто поступай, как она скажет. Это очень важно. Если она найдет то, что ищет, ты быстро закончишь дело. Ну, пока.

Я положил трубку. Конец был близок, или, по крайней мере, не за горами. Моего участия в финальной сцене не требовалось. Мне нужен был Финней... Но где он сейчас может быть? Город слишком велик, слишком много в нем лисьих нор, чтобы начинать охоту. Надо заставить Финнея выйти из укрытия, поймать его на открытом месте.

Я решил позвонить своему клиенту. Междугородная долго не соединяла, а потом дворецкий сообщил, что мистер Берин недавно уехал в город и, наверное, остановится в пансионе «Суник-хауз». Он спросил, кто звонит, но я поспешил повесить трубку.

Вельда, должно быть, вышла поесть — я трезвонил добрых пять минут, но никто не ответил. Черт побери, нельзя же спокойно сидеть здесь, когда снаружи стремительно развиваются события! Я тоже решил устроить свою личную мелкую охоту. Что-то зазвенело в кармане плаща — ключи, которые дала Лола, с брелком-медальоном в форме сердечка. Я открыл сердечко и увидел улы-

бающуюся мне Лолу. Я тоже улыбнулся и сказал ей все, что она не позволила сказать этой ночью.

В воздухе еще пахло дождем. Рыхлые серые облака тяжелым покрывалом опускались над крышами домов. Холодный ветер с реки нанес гниlostный туман, улицы были мокрыми и скучными.

Экстренные выпуски газет вышли с фотографией на первой полосе: два олдермена и крупный промышленник в полицейском участке. Броские заголовки вещали о компрометирующей информации, имеющейся у полиции. Интересно, удалось ли расшифровать код записной книжки Мюррея?

В баре на углу я приметил свободное местечко и заказал пива. Здесь обсуждали только одну тему, и обсасывали ее до косточек. Малый тип с крысиной мордой заявил, что ему это не нравится: полиция слишком много стала себе позволять. Какая-то девица крикнула, чтобы он заткнулся.

Я сидел там часа два, потягивая пиво, слушая разные точки зрения. Когда мне надоело, я тяжело отвалился от стойки, прошел в телефонную будку и набрал номер пансионата. Портье сообщил, что мистер Берин прибыл. Что же, надо будет зайти к нему и отдать деньги, пятьсот долларов.

Я перешел в другой, более веселый бар и сидел там до полного изнеможения, а в восемь часов, не вытерпев, сел за руль машины. Снова полил дождь. Вечерние сумерки ступились в ночь, непроницаемую черную ночь. Капли барабанили по крыше, стекали по ветровому стеклу и гипнотически блестели в мерцающем свете ночной рекламы... Я настроил радио на выпуск новостей, затем передумал и нашел музыку.

Через сорок минут мне надоело бесцельно колесить по городу. Я подвезал к погруженному во тьму дому Кобби Беннета и стал ждать.

Я был одинок в диком хаосе стали и бетона. Машина растворилась в чернильной пустоте улицы. Откуда-то выбежал человек, держа над головой газету, и скрылся за углом; разбрызгивая мелкие лужицы, пронеслось несколько автомобилей с зажженными фарами... Поднятый воротник плаща прикрывал поля моей шляпы и, разморенный теплом, я чуть не задремал под убаюкивающий шорох дождя.

В это время дверь дома Кобби Беннета открылась, и в проеме показался мой знакомец. Он вышел на пять минут раньше срока. Во рту у него торчала сигарета, но рука так тряслась, что спичка погасла, и он с отвращением швырнул сигарету на тротуар.

Несмотря на дождь, Кобби шел не спеша, тщательно избегая освещенных мест и время от времени поглядывая в витрины — не идет ли кто за ним.

Я позволил ему завернуть за угол и поехал вслед. Если полиция и находилась где-то рядом, то видно ее не было. Ночь застыла: на улицах ни души, будто все вымерло, и мы вдвоем остались в необитаемом городе. Я знал маршрут Кобби и решил опередить

его. Поэтому рванулся вперед по улице одностороннего движения, сделал разворот, проехал ему навстречу и стал ждать.

Еще работали магазины. На верхнем этаже одного из домов шла ссора: кто-то бросил чашку, она вылетела в окно и разбилась. Из мрака вынырнул Кобби и остановился, чтобы закурить. На сей раз ему это удалось.

Он почти поравнялся со мной, когда рядом у тротуара резко затормозил автомобиль. Кобби застыл от ужаса, и только после того, как вышедший из автомобиля мужчина забежал в магазин, он осмелился затянуться и пошел дальше.

Я вылез из машины, и используя тактику Кобби, пошел за ним. Дождь был теперь мне на руку.

Десять минут одиннадцатого. Нет ни Пата, ни его людей. Только я и Кобби.

Признаюсь, я не ожидал: напряжение не может длиться долго, тело и мозг скоро привыкают... Беннет внезапно оцепенел и вскрикнул от ужаса, инстинктивно закрыв лицо.

Если бы парень выстрелил сразу, Кобби был бы готов. Он же решил действовать наверняка и стал приближаться, с револьвером в руке. Кобби страшно закричал. Револьвер опустился на уровень груди Кобби, но выстрела не последовало, потому что из парадного выскочило черное пятно и ударило парня в спину с такой силой, что оба упали к ногам Кобби.

Вытащив свой револьвер, я побежал. Я был от них футах в пятидесяти, когда двое упавших разделились. Один немедленно вскочил на ноги, другой и не подумал вставать. Он тщательно прицелился и выстрелил. Пуля, должно быть, попала в голову, потому что шляпа парня двигалась быстрее, чем он сам, и была еще в воздухе, когда ее владелец рухнул на асфальт.

Стрелявший перевел револьвер на меня. Я поднял вверх руки и сказал:

— Майк Хаммер, частный детектив. Удостоверение в кармане. Коп поднялся.

— Я тебя знаю, приятель.

Вдали раздались выстрелы, кто-то закричал. Из-за угла с отчаянным визгом выскочила патрульная машина, и из нее посыпались полицейские. Я побежал вслед за ними, пересекая улицу по диагонали — туда, где происходили события.

В домах захлопали окна, повысовывали головы перепуганные обыватели. Им не очень вежливо советовали сидеть тихо. Кто-то кричал «Он на крыше!» — и раздавался еще один выстрел.

Как по мановению палочки зажглись прожекторы. Их длинные пальцы потянулись вверх и вырвали из темноты шесть человек, бегущих за кем-то по крыше.

Улица, освещенная искусственной зарей, была полна полицейских. Мы с Патом увидели друг друга одновременно.

— Откуда вы взялись? Только что не было ни души.

Пат ухмыльнулся.

— Мои люди весь день следили за этими парнями, а те и не подозревали. Кобби засекали, как только он вышел из квартиры. Эти вонючки держали между собой связь по телефону. Когда они увидели, что Кобби завернул сюда, один из них спрятался впереди, а второй остался на подстраховке.

— Сколько вас?

— Было девять, потом еще приехали патрули. А что с тем парнем, который стрелял?

— Убит.

С крыши донеслась новая серия выстрелов и чей-то крик. К нам подошел полицейский.

— Он мертв. Пришлите санитара, у нас раненый.

— Проклятье! — зарычал Пат.

Началась суматоха, на крышу потянулась раскладная лестница, стали подъезжать новые машины.

Мне здесь делать было нечего. Я пробился сквозь толпу и зашагал по улице. У тела убитого уже собрались зеваки. Два шустрых ребенка пытались убежать от родителей и пробиться поближе к покойнику.

Кобби Беннета нигде не было видно.

Глава 14

Хорошо выполненная работа всегда приносит удовлетворение. Я был горд — ублюдки проиграли собственную игру. В машине я включил радио и поймал новости. Да, сегодня эти «крепкие» ребята притушат свои металлические улыбки. Мяч в игре, и колеблющиеся прыгивают на ходу, чтобы оказаться на стороне победителей.

Хотя час был уже поздний, я решил повидать своего клиента. Старик обрадуется, когда узнает, как обстоят дела. По крайней мере, он не зря тратил деньги. Имя Берин-Гротина будут помнить долго после того, как пески времен источат его мраморное надгробие. Этого он и хотел — оставить память...

Я подъехал к респектабельному фасаду пансионата и бросил ключи от машины посыльному, который годился мне в отцы. Входя в парадное, я услышал, как он завел двигатель. Лишь бы не врезался по дряхлости в первый же столб...

«Суник-хауз», старомодный фешенебельный пансион, давал приют лишь самым состоятельным лицам мужского пола, причем преклонного возраста. Торжественная тишина, царившая там сейчас, была обычной в любое время дня. В холле — плюш, позолота и кожа. Свет старинных, явно антикварных люстр едва достигал стен, отделанных панелями красного дерева. Монументальные картины рассказывали о городе столетней давности, когда он еще жил спокойной жизнью и не дрался сам с собой.

Я спросил портье, у себя ли мистер Берин.

Он важно наклонил голову.

— Я уверен, мистер Берин не желает, чтобы его беспокоили, сэр. Он останавливается у нас весьма часто, и я хорошо знаю его привычки.

— Возникли непредвиденные обстоятельства, папаша. Позвони ему, а?

— Боюсь, что помочь не могу, сэр. Полагаю...

— А если я сейчас начну свистеть, бегать по лестницам и дико орать — что будет?

Его брови взлетели до того места, где у людей помоложе растут волосы.

— Сэр, не заставляйте меня обратиться в полицию!

Я широко улыбнулся, засунул два пальца в рот, а другой рукой указал на телефон. Портье побелел, затем покраснел, не зная, как поступить в подобной ситуации, и, очевидно решив, что лучше побеспокоить одного гостя, чем всех, снял трубку внутреннего телефона.

Пока никто не подходил, портье нервно поглядывал на меня, облизывая пересохшие губы. Затем ему ответили — вероятно, довольно резко, потому что он поморщился.

— Извините, сэр... но к вам посетитель. Он настаивает.

Раздался такой рык, что трубка затряслась. Портье с трудом сглотнул.

— Скажите ему, что это Майк Хаммер, — подсказал я.

Нелегко было прервать тираду моего клиента. Наконец, портье это удалось.

— Здесь Майк Хаммер, сэр... мистер Хаммер. Да, сэр. Да. Он прямо здесь. Немедленно, сэр. Очень хорошо, сэр.

Портье с облегчением вытер лицо платком и одарил меня неприветливым взглядом.

— Номер 406.

Я кивнул и, не обращая внимания на лифт, подался к лестнице.

Мистер Берин, бодрый, с аккуратно зачесанными снежно-седыми волосами, поджидал меня на пороге и, казалось, был только рад принять гостя.

— Добрый вечер, Майк. Проходите.

— Благодарю.

Он провел меня через гостиную с роялем в маленький кабинет, уставленный книжными полками. Стены украшали головы диких зверей и фотографии в рамках, на которых был запечатлен сам хозяин апартаментов в молодости.

— У вас очень уютно, мистер Берин.

— Да, это моя городская резиденция со всеми преимуществами отеля. Присаживайтесь.

Он предложил мне необъятное, обитое кожей кресло, и я легко в нем утонул.

— Сигару?

— Нет, спасибо.

Я достал пачку «Лакиз» и закурил.

— Простите, что поднял вас с постели.

— Что вы, Майк! Правда, должен признать, я был весьма удивлен. Знаете ли, стариковские привычки... Но у вас, наверное, веские причины для встречи со мной.

Я выдохнул облачко дыма.

— Нет, просто хотелось поговорить. У меня ваши пятьсот долларов — вот и предлог.

— Пятьсот долларов... — Мистер Берин вспомнил. — Вы имеете в виду те деньги, которые я послал вам на покрытие... э-э, расходов?

— Да, верно. Они не понадобились.

— Но вы же сами хотели пустить их на информацию. Или передумали?

— Нет, просто девушка, которой предназначался чек, не успела его реализовать. — Его лицо выразило недоумение, потом изумление. — Меня выследили. Девушку убили и пытались обставить это как самоубийство. Не вышло. Потом обыскали мою квартиру.

— Вы знаете кто?.. — Его голос дрожал.

— Финней Ласт. Ваш бывший слуга, мистер Берин.

— Боже мой! — Его пальцы сжались так, что побелели суставы. — Что я наделал, что наделал?..

Он прикрыл глаза и опустил голову, сразу постарев и обесилев.

— Вы тут ни при чем. Наоборот, вы сделали все, чтобы этому помешать.

— Спасибо, Майк.

Я встал и положил руку ему на плечо.

— Не огорчайтесь. Вы не должны чувствовать себя виноватым. Знаете, что творится сейчас в городе?

— Да, я... я слышал.

— Это сделали ваши деньги. Вы наняли меня, чтобы раскрыть имя рыжеволосой. Вместо этого мы нашли кучу грязи. Однако в один прекрасный день солнце снова радостно засияет, и город сможет гордо поднять свою голову.

— Но ведь девушка так и осталась без имени?

— Нет. Скоро оно у нее появится. Вы не возражаете, если я воспользуюсь телефоном?

— Конечно. Он в гостиной. Я пока приготавливаю что-нибудь выпить, по-моему, мне это необходимо. Я не привык к таким мучительным известиям.

Сквозь его показную бодрость просвечивала печаль, которую я не мог спокойно наблюдать. Старику было действительно тяжело... Я нашел телефон и позвонил Вельде домой. Она была зла как черт.

— Это я, милая. Как там дела?

— Слушай, Майк, ты выбираешь самое удобное время для звонков! Я ждала тебя в конторе весь вечер. Эта девушка... Лола?.. прислала с посыльным конверт. Там закладная квитанция и больше ничего.

— Закладная квитанция? — Мой голос сорвался. — Она нашла ее, Вельда! Черт побери, она нашла ее! Где квитанция?

— Я оставила ее на столе.

— Проклятье, здорово!.. Послушай, детка, я забыл ключи от конторы дома. Подъезжай туда через час, нет, лучше через полтора. По такому поводу не грех сперва выпить. Сейчас я звякну Пату, и мы приедем вместе. Пока, крошка!

Я быстро набрал номер Лолы. Она ответила, не успев отзвучать первый гудок.

— Лола, детка...

— Майк! Ты получил мой конверт?

— Только что узнал от Вельды, что он в конторе, скоро заберу. Где ты ее нашла?

— В маленьком магазинчике в Буэри. Камера была выставлена прямо в витрине.

— Великолепно! Где она сейчас?

— У меня.

— Зачем тогда возня с квитанцией?

Новая тревожная нотка появилась в голосе Лолы.

— Ею интересовалась не я одна. В пяти магазинах мне говорили, что я уже вторая, кто ищет эту камеру.

Холодок прошел у меня по спине.

— Ну?..

— Я решила, что, кто бы это ни был, он пользуется тем же методом — идет по списку из телефонной книги. Тогда я начала с конца списка и нашла первая.

Вошел мистер Берин и предложил мне хайбол. Я с благодарностью кивнул и сделал маленький глоток.

— Продолжай.

— Я боялась оставлять квитанцию у себя. Вложила ее в конверт и послала с мальчиком к тебе в контору.

— Умница. Я люблю тебя, всю до капли. Ты не представляешь, как я тебя люблю.

— Майк, пожалуйста...

Я засмеялся — свободно, радостно, захлебываясь от счастья, которого не испытывал уже очень давно.

— Брось, Лола. Скоро все будет кончено, а у нас целый мир и вся жизнь, чтобы им наслаждаться. Скажи мне, Лола, скажи...

— Майк, я люблю тебя, я люблю тебя! — Она всхлинула.

— Запомни, милая: я скоро приду. Подождешь меня?

— Конечно... Только поторопись — я так хочу тебя видеть!

Положив трубку, я залпом опорожнил бокал. Если бы я мог передать мистеру Берину хоть частицу своего счастья...

— Кончено, — сказал я.

Ответа не было — лишь медленный наклон головы.

— Очевидно, мне следует радоваться. Но я не могу примириться со смертями... В них доля и моей вины. — Он содрогнулся и поставил бокал. — Хотите еще?

— Да, пока есть немного времени.

Он взял поднос и, выходя, откинул крышку проигрывателя. Я слушал мерный ритм оперы Вагнера и следил за завитками дыма, поднимающегося от кончика тлеющей сигареты.

На этот раз мистер Берин принес с собой бутылку виски, ликер и ведро со льдом.

— Расскажите мне, Майк, без подробностей, только самое главное. — попросил он, опустившись в кресло. — Причины... почему такое случается? Может быть, когда я все узнаю, то смогу успокоиться.

— В этом деле подробности — самое главное, их нельзя опускать. Мы искали имя, а нашли преступление. Мы расследовали преступление, а нашли имена. На сей раз не зевает и полиция. Каждую минуту, которую мы здесь сидим, какой-нибудь сволочи в городе прищемляют хвост. Вы можете гордиться, мистер Берин. Я — горжусь, я дьявольски горжусь. Я потерял Нэнси, но нашел Лолу... и какую-то частицу самого себя.

— Если бы мы только сделали что-нибудь для этой девушки...

— Нэнси?

— Да. Она умерла в таком одиночестве!.. Но ведь каждый сам выбирает себе путь. Если, как вы говорите, она действительно имела внебрачного ребенка и шла по стезе греха — кого тут винить? — Он грустно покачал головой. — Если бы они имели хоть немного гордости... хоть малейшее представление о чести, ничего бы этого не было. И дело не только в Нэнси — сколько еще подобных ей?

— Жизнь сложная штука, мистер Берин. Кто не допускает ошибок? Но так жестоко расплачиваться...

Бутылка опустела наполовину, прежде чем я взглянул на часы и поднялся.

— Уже поздно. Вельда меня съест.

— Я был рад вашему приходу, Майк. Вы хороший человек. Приходите ко мне завтра. Я хочу знать, что происходит.

На пороге мы пожали друг другу руки и, спускаясь по лестнице, я слышал, как закрылась дверь. Портье был на месте: прижимал палец к губам и умолял меня сохранить тишину — я, черт побери, не мог не свистеть! «Осталось совсем немного», — подумал я, выводя машину со стоянки.

Вельда отчаялась меня дождаться. Я заметил ее, когда она переходила улицу, как тростью размахивая своим зонтиком.

— Кто-то обещал прийти через полтора часа! — гневно сказала Вельда.

— Извини, радость, замешкался.

— Ты всегда мешкаешь.

Она становилась дьявольски хорошенькой, когда выходила из себя. Мы расписались в книге ночных посетителей, и сонный лифтер вознес нас на четвертый этаж. Вельда искоса поглядывала на меня, стараясь сдержать любопытство, и, наконец, не выдержала:

— Обычно я знаю, что происходит, Майк.

— Камера. Рыжая фотографировала.

— Естественно.

— А фотографий можно было использовать для шантажа. Из-за этого и заварилась каша... И нам они понадобятся как доказательства.

— Ага.

Она не поняла, но решила, что все ясно. Позже мне придется рассказать ей подробно. Позже, но не сейчас.

Мы дошли до конторы, и Вельда своим ключом открыла дверь и включила свет. Я так давно здесь не был, что комната показалась мне чужой. Пока Вельда поправляла перед зеркалом прическу, я подошел к столу.

— Так где квитанция, крошка?

— На самом виду, у тебя под носом.

— Не вижу.

— О-ох, ну вот же...— Ее взгляд медленно скользнул со стола на меня, глаза расширились.— Она пропала, Майк.

— Пропала! Как это?!

— Отлично помню, что перед уходом положила ее на стол. У меня всегда все в порядке...

Вельда замолчала. Ее рука опустилась на чистую записную книжку. Лицо утратило всякий оттенок.

— Говори же!

— Вырвана страница... та, где я записала телефон и адрес Лолы.

— Боже!

Я распахнул настежь переднюю дверь, рассматривая ее на свету. Вокруг замочной скважины блеснули мелкие царапины, оставленные отмычкой. Я, наверное, закричал, потому что в ушах стоял пронзительный звук, когда я мчался по лестнице. Ступеньки прыгали перед глазами, сливаясь в дрожащий серый ряд.

Акселератор был вжат в пол до предела, но моя нога дрожала от напряжения, стараясь вдавить его еще глубже. Стрелка спидометра подпрыгнула к ограничителю и там остановилась. Тормоза протестующе визжали на поворотах. Я был благодарен дождю и позднему часу: мне не мешали ни прохожие, ни машины. Мои глаза смотрели только вперед, а рука намертво вцепилась в руль.

Я не смотрел на часы, но время, казалось, растянулось, и прошла целая вечность, прежде чем я бросил машину у подъезда. Ни разу не оступившись в крошечной тьме, я добежал до двери, пванул ее, и крик застрял в горле твердым комком.

Лола лежала на полу с распростертыми руками; верх платья был пропитан кровью. Я свалился рядом на колени и приподнял ее голову. Рана в груди klokотала. Она еще дышала.

— Лола...

Ее веки дрогнули. Она увидела меня, и губы, совсем недавно такие алые и сочные, разошлись в слабой улыбке.

— Лола...

Я пытался помочь ей, но ее глаза сказали мне, что было слишком поздно. Слишком поздно. **СЛИШКОМ ПОЗДНО.**

Каким-то образом она сумела указать пальцем на телефон, потом на дверь, и рука ее бессильно упала. Лола не издала ни звука, но губы шевельнулись, и она сказала в последний раз: «Я люблю тебя, Майк».

Я наклонился и нежно, мягко поцеловал ее, ощутив соленый привкус слез.

Ее глаза закрылись. Улыбка осталась на лице, но Лола была мертва. Знай — я люблю тебя. Знай, что всегда, всегда буду любить тебя. Только тебя.

Я был опустошен. Внутри у меня все выгорело — ни эмоций, ни боли. Да и что чувствовать, что делать?.. Я закрыл глаза и произнес молитву, молитву без слов. Когда я открыл глаза, Лола все также указывала на дверь — даже сейчас, мертвая, пыталась мне что-то сказать.

Пыталась сказать, что убийца притаился на лестнице, не успев убраться! Он ждал от меня очевидного: что я вызову врача и полицию и, тем самым, подарю ему драгоценные секунды. Но если есть что-нибудь святое на свете, он не уйдет! И тут я услышал шорох...

Ну нет!!!

Я не старался не шуметь, я перепрыгивал через ступеньки, едва не отрываясь от перил на площадках. Убийца тоже больше не пытался таиться и бросился на улицу; взревел мотор. Я влетел в машину, и мы почти одновременно вырвались на шоссе.

Глава 15

Кто бы ни сидел за рулем, он явно осатанел от ужаса и ехал по дороге без малейшего опасения за свою жизнь. Может быть, он слышал мой дикий смех, когда расстояние между нами начало сокращаться; может быть, он мысленно видел мое лицо: глаза, горящие жадной мщенья, и зубы, стиснутые так, что крошилась эмаль.

Тело превратилось в клубок мышц, раздираемых яростью. Я не мог дышать, я мог только втягивать воздух, задерживать его как можно дольше и выпускать с протяжным свистом. За нами югались было полицейские машины, но быстро отстали и заперялись.

Каждую секунду видеть, как уменьшается расстояние, каждую секунду подбрасывать еще больше угля в огонь, разъедающий мой внутренности и затуманивающий зрение, пока не остался один только узкий туннель света и в конце его — машина. Мы ехали уже почти бампер к бамперу, и я чувствовал, как становлюсь на два колеса при поворотах. Страх заставил меня притормозить — страх, что потеряю его. На крутом вираже он выиграл время и вырвался на полквартала вперед. Я знал, куда он стремится — на Вестсайдскую автостраду, надеясь побить меня там в скорости.

Не уйдешь. От смерти нельзя уйти. Под капотом рвались и кричали от напряжения сто сорок черных лошадей, а я смеялся, как безумный, пока по щекам не покатались слезы. Автострада выросла внезапно, и он попытался свернуть на нее, отчаянно ударив по тормозам. Колеса с диким визгом скользнули по бетону, машина пошла юзом и влетела в дорожное ограждение. Раздался скрежет металла, во все стороны брызнули осколки стекла. Скрежетание моих тормозов добавило новую ноту к этой неземной симфонии разрушения.

Из разбитой машины выскочил Финней с пистолетом в руке, но я выскочил еще раньше и упал на землю. Пуля только разбила ограждение за моей спиной, я уже тянулся к револьверу. И тут Финней побежал.

Беги, Финней, беги. Беги, пока твое сердце не будет готово выпрыгнуть из груди и разорваться, и тогда ты свалишься бездыханный, не в силах шевельнуться, но видя приближающуюся смерть. Беги, беги, беги. Беги. БЕГИ. Слушай, как ноги позади тебя бегут только чуть быстрее. Остановись на одну секунду — и ты будешь мертв.

Он повернулся, выстрелил наугад и забежал в какой-то склад, утонувший в крошечной тьме. Не раздумывая, я последовал за ним, налетел на груды ящиков и замер. В наступившей тишине послышался шум падения тела и сдавленные ругательства. Я хотел закрыть глаза — они, казалось, пылали так ярко, что могли выдать меня в темноте. Предметы медленно начали принимать очертания: башни коробок и ящиков, громоздившихся до потолка, и черные проходы между ними. Я скинул туфли и беззвучно нырнул во мрак.

С противоположного конца помещения доносилось судорожное дыхание загнанной лошади — Финней Ласт ждал, пока я подойду к зияющему проходу и стану виден на синем фоне спящего города.

Но его нервы не выдержали, и он выстрелил. Пуля просвистела в нескольких дюймах от моей головы, но я его засек, и когда увидел руку с пистолетом, снова возникшую из чернильной тьмы, я послал пулю прямо в середину этой ненавистной руки и прыгнул ей вслед.

Я ударил Финнея ногами в грудь, он захлебнулся собст-

венным криком, и мы, слетаясь в дергающийся, неистовый клубок, рухнули в пыль.

Мне не нужен был револьвер... только руки. Мои кулаки молотили в бледный овал его лица, пальцы рвались к горлу. Он подтянул ноги, и я едва успел увернуться и принять удар на колено.

Мои руки, наконец, сомкнулись у него на горле. Финней тщетно пытался прохрипеть «Нет!», а я сжимал пальцы и яростно, с исступлением колотил его головой о бетонный пол, пока не исчез твердый звук удара, и раздавалось лишь мерзкое чавканье.

Только тогда я с трудом разжал руки и посмотрел на Финнея, или на то, что от него осталось. Меня стошнило.

Надрывное завывание сирен, крики. Завизжали тормоза, захлопали дверцы машины. Как сквозь туман до меня донеслись голоса. Я сидел на полу, пытаюсь отдышаться, и рылся в карманах Финнея, пока не нащупал продолговатую карточку, которая стоила Лоле жизни.

Меня вывели на свет прожекторов и выслушали то, что я сказал. Потом связались по рации со штабом, и Пат подтвердил, что я не сумасшедший бандит, а частный детектив, действующий по заданию полиции. Проверка привела к Лоле. Решающий аргумент лежал в кармане у Финнея — обагренный кровью нож.

Я оказался в некотором роде героем, и со мной были очень любезны — даже не потрудились снять показания. Меня отвезли домой в полицейском фургоне, а коп пригнал мою машину. Полицейские были участливы: завтра, все завтра, сегодня мне следует отдохнуть.

В квартире надрывался телефон. Я машинально ответил, слушая, как кричит в трубку Пат, обещает приехать... Я оборвал разговор, даже не сказав ни слова.

Пат был забыт, все было забыто. На ватных ногах я спустился по лестнице и, обогнув дом, постучал в дверь моего приятеля Джо.

Через минуту зажегся свет, и на пороге появился Джо. Мужчина способен понять мужчину и, когда надо, промолчать. Джо закрыл за мной дверь и опустил шторы. Потом, не говоря ни слова, прошел за стойку, достал с полки бутылку и щедро плеснул в стакан. Я не ощущал вкуса.

Я выпил еще и снова ничего не почувствовал.

— Потихе, Майк, — заметил Джо. — Все, что хочешь, но потихе.

Раздался голос, мой голос. Он лился сам по себе, незнакомый и отчужденный.

— Она была прекрасна и любила меня больше всего на свете, а я только начинал любить ее. Все могло быть так хорошо... Он убил ее, ублюдок, и я сделал кашу из его головы. Даже дьявол теперь его не узнает.

Я полез в карман за сигаретами и наткнулся на квитан-

цию. Имя — Нэнси Сэнфорд, адрес — отель «Морской» на Кони-Айленде.

Он заслужил смерть. Он хотел убить и рыжеволосую, но тут все обошлось без него. Парень с большими амбициями и большими планами. Он убил блондинку, он убил Лолу. Он собирался прикончить и меня, но тогда его отговорили — меня еще рано было убивать, незапланированное убийство слишком легко раскрывается.

Мне вспомнилось, что перед тем, как зайти в контору Мюррея Кандида, я видел закрывающуюся дверь и слышал кашель. Это был Финней. Он засек меня в клубе и предупредил Мюррея. Было ли у него кольцо? Каким образом оно тут замешано?!

Я слепо уставился на полку бара. Кольцо с геральдической лилией, кольцо Нэнси. Где оно сейчас?

В груди, раздирая ребра, застучал молот. Мои глаза не отрывались от длинного ряда бутылок.

Да. Да! Я понял, где кольцо!

Как я мог быть настолько глуп! Так невероятно, чудовишно недогадлив! И Лола, которая послала меня вдогонку за Финнеем, пыталась сказать кое-что еще...

Я выскочил за дверь, прежде чем Джо успел раскрыть рот. Можно было не торопиться, потому что времени, чтобы доехать до отеля «Морской» на Кони-Айленде и сделать то, что необходимо сделать, хватало. Я знал, что найду. Нуждаясь в деньгах Нэнси заложила камеру, а при выезде из отеля оставила там вещи, зная, что они будут в безопасности.

Я нашел его на заброшенной улице. Может, с крыши и открывался вид на море, но только не с того места, где стоял я. Облезлые стены, заколоченные окна и огромный щит: «Закрито до начала сезона». Пониже мелкие буквы сообщали, что здание охраняется таким-то неизвестным детективным агентством. Я в последний раз затянулся и швырнул сигарету в песок, набившийся в водосточный желоб.

Одного взгляда на тяжелую дверь и массивные запоры на окнах было достаточно, чтобы понять: таким образом сюда не проникнуть. Снова полил дождь; а я стоял и улыбался. Милый дождь. Чудесный, прекрасный дождь. Через пять минут все следы на пустыре исчезнут.

Я полез вверх по отвесной стене. Ногти ломались, не удерживаясь в выбоинах кирпичей; дважды я соскальзывал вниз, в кровь раздирая лицо... Потом долго лежал на крыше, пытаюсь восстановить дыхание и силы.

Посреди крыши был люк. Я навалился на него всей тяжестью тела, почувствовал, как шурупы петель вылезают из прогнившего дерева, и заглянул в черный провал — чердак отеля «Морской».

Это был какой-то склад старья, где вперемешку валялись тюбики из-под крема, консервные банки и полуистлевшая бумага. Я спрыгнул вниз и зажег маленький фонарик. Луч выхватил из темноты другую дверь, густо оплетенную паутиной. Я сорвал паутину фонариком и повернул ручку.

При любых обстоятельствах «Морской» считался бы ночлежкой. Из-за песчаной почвы и того, что запах океана иногда пробивался сквозь вонь сосисок и человеческих тел, его называли летнем отелем. Коридоры были грязными и облупившимися, ковер на полу протерся до дыр. Двери в номера еле держались на прожавевших петлях, грозя вот-вот упасть на бесчисленные крысиные следы, отпечатывающиеся в пыли.

То, что я искал, оказалось на другом этаже. Дверь в кладовую украшал старый замок поразительных размеров, который поддался лишь третьей отмычке. Я положил его на пол и толкнул дверь.

Этот склеп когда-то служил большой спальней, а теперь превратился в морг запакованных простыней, матросов, грязной посуды... У дальней стены, среди поломанной мебели, была целая выставка: дешевые бумажные сетки, хозяйственные сумки, небольшие кошельки. К каждой к ручке был прикреплен ярлык. В углу стоял чемоданчик — цель моих поисков.

Я открыл его почти с благоговением и увидел, что там лежало. Теперь мне не было стыдно за Нэнси. Мне было стыдно за себя, за то, что я подозревал ее в шантаже. В этом чемоданчике заключался смысл ее жизни, полное разоблачение всей организации — записи, документы, фотографии. Фамилии и лица. Знакомые лица. Больше, чем просто олддермены. Больше, чем промышленные воротилы. Нить шла в Сити-Холл. Парк-авеню содрогнется от удара. Когда...

Мои уши уловили слабый шум, тихий металлический скрежет. Я закрыл чемоданчик, вышел и запер дверь на замок, а потом сдул на него пригоршню пыли, собранной со стен.

В коридор проник желтый лучик керосиновой лампы, по лестнице зазвучали приглушенные шаги. Я скользнул в боковую комнату и засунул руку с часами в карман, чтобы свечение циферблата не выдало моего присутствия. Шаги приблизились. В коридоре запрыгали чередующиеся полосы света и тени.

Над замком ему пришлось возиться дольше, чем мне.

Услышав, как он вошел в комнату, я вынул из кармана револьвер. Звук моих шагов потерялся в шуме, который он производил, вытаскивая и открывая чемоданчик.

— Мистер Берин-Гротин, — позвал я.

Мне надо было молчать и стрелять в спину. Он вскочил с невероятной скоростью, при этом опрокинув лампу, и нажал на курок. Пуля ударила мне в грудь и отбросила в сторону. Другая пуля вошла в ногу.

Я покатился по полу, застонав от боли, наугад стреляя в

темноту. Разлитый керосин внезапно ярко вспыхнул, и я увидел глаза Берины — безумные глаза. Он застыл на руках и коленях, на миг ослепленный огнем.

Револьвер дрожал, а отдача вообще выбила его из моей руки. Но этого было достаточно. Пуля сорок пятого калибра нашла свою цель.

Все вокруг полыхало, языки пламени лизали стены и рвались к потолку. С ревом занялись банки с краской и какая-то жидкость в бутылках. А мне становилось все тяжелее что-нибудь чувствовать, даже жар. В углу застонал и приподнялся Берин. Он увидел меня, беспомощно лежавшего на полу, и его рука потянулась за пистолетом.

Он бы прикончил меня. Но стена брызнула искрами, одна из балок потеряла опору из проржавевших болтов и, словно гигантское дерево, обрушилась вниз, пригвоздив проклятого убийцу на месте.

Я смеялся как дьявол, смеялся, смеялся и смеялся. Плевать мне было на то, что я погибну сам.

— Ты проиграл, Берин! Ты проиграл!

Он боролся с тяжелой балкой, не обращая внимания на огонь, и я почувствовал едкий запах паленого мяса.

— Сними ее с меня, Майк! Сними... пожалуйста! Ты получишь все, что хочешь!

— Я не могу... Я не могу даже шевельнуться. Если бы... но мне не сдвинуться с места.

— Майк...

— Ничего не выйдет, гнида. Я умру вместе с тобой. Я умру — но и ты тоже. Ты ведь не ожидал, что все так кончится? У тебя было кольцо и, вроде бы, время. Ты не знал, что я убил Финнея и забрал квитанцию.

Меня ждала Лола. Ты подслушал наш разговор по телефону и позвонил Финнею, а, отвлекая меня, включил проигрыватель. Лола... Она ждала меня, а дождалась убийцу. Ну, а ты задерживал меня, чтобы у Финнея было время вломиться в мою контору, найти и убить Лолу, потому что она знала адрес на квитанции.

Финней доложил тебе сразу же, как воткнул в нее нож, но она была еще жива и все поняла. Ты велел ему где-нибудь ждать — конечно, вдруг Финней сам наложит лапы на материал! Но я догнал его... О, ты играл умело, до самого конца. Интересно, как ты ушел из пансиона?

— Майк, я горю!

Его волосы задымились, и он снова закричал. Противоположная стена превратилась в сплошную завесу огня.

— Я не видел связи до сегодняшнего дня. В конечном итоге все решило кольцо. Я сидел и смотрел на бутылку виски, на этикетку с изображением трилистника геральдической линии — такой же, как и над твоим мавзолеем, такой же, как на кольце. Тут я понял.

Берин отчаялся справиться с балкой. Его лицо исказилось от боли. Секунду я смотрел на него, потом вновь засмеялся.

— Трилистник был часть твоего фамильного герба. Не так ли? Приznak верности... Ты и твоя проклятая честь, ублюдок! Нэнси Сэнфорд твоя внучка. Она ждала ребенка, и ты ее вышвырнул. Ты подумал о ее чести? Она притыкалась то там, то тут, живя под вымышленным именем. Так она познакомилась с подонками типа Финнея и Росса Боуэна и стала проституткой. А однажды увидела их вместе с тобой.

Могу себе представить, что творилось у нее в голове, когда она осознала: ты — такой благородный и чистый! — живешь на деньги, выжатые из девичьих тел, за фасадом благопристойности и респектабельности... Все шло хорошо, пока не появилась Нэнси, с одной мыслью: уничтожить чудовищную организацию.

Только она была вынуждена оставить вещи и документы — до поры до времени. И тут на что-то наткнулся Финней.

Берин извивался и корчился под тлеющей балкой. Его глаза были прикованы к потолку, где трескалась и осыпалась штукатурка. Огонь бушевал уже по всей комнате, поглощая все, к чему прикасался. Скоро загорится пол — и наступит конец.

Я засмеялся. Берин повернул голову. Горящий кусок дерева упал ему на щеку, но он даже не почувствовал этого.

— Нэнси должна была быть убита, — продолжал я. — Кто мог предположить, что девушка, которой свернули шею и выбросили из автомобиля, сумеет подняться и угодить под колеса другой машины?

Ты обеспечил алиби Финнея в ночь убийства.

Все честь и гордость!.. Богатый бездельник, быстро оставшийся без гроша — но ложная честь не позволила тебе стать нищим. Сперва мелочи, потом более и более серьезные дела, которые захватили тебя и увлекли — и вот уже вся система — в твоих руках. Ты организовал самое чудовищное, самое аморальное занятие, но принять и простить родную внучку тебе не позволила гордость. А потом те же самые гордость и честь не могли потерпеть вмешательства в твои дела.

Мой голос был едва слышен в гудении пламени. Снаружи доносились завывания моторов и крики людей.

— Но твоя честь лежит в этом чемоданчике. Ты сдохнешь, и твое славное имя будет смешано с грязью!

— Не-ет! Черт побери, нет! Все сгорит! Кроме того, я здесь с тобой! Да-да! Ты будешь моим алиби! И мое имя не покроет позор!

Он был прав. Он был так прав, что закипевшая во мне ярость вытеснила боль из груди. Берин увидел, что я собираюсь сделать и закричал. Я оскалился: он был лыс — грешник, поджаривающийся в аду за убийства. Обжигая руки, я ухитрился каким-то образом оторвать чемодан от пола и швырнул его в окно. Послышался возбужденный гул и резкий возглас: «Там кто-то есть!»

Ветер из разбитого окна полыхнул мне в лицо огнем, и я почувствовал, как горят мои волосы, увидел, как языки пламени овладели ногами Берина. Его пистолет лежал прямо под моей рукой.

Ему не следовало так говорить со мной. Это придало мне сил. Я крепко сжал пистолет.

— Твой мавзолей не будет пустовать. Там будет лежать девушка — девушка, которую погубила твоя честь. А ты будешь гнить в поле, рядом с Финнеем Ластом. Я расскажу полиции, что произошло. Солгу, но это будет похоже на правду. Я скажу, что прикончил одного из убийц, которых ты за мной послал. Тебя никогда не найдут, хотя бы искали век. И когда бы ни упоминалось твое имя, оно всегда будет сопровождаться проклятьями. Это будет смерть, которой ты страшился больше всего... Звери будут бродить по твоей безымянной могиле, заброшенной всеми, без надгробья.

Ужас метался в его глазах.

— Но я не откажусь от удовольствия убить тебя, крыса — за блондинку, за Лолу! И после этого смогу жить снова. Через минуту здесь будут люди. Меня спустят вниз, и я скажу, что подниматься не имеет смысла. Ты сгоришь дотла, так что никто не сможет тебя распознать.

Струя воды ударила в стену и превратила комнату в кипящий ад.

— Сейчас сюда втолкнут лестницу. Когда она появится, я выстрелю. Подумай об этом!

В коридоре что-то обрушилось, взметнулись искры. Дом задрожал. Потолок над нами треснул и начал расходиться, в щели било пламя.

Я посмотрел на Берина и засмеялся. Он повернул голову и уставился в дуло собственного пистолета. Его лицо застыло в кошмарной маске ненависти. О, как он молился, чтобы потолок накрыл нас обоих...

Что-то ударило в окно и вошло в комнату — два стержня, соединенных переключателем. Лестница содрогалась, по ней кто-то лез.

Берин дико разинул рот, крича, как все фурии ада, но мой смех был громче.

Он все еще кричал, когда я нажал на курок...

БЕНДЕТТА

Часть первая

ПАОЛО РЕГАЛБУТО

МЕСТЬ

За рулем красно-коричневого «паккарда» сидел коренастый дородный мужчина с грубо отесанным лицом. Звали его Никола Чюфало. Одна сторона его пропотевшей, неуклюже сидящей куртки оттопыривалась над автоматическим кольтom 45-го калибра.

Внешность его соседа, Харри Дитриха, разительно отличалась: невысокий, холёный, одетый с традиционным гангстерским шиком — пиджачок в топенькую полосочку с набивными плечами и блестящими лацканами, большая серая шляпа, начищенные до глянцевого блеска башмаки с гетрами. Он сам не причислял себя к гангстерам, и даже ни разу в жизни не держал в руках оружия.

Харри Дитрих был торговцем. Просто фирма, в которой он трудился, специализировалась в области розничной торговли спиртным. А злосчастная Восемнадцатая поправка делала этот бизнес неlegalным.

«Паккард» протискивался по жарким узким улочкам кварталов Майло. Женщины в квартирах — пожилые, проводящие свое время пяля глаза из-за окон, и молодые, проветривающие своих пискунов на ржавых площадках пожарных лестниц — старались не слишком упорно рассматривать обонх мужчин в проезжающей машине. Но зато ее сопровождали открыто подозрительные взгляды второй половины человечества, занятой игрой в скопу на ступеньках домов, раздетых в нижние рубашки, штаны и домашние тапочки, и ребяти, блаженствующая сидя на тротуаре, опустив босые ноги в водосточные канавы, а спинами подперев мусорные бачки.

За полтора года после вступления в силу сухого закона они научились понимать значение грубых мужских физиономий в дорогах автомобилях. Для них любой человек в «паккарде» был чужим, более того, иностранцем.

Чюфало свернул на Южную улицу и прижал машину к тротуару возле маленького ресторанчика, на котором красовалась вывеска «Астория».

Харри Дитрих вышел из машины и огляделся. Чиофало, которого он брал с собой в качестве переводчика и на случай, если ожидаемый покупатель окажется несговорчивым, обошел вокруг машины и присоединился к нему. Они вместе вошли в ресторан.

Это было узкое помещение со столами и скамейками, сдвинутыми на одну сторону. Обеденное время уже миновало, поэтому единственными клиентами были трое пожилых мужчин, занявших ближайшие ко входу скамейки. Официант, облаченный в грязный фартук, приводил в порядок дальние столы. Дитрих и Чиофало прошли и уселись на дальнюю скамью.

Официант подошел к ним. Звали его Паоло Регалбuto и был он молод и грамотен. Его смуглое лицо уже начало слегка оплывать, что было результатом счастливой семейной жизни и потребления большого количества мучного, но молодое тело указывало на наличие крепких мускулов и костей.

— Это ты босс? Джулио Бруно? — спросил Чиофало по-итальянски.

Паоло относился к тому сорту людей, которые настороженно воспринимали ланибратское отношение со стороны незнакомцев. Он ответил по-английски:

— Мистера Бруно здесь нет. Я его компаньон. Чем могу служить? — Он говорил правильно, но с сильным сицилийским акцентом.

— Ну, что же, компаньон, — по-приятельски сказал Дитрих, — для начала налей-ка нам по стаканчику виски. Фабричного. С имбирным пивом.

Паоло извиняюще улыбнулся:

— Имбирное пиво мы не получили. Есть хорошее домашнее вино. А вот виски есть. Если угодно — ржаной самогон. Не марочный, зато дешевый...

Дитрих, который уже давно знал эти штучки, скривил нос:

— Помой. Это даже свиньям не подойдет. И этой дрянью вас снабжают братья Фиоре?

Теперь Паоло нужно было сбить спесь с этих клиентов. Он заговорил вежливо и спокойно, без тени смущения:

— Большинству приходящих сюда он нравится. Кто предпочитает что-нибудь лучшее — приносит с собой, а мы продаем им имбирное пиво и лед.

— Самое время познакомить ваших клиентов с по-настоящему доброй выпивкой, — сказал ему Дитрих. — Буду рад предложить превосходный ром, брэнди, виски. С доставкой никаких сложностей. Каждый раз с личной гарантией Рэя Линча.

Это имя было знакомо Паоло. Рэй Линч был предводителем городских головорезов-ирландцев.

— Нашим клиентам такой товар не по карману... — ответил медленно Паоло.

Чиофало прикинул ширину плеч и силу рук Паоло. Сам Чиофало был силен, но уверенности в том, что он сможет одолеть офи-

цианта, у него не было. Он откинулся на скамейке, распахнул куртку так, чтобы продемонстрировать торчащую из кобуры рукоятку пистолета. Паоло без всякого выражения посмотрел на оружие.

Харри Дитрих сказал:

— Ваши клиенты позволяют себе раскошелиться, как только попробуют товар. У меня есть для вас хорошее предложение. Я расширяю территорию своих поставок. Вы будете первыми в этих кварталах, кому доставят товар Рэя Линча. Поэтому первая поставка со скидкой. Поверь мне, это шанс разбогатеть.

Паоло смягчил грустной улыбкой колкость слов, которые он был вынужден сказать:

— Мне бы очень хотелось разбогатеть. Этого же хочет и мой компаньон. Но если мы будем платить за выпивку, которую наши клиенты не будут брать, то вряд ли мы разбогатеем. Боюсь, что это, скорее всего, самый быстрый путь к банкротству.

Дитрих поднял на него тяжелый металлический взгляд:

— Рекомендую принять мое предложение, компаньон...

Паоло тяжело пожал плечами:

— Очень сожалею,— произнес он спокойно и вежливым тоном.

В этот момент один из мужчин, сидящих на передней скамье, попросил чашку чая.

— Момент,— сказал Паоло и вышел на кухню.

Дитрих проводил его долгим задумчивым взглядом, затем принял решение. Он давно усвоил, что при вторжении на новую территорию необходимо преподнести хороший урок первому же строптивому клиенту. Тогда, обращаясь к следующим, всегда можно сказать: «Нехорошо получилось там-то и там-то. Было бы неприятно, если нечто подобное произойдет и здесь...» И не надо растолковывать, что произошло. Они уловят суть.

Он положил обе руки на стол и поднялся.

— Пошли,— бросил он Чиофало.

Когда Паоло вышел из кухни с чашкой чая, их уже не было.

В этот вечер он рано закрыл ресторанчик и направился прямо в штаб-квартиру Дона Карло. Конечно, сам Карло Фондетта был слишком занят, чтобы встретиться с ним, но единственным, кого он хотел видеть, был Доминик Руссо.

Братья Фиоре снабжали спиртным итальянский квартал под покровительством Дона Карло, а Руссо отвечал за все щекотливые дела Дона Карло. Таким образом, вторжение Рэя Линча на бутлегерскую территорию Карло Фондетты автоматически становилось делом Руссо.

К несчастью, Руссо не было на месте, его ожидали только поздно вечером. Озабоченно хмуря брови, Паоло пошел к себе домой, в полуподвальное помещение под рестораном, чтобы поиграть со своими малышами и помочь жене уложить их спать. После этого он снова попытается отловить Руссо.

Он все еще был дома, когда, на теперь уже темной и пустынной Южной улице, появился красно-коричневый «паккард». За рулем был Чиофало, но Дитриха с ним не было. На этот раз на заднем сидении машины сидел человек по имени Фергюссон. У него были три попарно связанных пачки динамитных шашек. Каждая была привязана к небольшому камню. Приблизившись к ресторану, Чиофало замедлил ход и кивнул в сторону темных окон. Фергюссон чиркнул спичкой, зажег все три фитиля и бросил шашки в открытое окно машины.

Одна утяжеленная камнем связка выбила стекло ресторана. Вторая последовала за ней. Третья влетела в окно полуподвальной квартиры под рестораном...

Когда Доминик Руссо пришел в госпиталь, Паоло Регалбuto был весь забинтован. Из-под бинтов проглядывала лишь щель рта для приема жидкой пищи, да выше виднелись глаза — маленькие, темные и оцепеневшие от двойной дозы обезболивающего.

Руссо остановился возле кровати и вгляделся в глаза, окруженные бинтами. Он снял свою жемчужно-серую шляпу и непроизвольно пригладил черные волосы квадратной ухоженной ладонью, на мизинце которой сверкал большой бриллиант. Темный пиджак, облежавший его короткое, плотно сбитое тело, был так хорошо сшит, что почти скрывал находящийся под жилетом револьвер. Единственное, что придавало мягкость его острому маленькому лицу — это громадные водянисто-карие, с длинными, как у девушки, ресницами — глаза.

Он наклонился к бинтам и спросил мягким голосом:

— Ты меня слышишь, малыш?

Разница в возрасте не давала повода отеческому тону Руссо. Тридцатилетний Руссо был всего на шесть лет старше Паоло. Но он представлял собой силу, которая вторгалась во все сферы жизни итальянской общины города: неаполитанцев, калабрийцев и сицилийцев. А Паоло Регалбuto был всего лишь официантом маленькой дешевой астерии. Вернее, был до того, как четыре динамитные шашки разрушили ее, две другие сделали то же самое с двумя комнатками, где Паоло жил со своей семьей.

— Ты слышишь меня? — повторил Руссо немного громче.

Голова Паоло шевельнулась на подушке.

— Да... — выдохнул он.

— Похороны были шикарными... Красивыми. Лучшее, что можно сделать за деньги. Гробы, обитые шелком. Картинки...

Маленькие темные глаза влажно заблестели в прорезях бинтов.

Руссо горестно кивнул и сказал, не сдерживая хрипотцу в своем голосе:

— Да, я понимаю. Ужасная вещь. Что бы ни случилось, им нет оправдания. Ублюдки — вот кто они... — в голосе Руссо появилась легкая нерешительность. — Рэй Линч божится, что ничего не знал об этом. И мы должны ему поверить. Во-первых, он мог и в самом деле сказать правду, просто кто-то слишком рьяно выполнял его

задание. Во-вторых, его шайка слишком сильна, чтобы мы могли полезть в бутылку. Ты понял?

Темные глаза немигающе уставились на него.

Руссо заговорил быстрее:

— Сейчас перво-наперво тебе нужно выкарабкаться, малыш. О деньгах не беспокойся. Дон Карло просил передать, что он считает себя обязанным тебе из-за того, что все так получилось.

Забинтованная голова оставалась неподвижной, глаза остановились на лице Руссо. Тот переступил с ноги на ногу и перевел взгляд с этих глаз на свою шляпу, которую мял в своих пальцах.

— Только между нами, Фондетта так потрясен этой историей с налетом, что собирается вступить в долю с Линчем. Предложил Линч ему торговать в розницу на части нашей территории. Братья Фиоре не в восторге от этой затеи. Я лично собираюсь держать это дело под контролем... — Какое-то время Руссо хмуро разглядывал свою шляпу, находясь во власти невеселых дум. — Фондетта обеспокоен упорством, с которым Линч все это проделывает, и как бы тот не отхватил большего. Старее он, черт побери... — Руссо еще полюбовался шляпой, потом вздохнул и посмотрел на Паоло. — Так я считаю. Хотелось, чтобы и ты знал.

Когда Руссо покидал госпиталь, его охватило чувство чего-то недосказанного или недоделанного. Он утешил себя мыслью, что при данных обстоятельствах им сделано все возможное. Теперь перед ним стояли свои нерешенные проблемы: темпераментные братья Фиоре и наложивший в штаны босс...

Две недели спустя в палату к Паоло нервно проскользнул Хайм Рубин. Паоло сидел в кресле у окна, греясь в лучах утреннего солнца. Позавчера с него были сняты бинты. Доктора потрудились на славу. Черты его лица немного исказились, оно стало более ровным и грубым, угол рта пересекал шрам, переносица сломана. Но он был вполне узнаваем.

Хайм встал у стены, так что можно было держать под наблюдением и Паоло и дверь.

— Что-нибудь нужно, Паоло? Я не могу долго оставаться. Некоторым твоим друзьям я не совсем по нраву. — Он горько рассмеялся. — Чувства эти обоюдны, но мне не хотелось бы их демонстрировать.

Сицилиец оценивающе посмотрел на Хайма. Прежде у него не было такого взгляда.

— Я слышал, что ты собираешься работать с Пэтом Берком. — В голосе слышалась сухость, что тоже было новым.

Хайм пожал костлявыми плечами. Он по-прежнему походил на недоношенную молодую крысу. Крикливая дорогая одежда, приобретенная им с доходов от нелегального бизнеса, ничего не изменила. Лицо его было напряженно-испуганным, серые глаза хитрые и мертвенные, скрывающие мысли.

— Ты много знаешь, — сказал он осторожно. — Ну и...

— Берк знает Рэя Линча, не так ли?

— Шапочно. Они из одного квартала и оба ирландцы, но это не сделало их закадычными друзьями. — Хайм бросил взгляд в сторону двери.

— Я бы хотел, чтобы ты кое-что поразнюхал, — мягко сказал ему Паоло. — Я хочу, чтобы вы узнали, кто взорвал мой дом.

Взгляд Хайма вернулся к Паоло, тонкие губы обнажили кривые мелкие зубы. Это было некое подобие улыбки.

— Считаешь, что нужно идти таким путем?

Паоло напряженно и прямо сидел в кресле. Даже в больничном халате его тело было крупнее, чем у среднего сицилийца. Но с костей удалили достаточно много мяса. Уже не было видно необычной силищи, которая помогла ему пережить взрыв, унесший его молодую жену и детишек. Новым, каким-то шершавым голосом, он произнес:

— А как же иначе?

Хайма это не удивило. Даже не будучи сицилийцем, он понимал, что дела между Паоло и Руссо не совсем ясные. Они не были друзьями. То, что было между ними, было чем-то странным, таким, что никто из них, пожалуй, не смог бы и объяснить.

Глаза сицилийца выжидающе смотрели на него. Хайм сказал:

— Это будет непросто. Не будешь же подходить к людям и спрашивать их об этом. Требуется время.

Паоло кивнул.

— Буду тебе обязан, — сказал он мягко и ровно.

Хайм некоторое время изучающе смотрел на него, затем отошел от стены.

— О'кэй.

Это было все, и он ушел, не сказав больше ни слова.

Когда Паоло вышел из госпиталя, его уже ждали. Они сидели в тяжелом голубом автомобиле: трое молодых людей с жесткими лицами. За рулем флегматичный и крепкий Джимми Бруно, на заднем сиденьи — высокий и стройный Анжело Диморра и маленький Ральф де Блайз.

Затянутое тяжелыми тучами небо разразилось мелким дождем. Все трое оставались в машине, сохраняя свои сшитые на заказ костюмы и умопомрачительные шляпы. Джимми Бруно распахнул перед Паоло дверцу. Паоло ступил на тротуар и посмотрел на них. Они были моложе его. Мальчишкой он верховодил ими. Теперь они сидели в шикарном автомобиле, излучая благополучие, а Паоло, простоволосый, стоял под дождем — крупный мужик с темным и измученным лицом, в старенькой потасканной куртке, слишком тесной для его широких плеч.

Анджи Диморра улыбнулся ему через заднее стекло и мягко произнес:

— Рады тебя видеть снова на своих ногах, капо!

Таким титулом, в знак преданности, веками награждали сицилийцы главарей банд или вождей семейства мафии. Всего несколько лет назад Паоло был для этих парней «капо». Теперь в устах Диморра это звучало как память о былом уважении, как сострадание к горю.

— Залезай, Паоло, — сказал Джимми Бруно.

Паоло сунул руки в карманы и покачал головой.

— Я лучше пройдуся, — он развернулся и пошел по тротуару.

Все трое задумчиво смотрели ему вслед.

— Куда же, черт поberi, он направился? — громко поинтересовался Ральф де Блайз.

— Туда, куда ты думаешь, — огрызнулся Диморра.

Бруно кивнул, захлопнул дверцу и тронул машину. Они двинулись по улице вслед за крупным, идущим под дождем, мужчиной. До кладбища было более двух миль, а Паоло провел два месяца в больнице. Когда он, наконец, добрался до трех могил, ноги у него дрожали. Одна, с большим надгробным камнем — его жены, две поменьше — его двойняшек.

Мокрые волосы прилипали к голове, по лицу сбежали струйки дождя. Может быть, он и плакал.

Трое вылезли из машины и встали позади него в почтительном молчании, глядя вместе с ним на эти могилки.

Прошло несколько минут, прежде чем Паоло произнес:

— Дайте мне нож.

Он ни к кому не обратился конкретно. Глаза его не отрывались от могил. Ральф де Блайз вытащил из кармана финку и нажал кнопку. Выскочило длинное лезвие. Паоло взял нож, не отводя взгляда от могил. Затем приложил кончик темного лезвия к ладони левой руки ниже указательного пальца. Его лицо не дрогнуло, когда лезвие разрежало ладонь от одного угла до другого. Из раны потекла кровь.

Паоло Регалбута шагнул вперед и положил левую ладонь на верхушку надгробного камня жены, крепко сжал его толстыми мощными пальцами. То же самое он проделал над двумя маленькими могилками.

Трех юношей охватила дрожь. Они смотрели на яркие красные пятна на надгробных плитах, видели, как, смешиваясь со струями дождя, кровь стекает по камням.

Это была инстинктивная дрожь, многовековая национальная память о кровавых клятвах, которые произносились на далеком, опаленном солнцем, истощенном острове. Никто из них раньше не видел старинную клятву вендетты. Но они своими костями чувствовали ее значение.

Они также знали, что после этого Паоло не сможет стать прежним. Что бы он после этого ни делал, быть официантом в ресторане он не сможет. Но все равно в течение долгого времени он будет известен как Поль-официант, пока постепенно, с годами —

сквозь страх и уважение — это прозвище не перейдет в новое имя — Дон Паоло...

Паоло сидел возле окна гостиной Джимми Бруно и курил сигарету, изредка делал глоток кофе из маленькой чашки. Кофе был крепким, густым и сладким из-за трех ложек сахара. И горячим. Ноздри щекотал резкий табачный дым, а язык ощущал вкус кофе. Чувства его обострились — это с каждым днем возвращались силы, пока он ждал и обдумывал свои будущие действия.

Квартира Бруно состояла из трех, хорошо обставленных, комнат, на верхнем этаже кирпичного дома, стоящего на окраине Малой Италии. Это, конечно, не дворец, но для девятнадцатилетнего парня — роскошь.

Джимми и Ральф де Блайз имели доход с игровых притонов. Часть средств они вкладывали в собственное дело, недавно же они перешли на обслуживание бизнесменов и конкурирующих групп мускулами и угрозами. Это было одной из причин, почему Хайм опасался вступить в контакт с сицилийскими приятелями Паоло. Хайм продавал оружие еще одной группе бутлегеров, возглавляемой Мюрреем Джекобом, с которой Бруно и де Блайз конкурировали. Когда стычек между группами было немного, Хайм работал с громиллой по имени Пат Берк, который специализировался на перехватке грузовиков со спиртным, а иногда на похищении бутлегеров с целью получения выкупа. Так или иначе, но каждый урывал ломоть от сухого закона. Анжело Диморра и его младший брат Митч делали деньги от продажи угнанных легковых и грузовых автомобилей. Часть доходов Анжело вкладывал в гараж, где механиком работал Вито Риккобоне, который придавал угнанным автомобилям неузнаваемый вид. Кроме того, Анжело имел дело с игорным притоном, где шла игра в кости.

Анжело Диморра был наиболее удачливым бизнесменом в этой компании. Квартира у него была побольше, чем у Джимми Бруно, и он предлагал ее Паоло, но более естественно было остаться у Джимми. Когда много лет назад, зеленый, не умеющий сказать двух слов по-английски, Паоло впервые приехал в США, он жил у Джимми Бруно и его дяди Джулио.

Паоло сделал еще глоток кофе и пропустил новую порцию дыма через легкие. С приклеенным ко рту окурком, он задумчиво смотрел сквозь облако дыма на крыши домов противоположной стороны улицы. Вот уже две недели, покинув госпиталь, он большую часть времени тратил на сиденье у окна и раздумья. И почти всегда один. Он выходил из квартиры только на длительные ночные прогулки в одиночестве.

Иногда в квартире ночевал Джимми, а иногда нет. Иногда приходили и другие члены их давней шайки: Анжело и Митч, Ральф и де Блайз, Вито Риккобоне. Они не докучали ему болтовней, понимая, что он занят своими мыслями. Они приходили, сидели с ним, немного выпивали, разделяя его молчаливую компанию. Изредка играли в вичинетту — сицилианскую разновидность покера. Иног-

да Паоло присоединялся к ним, и тогда, как правило, выигрывал. Он понимал, что они стараются улучшить его самочувствие и не сомневался в том, что это дань их прежней дружбе.

Они никогда не приводили с собой девок — еще одно необычное подтверждение их забот о нем. С их стороны было большой деликатностью не вторгаться к нему с вульгарными шлюхами в период его траура и раздумий.

Но иногда, особенно оставаясь один, он вообще ничего не делал. Был такой период, когда он ловил себя на том, что думает о прошлом, пытаюсь разгадать уловки судьбы, забросившей его в эту необычную даль для того, чтобы привести к трагедии. Вот и сейчас он сидит у окна, допивая последние капли кофе, созерцая крыши противоположных домов, а мысли его витают далеко, там, за тысячами миль, за океанами и морями, между этим миром и миром, откуда он приехал.

Он родился в отдаленной заброшенной деревушке, прилепившейся к каменистому бесплодному склону горы, одного из наиболее нищих и опустошенных районов Сицилии. Деревушка здесь выросла еще в средние века, когда почва была еще достаточно плодородной для выращивания зерна и выпаса овец, когда фруктовые деревья могли получать живительные соки из каменистого склона. Со временем деревья исчезли, вырубленные на дрова и постройки домов. Стремительные потоки воды, стекающие по склону во время дождей, стало нечем сдерживать, и они подмыли деревню и разрушили много домов. Брошенные нищие хижинки были готовы вот-вот развалиться и стояли с дико перекосившимися стенами, которые уже невозможно было подпереть, с земляными полами, которые внезапно могли провалиться, обнажая погребца, изрешетившие деревню еще со времен ее основания.

Дом Паоло был на грани разрушения с самого его рождения. Палимый безжалостной летней жарой и дикой зимней стужей, подмываемый подземными потоками, он врастал в землю, кренился и растрескивался с каждым годом все сильнее и сильнее. С тех пор, как Паоло себя помнил, его отец, мать и двое детей мечтали выбраться из этого дома и переселиться в Америку. Этой мечтой они жили почти все вечера, они мечтали об этом за скудной пищей, которой едва хватало, чтобы удержать их лупки от прилипания к позвоночнику. Эту мечту подогревало то обстоятельство, что одному из друзей отца, по имени Джулио Брунолицерра действительно удалось попасть в Америку. Отец Паоло часто доставал и бережно держал в руках письмо своего друга из Нового Света. Хотя в этой деревушке никто не умел читать и писать, Джулио все же написал для него письмо. Отцу Паоло его прочитал один грамотный из соседней деревни. Этот человек зарабатывал себе на хлеб чтением и письмом для жителей четырех деревень. Друг отца не так уж плохо чувствовал себя в Америке и уже успел сократить свою фамилию до Бруно. Он приобрел там лавку, где торговал овощами и фруктами. В Новом Свете работа была для

всех. Если отец Паоло придет, то он поможет найти ему дорогу в жизни.

Бесполезные мечты. Отец Паоло был не в состоянии заработать на проезд в Штаты. В их провинции работы было настолько мало, что половина домов деревни пустовала, их обитатели уехали в другие места в поисках заработка. Даже плодородных земель, которые могли дать пищу людям, и тех не хватало для этой деревеньки. Почти вся мало-мальски приличная земля принадлежала крупным помещикам. И хотя большая часть этой земли оставалась неиспользованной, любого, кто собирался ее обрабатывать, или даже просто нарушил бы их границы, ожидало ужасное наказание. Причем эта кара исходила не от карабинеров, а от мафиози, которых содержали помещики для охраны своей собственности.

Десятилетний Паоло видел, как четыре местных мафиози тащили в центр деревни такого нарушителя. Его схватили за то, что он осмелился убить кролика во владениях здешнего помещика. Напуганные жители деревни через щели в закрытых ставнях на своих окнах смотрели, как они изрубили нарушителя топорами. После этого они бросили его истекать кровью. Отсеченные руки были положены ему на грудь. Это был наглядный урок остальным, чтобы они держали руки подальше от того, что не принадлежало им.

Отцу Паоло повезло. Он получил довольно-таки постоянную работу на каменоломне. Правда, это была каторжная работа. И на такой работе на проезд в Америку скопить было невозможно, но она позволяла прокормить его семью.

Когда Паоло исполнилось двенадцать лет, финансовое положение его семьи улучшилось. Он достиг того возраста, который устраивал хозяев каменоломни, которым было выгодно нанимать мальчишек — им можно было меньше платить. Использовали их для перетаскивания камней к камнедробилке.

Работа была адская: каждый день по одиннадцать часов приходилось таскать огромные корзины с битым камнем от каменоломен до дробилки. Глядя на парней, которые отработали здесь всего несколько лет, на их изможденные непосильным трудом тела, Паоло представил, что его ожидает в будущем: дрожащий позвоночник, горбатая спина, обвислые плечи.

Но он уже тогда был необычайно крупным для сицилийца. И первое время непрерывная работа с тяжелыми корзинами, которые приходилось таскать по откосу, лишь укрепляли мускулы парня.

Семья стала откладывать небольшие суммы, которые зарабатывал Паоло, чтобы скопить отцу на билет в Америку. Там он найдет работу, оплачиваемую достаточно, чтобы постепенно перевезти остальных членов семьи.

С помощью грамотея они написали Джулио Бруно письмо. Тот в качестве поручителя прислал необходимые для иммиграции

бумаги. Требуемая сумма собиралась более двух лет в жестяной коробке, которая хранилась в подвале их дома.

Но судьба жестоко посмеялась над их планами...

Рабочий должен был вырубить камень с самой вершины скалы. Но, как и большинство каменотесов, отец Паоло к концу дня так уставал, что карабкаться вверх уже не было сил. Однажды в конце рабочего дня он подрубил огромный валун у подножья, тот сорвался и разбросил ему правую ногу. По этой причине Паоло был на работе, а отец оставался дома, когда случай сыграл с ними еще одну злую шутку. В тот день, после затянувшихся дождей, внезапно оползла часть горы, опрокинув их дом и похоронив под камнями всю семью.

Паоло плакал дня дня, а затем решил стойко принять удар судьбы. Он вернулся на работу в каменоломню. Теперь возраставшие в банке деньги были целиком его. Он дрожал буквально над каждой лирой, тратя деньги только на еду. И ел он только, чтобы хватило сил на работу. Он не покупал одежду, не платил налогов. Спал он в подвале — это все, что осталось от их дома.

К своему шестнадцатилетию он скопил достаточную сумму для поездки в Америку.

В бюро по делам иммигрантов он назвался именем своего отца, потому что именно это имя значилось в бумагах, которые прислал Бруно. В шестнадцать лет он выглядел достаточно взрослым, чтобы можно было воспользоваться этими документами. Рост его больше не увеличивался, теперь он только раздавался ширию.

Тот факт, что в США он находился нелегально, так как жил под именем своего отца, стал беспокоить Паоло только после женитьбы. А до этого времени причин для беспокойства не было. Приехав в большой город, он очень быстро влился в его жизнь. Имея в запасе несколько фраз, выученных на корабле, он автобусом добрался до города, где жил друг его отца. Показывая конверт встречным, он нашел нужный адрес Джулио Бруно. Но тот здесь уже не жил. Но теперь Паоло находился в районе, где почти все говорили по-итальянски, и он разыскал Бруно.

Джулио Бруно сумел за это время преуспеть. Из зеленщика с развозной тележкой он вырос во владельца крошечного ресторанчика с двумя двухкомнатными квартирами: одна наверху, другая — в подвале. Бездетный вдовец, Джулио был низеньким пухленьким трудягой с большим и щедрым сердцем. У себя он уже приютил сына своего покойного брата. Без колебания он присоединил к нему и Паоло.

Дядя Джулио спал на одной из двух кроватей, занимавших большую часть площади спальни. Паоло делил другую с его двенадцатилетним племянником Джино, имя которого американизировали в Джимми. После того, что он имел в Сицилии, маленькая квартира казалась ему роскошью, а когда он покидал квартиру, то чувствовал, что мечта его семьи о жизни в Америке исполнилась. Это был земной рай!

Тесная квартирка и трущобы улиц района гетто, известного под названием Малой Италии, не разочаровали его. Окружающая бедность по меркам Сицилии не была бедностью. Никто не голодал. Даже для ребятишек существовали возможности урвать кусочек, для этого требовалось только быть ловким, настырным и жестоким.

Поначалу Паоло зарабатывал на жизнь посудомоем и официантом в ресторанчике дяди Джулио. Но потом он все меньше и меньше стал утруждать себя этой работой, так как понял, что проявить надо ловкость и можно заработать побольше. Ну, а побольше всегда лучше, чем поменьше!

У него было развито чувство морали, но морали очень специфической, не имевшей ничего общего с работой и бизнесом. Эта мораль была проста — надо было делать все возможное, чтобы получить побольше. Не делать этого — и глупо и высокомерно. Судьбу нужно хватать за хвост. Это было понятно и ему.

Паоло стал как бы старшим братом для Джимми Бруно и его молодых хватких приятелей из квартала: Анжело, Митча Диморра, Ральфа де Блайза и Вито Риккобоно. Старшим братом и признанным вожакom. И не потому, что он был старше и сильнее. Джимми Бруно и Ральф де Блайз становились на опасный путь. Их горячая сицилийская кровь кипела. Самым умным из них, несомненно, был Анжело Диморра. Но у Паоло был достаточно твердый характер, чтобы руководить ими. Без Паоло они просто бы стали группой жестоких индивидуалистов, какие часто встречались в окружающей их жизни. С ним же они сформировались в крепкую спаянную банду. Название банды они взяли по наименованию улицы, где находился ресторанчик дядюшки Джулио — банда Зеленой Улицы. Свою деятельность в качестве организованной банды они начали с грабежа и вымогательства, мелких откупов у местных лавочников и мелких розничных торговцев. Взрослея, они расширяли поле деятельности. Но район их действий был жестко ограничен.

Ресторанчик Бруно находился в середине сицилийского квартала, расположенного на одном конце Малой Италии. Район был разбит на одинаковые грязные участки, подобные враждующим лагерям: итальянцы, ирландцы, евреи.

Ирландцы считали себя элитой эмигрантов, так как приехали сюда раньше остальных. Их шайки были несомненно сильнее, имели связи с полицией и часто ими пользовались, поскольку полицейские и политические заправилы чаще всего были ирландцами. За ирландцами следовали более поздние пришельцы: евреи и итальянцы...

Сицилийцы принадлежали к тем отбросам, которые шли даже после итальянцев, неаполитанцев и калабрийцев. Их шайки были малочисленнее, поэтому, а также и в силу традиции, это делало их более спаянными.

Границы между этими враждующими эмигрантами кварталов

были весьма неопределенными. По этой причине банде Зеленой Улицы часто приходилось воевать за территорию с молодыми шайками других национальностей. Под предводительством Паоло они чаще всего одерживали верх против превосходящих сил. Но если их и колотили, это все равно приносило пользу: они становились достаточно опасными, чтобы враги с ними считались.

Когда Джимми Бруно исполнилось четырнадцать лет, он зарабатывал вполне достаточно, чтобы найти собственную комнату, где мог удовлетворить свою растущую страсть к проституткам.

Дядя Джулио порицал Паоло за то, что тот верховодит молодняком и толкает их на пагубный путь. Между ними было сказано много неприятных слов. Тогда Паоло переехал к Джимми, внес свою долю платы за квартиру и девок, и уверенно повел банду Зеленой Улицы к успеху в гангстерском мире.

Преступный мир Малой Италии группировался вокруг ресторана Фондетты. Карло Фондетта использовал это место в качестве прикрытия для двух других дел, приносящих ему большую часть дохода: торговля краденными вещами и рэкета. Чтобы трудиться в этих сферах без вмешательства закона, он регулярно давал взятки капитану местного полицейского участка и политикану по имени Тим Дейл. Это и было источником силы Фондетты во всех кварталах Малой Италии — неаполитанском, калабардийском и сицилианском.

Если кому-нибудь требовалась благосклонность полиции или политического заправилы, обращались к Фондетте. У него были контакты. Благодаря ему, когда это было возможно, благосклонность обеспечивалась, а в обмен на это Дейл получал небольшие суммы и голоса итальянцев на выборах. Это делало Фондетту мозговым центром и давало ему почетный титул.

Для того, чтобы обдирать проституток, регулярно получать взносы с бутлегеров, держать в узде различных гангстеров, Дон Карло Фондетта содержал Сальваторе Фиоре и его диких братьев. Братья Фиоре, как и сам Фондетта, были неаполитанцами, но его доверенным лицом и главным исполнителем приговоров был сицилиец Доминик Руссо.

Паоло слонялся по переулку за рестораном Фондетты, докумачал Руссо, чтобы тот дал ему дело для его банды. Поначалу Руссо давал его банде пустяковые задания, иногда поручая кое-кого пощупать. Но и эта маленькая работа выполнялась быстро и качественно. Поэтому Руссо стал давать им работу посложнее: грабеж и вымогательство. К тому времени, когда Паоло исполнилось двадцать лет, его банда стала вызывать серьезные опасения у братьев Фиоре как будущие соперники.

Но в двадцать лет жизнь Паоло резко изменилась. Он встречал Нину Меттура, нежную красивую девушку, чья семья недавно приехала из Калабрии. Кроткая, спокойная девушка, с роскошным телом и громадными темными глазами, в которые, как в омут, окунулся Паоло. Он влюбился в нее, как могут влюбляться

только сицилийцы — неистово и безумно. Родители Нины были хорошими людьми, и выдать дочь замуж за преступника, каким бы преуспевающим он ни был, отказались наотрез.

Для поверенного Паоло это явилось причиной незамедлительной и неизбежной перемены. Он пришел к дядюшке Джулио, который собирался избавиться от своего ресторанчика и заняться снабжением других ресторанов овощами и фруктами. У Паоло были деньги, чтобы дядя Джулио мог проверить это дело. Он предложил внести свою долю с тем, чтобы стать работающим компаньоном и в ресторанчике и в новой фирме одновременно. При этом поклялся, что порвет со своим прошлым и объяснил почему.

Дядюшка Джулио понял, поверил и простил. «На нашей родине говорят, — сказал он Паоло, — мужчина — дикий зверь, но прикосновение достойной женщины превращает его в ягненка». Паоло стал компаньоном Бруно. Он женился на Нине и они заняли две комнатки под рестораном.

Без Паоло банда Зеленой Улицы распалась. Каждый стал заниматься собственным бизнесом.

Десять месяцев спустя Нина забеременела и Паоло начал беспокоиться о том, что живет в Штатах нелегально. Если это откроется, то может случиться худшее — его снова вернут в Сицилию. Его жена и дети будут предоставлены сами себе, или, что еще хуже, вынуждены будут навсегда поселиться вместе с ним в Сицилии.

Месяц спустя США вступили в Первую мировую войну, и Паоло пошел добровольцем в армию. Можно было считать, что он пошел служить из подлинно патриотических побуждений: он узнал, что любой служащий в действующей армии становится гражданином США.

К тому времени, как кончилась война, Нина успела родить ему двойняшек. С войны Паоло вернулся с заслуженным им гражданством и медалью за храбрость, которую он считал не заслуженной. Он не считал себя храбрым. Храбрость для него была признаком глупости. Он никогда добровольно не лез в опасность и никогда не рисковал, если в этом не было необходимости. Даже когда обстоятельства принуждали его к действиям, Паоло применял насилие с хладнокровной яростью.

Он вернулся в Америку, изменившуюся за короткое время очень значительно. Сухой закон вступил в силу и буглегерство в стране стало развиваться гигантскими шагами. Мировая война закончилась, но началась другая — уличная. В каждом городе стали расти, соревнуясь по численности и жестокости, вооруженные банды. Они боролись за те баснословные доходы, которые открывал сухой закон — доходы превышали самые безумные мечтания. Паоло Регалбучо вышел из этой игры и занимался своим бизнесом, пока однажды к нему не пришел Харри Дитрих со своими вооруженными парнями...

Когда Хайм Рубин забрел в переулоч позади свалки, было уже темно. Привыкнув к темноте, он убедился, что там еще никого не было. Прислонившись к высокому деревянному забору, он зажал в уголке рта сигарету и прикурил от плоской золотой зажигалки. Спрятав сигарету за ладонью, так что ее огонек нельзя было увидеть и в двух шагах, он стал ждать Паоло.

Этот переулоч был вроде «ничейной земли» между Малой Италией и Европейским гетто. Меньше, чем в двух кварталах находилось место, где Хайм впервые столкнулся с Паоло. Тогда они были парнишками. Хайм верховодил соседней шайкой ребят, все члены которой были здоровее его. Они тогда переходили с воровства на мелкое вымогательство. Одним из первых, с кого они содрали дань, оказался Джулио Бруно, которому приходилось пересекать их территорию со своей тележкой, чтобы возить дешевые продукты с рынка в свой ресторанчик.

В первый раз, когда его остановили, Джулио заплатил без разговоров. Во второй раз Паоло и его банда подловили их в переулке и здорово побили цепями и свинцовыми трубами. Шайка Хайма была больше, но они их застали врасплох. В первые несколько секунд яростной атаки трое из них, окровавленные и стоющие, были сброшены в канаву. Остальные, спасаясь, убежали. Хайм бежал по переулку, а Паоло бежал за ним по пятам. Переулоч кончился тупиком. К забору, преградившему ему путь, были приставлены мусорные бабки. Вскочив коленями на один из них, Хайм выхватил пистолет 22-го калибра. Паоло отделило от него три шага. Сжимая в своем мощном кулаке свинцовую трубку, он смотрел на пистолет.

— Я ведь достану тебя, — громко сказал Паоло. В те дни он говорил с таким ужасным акцентом, что Хайму пришлось напрячься, чтобы понять его. — Эти пульки слишком малы, чтобы остановить меня.

Хайм рассмеялся. Даже в молодости его смех вызывал озноб у взрослых мужчин.

— Но, тем не менее, они тебе сделают мало хорошего...

— То же я могу сказать об этой трубке, когда она расколется тебе голову, — ответил Паоло.

— В таком случае, пострадаем оба.

Паоло кивнул, думая, что этого достаточно.

— Дело в том, — начал он медленно, — что вы стали беспокоить Джулио Бруно. Он наш родственник. Никто его не смеет беспокоить. Сдирайте деньги с других...

Хайм поднялся на ноги, продолжая целиться в Паоло и придиричиво изучая этого сицилийского парня. На его решение повлияли отнюдь не размеры сицилийца или свинцовый отрезок, а то, что он прочитал в его темных глазах.

— Ладно, — наконец произнес Хайм. — Заметано. А теперь я собираюсь перелезть через забор. О'кэй?

Паоло кивнул и не сдвинулся с места, пока Хайм не исчез за забором.

Хайм сдержал слово. Джулио Бруно больше не беспокоили. И не потому, что Хайм испугался Паоло и его шайки. Но вокруг было столько возможностей заработать на жизнь, что не стоило связываться с перевозчиком овощей из-за паршивой пары долларов. Так Паоло и Хайм встретились в первый раз.

Вторично они повстречались в армии. Хайм дал себя завербовать по ряду причин: тяга к массовому убийству и пара забытых до полусмерти, что числилось за ним. В армии Паоло и Хайм испытывали друг к другу такие же родственные чувства, что и на улице. Но в лагере, куда их направили для подготовки, они оказались в окружении солдат, презрительно относившихся к жиду и макароннику. Клички их не волновали, но ни Паоло, ни Хайму не нравилось, что их так легкомысленно принимают. Однажды вечером в городке, недалеко от лагеря, они по очереди отловили и избили до потери сознания своих мучителей. После этого остальные солдаты оставили их в покое.

Снова у них возникли сложности, когда они попали на поле боя во Франции. Источником их был новоиспеченный лейтенант. Казалось, ему доставляло садистское удовольствие подстрекать других солдат к возобновлению оскорблений. Этому был положен конец во время атаки на немецкие траншеи. В какое-то мгновение Хайм оказался в зарослях кустарника наедине с лейтенантом. На фоне оружейной трескотни вокруг, три выстрела Хайма в лейтенанта не привлекли ничьего внимания. Но когда Хайм оглянулся, то увидел солдата из своего отделения, одного из мучителей, глазевшего на него и мертвого офицера. Прежде чем Хайм успел среагировать, за спиной солдата показался Паоло и раскрыл ему прикладом голову. Разделенные этими двумя трупами, Хайм и Паоло долго стояли и смотрели друг на друга. Ни тогда, ни после об этом случае они между собой не говорили. А Хайм очень скоро и думать перестал. Но сейчас, увидев высокую, крепкую фигуру сицилийца, появившуюся в конце переулочка за свалкой, он почему-то вспомнил.

Паоло подошел к нему. Пряча лицо в тени, не задавая вопросов, он ждал, когда Хайм заговорит.

— Это Харри Дитрих сработал, — сказал Хайм, — это тот парень, который заходил к тебе в ресторан, чтобы толкнуть пойло Линча. Но сделал это не один. За рулем был какой-то итальянец, которого Дитрих иногда использует. Имени я его не знаю.

На какое-то время Паоло замер в тени, затем мягко спросил:

— А тот, кто бросил динамит?

— Этого я не знаю. Он новый человек в городе. Импортный талант.

— Где живет этот Дитрих?

— Думаю, где-то в Ричмонде. Точно не знаю.

— Найди. Узнай, куда он ходит вечером.

— Ты думаешь, у меня есть на это время? — огрызнулся тот. — Ты и так сорвал мне одно дельце.

— Ладно. Когда ты это сделаешь, я буду у тебя еще в большем долгу.

Настоящая торжественность, с какой были произнесены эти слова, дошла до Хайма. Он знал, что сицилийцы склонны к странным клятвам, а эта была совсем необычной.

— Я прошу! — сказал Хайм, отшвырнув окурок, затоптал его каблуком и исчез в темном переулке.

Паоло, очень спокойный, прежде чем пойти, постоял пару минут...

Девушка сладострастно потянулась на большой измятой постели, сонно зевнула и стала смотреть, как одевается Харри Дитрих. Ее обнаженное тело было по-девичьи стройным, с маленькими остроконечными грудями. Ей едва перевалило за двадцать, но глаза выглядели на все пятьдесят. Когда Дитрих прошел в ванную, она соскользнула с кровати, надела пеньюар и золотистого цвета шелковый китайский халат. Не запахиваясь, она прошла в гостиную и налила себе в большой бокал коньяку. Сделав солидный глоток, она издала удовлетворенный вздох.

В том, что ее содержал Харри Дитрих, была одна весьма приятная особенность: выпивка, которой он обеспечивал ее квартиру, всегда была великолепна. Она опустилась на диван и сделала глоток поменьше, держа стакан изящными пальчиками с острыми кроваво-красными ногтями, гармонировавшими с ее купидоноподобными тонкими подкрашенными губами.

Харри вышел из ванной полностью одетый. Это была другая приятная особенность: спать он предпочитал у себя. После его ухода, она звонила молодому безработному саксофонисту, которого содержала на те деньги, что оставлял ей каждую неделю Дитрих. Харри подмигнул ей.

— Все было чудесно, как никогда, детка.

Она надула губы:

— Если все хорошо, почему ты всегда уходишь домой? Там, где хорошо, надо быть подольше.

Он расплылся от удовольствия.

— Мне так больше нравится. Оставлять тебя чуточку голодной. Тогда горячей встречаешь...

Она продолжала дуться. Тогда он рассмеялся, потрепал ее по щеке и вышел. На маленьком лифте он спустился вниз и вышел через дверь с задней стороны дома, выходящую к маленькому участку для стоянки машин. Дитрих закрыл дверь, достал из кармана ключи от машины и направился к красно-коричневому «лакарду».

Паоло вышел из тени и обеими руками схватил Дитриха за горло. Дитрих попытался закричать, но Паоло сжал пальцы, препятствуя этому. Ключи выпали из рук, Дитрих стал дергаться и извиваться, пытаясь вырваться. Державшие за горло руки оторвали

его от земли как пушинку. Паоло сильнее сдвинул горло, но не до смерти, а только чтобы перехватило дыхание. Дитрих начал лгать его ногами, бить маленькими кулачками в грудь. Но мышцы у него начали слабеть и удары уже не имели силы. Паоло расставил ноги и продолжал держать его так, чтобы он лишь касался земли своими ботинками. И держал, пока тот не потерял сознания.

Из темноты выскочил Вито Риккобони и нагнулся над выроненным Дитрихом. Разогнув пухлую фигуру, он нервно огляделся вокруг своими большими глазами на луноподобном лице. Вито родился пухлым, а также и нервным, но свои функции он выполнял идеально. Никого не увидев, он отпер заднюю дверцу «паккарда» и распахнул ее. Паоло швырнул бесчувственное тело Дитриха на пол машины, забрался туда сам и сел на заднее сиденье, наступив на Дитриха ногами. Вито захлопнул дверцу, обошел кругом машины и сел за руль. Заведя мотор, он вывел «паккард» с маленькой стоянки. Он не стал включать огни, пока на тихом ходу не проехал квартал. Паоло посмотрел на удаляющиеся дома.

— Думаю, что мне необходимо научиться водить, — голос у него был совершенно спокойный.

— Конечно, — согласился Вито. — Парень, не умеющий водить машину в наши дни — никто. Научиться нетрудно. Я могу научить тебя всего за пару дней.

— Спасибо, — сказал Паоло.

Пока они не доехали до гаража, он больше не проронил ни слова.

Вито купил гараж на деньги, полученные от Анжело Диморра и его брата Митча за организацию угона автомашин. Он вышел из автомобиля и открыл гараж. Загнал туда «паккард», вылез и закрыл дверь гаража. Затем включил единственную в гараже лампочку.

Паоло вылез из машины и посмотрел на его круглое потное лицо.

— Почему бы тебе не сходить в столовую и не перекусить, Вито? Когда нужно будет его увезти, я тебя позову...

Вито сделал вид, что колеблется.

— Ты уверен, что я тебе не понадоблюсь?

Паоло кивнул.

— Уверен.

Он знал, что Вито очень шепетил в отдельных вопросах, и принимал это без презрения и раздражения. Он всегда принимал людей такими, какие они есть. Каждый что-то имеет, а чего-то ему недостает. Нужно только спрашивать людей, что они могут дать, было бы глупо ожидать от них того, чего у них нет.

— Тогда ладно, — сказал Вито и, крайне благодарный, выскочил наружу. Он мог понять свою младшую сестренку, влюбленную в Паоло. Он тоже преклонялся перед ним...

Когда Дитрих очнулся, то понял, что лежит на холодном жестком цементном полу гаража. Горло болело, рот был заткнут грязным платком. Руки были связаны сзади, но ноги были свободны. Глаза его различили крупного мужчину, сидящего на ящике в нескольких футах от него и что-то делающего с длинной струной. Узнав Паоло, он сначала не забеспокоился. Несколько дольше он соображал, что же тот делал со струной: он вязал петлю. Сквозь засунутый в рот платок, он издал приглушенные звуки.

Сицилиец поднял глубоко посаженные темные глаза и несколько секунд смотрел на Дитриха, затем сказал:

— Ты помнишь меня? — голос его был таким же твердым, как и взгляд.

Дитрих кивнул. Раздвигая челюсти, он пытался языком вытолкнуть платок. Не помогло. Паоло встал, подошел к нему, набросил проволочную петлю на шею Дитриха и затянул так, что она врезалась в кожу горла. Схватив Дитриха за отвороты куртки, Паоло рывком поставил его на ноги. Над головой Дитриха от одной стены к другой проходила труба. Свободной рукой Паоло забросил второй конец струны на трубу, потянул за него.

Проволока глубже впилась в шею и Дитрих приподнялся на носки. Паоло осторожно тащил, пока на натянулась проволока, затем завязал струну вокруг трубы. Дитрих, напрягшись, стоял на носках, глаза у него начали вылезать из орбит, сквозь заткнутый рот вырывались всхлипывающие звуки.

Паоло отошел от него и сказал:

— Я должен знать, кто это сделал. И не вздумай кричать.

Он вынул кляп. Дитрих не кричал. В груди у него все сжалось от страха и он мог только прошептать.

— Это не я! Меня даже не было там. Клянусь... Моей вины здесь нет!

— Ты им приказал сделать это.

— Нет! Я велел им быть осторожными, никого не убивать, только немного потряхнуть ресторан. — Дитрих пытался удержаться на носках, выдыхая слова, понимая важность каждого слова. — Я проклинал их, когда услышал... В том, что они натворили, моей вины нет. Мне это отвратительно... Я не думал, что так получится.

— Кто они? Имена, где живут, где и чем промышляют?

— А потом... что?

— Отпущу. Если скажешь правду.

Дитрих этому не поверил. Но это был единственный шанс остаться живым, и он ухватился за него, несмотря на его ничтожность.

— Машину вел Ник Чиофало. Джек Фергюссон бросал динамит. Он виновник. Он виноват в том, что все это было сделано неправильно.

— Где их найти?

Дитрих сказал ему все, что нужно было узнать. Паоло глядел ему в глаза и понял, что это правда. Он схватил левой рукой за

нижнюю челюсть Дитриха, раскрыл ему рот и втолкнул туда платок. Затем отошел, сел на ящик и стал ждать.

Вначале Дитрих мычал сквозь кляп, затем перестал, пытаясь удержаться на носках. Через пять минут его колени и ноги устали от напряжения. Петля глубже впилась в кожу. Он снова поднялся на носки, воздух с шумом втягивался в его раздувшиеся ноздри, белки его выкатившихся из орбит глаз налились кровью.

Чтобы задушить себя струной, Дитриху понадобился час. Все это время Паоло не отводил от него взгляда...

Когда Николо Чиофало в четыре утра ушел, игра продолжалась. Он ушел, потому что проигрался, и когда покидал кабинет зубного врача, где велась игра, он был дико взбешен. Единственная лампочка на этаже тускло светила возле лестницы, и в коридоре было темно. В здании располагалось только множество дешевых контор, которые на ночь закрывались.

Чиофало слишком устал, чтобы спускаться пешком. Он вызвал лифт, который с грохотом и скрежетом стал подниматься по шахте. Когда лифт дошел до пятого этажа, Николо втиснул в него свое тяжелое тело и нажал кнопку. Лифт пошел вниз и остановился. Николо открыл дверь.

В вестибюле, в тени, стоял Паоло и смотрел на него. Ошеломленный Чиофало уставился на стоящего перед ним мужчину. Прежде чем он успел опомниться и осознать опасность, сицилиец поднял правую руку и вонзил в его левое плечо клинок. Чиофало вскрикнул от боли и попытался в лифт. Паоло вошел следом за ним и закрыл дверь.

Как только лифт со скрипом пошел вверх, Чиофало схватился за револьвер, находящийся в кобуре под мышкой. Он его уже почти вытащил, когда холодная сталь пронзила ему бицепс правой руки. Он снова вскрикнул, а левая рука Паоло вырвала оружие из его обесиленных пальцев.

— Подожди! — простонал Чиофало. — Пожалуйста, парень, дай мне...

— Васки! — это был уличный сленг — «заткнись» — прорычал Паоло, лицо которого напоминало деревянную маску.

Как только лифт миновал второй этаж, Паоло проткнул щеку Чиофало. Из его рта потекла кровь. Он поднял ладони, чтобы защититься. Клинок пробил дыру в одной из ладоней, отошел назад и трижды воткнулся ему в живот. Ни одна из ран не была смертельной, но каждая вызвала ужасную боль внутри. Чиофало попытался вырваться, но в тесноте лифта это было бесполезно. Паоло дважды ударил его ножом в пах. Тот упал на колени.

— О боже! — простонал он. — О, боже мой... — пробормотал он по-итальянски.

Паоло посмотрел на него темными глазами, горевшими на лице-маске.

— Бог тебе не поможет, — прошептал он по-итальянски, и нож глубоко вошел в шею Чиофало.

Он продолжал наносить удары даже после того, как тот был мертв. Он не останавливался до тех пор, пока на теле не образовалось двадцать три раны — это была сумма возрастов жены Паоло и двух его детишек...

Смеркалось, когда красно-коричневый «паккард» въехал на соседнюю со штаб-квартирой Рэя Линча улицу. В доме, на противоположной стороне улицы, у окна сидела страдающая бессонницей женщина и смотрела, как двое мужчин, сидевших спереди, которых она никогда не сможет узнать, вышли из машины. Она видела, как они подошли к задней двери, открыли ее и вытащили оттуда мужчину, со связанными сзади руками.

Даже с такого расстояния, женщина разглядела, что у связанного все лицо было в крови. Голова у него свешивалась и одному из мужчин приходилось ее поддерживать. Другой что-то запихнул в карманы куртки связанного, затем зажег спичку и поднес ее к этим карманам. Затем оба отбежали.

Связанный пытался бежать за ними. На каждому шагу его ноги подгибались, но ему удалось проковылять, визжа, почти пол-квартала, прежде чем в его карманах взорвались динамитные шашки.

Впоследствии опознать тела Дитриха и Чиофало, обнаруженные на заднем сиденьи «паккарда», не составило труда. Значительно дольше шло опознание останков Джека Фергюссона...

Ресторан Фондетты был лучшим в городе: большой зал с высокими обитыми кожей креслами, толстым ковром и рассеянным светом светильников викторианской эпохи, горевших на темных панелях стен. Располагался он недалеко от здания муниципалитета, и клиентурой его были политические заправилы, судьи, адвокаты, входящие в корпорацию, высокие юридические чины и крупные бизнесмены из делового района. Те, кто пренебрегал напитками, которыми нелегально снабжался ресторан Фондетты, игнорировали тот факт, что рядом с ними подают спиртное, и довольствовались великолепной неаполитанской кухней. В конце концов многие из них были заинтересованы в той силе, с которой держал Дон Карло Фондетта итальянские и сицилийские общины города, а они извлекали из этой силы определенные выгоды.

Именно из этого ресторана, из своего кабинета на верхнем этаже, Дон Карло Фондетта руководил разнообразными предприятиями внутри этих общин и на их окраинах: закусочные, ресторанчики, домашние перегонные аппараты, ночлежки и маленькие притоны для азартных игр.

В этот день Дон Карло Фондетта сидел за столом в своем кабинете, пытался изобразить занятость делами, чтобы не встре-

чатся взглядом с Рэем Линчем. Но от слов Линча его игра на глазах увядала.

— Это ужасно. — промямлил он наконец. — Три человека так убиты. Ужасно. — На его мясистом лице выступили бисеринки пота. Фондетта был очень тучным и в эти дни очень легко потел.

Рэй Линч стоял посредине кабинета и смотрел на Фондетту в позе дуэлянта, считающего себя победителем. Линч был квадратным рыжим ирландцем, с розовой веснушчатой кожей. У него кривая улыбка, водянистые циничные глаза, крепкий живот, подтверждающий его способность выпить в среднем от десяти до пятнадцати стаканчиков в день, оставаясь при этом с ясной головой. Он быстро и далеко пошел с тех пор, как до введения сухого закона руководил мелкой шайкой. Самогоноварение и бутлегерство сделало Линча крупнейшим в городе поставщиком крепких напитков и пива. Теперь ему нужно было свалить Фондетту, поэтому он и стоял в такой позе.

— Тот, кто это сделал — псих. Настоящий законченный псих! — говорил Фондетта, в то время как Линч продолжал молча смотреть на него.

Линч рассмеялся. Смех у него был громкий и смеялся он долго. Но за ним числилось много смертей и поэтому его смех редко в кого вселял веселье.

— Итак, достаточно ясно, кто это сделал. Не так ли? Парень по кличке Поль-официант.

— Регалбуто, — подтвердил Фондетта. — Поль Регалбуто. Он несомненно не в себе. Он мог это сделать.

— Мог и сделал. Несомненно. Несомненно, хотя бы потому, что он оставил этих мертвецов возле моей конторы. Он показал, что обвиняет меня в убийстве своей семьи. Черт побери, я даже не знал, что они собирались делать. Единственное, что я сказал Дитриху — это пойти и всучить мои напитки.

— Эти сицилийцы очень странные, — сказал Фондетта. — У них необычный ход мыслей.

— Плевать мне на его мысли, — ответил Линч. — Я не собираюсь ждать, когда какой-то бешеный пес в следующий раз придет за мной. А этот парень — бешеный пес! С бешеными псами поступают только одним способом...

Руссо молча стоял, прислонившись к стене и держа руки в карманах хорошо сшитого голубого пиджака, наблюдая за обоними. На этой встрече слова ему не предоставлялось. Он мог только присутствовать как револьвер в плечевой кобуре. Как два брата Галлажера, которые тоже были здесь и стояли у двери позади своего босса. Они были личной охраной Линча и его доверенными лицами. Как и Руссо, они размышляли об услышанном и ничего не говорили. Здесь они находились, чтобы своим присутствием придать вес положению босса. И они это создавали

своим присутствием. Считалось, что они близнецы, но они не были похожи, если не считать размеров. Чарли Галлажер был крупным и мощным, с гладкой бронзовой кожей, ухоженными ногтями, зачесанными назад волосами и выпуклыми голубыми глазами. Умный убийца. Джек Галлажер был долговязым, костистым и с чертами лица, словно вырубленными в скале. Он подходил на глыбу необработанного камня.

Если словам Рэя Линча понадобится подкрепление, Галлажеры сделают это.

— Я хочу, чтобы этот бешеный пес сдох, — снова заговорил Линч. — И чтобы это произошло быстро. Не представляю себе, каким образом это случится, может быть, ты мне поможешь в этом? Потому что если этим займусь я сам, то в поисках его перевернушу половину твоей территории. А это тебе не понравится, Карло, не так ли?

Фондетта напрягся в поисках ответа. Когда-то на подобную угрозу он мог себе позволить ответить с неукротимой яростью. У него тогда хватало мужества на то, чтобы встретить последующее после этого нападение. Но это было давно. Теперь его мужество от долгого бездействия иссякло.

Он опустил взгляд на свои пухлые руки, лежащие на столе, а затем заставил себя посмотреть в циничные глаза Линча.

— Не надо. Не беспокойся, я сделаю это.

Тон его был просительным. Руссо, прислонившись к стене, слушал с напряженным лицом и задумчивыми глазами.

Линч продолжал в упор смотреть на Фондетту, пока не убедился, что толстяк понял его слова. Наконец, он кивнул.

— О'кей, Карло. За этим я и пришел. Справляйся с этим побыстрее. Если я завтра узнаю, что этот официант еще жив, между нами возникнут разногласия. А это стыдно!

С этим Линч развернулся на каблуках и направился к двери. Джек Галлажер, с каменным, ничего не выражающим лицом, распахнул ее и вышел вслед. Чарли, бросив Руссо единственную полуулыбку, щелкнул на прощание пальцами и вышел за ними. Руссо подошел, закрыл за ними дверь, повернулся и посмотрел на Фондетту.

— Ты ничего не сказал Линчу о его вторжении на территорию братьев Фиоре. Они ждут, что ты его остановишь.

Фондетта ничего не ответил. Он достал бурбон из ящика стола, налил полный стакан, выпил почти все и передернулся. Когда он заговорил, голос его был полон сарказма:

— Ты думаешь, Линч остановится, стоит мне только об этом сказать? У него сил больше, чем у нас, и он знает об этом. Нет, я собираюсь потолковать с Дейлом, чтобы он выделил нам полицейских, которым мы платим. Пусть они пощипают людишек Линча, когда те заявятся на чужую территорию.

Руссо скривил лицо.

— Дейлу это не по плечу. Не велика он шишка. У Линча

есть партийные шишки поважнее. Поэтому обязаны сработать мы.

— Я и так работаю, черт возьми,— раздраженно прорычал Фондетта.— Только нужно время.

Руссо кивнул и сказал, стараясь придать голосу внушительность и почтительность одновременно:

— Несомненно. Ведь в том, что в настоящее время агенты Линча запугивают наших людей, чтобы они начали покупать у них,— он долю секунды помедлил, затем продолжал помягче,— нам нужен человек, который запугивал бы сильнее...

Фондетта нахмурил брови.

— О чем ты мелешь, черт возьми?

— Паоло Регалбuto. Слухи о том, что он сделал с теми тремя уже поползли. Для парня, который способен на такое, люди сделают все, о чем он попросит.

— Ты что, псих? Ты что, не слышал, что сказал Линч?

— Линч говорил о том, что выгодно для него, а я говорю о том, что выгодно для нас.

Глаза Фондетты уменьшились от злости и подозрения.

— Черт тебя раздери. Ты ничего не теряешь, если Линч начнет громить наши точки. А я теряю. Для тебя это хорошо, а для меня лучше держать его в уверенности, что я заодно с ним, пока не придумаю, как от него избавиться.

Фондетта откинулся на спинку большого кожаного кресла, допил оставшийся бурбон, со стуком поставил стакан на стол.

— Итак, ты можешь найти Регалбuto?

— Да, могу.

— Найди. Он должен умереть.

— Не думаю, чтобы это была очень хорошая идея.

Фондетта уставился на него.

— Что?

— Ты что, уступил Линчу в этом? Будет ли это слишком хорошо пахнуть? Ведь пойдут слухи о том, что ты подчиняешься его приказаниям.

— С каких это пор ты стал думать за меня,— прорычал Фондетта.— У меня хватает забот и без этого грубого сицилийского мужлана с его старомодной вендеттой! Ты пойдешь и найдешь его! И убьешь! Уяснил?..

Руссо кивнул. Гром в голосе Фондетты впечатления на него не произвел. Чем жестче человек, тем мягче его голос.

— О'кэй,— сказал он,— я позабочусь об этом...

На перекрестке Файрфэкс Авенд и Брод-стрит виадуки надземки делают резкий поворот в сторону нижней части города. Внутри этого поворота расположен клин коммерческого квартала, острым углом которого является десятиэтажное здание отеля «Трингл». Это старый, причудливого стиля отель в свое время был лучшим в городе. Но все было до того, как построили надземку. А после отель стал быстро катиться вниз и скатился до такого сорта клиентов, которым низкие цены за номер значат.

больше, чем шум пронсящих мимо окон поездов. Но в последние несколько месяцев отель «Трингл» стал процветать в качестве штаб-квартиры Рэя Линча. Ресторан на первом этаже был превращен в ночной клуб, имеющий надежное прикрытие в лице регулярно подмазываемой полиции. В кулуарах постоянно проводили время различные политические деятели, дежурила вооруженная охрана. Движение вверх и вниз по лестницам и в лифте практически не прекращалось ни днем, ни ночью.

Линч занимал апартаменты на втором этаже, с флангов они были прикрыты апартаментами Джека и Чарли Галлажеров. Остальные комнаты этого и следующего этажей занимали люди Линча. На четвертом этаже размещался игорный зал и бар, многочисленные комнаты на других этажах занимали достаточно дорогостоящие проститутки.

Таким образом, отель «Трингл», обновленный и кишаший людьми, являл собой комбинацию дворца удовольствий и крепости для окружения Линча и его приближенных.

Но иногда и королю приходилось покидать свой замок. Было одиннадцать часов, и Паоло Регалбучо уже два часа ожидал, когда Рэй Линч покинет свою резиденцию. Он находился на другой стороне улицы, напротив отеля, укрывшись в обугленных развалинах ковровой фабрики, сгоревшей две недели назад. Огонь почти уничтожил внутренность здания, полы и крышу. Последние два дня аварийная бригада разрушила слабые кирпичные стены. Теперь осталась только нижняя часть стены, внутри которой в беспорядке смешались обгоревшие обломки, битый кирпич, почерневшие балки.

Паоло стоял среди этих обломков по колено в пепле сгоревших ковров, все еще сыром от воды пожарных шлангов. Его нельзя было увидеть даже с нескольких ярдов. Его высокую широкоплечую фигуру можно было просто принять за тень от упавшей балки или кирпичной колонны. С этого места Паоло вел наблюдение сквозь дыру в кирпичной стене. Все было видно как на ладони. Везде возле отеля появилось нечто новое: внешняя охрана. С одной стороны отеля, у входа в вестибюль, развалился в припаркованной машине один из охранников Линча, другой прислонился к радиатору, раскуривая сигару. На другой стороне, у входа в ресторан и у служебного входа, стояла другая машина с двумя охранниками. Это доставило Паоло удовольствие, значит Рэй Линч понимает, что ему грозит опасность. Паоло хотел, чтобы он поглубже усвоил ситуацию, понюхал, чем она пахнет.

Но пока он стоял в терпеливом ожидании, в тени сгоревших руин, никакие эмоции не отражались на его лице. Он даже ничего не чувствовал. Он только думал об одном. Его мозг работал ясно и четко, как никогда в жизни. Но гнев и опустошенность, охватившие его после гибели жены и детей, сожгли в нем остальные эмоции так же, как огонь уничтожил это строение. Его чувства умерли и это беспокоило его больше всего. У него был практический

ум. Он был еще молодым и мог бы еще раз жениться. У него снова могли быть дети, чтобы продолжить его род. Он даже уже знал, на ком женится: на младшей сестре Вито Риккобонно. И не потому, что он был в нее влюблен, а потому, что она была похожа на девушку с покинутой родины: сильная, добрая, хорошая мать для его будущих детей.

Чтобы получилась семья, требуется подъем чувств. Нужно, чтобы мужчина распалил в себе хоть немного страсти в нужный момент, в противном случае он просто выступает в роли самца. Так как Паоло долгое время не ощущал в себе даже тени страсти, последние два вечера он провел с проституткой. Просто, чтобы проверить, восстанавливаются ли в нем чувства. Оба раза он смог позволить лишь обслужить себя. Это принесло некоторое физическое облегчение и только.

Ожидая Рэя Линча, Паоло думал об этом. Может быть со временем пустота внутри него заполнится, но он не был в этом уверен. А за утрату его чувств Рэй Линч должен заплатить значительно более сильными переживаниями. Физическая боль, которую причинили Паоло те трое, убившие его жену и детей, будет только завершением всего, что почувствует Линч. Для Линча он готовил длительную и изощренную злобную психологическую подготовку.

Паоло медленно повернул голову, чтобы посмотреть на машину, остановившуюся у входа в отель. Мужчина, вылезший из нее, был низенький и с брюшком, с редкими седыми волосами, в очках в золотой оправе. На нем был пиджак в полоску. Это был Тим Дейл, официальный партийный лидер Третьего района.

Паоло наблюдал, как он вошел в отель. Автоматически он отметил, что Карло Фондетта, на содержании которого находился Дейл, было бы небезынтересно узнать причину его позднего визита к Линчу. Но дальше эту мысль он развивать не стал.

Он продолжал стоять в тени, держа в опущенной руке автоматический кольт 45-го калибра. Он ждал...

Миновав вестибюль, Дейл направился к лестнице, ведущей на второй этаж, блокированной коренастым мужчиной из людей Линча.

— Рэй ждет меня, — прорычал Дейл. Он нервничал. Слухи о том, что он был здесь, могут дойти до Фондетты.

Вышибала не сдвинулся с места.

— Тебе бы лучше подождать, пока я пошлю кого-нибудь проверить это.

Но в этот момент перед ними появился Чарли Галлажер, спустившийся в вестибюль. Он бросил вышибале:

— Все в порядке, Риччи.

Освобожденный от ответственности охранник вернулся на облюбованное место под пальмой в горшке. Чарли взглянул на Дейла своими выпуклыми глазами.

— Ты малость припоздал.

— Ничего не мог поделывать. Был на обеде у мэра. Не мог вырваться.

— Ты опоздал. Рэй одевается, чтобы уйти. Он хочет посмотреть на ночной клуб, который мы с Джеком недавно открыли на Западной стороне.

Дейл ухватился за возможность вырваться отсюда поскорее.

— Ладно, я не так уж много собирался ему сказать. Ты передашь?

— Говори.

— Рэй хотел, чтобы я прощунал Фондетту насчет его подлиных намерений относительно Паоло. У меня в округе говорят, что охотиться на этого парня выпущен Руссо. Думаю, с Фондеттой все в порядке.

— Это все?

— Все, — огрызнулся Дейл и поспешно пошел через вестибюль.

Чарли, зажав в зубах сигару, смотрел, как тот исчезает в ночи. Вниз спустился Джек Галлажер и жестом подозвал сидящего на диване в вестибюле Вака Норриса — шофера Линча.

— Босс спустится с минуты на минуту. Подгони его машину.

Вак попрощался с охранником, с которым до этого болтал, и широким шагом пошел к выходу. Чарли угостил брата сигарой. Джек прикурил и без всякого выражения в глазах выслушал новости, принесенные Дейлом.

— Ну, Руссо знает весь городской сброд как никто другой, — бросил он небрежно. — Думаю, что он быстро отловит этого официанта.

— Если захочет, — добавил Чарли тем же тоном.

Джек кивнул.

— И такое может быть.

— Рэй выбрал не тот путь. Если хочешь поймать негодяя, надо знать другим негодяям, что платишь за это деньги. В этом случае рано или поздно кто-нибудь поймаст.

Джек посмотрел на брата.

— Может, ты должен сказать об этом Рэю?

Чарли посмотрел ему в глаза.

— Может, это не мое дело?

Джек медленно кивнул. Оба они хорошо усвоили, что Рэй Линч не любил, когда думали за него. Он не любил советов своих подчиненных.

Они стояли и курили в ожидании, когда спустится Линч.

Он спустился, чувствуя себя неудобно и неуклюже в новом смокинге и шляпе-котелке.

— О'кэй, — сказал он. — Поехали смотреть ваше заведение...

С противоположной стороны улицы Паоло смотрел, как серебристо-серый автомобиль Линча подкатил к подъезду. Глаза его сузились, кожа на широких скулах натянулась. Он поднял кольт и прицелился в сторону входа в отель. Этот вид ручного оружия, один из немногих, дающих точность в стрельбе на дальние дистанции, особенно в руках профессионала, умеющего справиться с его отдачей.

Армия сделала Паоло таким профессионалом. В правой руке он сжимал кольт, левая рука обхватывала для устойчивости запястье правой. Сквозь прорезь прицела он видел, как Вак вышел из машины и осмотрел ее, держа что-то в руке. Губы Паоло слегка разжались. Это было почти улыбкой. В руке шофера была обоюдоострая сицилийская наваха.

Паоло пришлось обойти много лавок, прежде чем он отыскал ее. Но игра стоила свеч. Линч должен понять значение этой навахи, особенно после того, что произойдет дальше.

Рэй появился в подъезде, прикрытый с флангов Галлажерами. Вак быстро двинулся к нему, протягивая найденный им на переднем сиденье предмет. Линч протянул руку, чтобы схватить, затем отдернул и только уставился на наваху.

Паоло мягко нажал на курок.

Для точной стрельбы с такого расстояния, принимая во внимание густую тень от наземки, даже такое оружие не подходило. Но если Паоло понадобилась предельная точность, он принес бы винтовку. Но он хотел заставить Линча сожрать самого себя со страху. И жрать себя так долго, как это решит он, Паоло. Страх от сознания того, что кто-то держит в своих руках день и час твоей смерти.

Большой револьвер в руках Паоло громыхнул, слегка дернулся и вернулся на место. На стене позади Рэя Линча разлетелся цемент, оцарапав своими осколками ему щеку. Паоло снова нажал на курок, теперь уже дважды. Тяжелые пули выкрошили еще больше цемента в стене отеля.

После этого все мужчины перед отелем пришли в движение. Линч отчаянно бросился обратно в отель. Вак Норрис растянулся на мостовой. Галлажеры рванули в разные стороны от подъезда, выхватывая свои люгеры, любителями которого оба были, и двинулись вперед, охватывая клещами позицию Паоло. Двое охранников выскочили из дежурной машины и пытались разглядеть, кто стрелял из развалин обгоревшего здания. Но никто не смог различить стоящего в тени Паоло.

Он сунул кольт за пояс и пошел прочь. Быстро, но без спешки, он пробрался через обугленные руины к задней стене. Ему не нужно было искать место. Все было продумано заранее. Он изучил каждый шаг маршрута своего отступления. Но он не знал одной детали, которую из предосторожности предусмотрел Линч. На крыше отеля был человек с винтовкой. Выстрел грянул, когда Паоло перелезал пролом, ведший в переулок позади сгоревшего

дома: Пуля отколола кусок кирпича от стены и глубоко вошла в правое бедро Паоло. Сильный удар свалил его с ног. Он упал на грудь мокрого пепла и сбитого щебня.

Винтовка выстрелила еще дважды. Пули пролетели над ним, ударили в мусорный бак и перевернули его. Паоло рванулся под защиту переулка, волоча кровотокающую ногу. Сзади раздался звук приближения Джека и Чарли, пересекающих улицу. Он должен выбраться из квартала прежде, чем его окружают и запрут, как в мышеловке.

Цепляясь обеими руками за стену и рыча от острой боли, почти парализовавшей его бедро, он попытался ступить на левую ногу, чтобы подняться с земли, потом ступил на правую ногу, аккуратно, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. Ноги действовали. Пуля задела кость, но не раздробила ее. Неуклюже хромая, спотыкаясь на каждом шагу, он продвигался по переулку, отмечая кровью свой путь.

Он добрался до металлической двери черного хода в жилом доме. Она была приоткрыта, но не заперта. Он открыл ее и вошел в темный вестибюль. Закрыв за собой дверь, он заковылял по узкой лестнице. Он уже почти добрался до конца, но тут упал. Сзади него кто-то ударил снаружи по закрытой двери. Цепляясь за ступеньки, Паоло поднялся. Пошатываясь, он вышел через центральный вход дома и похромал через улицу в другой темный переулок. Так шел он, все время держась в тени, сворачивая в узкие дворики и проходя в черные ходы других домов.

В одном из них он упал, снова встал. Он знал, что пока он идет, его не поймают. В темноте они не увидят его кровавые следы, а пока они сообразят достать фонари, пройдет время. Вся беда в том, что он не может больше идти. Он свалится от боли и потеряет сознание раньше, чем доберется до своего района. И будет лежать, пока они его не найдут. Он должен найти себе место где-то поблизости. Место, где сможет спрятаться.

Паоло вышел через центральный вход очередного здания и продолжал идти, спотыкаясь на каждом шагу. Только через десять кварталов он снова подумал об укрытии.

Квартира Руссо...

Доминик Руссо сел на перевернутую ванну и прикурил от плоской зажигалки. В темноте свалки маленький колеблющийся огонек заиграл на алмазе его перстня и скупо осветил его мужественное лицо с мягкими девичьими глазами. Руссо погасил зажигалку и снова навалилась темнота, освещаемая мерцающим огоньком сигареты. Тогда Сальваторе Фиоре зажег керосиновую лампу и они смогли видеть друг друга.

Сальваторе сел на подлокотник распоротого кресла. Фрэнк прислонился к ржавой печке. Джино уселся на картонную коробку из-под консервов. Марчелло устроился своими тощими бед-

рами на цинковой крышке стола. Они смотрели на телохранителя Фондетты и ждали, когда он заговорит.

Руссо посасывал свою сигару и изучал их. Было два часа утра, и только они, пятеро, находились на этой свалке, окруженной сараями и заборами.

Руссо выпустил сквозь зубы тонкую струйку дыма.

— Я охочусь на Паоло Регалбuto. Может, вы об этом слышали?

Сальваторе усмехнулся.

— Скорее, что ты не слышал! Ты охотишься не там. Пару часов назад он был у «Трингла». Хотел кокнуть Линча.

Руссо немного помолчал.

— Ну, и удачно?

— Нет. А они его зацепили, но не поймали. Он ушел, но крови потерял достаточно.

Руссо пропустил через легкие новую порцию дыма для того, чтобы обмозговать эту новость.

— Он попытается вернуться на свое старое место. Дайте мне знать, если услышите, куда!

Руссо смотрел, как задумался Сальваторе Фиоре, и заметил его колебание. Старший из братьев Фиоре был крупный, громоздкий человек с дородными плечами и широкими грубыми ладонями. У него было тяжелое лицо с маленькими хитрыми глазками и мягким угрюмым ртом. Ни в лице, ни в голосе ничего не отразилось, когда он наконец сказал:

— Все зависит от того, что ты от него хочешь. Я разговаривал сегодня с Фондеттой. Он мне сказал, что Паоло намерен убрать ты.

— Этого хочет Дон Карло, — осторожно поправил Руссо.

— Мы не думаем, что это то, что нам нужно, — тяжело промолвил Сал Фиоре. — Лучше бы официант достал Линча. Это положило бы конец всем нашим неприятностям.

Руссо посмотрел на остальных трех мужчин. Только двое из них были родными братьями Сальваторе. Третий был кузеном, но считался братом.

Братья Фиоре и Джино были похожи на Сальваторе: то же выражение мощи и грубости характера, но лишенные хитрости. У Фрэнка, среднего брата, через все лицо, захватывая угол рта, шел бледный шрам от ножа. Джино, младший брат, был единственным, кто отдавал дань элементам одежды. Он всегда носил в петлице цветок, от него пахло хорошей дорогостоящей мужской парфюмерией. Фрэнк презирал галстуки, а Сальваторе о них просто не думал. Марчелло, кузен, был выше, тоньше и темнее, чем братья, с чем-то змеиным во взгляде.

Руссо не спрашивал Сальваторе о его праве говорить за трех остальных. Они составляли очень тесный клан. В пяти кварталах отсюда находилось местечко, известное как «Угол Фиоре»: два смежных здания, целиком занятых Фиоре и его домочадцами. Там,

в их штаб-квартире «Компания вторичного сырья братьев Фиоре» никто не оспаривал права Сальваторе руководить кланом.

Взгляд Руссо вернулся к нему.

— Это дело может не кончиться. Останутся Галлажеры. Они заменят Линча. А они тоже не сахар.

— Верно, но, может быть, они будут благоразумней. Не такими жадными. Может быть мы с ними сумеем сработать и будем делать свои дела, не мешая друг другу.

— Может быть,— сказал Руссо без всякой интонации.— Не попробовав — не узнаешь.

— А может быть,— осторожно продолжал Сальваторе,— самое время Фондетте успокоиться и куда-нибудь исчезнуть. В том смысле, что пора ему менять кровь на грейпфрутовый сок, и это будет для него самое правильное! — Его маленькие на тяжелом лице глазки еще более уменьшились в ожидании реакции Руссо.

Тот не отреагировал, а только спросил спокойно:

— Такой ты видишь выход?

Сал Фиора кивнул.

— Я с тобой откровенен. Если сказанное между нами пойдет дальше, придется заняться тобой.

Угроза не изменила осторожного выражения лица Руссо.

— Могила.

Маленькие глазки Сала заблестели от удовольствия.

— Отлично! — Он наклонился в сторону Руссо и голос его стал мягче.— Вот как мы все это представляем: Фондетта не в состоянии принести нам что-нибудь хорошее. Если он будет продолжать отдавать такие куски, то Линч приберет весь город себе за пару месяцев. А мы останемся на бобах. Согласен?

— Ты, пожалуй, прав,— спокойно согласился Руссо.

Сальваторе бросил на него пронзительный взгляд.

— Мне думается, что единственное полезное для нас достижение Фондетты — это Дейл. В этом вся проблема. Без помощи Дейла у нас связаны руки.

— Да, это проблема,— согласился Руссо.— Но, может быть, что-то можно придумать?

Тяжелое лицо Сальваторе медленно расплылось в улыбку.

— У меня есть хороший кусок для тебя.

Трое остальных Фиоре молчали, разглядывая Руссо. Тот бросил окурки в грязь, раздавил его носком начищенного ботинка и встал.

— В настоящее время я все еще разыскиваю Паоло. Если услышите о нем, дайте мне знать.

— Уж обязательно. Я думаю, мы поняли друг друга.

— Думаю, да,— сказал Руссо. Он махнул на прощание рукой и прогулочным шагом пошел со свалки...

Трехэтажный дом, в котором жил Руссо, был его собственностью. На первом этаже располагался магазин подержанных вещей, в котором заправлял его кузен Джек Болпе. На втором этаже находилась забегаловка, попасть в которую можно было с заднего переулка по черной лестнице. Забегаловкой заправляла сожительница Руссо, которая жила вместе с ним на верхнем этаже.

Этот дом и черный «понтрак», на котором он вернулся домой за два часа до рассвета, были единственными двумя вещами, законно принадлежащими Руссо. Все остальное, включая и его владения в городе, пришло к нему благодаря связям с Фондеттой. Он знал, что без Фондетты он был бы никто. На это были свои причины. До недавнего времени, он в случае чего мог рассчитывать и опираться только на двух сицилийцев: Джека Болпе и Лея Алегра, работавшего в его забегаловке барменом. Это означало, что Руссо не мог удержаться в соперничестве с кланом Фиоре и без Фондетты, за его спиной, они конечно избавились бы от Руссо, как только он перестанет быть им нужным.

Но теперь в городе подросло новое поколение сицилийцев, достигших подходящего для работы возраста. А это меняло дело.

Руссо как раз и думал об этом, припарковывая машину и идя по переулку позади своего дома. Пока закусочная функционировала, двери дома не закрывались. Он вошел по лестнице и толкнул дверь. Отодвигая занавеску, попал в полумрак забегаловки.

Второй этаж он почти не перестраивал. После покупки дома он просто заставил комнаты этого этажа стульями и множеством маленьких столиков.

В это позднее время клиентов оставалось немного. Пожилой мужчина с молоденькой подружкой, налижавший допьяна в одной комнате, две парочки, приканчивающие по последнему коктейлю в другой.

Руссо прошел в самую большую комнату, почти полностью занятую полукруглым баром. Там единственным клиентом остался Джек Болпе. Как всегда изящный, с холодным взглядом, прислонясь к бару, он потягивал пиво. Лей Алегра, мускулистый и лысый, стоял за стойкой и прибирал там перед закрытием. Странная напряженность овладела ими, когда вошел Руссо.

— Где Тори? — спросил он.

Алегра коротким толстым пальцем ткнул вверх.

— Там. У себя в комнате, Дон!

— А в постели... — мягко добавил Болпе, — Паоло Регалбуто!

Руссо напрягся, затем без слов повернулся и вышел из забегаловки.

Слева от занавешенного входа была запертая дверь. Руссо открыл ее ключом и по лестнице поднялся в кухню своей квартиры. В столовой и хорошо обставленной гостиной было пусто. Через ванную Руссо прошел в спальню. Посредине широкой кровати, без сознания, лежал Паоло. Его большое обнаженное тело

прикрывали простыни и одеяло. Голова утонула в мягкой подушке, лицо было очень бледным, но дыхание было глубоким и ровным.

Любовница Руссо сидела в легком кресле, курила сигарету в мундштуке из черного дерева и с задумчивым выражением смотрела на спящего мужчину. На ней была свободная пижама из темного шелка, голые ноги она положила на кровать. Услышав входившего Руссо, она повернула голову и сказала:

— Тихо, дружок. Смотри, кто у нас.

Виктория Хельстрем обладала гортанным голосом, пробиравшим мужиков до самой мошонки. Она была маленькой, худенькой, но в бедрах и груди у нее было все, что требуется женщине. И еще у нее было очень женственное лицо. Лицо, в общем-то, простое, с очень умными темными глазами и чувственным изогнутым ртом. Она была на четыре года старше Руссо, но он никогда не стремился к молоденьким.

— Как он сюда попал? — спросил он тихо.

— Шептать не обязательно. Он все время без сознания. Доктор Мозер, прежде чем выковырять у него пулю, сделал ему несколько уколов. Я нашла его на черной лестнице, вокруг все было залито кровью. Болпе и Алегра принесли его сюда.

— Они сказали тебе, кто это?

Она церемонно кивнула.

— Парень, потерявший жену и детей?

— Угу.

Тори снова взглянула на крупного молодого мужчину в постели. Глаза ее на миг затуманились. В шестнадцать лет она сделала подпольный аборт и лишилась возможности когда-либо стать матерью. Но инстинкт материнства остался.

— И Фондетта хочет, чтобы ты убил его? — медленно сказала она.

— Снова в точку!

Она подняла голову, изучающе глядя на него.

— А я послала за доктором, чтобы сохранить ему жизнь. Но мне кажется, что твои желания не совсем совпадают с желанием Фондетты. Забавная мысль, а, Дон? Или я ошибаюсь?

— Права, как обычно, — пробормотал он.

Долгие минуты он рассматривал мужчину на кровати, думая о разговоре с братьями Фиоре. И о Паоло Регалбуто как о настоящем вожаке молодого поколения с сицилийской кровью, о котором он размышлял по дороге сюда.

— Мне нужно выпить, — сказал он и вышел в гостиную.

Когда Тори вошла, он доставал из винного бара бутылку и стакан.

— Я бы тоже выпила. Предполагаю, что я не рождена сиделкой. Я потрясена. Бедный мальчик — ему разрушили всю жизнь. Руссо достал второй стакан и наполнил до краев.

— Этот бедный мальчик жесток, как кузнечный молот. С ним

будет все в порядке. Я позабочусь о нем. Да, но где же, черт возьми, мы будем спать?

Она усмехнулась и показала на два дивана в гостиной.

— Мы можем сложить все подушки на ковер, если ты помнишь бывшее. Не так уж давно мы занимались этим делом на полу.

— Только не сегодня, — проворчал он и протянул ей наполненный стакан. — Лучше выпей, крошка. Очень поздно и я устал.

Не пригубив, она поставила стакан и обняла его.

— Ты дьявол, — промурлыкала она ему на ухо.

А он им не был. Никогда не был с нею...

Рэй Линч приобрел новое свидетельство своего преуспеяния. Он любил породистых лошадей и элегантных женщин. И недавно он купил за городом ферму, где мечтал выращивать первое и тащить в постель второе. Для Линча и ферма, и лошади, и любовница экстра-класс были символом успеха. Поэтому последующие три дня он намеревался наслаждаться всеми тремя символами. И не в таком курятнике, как здесь в отеле. Он этого не любил. Но еще меньше ему нравилась мысль о том, что этот безумный подонки предпримет очередную попытку напасть на него.

Он сел на диван в гостиной своих апартаментов и в упор посмотрел на Тима Дейла. Перед ним стоял кофейный столик с тремя пустыми стаканами. Его циничные серые глаза тяжело блеснули.

— Что ты должен сделать? — напрямик сказал он Дейлу. — Ты должен проинструктировать всех полицейских своего округа, чтобы они начали искать этого подонка Регалбута. И приказ — стрелять, как только увидят. Усек?

Дейл сильно смутился.

— Фондетте это не понравится. Он поймет, что я работаю на тебя.

В кривой усмешке Линча не просматривалось компромисса.

— Рано или поздно он и так узнает. Пусть будет раньше. Он ни черта не сможет сделать, Тим.

Вошла девушка с полным стаканом виски и бутылкой пива. Она была очень молода и очень хороша собой, хотя и в крикливом стиле, с фантастически чувственным телом. На ней были только туфли на высоком каблучке и тонкая шелковая сорочка, сквозь которую бьющий в окно яркий полуденный солнечный свет обрисовывал все ее прелести. Суровый католик и женатый человек, Дейл старался не глядеть на нее. Она поставила виски и пиво рядом с пустой посудой и неуверенно посмотрела на Линча.

— Может, я могу одеться и уйти;

Линч бросил хмурый взгляд на молоденькую проститутку.

— Может, ты заткнешься, вернешься в постель и подождишь, — он подчеркнул это сочным шлепком по выпуклой попке. Шлепок был игривым, но увесистым. Когда она удирала в спаль-

ню, сквозь сорочку проступала красная отметина его ладони на ее ягодице. Линч покачал головой и пригладил пальцами свои рыжие волосы.

— Я исчезаю, поэтому не могу взять с собой глупых проституток, а это уже удар по мне. — Он сделал большой глоток виски и запил пивом прямо из бутылки. — Это еще одна причина, по которой я хочу побыстрее избавиться от этого Регалбута. Поэтому дай задание своей полиции.

Линч сидел, откинувшись на спинку дивана, и сжимал колени.

— Сделаю все, что ты сказал, Рэй, но Фондетта действительно рассердится на меня. — Дейл пытался говорить внушительно, но выходило виновато.

Линч посмотрел на него так, что, казалось, пригвоздил к спинке дивана.

— А если не сделаешь, Тим, то на тебя рассержусь я. А я плачу больше Фондетты. И собираюсь платить долго. А Фондетта нет. В этом городе он — вчерашний день. И только один он об этом не знает.

— Может быть. Но у него пока есть крепкие ребята.

— Нету. Все они давно наострили от него лыжи. Думаешь, братья Фиоре позволят ему уступить мне их территорию? В любой момент они пошлют его к черту и начнут отвоевывать ее назад.

Лицо Дейла помрачнело.

— Тогда впереди ничего хорошего нет, Рэй. Фиоре — самая злобная банда из всех, что я видел, а видел я немало. Если вы вступите в драку друг с другом, то по городу потечет кровь, и много крови.

Линч рыгнул, улыбнулся и сделал второй глоток.

— По мне, так пусть этот город хоть потонет в крови, — сказал он жутко мягким тоном. — Пока он со мной — он мой. Когда нет, пусть катится к черту. Тот, кто встанет на моем пути, будет сметен с лица земли, или уйдет в нее.

Когда он произносил эти слова, глаза его неотрывно смотрели на Дейла. Тот заторопился. Колени задрожали.

— О'кэй, Рэй. Я позабочусь об этом.

— Думаю, что ты справишься, — сказал Линч.

Почти в то самое время, как Дейл поспешил из отеля выполнять указания Линча, у Руссо состоялся еще один разговор с Сальваторе Фиоре. Предметом его явилось пиво и крепкие напитки.

— Я говорю, — пояснил Руссо, — о настоящих напитках. Не помой, не самогон. Я говорю о том, что торговать нам надо на треть дешевле, чем у всех, как в своих забегах, так и в других, в твоём подконтрольном районе. Заведения Линча зашвелятся. Ради того, чтобы захватить рынок сбыта у Линча, эту треть ты смо-

жешь себе позволить. Все начнут покупать у тебя. Заманчиво?

— Конечно, заманчиво,— осторожно сказал старший Фиоре.— Мне вот только интересно знать, где ты достанешь такую уйму пойла. И как получится, что их можно продавать на тротт дешевле.

— Это мой вопрос. Твоя проблема — Линч, когда он поймет, что остался без покупателей.

— Линча я готов взять на себя. К этому я уже готов с месяц. Единственное, что меня беспокоит — это Фондетта и Дейл.

— Это уже мой вопрос,— спокойно сказал Руссо.

Он оставил свалку и направился побеседовать с Мюреем Джекобсом. Резиденция Джекобса была под кондитерской лавкой, которую держали его родители при жизни. Он так там и остался жить. Здесь, за большим кухонным столом, выпив по паре пива, он и выслушал все, что собирался ему сказать Руссо.

Основным занятием Джекобса было снабжение воров и бандитов и обеспечение защитой предпринимателей и союзов. Его группа была известна как Еврейская шайка. По сравнению с Линчем, она была невелика и не такая спаянная, как у Фиоре. Но в нее входили наиболее стойкие и самые злобные парни города. Парни, вроде Хайма Рубина, проводившие собственные небольшие операции, но откликавшиеся на первый его зов. Джекобс недавно занялся забегаловками. Пока у него их было только шесть, но он собирался открыть еще несколько.

— Это весьма выгодно, почему не согласиться,— объяснил он Руссо.

Тот кивнул.

— Это я и хотел услышать.— Он старался помогать заведениям Джекобса.

У Мюррея Джекобса было прямолинейное мышление. Он не тратил времени на сомнения.

— Если на одну треть дешевле, то покупаю пойло у тебя. Нужно быть бараном, чтобы не согласиться на это. Если это приличное пойло.— Он не спрашивал, как Руссо достанет напитки, его это не волновало. Его интересовало только, выгодно ли это для его бизнеса.

— Пойло будет такое, какое ты получаешь сейчас,— пообещал Руссо.— Только сейчас тебя снабжает Линч. Ему будет не по вкусу твой уход.

— Не очень-то я его боюсь,— небрежно бросил Джекобс.

Руссо верил ему. В наружности Мюррея не было ничего такого, что указывало на род его занятий. Это был опрятно и щеголевато одетый сорокалетний мужчина со скучными глазами. Грозу тайл его тихий скрипучий голос. Особенно нотки безумной ярости, когда он заводился.

— Мне тоже думается, что ты не боишься,— сказал ему Руссо.— Поэтому я хочу сообщить тебе еще одну вещь.

Спокойным голосом он изложил ему все, что спланировал за

последнее время. В основе плана было объединение мелких групп, таких как шайки Фиоре и Джекобса, против Линча. Действуя вместе, они имели шанс выстоять против Линча и урвать собственный ломоть от жирного пирога, испеченного сухим законом. Руссо не сказал, кто будет у руля этой новой тайной организации. Если его план сработает — то он. Но он знал, что любой из мелких вожakov, к кому он обратится, будет считать этот руль своей собственностью. Но и с этой стороны все прекрасно. Этот секрет станет для них той побудительной силой, которая заставит их с интересом работать над тем, что он задумал.

Мюррей заинтересовался. Руссо назвал ему цену, которую тот будет платить. Тут Джекобс заморгал глазами.

— Хорошенькое дельце ты мне предложил, — медленно протянул он. — Но будет жарко, очень жарко.

— Результат стоит этого, Мюррей. Мы, в конце концов, станем заправлять всем городом. Даже контролировать выборы. Но чтобы получить все, как мы задумали, надо вначале устранить препятствие.

Джекобс удивленно уставился на него.

— Тогда почему ты не сделаешь это сам?

— Не могу. Я слишком долго был вместе с ним. Сердце говорит, что я не прав...

Паоло Регалбуто, обложенный подушками в постели, наслаждался принесенным ему кофе. При свете яркого солнца было видно, что краски вернулись на его лицо. Доктор, приходивший два часа назад, чтобы сменить повязки, сказал, что через пару дней он уже сможет передвигаться. Отдых и хорошее питание восстановят силы. Но в данный момент он чувствовал себя неважно: болела нога, слабость, головокружение.

Рассматривая Паоло, Руссо отметил, что тот еще не готов исполнить существенную роль, которую он отвел для него в своем плане.

Руссо сказал:

— Я на время покину город, на два-три дня. Должен проверить одно дельце. — Он не сказал какое, а Паоло не спросил. — Пока меня не будет, о тебе позаботится Тори. Сейчас она вышла купить кое-что для тебя. Пижамы. Мои для тебя мелковаты. До моего возвращения не уходи. Даже если будешь хорошо себя чувствовать. Слишком много охотников за тобой отрядил Линч.

Паоло кивнул.

— Не беспокойся. Я не двинусь с места. Я о своих делах много передумал. О том, что буду делать дальше.

— Об этом мы поговорим после, когда я вернусь, — сказал Руссо.

Паоло с любопытством посмотрел на него. Но тот уже закрыл чемодан и шел к выходу...

Он поехал на вокзал и взял билет до Флориды. Ему нужно было навестить одного человека по имени Оуэн Шэйл.

Шэйл был бывшим мэром города. Он переехал во Флориду, отбыв два года в тюрьме за растрату денег из муниципальных средств. Руссо считал, что пора Оуэну Шэйлу возвращаться обратно. Но чтобы вернуть его на нужное место, требовались деньги. Много денег. Деньги должны поступить от продажи напитков Фиоре Джекобсу и другим владельцам забегаловок. Напитки должен, по его плану, достать Паоло Регалбuto.

В эту ночь Дон Руссо был за много миль к югу, угощая выпивкой всех соседей по поезду, несущемуся во Флориду. Наверняка они долго будут вспоминать его.

В это время из своего ресторана, в сопровождении телохранителей вышел Фондетта. Они разместились на заднем сиденье поджидавшего их автомобиля. Из района Сити-Холл шофер свернул на пустынную улицу, что вела к апартаментам Фондетты.

Никто не обратил внимания, как с соседней улицы вывернул желтый «седан» и поехал за ними, набирая скорость, чтобы обогнать. Водитель «седана», коренастый лысый мужчина, известный под именем Карл Джо Раллопорт, не стал обгонять машины Фондетты. Наоборот, поравнявшись с ней, он сбросил скорость и поехал рядом. Сидящий на заднем сиденье Рубин Хайм достал ручной пулемет «томпсона» и продемонстрировал, чему его научили в армии США.

Звуки очереди, отразившись от стоящих рядом домов, были слишком громкими. Пули пробивали машину Фондетты насквозь. Автомобиль вынесло на тротуар и он врезался в фонарный столб, так что тот согнулся. Затем секунд на пять воцарилась внезапная тишина. Из темного переулка, сжимая обрезанную двухстволку, вышел и направился к машине Мюррей Джекобс. Водитель стонал, навалившись на баранку. Двое мужчин на заднем сиденье не подавали признаков жизни. Джекобс распахнул заднюю дверь. Из нее наполовину вывалился и повис телохранитель Фондетты, очень большой и очень мертвый. Фондетта сложился вдвое между сиденьями. Джекобс не стал тратить время, проверяя, жив ли он. Для полной уверенности он приставил обрез к его затылку и нажал на курок.

От отдачи Джекобса даже отшвырнуло на шаг. Не утруждая себя проверкой результатов выстрела, он быстро пошел в сторону ожидавшего его желтого «седана» и сел в него рядом с Хаймом. Как только захлопнулась дверь, Карл Джо тронулся.

Когда полиция прибыла на место происшествия, «седан» уже был в реке, а Хайм, Джекобс и Карл Джо Раллопорт направлялись в одну из забегаловок Джекобса, чтобы присоединиться к компании приятелей, которые поклянутся, что они не сходили с места в этот вечер...

Было четыре утра. Прошло два дня, как уехал и не возвратился Руссо. Прошло 24 часа, как Паоло поднялся с постели и попробовал размять ногу. От этого он приободрился и потратил много часов, рассматривая апартаменты. После этого он слегка вздремнул. А теперь было четыре утра, а он слонялся от стены к стене в гостиной Руссо, дикий и беспокойный.

На диване, куда он перебрался из спальни, были подушки и простыни. Но их вид только еще больше беспокоил его. Только обещание, данное Руссо, удерживало его здесь. За стеной кипит жизнь и только через нее он сможет познать свой дальнейший путь.

Фондетта убит. Может быть, Линчем, а может, и нет. Стычка на улице между людьми Фондетты и людьми Линча, один отправлен в больницу. Все, что случилось, вынашивалось здесь. Паоло это чувствовал. А он был заперт в квартире Руссо, словно заточенный в клетке дикий зверь. Он метался по квартире, хотя нога еще болела и он хромал. Время от времени он пропускал большой глоток виски. Это в нем было новым. Раньше он редко употреблял крепкие напитки.

К четверем утра Паоло прикончил полбутылки. Он не опьянел: единственным эффектом было какое-то томление в груди, стремление что-то сделать. Он не мог твердо сказать, что от него требуется. Оно существовало, и его усилием воли было не остановить.

Паоло залез в бар, чтобы еще выпить, когда вошла Тори, закрывавшая на ночь входную дверь в забегаловку. Она взглянула на него, и он заметил усталые тени у нее под глазами.

— Почему ты еще на ногах?

— Потому, что не хочу спать, — огрызнулся он и быстро отвернулся от нее. Ее присутствие возбуждало его, что было очень приятно. Как только он убедился в этом, он стал избегать смотреть на нее.

— Рада тебя видеть в прекрасном расположении духа, — протянула она и сбросила туфли. Это сразу сделало ее маленькой по сравнению с ним.

— Где этот чертов Дон? — прорычал он.

Тори вздрогнула.

— Не беспокойся, он вернется.

— Не сомневаюсь, но когда?

Она задумчиво посмотрела на него.

— Да, действительно, хорошее расположение духа, — и вышла в спальню, не закрывая дверь.

Паоло налил полстакана виски и отошел с ним к окну. Он стоял и взглядывался в ночь, когда вернулась Тори. Паоло повернул голову, чтобы взглянуть на нее, и увидел, что она переоделась в темную шелковую сорочку, глянцево блестящую в тех местах, где были выпуклости ее аппетитной фигурки. Он снова повернулся к окну и сделал глоток.

За его спиной Тори плеснула себе коньяку и села на диван, служивший Паоло кроватью. Она смаковала коньяк и изучающе смотрела на его широкую спину.

— Ради бога, Паоло, сядь и отдохни.

— Не нужен мне отдых. Я должен выбраться отсюда к черту.

— Куда?

Он продолжал смотреть молча в окно, ответа у него не было. Она некоторое время молчала. Когда она заговорила снова, в голосе ее слышалась печальная мягкость.

— Расскажи мне о своей жене и детях.

Он напрягся.

— Нечего об этом рассказывать.

— Уверена, что есть. И многое. Ты должен перед кем-то выговориться. Пусть это будет со мной.

Он повернулся и посмотрел на нее. Лицо у нее было мягким, а глаза с какой-то мудростью читали в нем, и ему стало не по себе. И еще невозможно было отвести глаз от ее груди, вздымающейся от дыхания, с сосками, натягивающими темный шелк.

— Оден что-нибудь еще, — проворчал он. — Халат, что-ли...

Она без улыбки, внимательно посмотрела на него.

— Раньше тебя это не волновало.

— Думаю, что я был слишком слаб, чтобы замечать. Оден что-нибудь.

— О'кэй, — она встала и, не улыбаясь, стала расстегивать куртку пижамы.

— Не делай этого, — проскрежетал Паоло.

Ее пальцы застыли на последней пуговице. Глаза впелись ему в лицо, очень большие и очень ясные.

— Ты как замороженная глыба льда, — голос ее был низким. — Если кто-нибудь тебя в скором времени не растопит, ты действительно рискуешь заболеть.

— Но ведь ты для Руссо...

Она слегка кивнула.

— Конечно. И я люблю его. Но я ничего не отниму от него, если дам тебе то, в чем ты нуждаешься. А ты нуждаешься в этом, Паоло. И очень сильно.

Она сбросила куртку на ковер. Паоло смотрел на ее обнаженный стан.

— Нет...

Она подошла к нему и тонкими пальцами коснулась лица. Он сильно оттолкнул ее. Очень сильно. Она отлетела к столу и упала на пол.

— Извини, — жестко сказал он. Лицо его окаменело.

Она взглянула на него, шумно дыша открытым ртом.

— Зачем? Чувствуешь себя дикарем, так будь им. — Она поднялась. — К черту это!.. — и она расстегнула пижамные брюки.

Тогда он ударил ее. Крепко ударил. Она, всхлипнув, рухнула поперек дивана, брюки обвились вокруг ее стройных ног. Ягодицы

были небольшие, округлые, крепкие и очень светлые. Что-то провалилось внутри Паоло.

Тори повернула к нему лицо.

— Иди ко мне, — простонала она сквозь зубы.

Такого больше не повторится. Об этом знали оба. И никто об этом не сожалел. Она добила свое. Томление ушло из груди Паоло. Оно вернется, но теперь он будет знать, что делать, когда оно придет. Он был жесток с Тори. И достиг той же степени удовлетворения, какое чувствовал, убивая каждого из своих врагов. Это был ответ для него, единственный ответ: насилие или насильственный секс. Такого он не сможет себе позволить по отношению к жене, если снова женится. Если подобное желание охватит его, он будет искать для него выход с проститутками. Потому что с Тори он был первый и последний раз. Когда вернется Руссо, нужно делать вид, что между ними не было ничего.

Но Тори станет подлинной причиной его будущей верности Доминику Руссо. Единственной причиной, которая заставит его делать все, что по его мнению будет противоречить его интересам в будущей схватке...

Часть вторая

ДОМИНИК РУССО

ВОЙНА БУТЛЕГЕРОВ

Доминик Руссо без сна лежал в тесном купе, а поезд уносил его вновь на север от Флориды. Он лежал, подложив под голову руки, с открытыми глазами, а мозг его методически и четко обдумывал все, что ему нужно быстро и безошибочно проверить после возвращения домой.

Но когда он поймал себя на том, что прикидывает это в уме уже в третий раз, то понял — пора остановиться. Пошарив в темноте, он нашел плоскую серебряную фляжку, подаренную ему Тори на Рождество. Бренди в ней был отменным. После третьего глотка тело расслабилось.

Руссо завинтил крышку и закрыл глаза. Мозг немедленно занялся обдумыванием того, что ожидает его дома. Усилив воли он переключил внимание на стук колес. Эти звуки перенесли его в другое время и в другое место. Под точно такие же звуки он не мог заснуть в Палермо. Посредине Кортиль Качино, района, где он жил, проходила железная дорога.

Родился он не в этих трущобах. В Палермо он приехал почти

шестнадцатилетним, как и Паоло Регалбuto. Дон Руссо был деревенским парнем, но не горцем. Он родился в маленьком обнищавшем рыбацком поселке на Южном побережье Сицилии. Отец его был рыбак, но в год, когда он родился, лодка отца затонула во время шторма. После этого отцу приходилось в краткие периоды путины работать на чужих лодках. Заработка хватало только на то, чтобы семейство не умерло с голоду, а животы всегда были пусты.

В тот год, когда вместе с половиной поселка умерли от чумы его отец, оба брата и одна из сестер, он готов был любой ценой вырваться отсюда. Остаться здесь было невозможно. Для его матери и оставшейся в живых сестры в этих местах работы не было. А мальчик не мог содержать троих случайной работой на рыбаков, которые сами едва могли прокормить свои семьи.

Они переехали в Палермо и поселились в Кортиль Качино, в единственной комнате, где жила его тетка с мужем и тремя маленькими детьми.

Кортиль Качино был необычайно шумным, с грязными, жалкими трущобами из старых рассыпавшихся домов и вновь построенных лачуг, где в каждой комнате в среднем жило по двенадцать человек. Не во всех домах было электричество, а туалетов там почти нигде не было. В теплую погоду мужчины испражнялись на железную дорожку, а дети на помойках. В холодную погоду, как и женщины, все ходили в дырки, проделанные в настилах над открытыми, зачастую безводными, канавами. Запах в каждом уголке района, в каждой комнате, был тошнотворный.

Руссо спал на столе в маленькой комнате. Тетка с мужем и недавно родившийся ребенок спали под столом на матраце. Двое других детей, мать и сестра Руссо, делили два других матраца на полу. По меркам Кортиль Качино эта комната не была переполнена. Другую комнату в доме занимали шесть молодых пар и двое крошек. Еще в одной комнате жила семья с девятью ребятами. Все вокруг кишело детворой: они были почти так же бесчисленны, как крысы и блохи. Один старый сицилиец объяснил: «Единственное удовольствие, которое может себе позволить бедняк — заниматься любовью. Дети — это несчастный плод этого удовольствия».

В одном только Палермо было лучше, чем в том поселке, откуда они вырвались. Матери Руссо удалось устроиться прачкой. Сестра начала зарабатывать проституцией. Возраст у нее как раз подходил для этого дела — полные шестнадцать лет, а вокруг всегда полно иностранцев-матросов с деньгами. Но кругом царил страшная конкуренция и ей приходилось отдавать две трети заработка своему сутенеру, а тот в свою очередь отдавал половину мафии.

Первое правило, усвоенное Руссо в Палермо, еще в начале его поисков работы, гласило: если хочешь что-то делать, легальное или нелегальное, придержишься закона — не подмажешь, не по-

едешь. Руссо воспринял это как само собой разумеющееся, так было по всей стране. Здесь, в городе, было просто лучше организовано. Но даже подчиняясь этому правилу, он не мог найти себе постоянной законной работы. Палермо был переполнен молодыми людьми, постоянно или периодически безработными. Он начал шататься по своему району — Калха — ворую тряпье и продавая его старьевщикам. Это даже и воровством нельзя было назвать.

Руссо усвоил основное правило сицилийцев: если хочешь чего-то добиться в жизни, имей влиятельных друзей, или хорошенькую сестру.

Ну, второе он имел, а через нее нашел первое. Сутенер сестры представил его Адриано Паризи — не последнему представителю в среде мафиози низкого ранга Палермо. Паризи имел возможность предложить, за определенный процент для себя, выгодную Руссо работу. В конце концов он предложил ему работать с шайкой ребят, занятых излюбленным рэкетом мафии: они взламывали по ночам лавки и тащили оттуда все, что могли унести. В действительности это не было воровством, скорее это было изъятие товара с целью получения выкупа. Лавочники понимали, что обращаться в полицию бесполезно. Воров могут отловить, но товар никогда не найдут. Поэтому они со своими бедами шли к главарю местной мафии, в данном случае, к Паризи. Он проникался сочувствием и обещал попробовать отыскать исчезнувший товар. На следующий день он удивительным образом отыскивал его, узнавал его стоимость и за двадцать процентов от нее возвращал законному владельцу.

В этом рэкете Руссо проработал год, прежде чем Паризи перевел его к старому пингулари — трущобное название карманника. Карманник всегда работал с мальчиком, который отвлекал внимание намеченной жертвы различными трюками. Его последний напарник внезапно умер от тифа. Маленький для своего возраста, Руссо заменил его. За шесть месяцев свою профессию он изучил досконально, включая и приемы обработки клиентов спереди — а это самое сложное.

Но однажды они ошиблись в выборе. Жертва оказалась бдительным и сильным мужчиной. Старый карманник сумел убежать, но жертве удалось схватить Руссо и держать до тех пор, пока не подросла полиция. Они привели его в ближайший полицейский участок и потребовали назвать имя старого карманника, на которого он работал. Руссо знал, что говорить нельзя. «Омерта» — самый страшный закон мафии. Доносить — значит умереть.

Тогда двое полицейских применили к нему стандартную пытку, небезызвестную кассету. Голого Руссо привязали к двум деревянным ящикам, а к лицу прикрепили открытую газовую маску. Затем в нее постепенно влили ведро морской воды. Пока Руссо задыхался, они сдавливали ему мошонку и били палкой по пят-

кам. Когда он терял сознание, они приводили его в чувство и все начинали сначала. И так пытали они его пять раз в день. На десятый день он уже перестал соображать, чего бормочет. Как будто издали он слышал, как называет имена не только старого карманника, но и Адриано Паризи. Полицейские нервно переглянулись и прекратили пытку. Они бросили Руссо в подвал, а сами побежали докладывать сержанту. Руссо всю ночь размышлял, как он покончит с собой. А утром сержант без слова выпустил его.

Руссо понимал, что домой ему путь заказан. Его освободили, потому что Паризи сказал сержанту выпустить его. Вместо дома он пошел на набережную и отыскал свою сестру, курсирующую в поисках клиента. Она подтвердила ему то, что он и сам знал: домой идти нельзя, там его ждут двое мужчин. Отдав ему деньги, что были у нее при себе, она сказала, что ему нужно убираться из Палермо и из Сицилии. Об этом он и сам знал.

Расставаясь с сестрой, он заметил идущего за ним мужчину, и свернул в переулок. Мужчина с ножом — за ним. Тогда Руссо прыгнул на него и несмотря на то, что был ослаблен десятидневной пыткой, ему как-то удалось вырвать нож из рук преследователя и заколоть его.

У убитого он забрал нож и все деньги, которые были в карманах. Дождавшись темноты, он пешком выбрался из Палермо и по дороге прицепился к поезду, который шел в Мессину. Он не беспокоился, что кто-нибудь его увидит за пределами Палермо. Он был слишком ничтожным нарушителем, чтобы мафия устроила за ним погоню. Самым главным для него было выбраться из Сицилии. Это тоже не беспокоило его. Он знал, куда хочет уехать. А в семнадцать лет он научился самой главной науке: как добиваться того, чего хочешь.

Не беспокоило его также и то, что он убил человека. Руссо был верующим, хотя в церковь не ходил. Бедняки слишком заняты борьбой с голодом, чтобы часто ходить в церковь. Но он верил в бога, который на небесах проворачивал свой бизнес. Что творилось на земле, касалось только людей. И, конечно, самоубийство — грех. Поэтому, если кто-то делал нечто, чтобы остаться в живых — это хорошо. Иногда, чтобы остаться в живых, приходится и убивать других. Рыбаки делают это каждый день и рады, если улов удачный. В городах рыбаки другого рода делают это другим способом. Руссо вынес с собой из Сицилии уроки самосохранения, наученный горьким опытом.

Второе убийство он совершил в Неаполе, убив моряка с торгового судна, которого заманил в темный подъезд. Доминик Руссо — не его собственное имя. Это имя он взял вместе с бумагами своей второй жертвы.

В порту Неаполя стояло грузовое судно, следующее рейсом в Нью-Йорк, капитан проявил понятный цинизм к документам Руссо. Ничего общего во внешности Руссо с фотографией убитого

на документах не было. В разговоре с кэпом Руссо взял доверительный тон. Он признался, что бумаги не его и он не знает морского дела. Он купил эти бумаги у пьяного моряка и собирается оставить корабль, как только придет в Нью-Йорк. Если кэп возьмет его на борт матросом, Руссо готов оставить все, что заработал за это время. Кэп нашел эту сделку удачной.

Везде одно и то же — взятка.

Доминик Руссо усвоил английский — самый нужный в Новом Свете инструмент — с поразительной быстротой. Но еще до того, как он научился сносно говорить, он легко и гладко, словно акула на рыбных местах, вошел в эмигрантские кварталы Нью-Йорка. Укоренившиеся уроки Палермо придавали ему уверенности в среде обитателей американского гетто.

В короткое время он сколотил вокруг себя небольшую шайку молодых хулиганов и предложил им новый для Нью-Йорка бизнес, издавна известный в Палермо — потрошить торговцев и требовать с них выкуп. Он дал распространиться слухам, что он человек, имеющий возможность отыскать и вернуть за определенный процент украденный товар.

К девятнадцати годам у него был вполне постоянный доход от этого рэкета в стиле Палермо. И тогда мафия нанесла ему визит. Этот визит не имел ничего общего с тем волнением, какие доставила ему мафия Палермо. Мафия Нью-Йорка ничего об этом не знала, да ее это и не интересовало. Их интересовала одна вещь — взятка. Руссо стал платить им без возражений. Это казалось ему естественным. Почему в Новом Свете не должно быть как в Старом? Такое благоразумие принесло ему уважение мафии и расширило его связи с ее уважаемыми представителями.

Вскоре пришло время, когда Нью-Йорку нанес визит Дон Карло Фондетта, в поисках человека, которому он мог бы доверять. На него уже работали братья Фиоре, но он подозревал, что они обманывают его. Нью-Йоркская мафия тепло отрекомендовала ему Доминика Руссо.

Руссо приехал в город Фондетты в роли нового телохранителя. Вскоре он твердо занял свое настоящее место в качестве личного порученца и габолетто — сборщика дани — Фондетты. В течение многих лет он служил процветанию Фондетты, а тот, в свою очередь, служил ему. Между ними не было личной привязанности. Были просто деловые отношения. Поэтому, когда наступило время и Дон Карло Фондетта стал помехой на пути дальнейшего развития, Руссо готов был к разумному решению. Надо подходить к совершенно новым деловым связям и нового сорта людям...

Ко времени встречи Руссо и Оуэна Шэйла во Флориде весть о таинственном убийстве Фондетты дошла до обоих. Они выразили друг другу соболезнования по поводу смерти этого человека, с которым оба были связаны. Человек, который — с этим

они оба согласились — был в свое время совсем неплох. После этого они приступили к делу.

Оуэн Шэйл выслушал предложение Руссо с пристальным вниманием. Он обдумал все и искренне откликнулся на него. Он с радостью примет предложение Руссо, если тот действительно привез нужную сумму денег. Руссо предвидел такую ситуацию. Пружины человеческих поступков — основа жизни — всегда одни и те же.

Руссо не ожидал попасть в рай после смерти. Но у него было непреклонное убеждение, что и в аду он найдет то же самое, что и здесь — взятку...

Дон Руссо сидел за обеденным столом напротив Паоло Регал-буто и излагал ему свой план. Он рассказал ему о той роли, которую должен сыграть Оуэн Шэйл после того, как получит первую крупную сумму денег, чтобы подкрепить его тающий фонд. Затем Руссо объяснил, что он ожидает от Паоло.

— Мы будем равными партнерами, Паоло. Потому что ты мне нужен больше всех, чтобы делать работу. Особенно вначале. Мне нужна армия, а сейчас у меня только Болпе и Алегра. Ты тот, за кем пойдут другие.

— Отряд, действительно, не велик по сравнению с Линчем, — заметил Паоло.

— Неважно, что нас мало, — сказал Руссо. — У меня есть идея, как сделать его сильнее армии Линча... — И он объяснил, как это сделать.

Паоло внимательно его выслушал и кивнул.

— Сработает. — Он смотрел на свои большие кулаки, лежащие на столе, обдумывая свое отношение к этому делу. — Но я не уверен, что это именно то, чего я хочу.

— Ты хочешь охоты на Линча. А таким путем охота получится настоящей.

— Конечно.. Но твой путь — это борьба между двумя бандами. А мне нужна борьба между мной и Линчем. Только я и он.

Из кухни вышла Тори и принесла обоим по чашке кофе. Она поставила чашки на стол и прислонилась к стене, наблюдая за ними.

Паоло не мог смотреть на нее, но знал, что она здесь. Руссо оперся обеими локтями на стол и разглядывал упрямое нежелание на лице Паоло.

— Когда ты, подстреленный, явился сюда, — спокойно сказал он, — я принял тебя и спрятал. Хотя это могло стоить мне жизни. Но ты тогда нуждался в помощи моей. Теперь я нуждаюсь в твоей.

Больше он ничего не сказал. Пусть Паоло подумает над этими словами.

Тори закурила и продолжала смотреть на них. Паоло так и не посмотрел на нее.

— О'кэй,— медленно протянул он,— попробуем какое-то время идти твоим путем...

Едкие испарения автомобильной эмали все еще висели в темном воздухе двора мастерской Вито Риккобоно, когда Паоло собрал их там. Кругом не было ни души. Анжело Диморра финансировал Вито, помогая платить налоги и организовывать работу, поэтому он и его брат Митч могли пользоваться мастерской для переделки ворованных грузовых и легковых автомобилей. Вито поставил высокий деревянный забор, мастерская и оборудование для окраски находились под простыми навесами.

Паоло стоял возле покрасочного навеса и рассматривал пятирх молодых сицилийцев, которые должны были составить ядро его банды. Они были очень разные и внешне, и по своим возможностям, поэтому Паоло тщательно оценивал сферы использования каждого из них.

Анджи Диморра — тонкий, как хлыст, темный красавец, с увлекающимся методичным рассудком.

Митч Диморра — может быть твердым, как кремень, но только когда уверен в поддержке брата.

Вито — пухлый и нервный, но здравомыслящий и преданный.

Джимми Бруно и Ральф де Блайз — это прирожденные убийцы. Анджо Диморра знал, за какое место нужно держать оружие и пользоваться им в случае необходимости. Но больше пользы он принесет в качестве мозгового центра, помогая Паоло разрабатывать детали плана. Если понадобится убивать, на это есть Бруно и Блайз. Они во всем, кроме своей страсти к убийству, были несхожи: Джимми Бруно, коренастый и сильный, с грубыми чертами лица, задиристым взглядом глубоко посаженных глаз. Ральф де Блайз — маленький, изящный, с возбужденными глазами и горьким изгибом рта, туберкулезник, заглушающий свою болезнь беспутством. Грозная парочка, но для того, что задумал Паоло, их недостаточно. Нужно, по крайней мере, еще двое таких же. Паоло сказал им, кого он подобрал. Но эти люди им не понравились.

— Хайм — крыса, — огрызнулся Блайз. — Этот жид стучал на нас. Я ему не верю.

— Прошлое осталось в прошлом, — спокойно сказал Паоло. — Теперь ты будешь ему верить и будешь с ним помятче. Потому что я ручаюсь за него. Кто сомневается в нем — сомневается во мне. Усекли?

— Меня беспокоит Вэрк, — бросил Анжело Диморра. — Он бешеный, как гагара.

— Он нужен нам, — пояснил Паоло. — Он владеет умением ор-

ганизации засад. Единственный из нас. Нам нужно именно его. Есть еще аргументы?

Они смотрели, как он стоит перед ними, высокий, мощный, измученный и безжалостный. Он подавлял их, когда они были мальчишками, и теперь снова довлел над ними. За последние две недели они приобрели новый род благоговения перед Паоло. Он снова стал их капо.

Один за другим они согласились с его доводами.

Через полчаса появились Хайм и Вэрк.

Пат Вэрк был тощим мужчиной, с худым лицом. У него были не совсем нормальные глаза, но никто не решался испытывать его нервы. Вместе со своим братом и двумя приятелями он отбивал грузы у крупнейших бутлегеров штата, включая и Рэя Линча. Но брат и оба приятеля позволили себя убить, и Пат Вэрк вынужден был действовать в одиночку, пока он не присоединился к Хайму, ограничиваясь мелкими заработками. Он смотрел и двигался, словно волк, и с волчьей осторожностью вошел во двор. Сразу же за забором он и Хайм остановились, оба тревожно смотрели на сицилийцев, держа руки поближе к оружию.

— Спокойно, — бросил им Паоло. — Отныне, все здесь присутствующие — друзья. Вы мое слово слышали. То, что я задумал, стоит этого.

Спокойно и в деталях он выложил им свой план. Время от времени Анжело вставлял отдельные замечания, что способствовало объяснению. Все слушали с интересом.

— Твоя главная проблема, — проскрежетал Вэрк, — распрощание: как продать выпивку.

— Это у меня заключительный этап, — ответил ему Паоло, — и об этом позаботятся. — Он посмотрел на Анжело Диморра. — Начать дело мы хотим с большого груза. Пока они не поумнели, мы нанесем удар им в самое их логово. Это твоя задача, Анджи. Ты должен выяснить, где их самый крупный перевалочный пункт.

Тот кивнул.

— Пустяки. Им ведь понадобятся грузовики от меня и Митча. Джимми Бруно задумчиво посмотрел на Паоло:

— Если ты действительно говоришь о крупном грузе, то должен также сказать о чертовски большой охране при нем.

— Несомненно, — спокойно согласился Паоло. — Поэтому, завтра с утра мы начнем кое-что делать для этого...

Рыбачья хижина находилась в двадцати милях от города. Она возвышалась над заливом, стоя на деревянных сваях. Вокруг, в пределах видимости, не было ни одного строения. Это был четырехкомнатный двухэтажный дом, со стенами из сосновых бревен и крышей из дранки. Водопровода в нем не было. Зато полно воды и спереди и сзади. Электричества тоже не было,

только керосиновые лампы и свечи, чтобы разгонять темноту.

Когда-то это была ферма. Давным-давно ферма была запущена и земля заросла диким кустарником, в котором почти потонул сарай. Только между крыльцом и заливом оставалась чистая полоска. Это место принадлежало отошедшему от дел торговцу недвижимым имуществом. Здесь он мог скрываться от городской суеты. Здесь он мог порыбачить и насладиться тишиной и спокойствием. Год назад он умер. Тори купила это место для Руссо, поэтому никто не мог выследить его здесь.

Доминик Руссо первым прибыл сюда в это утро и поставил свою машину к высокому крыльцу. Сидя на ступеньках, он курил и ждал, пока по пыльной дороге из-за деревьев на открытый участок не выехал «форд».

Руссо поднялся, швырнул в пыль недокуренную сигарету и затоптал ее каблуком. С переднего сиденья выбрались Паоло и Бруно. Блайз, Хайм и Вэрк — с заднего.

— Привез? — спросил Паоло у Руссо.

Тот кивнул. Достав из кармана ключ, он открыл багажник и поднял тяжелую крышку. Там было пять ручных пулеметов «томпсона» и масса магазинов к ним, круглых и рожкообразных.

— Это вам для уравнивания сил, — сказал Руссо. — К ним надо привыкнуть. Освойте их как следует. — Он кивнул Паоло и отошел в сторону. Его темные глаза пытливо смотрели с тяжелого костистого лица.

Паоло взял один пулемет, присоединил к нему круглый магазин и протянул его Хайму. Вытащил из ящика другой пулемет и подобрал к нему рожок. Затем повернулся к остальным.

— Это ручной пулемет «томпсона», модели двадцать один. В круглом магазине, что у Хайма, пятьдесят патронов. В рожке, что у меня, двадцать. Пулемет выпускает восемьсот пуль 45-го калибра в минуту. Но не надо поливать из него, он все время прыгает в руках. Надо стрелять короткими очередями, чтобы иногда делать поправку на отдачу.

— Что это такое, черт побери, — с нетерпением подпрыгнул Ральф Блайз, — назад в школу? Это винтовка. Поднимаешь, прицеливаешься и стреляешь. Разница только в том, что она стреляет, пока ты нажимаешь, верно?

Паоло холодно посмотрел на него. Затем без слов вставил рожок к пулемету и протянул его Ральфу. Возле крыльца была куча пустых бутылок. Паоло взял одну из них и швырнул через открытый участок. Она упала у кромки воды. Он снова взглянул на Ральфа.

— Ладно, Ральф, покажи нам...

Блайз нахмурился, посмотрел на оружие, нашел предохранитель и снял его. Затем крепко вдавил приклад в тощее тело и тщательно прицелился. Длинная грохочущая очередь разорвала тишину сельской местности, эхом отразилась от холмов и вспугнула щебечущих на деревьях птиц. Но с бутылкой она ничего не

сделала. «Томпсон» бешено дергался в маленьких руках Ральфа, пули вздымали фонтанчики пыли по ту сторону бутылки и стригли кусты впереди нее.

Он снял палец со спускового крючка и уставился на бутылку. Вэрк рассмеялся. Ральф вперил лихорадочный взгляд в Вэрка, его лицо побелело. Дикое лицо Вэрка напряглось. Он немного расставил ноги, готовясь к неприятностям.

Паоло прервал их, не дожидаясь начала.

— То же самое случилось и со мной, когда я первый раз стрелял из такой же фигни. Попробуй еще раз, Ральф.

Тот переключил свое внимание с Вэрка на бутылку. Со злобой сосредоточенностью, целясь пониже, он нажал на спуск, поводя пулеметом из стороны в сторону, в то время, как пули вздымали пыль возле берега. Где-то между пятнадцатым и двадцатым выстрелами, когда магазин был уже пуст, бутылка разлетелась вдребезги. Блайз опустил пулемет и неуверенно взглянул на Паоло.

Ничего не говоря, Паоло взял у него оружие. Взяв другую бутылку, он швырнул ее на чистое место и кивнул Хайму. Тот снял с предохранителя пулемет и быстро прицелился. Затем мягко и коротко нажал на спусковой крючок. Короткая очередь вспорола жидкую грязь возле берега. Всего пять выстрелов. Один из них попал в цель.

Хайм опустил «томпсон» и тонко улыбнулся Блайзу. Тот нахмурился, но ничего не сказал. Бруно и Вэрк смотрели на Паоло. Тот, безо всякого выражения на лице, вытащил пустой магазин из пулемета и вставил другой.

— Ладно, — сказал он терпеливым учительским тоном, — продолжим. Это ручной пулемет «томпсона» 45-го калибра, со съемным стволом. Стреляет, пока нажимаешь на спуск, но у него дьявольская отдача, а стреляет он восемьсот раз в минуту. А в магазине только двадцать или пятьдесят патронов. Поэтому цель может появиться, когда нажимать уже бесполезно...

Приглушенные раскаты грома гремели где-то над тучами. Дождь распарывал ночь серебряными полосами и делал дорогу под шинами больших грузовиков черной и скользкой. Грузовиков было шесть, они возвращались в город и их сопровождали два легковых автомобиля, в каждом из которых было по пять вооруженных охранников. Для усиления конвоя в каждом грузовике рядом с шофером сидел еще один парень с оружием.

Один из легковых автомобилей прокладывал дорогу в промозглой ночи. Другой ехал за последним грузовиком. На его заднем сиденье, вглядываясь в заднее стекло, сидел между двумя охранниками Чарли Галлажер. Это был длинный перегон от болот Нью-Джерси, где по распоряжению Линча его напитки были перегружены с лодок на машины. Чарли устал, но бдительность

сохранил. Они выехали на заключительный этап пути. До города оставалось не более часа езды. Если на конвой нападут, то это самое удобное место.

В переднем автомобиле, рядом с шофером, сидел Джек Галлажер. Он держал на коленях готовый к бою люгер и всматривался в дорогу, освещенную пробивающимся сквозь пелену дождя светом фар. На заднем сиденье сидели трое, и у всех оружие было также наготове. За головной машиной шли грузовики с товаром, тяжело давившим на плечи Джека из-за ответственности.

Двадцать пять сотен ящиков виски. Настоящего виски из Шотландии и Канады, доставленного до Багам на большой старой шхуне. Каждый ящик стоил шестьдесят долларов, а всего груз Рэя Линча стоил сто пятьдесят тысяч долларов. В случае его реализации в забегаловках, выручка будет вдвое больше. Сто процентов чистой прибыли.

Но, конечно, в чистом виде никто не собирается им торговать. Подлинный импортный виски — слишком великолепный и ценный товар. Небольшая часть груза в чистом виде пойдет в личные запасы Линча и братьев Галлажеров. Остальная часть будет отправлена в сарай на окраине города, превращенный в перерабатывающий завод. Чистый виски поместят в огромный перегонный бак, куда добавят воды, немного глицерина, очищенного спирта, для восстановления крепости и немного йода для восстановления цвета. После нескольких дней непрерывного размешивания, смесь выпустят из бака — каждая бутылка чистого виски превратится в три бутылки. Таким образом, товар, перевозимый на этих грузовиках, в эту промозглую ночь превратится в нечто от полумиллиона до трех четвертей миллиона.

Поэтому Галлажер не позволял убаюкивать себя монотонному шороху колес и мокрому шелесту деревьев. Все его внимание было приковано к дороге, зная, что за тем, что делается сзади, следит его брат. И когда дорога впереди разветвилась, то Джек заметил развилку раньше шофера. Он подтолкнул водителя локтем и указал, по какой ехать. Шофер кивнул и свернул в нужном направлении, притормозив слегка на повороте.

Один за другим грузовики свернули за ними на темную боковую дорогу. Чарли Галлажер, доехавший до развилки последним, остановил машину на целых три минуты, пока не убедился, что никто за ними не следует. Затем наклонился вперед и стукнул шофера по плечу. Тот съехал на узкую дорогу и прибавил скорость, чтобы нагнать уехавший вперед караван. Передний автомобиль Джека тоже увеличил скорость и подъехал к перегонному заводу на целую минуту раньше первого грузовика. Сквозь дождь в темноте угадывались очертания большого неосвещенного сарая. Тормозя, шофер Джека трижды нажал на клаксон: короткий, длинный и снова короткий. Над дверью зажегся большой фонарь и осветил площадку возле автомобиля.

Джек немного расслабился и вылез на улицу, сжимая свой лю-

гер. Тотчас из машины вылез шофер, затем с оружием в руках трое остальных и быстро огляделись вокруг. Джек смотрел на дверь сарая. Она открылась и на пороге, сжимая в руках обрез, появился Мак Робард, управляющий перегонным заводом. Он разглядел сквозь дождь Джека и опустил обрез.

— Ты запоздал, — сказал он напряженным голосом.

Тот кивнул, еще больше расслабился и опустил люгер.

— Дождь задержал.

Он повернулся и с чувством облегчения смотрел, как один за другим подъезжают и останавливаются грузовики. Шоферы и охранники выскакивали из кабин и разминали затекшие ноги.

Джек позволил себе почувствовать легкую усталость, когда увидел, что наконец подъехал и остановил машину брат. Когда Чарли и остальные четверо начали вылезать из машины, Джек повернулся, чтобы заговорить с Робардом. Но тут же осекся, заметив, что тот отступил в сторону и уже не стоял между ним и открытой дверью. Нервное напряжение Робарда внезапно дошло до него, в голову пришла мысль, что голос у него странный. Его взгляд метнулся в темноту открытой двери, затем снова на Робарда. И тут до него дошло: обрез не был заряжен.

— Ну, ладно, — сказал он небрежно. — У тебя хватит дряни, чтобы разбавить весь этот джин втрое?

Робард, который знал, что груз — виски, ответил:

— Конечно. Временами я делаю с джином такое, что ни за что не скажешь, для чего этот напиток предназначен.

Джек пронзительно крикнул:

— Внимание, Чарли! Засада. — и бросился ничком на грязную землю.

Все сразу кинулись врассыпную, как если бы ночной дождь разразился бурным электрическим штормом высокого напряжения. Начал этот шторм грохот пулемета «томпсона» внутри сарая. Короткие вспышки пламени сыпались из темноты сарая. Пули клалацали о борт машины прямо над Джеком. Двое охранников, вылезших из его машины, растянулись в грязи рядом. Один из них визжал, зажимая рану, другой уже отключился.

Джек сполз под машину и открыл вслепую огонь из люгера в сторону двери.

В темноте Паоло услышал свист пули, пролетевшей между ним и Ральфом. Он встал на колени и выпустил очередь в едва приметную фигуру под машиной. Лопнули обе передние шины, а из пробитого радиатора хлынула вода. Незадетый Джек перекатился на другую сторону машины.

Безоружные шоферы бросились перед машинами на землю, а охрана рванула в укрытие, стреляя на бегу в сторону двери.

В это самое время Чарли Галлажер и его люди побежали к грузовикам, надеясь укрыться за ними. Но тут внезапно к стуку пулемета Паоло присоединились очереди еще четырех пулеметов. Блайз, чье тело сотрясала отдача, а глаза лихорадочно пылали,

прошил короткой очередью одного из охранников. Пулемет Вэрка, рвущий темноту слева от сарая, бросил на землю, с перебитыми ногами, другого. Остальные стали бросать оружие и поднимать руки.

Хайм и Бруно, стрелявшие из зарослей кустов, перехватили Чарли Галлажера и его группу, не дав им добежать до грузовиков. Чарли задыхался и потерял свой люгер, когда пуля обожгла его предплечье. Три пули вонзились в спину бегущего рядом с ним охранника. Его отшвырнуло к грузовику, за который он на секунду зацепился, а затем свалился безжизненной грудой. С другого конца темноты пулеметная очередь прошла кузов второго грузовика. Остальные три охранника и Чарли поспешно отшвырнули оружие и закричали о сдаче.

Джек отполз от своей машины к группе деревьев, поднялся на колени и обнаружил, что уперся в дуло пистолета, спусковой крючок которого нажимал Доминик Руссо. По бокам его стояли Болпе и Алегра, сжимая в руках обрезы. Джек сделал то единственное, что мог: разжал пальцы и выронил люгер в грязь.

Оглушительная стрельба со всех сторон внезапно смолкла. Кончилась так же внезапно, как и началась. Налетчик Руссо сконцентрировал достаточно много огня в нужных местах, чтобы перестрелка затихла. Четверо охранников Линча были убиты. Трое ранены. Остальные сгрудились перед сараем, окруженные людьми Руссо. Из дверей сарая вышел Паоло и стал поднимать на ноги и сгонять в кучу шоферов грузовиков.

Ральф Блайз вышел вслед за ним и прорычал Робарду:

— Ты, вшивая крыса, ты дал им знать!

— Спокойно! — вмешался Паоло. — Робард хороший малый, он умеет готовить выпивку. Скоро он начнет работать на нас.

Робард прислонился к стене сарая, все еще сжимая незаряженный обрез. Смерть на этот раз миновала его.

Руссо повернулся ко второму автомобилю и пробил покрышки левой стороны двумя выстрелами из автомата.

— Мы собираемся вас запереть, — сказал он, возвращаясь назад. — Телефон мы перерезали, и думаю, вам понадобится пара часов, чтобы выбраться отсюда и вернуться в город. Но это только одна из проблем, которые теперь будут вставать перед вами, если вы будете продолжать работать на Рэя Линча.

Паоло посмотрел на Галлажеров. Чарли держался за кровоточащую рану и с окаменевшим лицом превозмогал боль.

— Меня зовут Паоло Регалбуто, — сказал он спокойно. — Скажи об это мистеру Линчу.

Они стали загонять прикладами людей Линча в сарай, где уже сидели работники Робарда.

Десять минут спустя налетчики повели шесть нагруженных виски грузовиков от завода в ночь...

Галантерейный магазин над забегаловкой Руссо был закрыт на ночь и в его окнах уже не было света. Вак Норрис выбил входную дверь. За ним ворвался Линч, сжимая в тяжелом кулаке «смит-вессон».

Магазин был пуст. Линч и Вак прошли через занавешенную дверь в кладовку. Тоже ничего. Они выбили другую дверь, выходящую на лестничную площадку. В этот же момент распахнулась дверь со стороны переуллка. О'Нейл и Харриган, высокие узкоплечие мужчины, с выражением гробовщиков на тяжелых лицах, вошли, держа обрезы.

Линч посмотрел на темную лестницу. Свободной рукой он пошарил по стене, нашел выключатель и включил его. Он немного поколебался, потом подумал: «Черт возьми, я потерял рассудок, когда решил, что нужно оставаться в безопасности отеля. Нельзя показываться перед людьми дрожащим, словно кролик».

Прокладывая путь револьвером, он поднялся на первую ступеньку. Потом на вторую. В забегаловке было так же пусто, как и этажом ниже. Единственная полупустая бутылка стояла на баре. К ней была прислонена карточка с надписью карандашом: «ПРИМИТЕ НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ».

Линч вытащил пробку и крепкий запах серной кислоты заставил его отступить на шаг. Он не улыбался. Не все хулиганские шутки его веселили.

Еще не заходя в квартиру этажом выше, Линч знал, что там тоже никого нет. И никого не было. Не было даже одежды — ни Руссо, ни его любовницы.

Кривая улыбка снова вернулась на его розовое веснушчатое лицо. Он подошел к бару Руссо и открыл его. Вытаскивая оттуда одну за другой полные бутылки, он с улыбкой бил их о стенку. Затем достал из кармана сигару, откусил кусочек и поставил ее на середине ковра. Потом поджег сигару, а горящую спичку бросил. Огонь охватил залитые алкоголем стены, занавески на окнах и потолок. Спускаясь вниз, он задержался, чтобы поджечь забегаловку и магазин. Когда он сел в лимузин и отъехал, внутри дома все полыхало...

— Я вернулся, — сказал Оуэн Шэйл, — и снова берусь за политические дела.

Оуэн был мужчина крупный и широкозадый, шестилетних лет с умными, пронзительными глазами на внушительно-спокойном лице. Он стоял посредине гостиной номера-люкса лучшего отеля города и улыбался обеспокоенному Тиму Дейлу.

— Я сделал тебя из щенка политиком, — продолжал спокойным голосом Шэйл, — поэтому, ты знаешь, могу и убрать. У меня есть право вернуться.

Доминик Руссо, сидя в кресле-качалке возле стены, смотрел на них — молчаливая фигура в углу.

Шэйл разглядывал Тима.

— Ты поставил не на тех людей. И, как результат, ты близок к тому, что потеряешь голоса тех, от кого зависят выборы в Третьем округе: голоса итальянцев.

— Кто это сказал? — спросил Дейл сдавленным голосом.

— Я, Тим. Потому что благодаря Дону Руссо и братьям Фиоре, они мои.

Тим повернул голову и посмотрел на Руссо. Тот ответил безразличным взглядом. Дейл отвел свой взгляд в сторону, не в силах глядеть в эти мягкие девичьи глаза.

— Никакого правонарушения не произойдет, мистер Руссо. Но я думаю, что ваши позиции не позволят вам собрать все голоса для Оуэна. Насколько я слышан, вы даже не можете появиться где-либо в городе, потому что на вас охотится Рэй Линч.

— Но я здесь, — мягко возразил Руссо, — а ведь это городской район.

— Верно. Если Линч найдет вас, то мне даже страшно подумать, что он с вами сделает.

— Ценю ваши заботы обо мне, — сказал Руссо таким же спокойным тоном. — Но я сомневаюсь, чтобы Линч смог что-либо сделать со мной.

— И я тоже, — сказал Оуэн Шэйл, все еще не спуская глаз с Дейла. — Прими эту неприятность, Тим. Голоса итальянцев пойдут туда, куда я захочу. И если выборы будут не в твою пользу — если ты даже не сможешь удержать свой округ — тебя вывезут на осле, как ты понимаешь. Поэтому тебе лучше выслушать меня: когда через одиннадцать месяцев наступит время выборов, мой младший брат собирается выставить свою кандидатуру в мэры от нашей партии. И он собирается победить. Может быть, ты считаешь, что я не в состоянии это проверить?

— Уверен, что сможешь, Оуэн. Кто, если не ты. — В тоне Дейла слышалась просьба о поддержке. — В политике никогда ничего не знаешь, и всегда лучше, как и в данном случае, показать бутерброд маслом с обеих сторон. У тебя, конечно, есть нужные люди, обязанные тебе еще раньше. Если они станут уважать эти обязательства.

— Станут, — бодро уверил его Оуэн. — У меня достаточно на каждого из них, чтобы поставить перед судьями. Им там не очень понравится, это я знаю по опыту. Кроме того, я готов прокладывать им путь такими деньгами, каких они раньше и не видели. Итак, находясь, как говорят, между морковкой и палкой, я думаю, что они вспомнят о своих обязательствах. — Голос его зазвучал тише. — Ты единственный, о ком бы я хотел знать, Тим. И ты должен быстрее шевелить мозгами.

— Как теперь, — поддакнул Руссо.

Тим Дейл старался удержать бессмысленное выражение лица, подбирая уклончивый ответ, который не рассердил бы эту па-

рочку, но и не загнал бы его в угол. Руссо встал и пошел к закрытой двери спальни Шэйла. Открыв ее, он сказал вовнутрь:

— Думаю, ты теперь нужен.

Человек, вышедший оттуда, был Паоло Регалбuto. Он закрыл дверь и прислонился к ней, большой, исхудалый и мощный. Он смерил Дейла спокойным задумчивым взглядом, заставившим у того застыть кровь в жилах.

— Думаю, ты знаешь Паоло Регалбuto? — спросил Шэйл.

— Да. — Горло Дейла сжало так, что слово вырвалось очень тихо. В подтверждение он кивнул головой..

Паоло продолжал разглядывать Дейла темными глазами.

— Я слышал, вы отдали распоряжение полицейским моего района подстрелить меня, мистер Дейл! Это правда?

— Это не я, — пробасил Дейл. — Это Линч. Приказание его. Я только передал его. Он заставил меня.

— Я думаю, что вы можете отменить это приказание, — сказал Руссо, глядя на него.

— Я тоже так думаю, — спокойно прогудел Оуэн. — Я думаю, что так действительно будет лучше. Потому что тебя в этом случае будет ждать приятная работа в Третьем округе. Будет очень неудобно заменять тебя, если что-то с тобой случится.

— Ну, какой-нибудь несчастный случай, или что-то в этом роде. — добавил Руссо.

Тим Дейл смотрел на них и думал о потере Третьего округа и о своем будущем в политике. Он смотрел на Паоло и думал о еще больших потерях: своем будущем и своей жизни. Он вспомнил о тех троих, которых убил Паоло, и как он их убил.

Он быстро взглянул на Шэйла.

— О'кэй. Я с вами.

Улыбка Шэйла была сердечной, теплой и искренней.

— Я очень рад, Тим. Ты сделал правильный выбор.

Наиболее доходная забегаловка Мюррея Джекобса помещалась в подвале под мясным магазином. Поэтому ее и называли «Мясной магазин Мюррея».

В шесть вечера, когда туда зашел Рэй Линч, там, кроме Джекобса, беседующего с барменом о делах, никого не было. Он не был первым вошедшим в дверь. Вначале появился Карл Джо Раппопорт, которого Джекобс оставил наблюдать снаружи. Он влетел в дверь, ударился о пол спиной, перевернулся и встал на колени, шаря под мышкой в поисках оружия.

Джекобс выхватил револьвер, а бармен положил на стойку обрыз, когда крупными шагами вошел Рэй Линч — широкий, подтянутый и сильный, как буйвол. За ним вошли О'Нейл и Харриган и встали по обе стороны двери.

Линч ткнул пальцем в Карла:

— Этот недомерок пытался остановить меня.

— Я только просил подождать, пока я не доложу о тебе,— огрызнулся Карл, держа револьвер и спрашивая у Джекобса взглядом разрешения применить его.

— Я не люблю ждать,— сказал Линч.— Это не почтительно.

— Мистер Линч прав,— сказал Джекобс Раппопорту.— Всегда, когда он наносит дружеский визит, ты должен впускать его без слов. И убери эту пугалку прочь.

Поднявшись на ноги и хмурясь, Карл повиновался. Он двинулся к бару, не спуская горящих глаз с пары телохранителей Линча. Бармен, не получив никаких указаний от Джекобса, продолжал держать свой обрез на стойке.

Джекобс спрятал свой револьвер и, холодно глядя на Линча, уселся на один из столов.

— Как-то странно видеть тебя здесь, Рэй.

— Почему? Из-за официанта Поля и его пулеметчиков?

— Ну, в общем-то, я не это имел в виду.

Линч вперил в него взгляд и криво усмехнулся.

— Ты встречал кого-либо, кто бы назвал меня желтым, даже за моей спиной?

Джекобс изобразил, что задумался.

— Нет. Как Чарли Галлажер?

— Поправляется. Похоже, что ты все знаешь об этом, Мюррей? Тот пожал плечами.

— Прошло три дня. А земля слухом полнится. Я много об этом слышал.

Линч улыбнулся ему.

— Ты слышал это от одного из своих парней, участвующих в этом? От Хайма Рубина?

— Хайм не всегда работает на меня. Что он делает для себя — это его дело.

Линч согласно кивнул головой. Он сел за стол напротив Джекобса и сказал:

— Знаешь что, Мюррей... Я бы выпил скотча. И ради бога, не домашней дешевки. Мой желудок этого дерьма не принимает.

— Будь гостем.— Джекобс кивнул в сторону бара.— Мою бутылку, Шерм.

Бармен достал из-под стойки бутылку шотландского и два больших стакана. Он наполнил до половины оба стакана, поставил на стол и вернулся за стойку. Линч поднял стакан и посмотрел на свет.

Джекобс усмехнулся.

— Имбирного пива для заправки не потребуется, Рэй. Пойло первый сорт.

— Хвала мужчине, знающего в этом толк.— Линч сделал маленький глоток.

Джекобс смотрел, как он допивает стакан до последней капли, не притрагиваясь к своему стакану.

Линч задумчиво поставил пустой стакан на стол, облизнулся и тяжело вздохнул.

— Хороша штучка. Действительно, хороша.
— Я же тебе говорил, — сказал Джекобс. — Прямо с корабля.
— Ага... — произнес Линч выразительно. — Мое?..
— Не знаю, — спокойно ответил Джекобс.
— Ты знаешь того, кто продал? У меня ты в последнее время не покупал. Хотя я и предлагал...

Выражение лица Джекобса не изменилось.

— Что это, угроза, Рэй? Если это так, то имей в виду: я могу ведь и ответить.

Линч внезапно рассмеялся. Смех гулко прозвучал в стенах подвального помещения. Смеяться он перестал, но улыбка на лице осталась.

— Черт возьми, Мюррей, когда я буду грозить, то вопросов не будет. Я просто поинтересовался, кто приволок выпивку, если не я?

— Интересоваться ты можешь всем, чем хочешь, — спокойно сказал Джекобс.

Линч все еще улыбался.

— Все в порядке, Мюррей. Я знаю, что ты получил это от Дона Руссо.

Джекобс ничего не сказал и ничего не показал.

— Что меня интересует, так это, где скрывается Руссо. Ты знаешь это? — помедлив, спросил Линч.

— Нет.

— У меня есть информация — ты знаешь. И я все равно найду его.

— Зачем тогда спрашивать меня?

Линч пожал плечами и встал.

— Чтобы узнать, на чьей ты стороне. Теперь знаю. Догадываюсь, что планы твои поменялись. Смотри, не ошибись.

— Время покажет, — в тон ему ответил Джекобс.

— Это точно, — согласился Линч. — Держи ушки на макушке, старина. До тебя дойдет масса новостей. Они могут заставить тебя поменять планы. Меняй в темпе, а то опоздаешь.

Он перестал улыбаться и вышел. За ним вышли две его тени...

Выковыряв сочный кусочек мяса омара из скорлупы, Рэй Линч изящно обмакнул его в соус и отправил в рот. Когда в ресторан «Дары моря» вошли Джек и Чарли Галлажеры, он задумчиво жевал. Они кивнули Ваку Норрису, О'Нейлу и Харригану и сели за большой стол, лицом к Линчу.

Тот проглотил кусок омара и запил его пивом.

— О'кэй. Есть что-нибудь интересное?

— Масса нового, — ответил Джек. — Все интересное, но ничего хорошего.

Чарли кивнул. Повязки под рукавом его куртки не было видно, но пальцами он шевелил с трудом.

— Руссо скрылся. Его любовница тоже. Также Хайм Рубин. В доме Пата Вэрка никого, кроме матери. Мы не могли долго вынюхивать в трущобах города, но одно я откопал: фараоны из округа Дейла больше не охотятся за Регалбуто. А сам Дейл вчера утром уехать отдыхать в Европу.

Линч извлек еще кусочек омара и отпил пива.

— О'кэй. Итак, Дейл повел двойную игру. Что еще? Что об этих шести грузовиках?

— Никаких следов, — сказал Джек. — Но вот другая новость: все забегаловки территории Фиоре прошлой ночью отоварились. Их собственные точки и точки, на которые нацелились мы.

— Получили от Руссо?

— Нет. Прямо от Фиоре.

Линч откинулся в кресле и немного об этом поразмыслил.

— Ну, — сказал он наконец, — с этим Фиоре надо распутаться. Я хочу, чтобы кто-нибудь понаблюдал за домом Вэрка. И днем и ночью. Его мать — больная старуха. Рано или поздно, но он придет справиться о ее самочувствии.

Джек посмотрел на него.

— И что тогда?

— Приведи его ко мне. У меня есть предложение для него. Деловое предложение.

— Долго придется ждать его появления, — заметил Чарли.

Линч усмехнулся.

— Сейчас у нас хватит дел, Чарли. — Он поднял палец. — Перепрятать наш перегонный завод так, чтобы они его больше не нашли. — Он поднял второй палец. — Организовать доставку новой партии выпивки. И побыстрее. Даже если в этот раз придется платить дороже. — Линч поднял третий палец. — Ну, и преподать урок этим Фиоре, что значит становиться на моем пути. — Он посмотрел на часы. — Начинаем ровно в два. После полуночи...

— Задача такова, — сказал Руссо, — продолжать громить и отнимать оборудование Линча, не давая ему возможности дотянуться до нас или до нашего имущества.

Они стояли у кромки залива возле рыбацкой хижины, глядя задумчиво на темную поверхность воды. Рядом стоял и смотрел на освещенное лунным светом лицо Руссо, большой, словно медведь, Паоло.

— Линч потерял много точек и все подобрали Фиоре.

Руссо кивнул.

— Вот что я об этом думаю, Паоло. Или итальянский район города прибирают к рукам братья Фиоре, или это сделаем мы. Мы все расшевелили, а они делают много ошибок. Поэтому, больше шансов на то, что выиграем мы.

— Думаю, будет так, как ты предполагаешь, — спокойно сказал Паоло. Он достал из кармана большие часы и взглянул на

них. Было половина третьего утра. Он повернулся спиной к заливу и посмотрел через открытое место на дом, построенный из бревен.

Большинство членов его банды сидели на крыльце вместе с Тори, подставляя лицо бризу. У всех было прекрасное настроение после того, как поделили половину прибыли. От продажи отбитого у Линча груза спиртного. Вторая половина была переведена на текущий счет Оуэна Шэйла и на финансирование будущих операций.

Паоло убрал часы. В груди он чувствовал растущее давление.

— Чтобы все шло, как ты задумал, Дон, нужно расшевелить муравейник посильнее. Что скажешь?

Ответ Руссо был прерван звуком приближающейся машины. Оба они переглянулись и увидели, как среди деревьев замелькали ее огни. Никто не забеспокоился. На страже, в конце пыльной дороги, стоял Вито Роккобоно. От него нельзя ожидать большей пользы, когда начинается пальба. Он никогда, однако, не зевает на дежурстве. Если бы люди в этой машине вызвали беспокойство, то до того, как она приблизилась, был бы сделан предупредительный выстрел. Подъехавшая машина проскочила мимо шести грузовиков и остановилась. Из нее вылезли друзья Руссо — Джек Болпе и Лой Алегре. Паоло и Руссо заспешили к ним.

— В городе творится черт знает что, — сказал Болпе.

Алегра молча кивнул, снял шляпу и промокнул лысину.

— Парни Линча раздолбали три забегаловки Фиоре. Другие подождли парочку борделей.

Короткая усмешка тронула губы Руссо.

— Я говорил Салу Фиоре, что он еще нахлопчется с этими борделями.

После все еще нераскрытого убийства Фондетты между Руссо и старшим Фиоре был небольшой спор по поводу того, кто будет заправлять борделями. Спор был небольшим, потому что Руссо позволил Салу Фиоре победить в нем. Болпе пожал плечами.

— Потеря напитков и сломанная в забегаловках мебель куснули Фиоре. Ну, а с борделями проблем нет. Когда все закончится, они подыщут другие помещения и переведут девок туда.

— Кто-нибудь переведет, — мягко поправил его Руссо. — Что делают братья?

— Мы об этом не знаем.

Руссо посмотрел на Паоло.

— Раз ты говоришь, время расшевелить этот муравейник посильнее...

Он свистнул мужчинам, сидящим на крыльце...

Стоял абсолютный мрак, когда звуки автомобильного сигнала возле фермы разбудили старого Джекобса Дэйча. Его жену они тоже разбудили. Она села на большой продавленной кровати рядом с ним, из-под чепца торчали седые волосы.

— Который час? — промямлила она.

— Черт меня раздери, если я знаю. — Дэйч зашарил рукой по прикроватному столику. Он нащупал спички и чиркнул одной. В мерцающем свете на него глянул будильник.

— Половина четвертого. Так какого черта...

Он поднялся с постели и, прошаркав к окну, посмотрел вниз.

Во дворе стоял автомобиль с зажженными фарами. Рядом с ним тощий коротыш, в явно городской одежде, смотрел на окно.

— Мистер Дэйч, — вежливо обратился мужчина. — Вы не могли бы спуститься вниз. Я хотел бы купить выпить.

Как и большинство фермеров к западу от города, Джекобс всегда держал запас яблочного вина собственного изготовления и ржаное виски. Этого хватало и на продажу местным клиентам. Раньше у них напитки были значительно дешевле, чем в лавках, что ударило лавочников по карману. После введения сухого закона Джекобс и другие фермеры стали больше гнать выпивку, чем пахать, и продавать ее городским бутлегерам. Вначале всем подряд, а потом только людям Линча.

— И для этого, черт возьми, нужно врываться ночью? — прорычал Дэйч.

— Я извиняюсь, — отозвался Дон Руссо. — Критическая ситуация.

Хмурая брови, Дэйч отошел от окна и влез в шлепанцы и халат.

— Что происходит? — прошептала слегка испуганная жена.

— Оставаясь на месте, — ответил он и спустился на кухню.

Там в углу стояла обрезанная двухстволка 12-го калибра. Дэйч вставил патроны и закрыл стволы. Затем открыл дверь и вышел на крыльцо, держа палец на обоих спусковых крючках.

Руссо стоял рядом с машиной и смотрел на обрез.

— Не направляйте, пожалуйста, эту штуку на меня, мистер Дэйч. Я ведь пришел купить выпивку, а не украсть ее. Это, во-первых. Во-вторых, слева от вас стоит парень и его револьвер 45-го калибра у вашей башки.

Дэйч медленно повернул голову и посмотрел. Возле крыльца стоял Болпе и твердо сжимал револьвер. Он слегка улыбался, но улыбка была жесткой.

— В-третьих, — продолжал после паузы Руссо, — прямо за твоей спиной стоит еще один парень с револьвером 38-го калибра...

— Все очень просто, — сказал сзади Дэйча Алегра, тыкая его в спину револьвером. — Твоя задняя калитка легко открывается...

Дэйч тяжело соглотнул, продолжая держать обрез, нацеленный на Руссо.

— Даже если они и пристрелят меня, я успею спустить оба крючка и все в тебя.

— А зачем? Я хочу купить у тебя напиток. По той же цене, что вы обычно отдаете. Пятнадцать долларов за галлон. Плюс тридцать долларов за ваш телефон.

— Мой телефон?

— Мы перерезали провода. — объяснил ему Руссо. — Я очень сожалею об этом. Тридцать долларов за ущерб, ну и еще малость за беспокойство.

Дэйч опустил обрез.

— Ну, похоже, что ты пытаешься сделать хорошее дело. Как я разумею — ты не от мистера Линча?

— Нет, не от него.

— Его огорчит, что я продал свою бормотуху постороннему.

— По нам, так пусть будет он огорчен, а не вы. Может ли он рассчитывать, что вы поступите по-другому, если мы пришли с оружием, а?

— Это аргумент. А вы не собираетесь разбить мой перегонный аппарат?

— В этом не нужды, — ответил Руссо. — Я собираюсь долго иметь с вами дело.

— Мистер Линч может захотеть пощупать тебя по этому поводу.

— Может, — спокойно согласился Руссо.

— Я чувствую, тебя это не беспокоит.

— Ну, по крайней мере, от этого я бессоницей не страдаю.

— В таком случае, — сказал Дэйч с резкой решимостью, — у меня готово к употреблению три барреля пойла. Плюс три галлона я держу у себя для своих друзей.

Руссо направился к крыльцу, на ходу доставая пачку банкнот. Дэйч протянул к нему левую руку ладонью вверх. Руссо вложил в нее деньги и тот положил их в карман халата.

— Все за сараем, — сказал он, спускаясь с крыльца. — Но если вы рассчитываете везти три барреля в этом прекрасном новеньком автомобиле...

Он умолк на полуслове, услышав звук приближающейся машины. Он увидел, как с дороги сворачивает грузовик. Он перевел взгляд на Руссо.

— Ты, парень, на другой ответ и не рассчитывал?

— Так, сэр, — ответил Руссо спокойным тоном. — Мы на другое не согласны.

К рассвету Руссо, Болпе и Алегра объехали шесть самогонных пункта Линча и скупили у них все запасы. Грузовик, нагруженный под завязку, был спрятан в лесу у залива.

В это самое время Паоло, Хайм и Бруно навестили еще шестерых самогонщиков, а Анжело и Митч Диморра с помощью Вэрка и Блайза — семерых. Так как на своем пути они везде перерезали телефонные линии, Линч услышал об этом не раньше полудня. Потерю восемнадцати точек он так легко не перенесет. И в этот вечер он кинет за город большинство своей шайки на охрану оставшихся пунктов.

Но в эту ночь налетчики Руссо не появятся за городом. Они будут крайне заняты в городе — проведут рейд по пивова-

ренным точкам Линча. Эти точки, действующие под вывеской фирм прохладительных напитков, прятались на складах товаров в различных частях города. В эту ночь налетчики Руссо трянули шесть из них и увезли почти 765 баррелей пива. Каждый баррель обошелся в 57 долларов. Итого, Линч недополучит товара на 40 тысяч долларов.

По нему крепко ударили, и ударили туда, где больше: по банковскому балансу. Но он не потерял головы и не начал бесцельную охоту на налетчиков. Наоборот, он сразу прикинул, что кража у него из-под носа спиртного и пива была не ради кражи, а для продажи.

В следующие ночи Рэй Линч разработал и разбросал информаторов по всему городу. Они должны были немедленно сообщить в случае появления любого, кто появится в ночном клубе или забегаловке с отбитой у Линча выпивкой.

Первого звонка они дождались около полуночи.

Грузовик, остановившийся у забегаловки на окраине Малой Италии, был поменьше, чем те, что отбили Паоло и Руссо у Линча. Это был один из развозчиков братьев Фиоре. Достаточно маневренный грузовичок для узких улочек города. Двое из группы Фиоре сняли с него большой бочонок пива Линча и оттащили его к заднему входу в забегаловку. Затем вернулись и принялись таскать в ящиках бутылки с джином, с ржаным дешевым виски и подделкой под бурбон, выработанный для Фиоре в маленьких кухоньках в личных домах итальянцев. Наконец, они перенесли в ящиках то лучшее, что намешал Руссо и продал для Фиоре. Затем они рассчитались и вышли, чтобы направиться к следующей точке. У грузовика стояли и поджидали их Джек и Чарли Галлажеры. Еще двое людей Линча перекрыли им путь к отступлению. Все было сделано быстро и четко. Один из людей Фиоре выхватил револьвер. Выстрел из люгера Чарли разбил ему плечо, отбросил к стенке. Второй человек Фиоре поднял руки и дал себя разоружить.

Машина, на которой приехали люди Линча, стояла за грузовиком. Джек Галлажер направился к нему, вытащив свинцовую трубку с переднего сиденья и вернулся назад. Без слов он взмахнул ею и резким ударом сломал одну из поднятых руку. Человек дико вскрикнул, повалился к стене.

— Поднимите его, — прорычал Джек.

Двое из людей Линча поднимали пронзительно кричащего человека. Пока Чарли стоял на страже с люгером в руке, Джек еще трижды взмахнул свинцовой трубкой. У человека были разбиты локоть и оба колена. Затем он повернулся к тому, кто стоял, сжимая простреленное плечо и ударил его в лицо. Он бил его до тех пор, пока стоны не прекратились. К этому моменту от его лица мало что осталось. Два человека Линча забрались в грузовичок, братья сели в свою машину. Грузовик и машины направились к безопасной территории Линча.

Получасом позже второй перевозочный грузовик был перехвачен другой группой головорезов Линча. Снова водители отвели свинцовую трубы и были брошены в бессознательном состоянии в канаву. В половине второго утра О'Нейл, Харриган и пара подонков Линча захватили третий грузовик. На этот раз людей Фиоре попотчевали бейсбольными битами. После этого грузовик отправили на территорию Линча.

Это было слишком. Вооруженные группы рассыпались по городу как только в штаб-квартире Фиоре узнали эти новости. Третий перехваченный грузовик не успел выбраться из Малой Италии. Откуда-то из-за угла выскочил автомобиль, который вел кузен Сала Фиоре Марчелло, и отрезал путь. Человек, сидящий за рулем рядом и двое других с заднего сиденья открыли огонь из обрешов и снесли голову водителю грузовика. Грузовик потерял управление и врезался в телеграфный столб.

О'Нейл, ехавший за грузовиком, отчаянно вырулил на тротуар и проскочил между домами и застывшим грузовиком. О'Нейлу и Харригану удалось скрыться в темноте и вернуться в безопасное место. Оставшись в живых, человек из грузовика прыгнул и побежал, но он не был столь удачлив. Он пробежал только полквартала, как его схватили и притащили к машине Марчелло. Тот отъехал в сторону тупика переулком на семь кварталов и послал одного из своих помощников позвонить.

Через десять минут подъехал Сальваторе Фиоре со своим младшим братом Джинно. Сал посмотрел на лежащего человека Линча и что-то сказал брату. Джинно направился в столовую, расположенную в квартале от места, где они находились. Вернулся он оттуда с секачом для мяса и длинным узким ножом и передал их брату.

Держа в одной руке нож, а в другой секач, Сал Фиоре повернулся и снова посмотрел на человека Линча. Он смотрел и улыбался. Человек начал визжать. Немного погодя его вопль стал походить на звериный. Он длился полчаса и был слышен дальше, чем за квартал. Но никто не выглянул, чтобы узнать, в чем дело.

В три утра этой ночью, перед недавно открытым клубом братьев Галлажеров, остановилась машина. Задняя дверь распахнулась, из нее был выброшен пивной бочонок. Пока он, подпрыгивая, катился к ступенькам ночного бара, машина скрылась. Бочонок не был закрыт крышкой. Швейцар в униформе, не веря своим глазам, смотрел, как из него вываливаются куски человеческой плоти.

Рэй Линч появился быстро. Он опустился рядом с открытым бочонком и долго и бесстрастно смотрел. Мужские пальцы лежали отдельно. Отдельно также лежали уши, руки, ноги. Живот был вспорот от ребер до паха. Сал Фиоре все сделал изящно. Человеку, лежащему в бочонке, кишки выпустили за пять минут до того, как он перестал дышать.

В пять утра Фрэнк Фиоре, средний брат, возвращался в машине от своей любовницы, чтобы уснуть в уютном гнездышке жены и детей. Он остановил машину на улице за зданием, известным как «Уголок Фиоре»..

Когда он вылезал из машины, из темноты в него выстрелили дуплетом из обреза. Оба заряда вошли ему в грудь. Вся грудная клетка была разворочена до позвоночника...

— Все идет, как я и предполагал, — спокойно сказал Руссо. — Теперь пусть они громят друг друга. И пока они этим занимаются, чтобы ты съездил и достал для нас большой запас лучшего импортного пойла, которое можно купить за деньги.

Было раннее утро. Руссо и Паоло были одни в кухне на ферме, попивая кофе с булочками, которые им привез Митч Диморра. Паоло поставил чашку и сузил глаза на Руссо.

— Это что-то новое.

— Это то, что я задумал. Теперь самое время. Я даю тебе сто тысяч долларов. Почти вся наша выручка. Ты берешь их и бери Бруно с Болпе на помощь. На случай, если кто-нибудь попытается перехватить вас на обратном пути. Едете на Багамы. На все деньги берете хорошую выпивку. На этом мы заработаем больше миллиона.

— Эта поездка, — сказал Паоло, думая о чем-то другом, — займет у меня много времени.

— Игра стоит свеч, — ответил Руссо. — Мы будем нуждаться в еще большем количестве выпивки. Запасы Линча иссякают, и те точки, которые он снабжает, скоро начнут задыхаться от жажды и искать влаги от кого угодно. Очень скоро мы будем в состоянии начать вторжение.

Паоло немного помолчал. Он повернул голову и, уставившись в окно, смотрел на закат над заливом.

— Это хорошая мысль, Дон, — наконец мягко сказал он. — Но я бы предпочел, чтобы ты послал кого-нибудь другого. Это не то, чем бы я хотел заняться теперь.

Руссо посмотрел на него пронзительными глазами.

— Твое желание — убить Линча?

Паоло посмотрел на него и кивнул.

— Это мое желание. Оно вселилось в меня и всего переполняет.

— Для нас лучше делать то, что мы желаем. Вначале обнажи его, разбей окружающую его банду. Пока мы этого не сделаем, ты до него не доберешься.

— Я уже добрался.

— И промахнулся.

— Я сделал это намеренно. Я хотел, чтобы он думал об этом. Ну, и у него было время об этом подумать.

— И он стал с тех пор более осторожным.

— Я все равно смогу до него добраться, — мягко вставил Паоло.

Руссо посмотрел на упрямые складки челюстей Регалбуто.

— Паоло, — сказал он с подчеркнутым спокойствием, — я не хочу, чтобы ты сделал это, пока я тебе не скажу. Он нужен нам.

Паоло только взглянул на него.

— Есть только один путь объединения мелких банд, — продолжал Руссо тем же неторопливым тоном, встретившись со взглядом Паоло. — Есть только один путь управления ими против Линча. Как только он умрет, они начнут воевать друг с другом, если я не стану достаточно сильным, чтобы сдерживать их. Ты понимаешь?

— Конечно, — просто сказал Паоло. — Ты хочешь стать КАПО над всем городом.

Руссо кивнул.

— Да, я хочу этого, с тобой — моей правой рукой. И поэтому тебе нужно ехать за выпивкой на Багамы. И дать пожить Линчу еще немного.

Руссо замолчал, положив руки на стол ладонями вверх, продолжая смотреть в глаза Паоло.

— Я хочу, чтобы ты сделал это для меня, Паоло.

Тот молчал, борясь со своим желанием и тяжестью внутри себя, требующей удовлетворения.

Тори спала в комнате над ними, на втором этаже, но он ощущал ее присутствие здесь, в этой комнате. И он не в первый раз задавал себе вопрос: знает ли Руссо об их отношениях?

— Ладно, — сказал он, — я поеду...

В тот день, когда Паоло вместе с Бруно и Болпе покинули город, после торжественной церемонии был похоронен на кладбище Святого Сердца Фрэнк Фиоре.

После похорон, оставшиеся в живых трое братьев, не поехали домой. Вместо этого они поехали на свалку и уселись там в своих новых черных костюмах, ожидая. Время от времени они перебрашивались фразами. Но, редко и не о Фрэнке. О Рэе Линче...

Когда Сальваторе, Джино и Марчелло приехали туда, там уже ждала их парочка членов их банды. После полудня начали подъезжать остальные. К заходу солнца, на складах вторичного сырья братьев Фиоре, собралась внушительная маленькая армия. Недостаточная для прямой атаки на твердыню отеля «Трингл», но достаточная для того, что задумал Сал Фиоре...

Энис Колдуэлл скучала. Мраморно-гладкая кожа ее аристократически очерченного лица подергивалась от негодования. Большие накрашенные губы приобрели надутое выражение. С бесцельной яростью она бродила по гостиниой модернизированной фер-

мы Линча, расположенной в покрытой зеленью сельской местности, к северу от города. Она двигалась с грациозным напряжением кошки и без тени сомнения была уверена в том, что ее тело, облаченное в голубую юбку и белый свитер, выглядит великолепно.

Удовольствие от этого приятного факта снижалось из-за отсутствия мужчины, способного оценить ее. Она не воспринимала конюшенного, управляющего или Брукса, тренера новых чистопородных лошадей Линча в качестве мужчин. И какого черта они здесь делают, слоняясь, чего-то ожидая.

Утренние часы она провела с Линчем, но обычного удовольствия не получила. Казалось, мысли Линча витали где-то. Контролируемая жестокость, которая ее возбуждала, была недостаточной. Он был почти так скучен, как и ее бывший муж — биржевой маклер. Потом последовал телефонный звонок из города. Что-то о неприятностях от соперничающей шайки. Линч рванул туда разобраться, пообещав, что скоро вернется. Энис вернулась в постель и проспала почти весь день, чтобы быть в форме к его возвращению. До пяти вечера она не вставала. После она вкусно поела и немного выпила, а теперь почти десять вечера, а она все ждет.

Ну и черт с ним, со всем этим, решила она внезапно. Хватит, так хватит. Энис Колдуэлл не такая женщина, чтобы слоняться по скучному дому в ожидании, пока воспитанный в канаве бутлегер снизойдет до нее и окажет ей внимание, которого ей не хватает.

Она уже было направилась в спальню, чтобы собрать свой саквояж, как услышала шум приближающейся к дому машины. На лице у нее снова заиграла жизнь, хотя ротик оставался надутым. Она решила, что будет очень холодна с мистером Линчем, пока он не проявит достаточную пылкость. Ей не приходило на ум, что могли приехать совсем другие люди. Вокруг всего поместья Линч установил высокий забор с тремя рядами колючей проволоки, с единственными воротами, где постоянно дежурили его три вооруженных охранника.

Энис, заставляя себя двигаться лениво, вышла на крыльцо. Четыре больших автомобиля, с открытым верхом, заскрипели тормозами. Из них начали выскакивать и разбегаться быстро и молча в разные стороны — за дом, за сарай, за конюшни — вооруженные люди. Один из них, грузный мужчина с темным толстым лицом и маленькими глазками, двинулся к ней.

— Где Линч? — грубо спросил он.

— В городе, — нервно ответила она. — Ты кто?

— Меня зовут Сальваторе Фиоре.

Энис с трудом сохранила спокойствие, решив, что именно таким тоном надо говорить с этим человеком, который, по всей видимости, является наемником.

— Ну, Сальваторе, мистера Линча сейчас нет дома. Поэтому...

Он ударил ее по лицу. Удар был легкий, но хлесткий. Она

упала на ступени и ухватилась за щеку, глаза и рот широко раскрылись. Она испугалась, но ее охватила также и волна возбуждения. Этот мужчина был более жесток, чем Линч, и более уродлив.

— Для тебя, — сказал он спокойно, — меня зовут мистер Фиоре.

Из-за дома, держа в руках ружье, вышел тренер Брукс.

— Что твои люди хотят здесь? — спросил он с легкой дрожью в голосе.

Худой, змееголовый мужчина, стоящий сбоку от Сала Фиоре, тихо свистнул и револьвер в его руке громыхнул. В оцепенении Энис смотрела. Брукс выронил ружье и, прижав руки к животу, осел на колени в траву, издавая сквозь стиснутые зубы тонкий звук.

Марчелло прицелился и выстрелил еще раз. Пуля попала Бруксу в лицо. Он начал клониться назад, пока голова и плечи не коснулись земли. Так он остался лежать с подогнутыми коленями.

Наконец до Энис дошло, что жестокость этих людей превосходит ту, что может давать наслаждение. Она развернулась и вбежала в дом. Сал Фиоре, не спеша, последовал за ней. Она влетела в кабинет Линча и подбежала к большому письменному столу, стоящему рядом с камином. Выдвинув средний ящик, где постоянно лежал пистолет Линча, она схватила его.

В кабинет вели две двери. Сальваторе вошел через ту же, через которую вбежала и она. Он остановился и посмотрел на оружие, из которого она целилась в него. Вид у него не был сильно испуганным. Из другой двери показался Джино Фиоре и направил на нее револьвер 38-го калибра.

— Бросьте эту штуку, леди.

— Не брошу, — прошипела она пренебрежительно.

— Черт возьми, она не будет стрелять, — проревел Сал Фиоре. — Кроме того, у нее не хватит ума снять с предохранителя...

Он двинулся к ней. Она нажала на курок, что удивило его. Ничего не произошло и это удивило ее. Сал Фиоре без усилий вырвал у нее оружие и ударил ее снова. На этот раз уже сильно. От удара ее развернуло и отбросило к камину. Она схватилась за решетку, чтобы устоять на ногах. В голове у нее закружилось, половина лица горела от боли.

Вошел Марчелло.

— Линча здесь нет, Сал. Думаю, что она сказала правду.

— Когда он должен вернуться? — спросил он, сверля ее взглядом.

— Не знаю, — прошептала она, трясась. — Я действительно не знаю.

Сальваторе Фиоре сомневался, что Линч появится. Трое охранников у ворот разбежались, когда увидели численность его отряда. Один из них наверняка уже добрался до телефона.

Сал Фиоре оценивающе оглядел женщину. Когда взгляд его вернулся на ее вспухшее лицо, он резко спросил:

— Ты кто?

Хотя ее голова все еще болела от удара, она заставила себя отпустить решетку, за которую держалась, и твердо выпрямиться.

— Я — мисс Энис Колдуэлл.

Неприятное выражение предвкушения появилось на лице Сала.

— Новая любовница Линча?

— Я друг мистера Линча, — она отчаянно пыталась сохранить холодную надменность. — И я девушка. Это очевидно.

Его глаза снова пробежались по ее фигуре.

— Ты?.. Снимай одежду и покажись!

Она устояла на него.

Джино зашел сзади и стукнул ее по затылку. От удара она упала на крышку стола, глаза ее округлились. Всхлипывая, она уперлась руками в стол и приподнялась.

Стоя сзади, Джино сказал:

— Когда мой брат приказывает что-то делать, значит, это нужно сделать.

Снаружи раздался грохот выстрелов, затем мужской крик. Похоже, кричал управляющий. Снова выстрелы, а затем крики смолкли.

Она была словно в кошмаре. Сал Фиоре поднял большую лапу.

— Хочешь еще получить? Раздевайся!..

Она встала со стола и, взявшись руками за край свитера, стянула его через голову. Бюстгальтера на ней не было.

Сал Фиоре оценивающе посмотрел на нее.

— Немного маловаты, но хорошей формы.

— Показывай остальное, что у тебя есть! — прорычал Марчелло.

Она посмотрела на лица троих мужчин. Ее пальцы с трудом справились с пуговицами юбки и она упала. Что-то ужасно бесстыдное было в их глазах, когда они наблюдали, как она нагибалась, чтобы снять трусики с нижней части ног. Тело ее содрогалось под их взглядами.

— Чуток повернись, — приказал, ухмыляясь, Джино.

Она повернулась несколько раз, показывая свое обнаженное тело.

— О'кэй, — бросил он, — теперь выйди наружу и покажи все это остальным парням. Они имеют на это право.

— Пожалуйста... — забормотала она жалобно. — Не надо...

Он выбросил вперед руку. Его пальцы словно железные щипцы впились в ее тело. Она вскрикнула от боли. Сжимая полную пригоршню мягкой плоти безжалостными пальцами, Сал Фиоре потащил ее на выход. Он протаскил ее через крыльцо, спустился по ступенькам и там столкнулся. Она упала в траву. Конюшни горели. Возле них в траве, в грязи неподвижно застыли тела управляющего и конюшенного. Внутри конюшен отвратительно ржали и били копытами в стойлах племенные лошади Линча.

Поднявшись на четвереньки, она смотрела, как вокруг нее собираются мужчины, а другие начинают поджигать дом.

Джино взглянул на старшего брата.

— Я первый?

Сальваторе пожал своими широкими плечами.

— Почему бы и нет?

Джино ухмыльнулся и начал расстегивать брюки.

Они насиловали ее по очереди. Все. До того, как закончил семнадцатый, перестали ржать лошади и начала вопить она. Некоторые пошли по второму кругу. Когда все это закончилось, она была без сознания. Сал Фиоре вытащил нож, сел на ее колени и вырезал на щеках букву «Х». Прodelал он это аккуратно. Он не хотел, чтобы она истекла кровью. Но и не хотел оставлять Рэю Линчу хоть что-нибудь, глядя на что, тот будет получать удовольствие...

Чарли Галлажер нашел Рэя Линча в ванной его апартаментов отеля «Трингл». Вожак ирландского отребья отмокал в ванной, поедая ржаные лепешки и запивая их пивом из бутылки, а пухленькая рыжеволосая проститутка в шелковом купальнике терла его широкую мускулистую спину.

— Я только что проводил Джека на поезд, — сказал ему Чарли. — Но чтобы найти и привезти то, что тебе нужно, понадобится время.

— Я могу подождать, — сказал Линч жестким голосом. Он наклонился вперед, чтобы девушка потеряла пониже.

Чарли неуверенно посмотрел на него.

— Я слышал, что мистер Колдуэлл поместил свою сестру в нью-йоркскую больницу.

— Да, это так, — сказал Линч ровным голосом.

— Ты навестил ее?

— Нет. — Линч допил бутылку.

— Обидно за лошадек. Они обошлись тебе в кругленькую сумму.

— Да. — Линч взял очередной сэндвич и начал жевать, двигая мощными челюстями.

Чарли какое-то время смотрел на него.

— Ты хочешь, чтобы я чем-нибудь занялся, пока не вернется Джек?

— Да. — Линч отбросил пустую бутылку. — Ты можешь сходить к холодильнику и принести еще одну бутылку.

И это в течение восьми дней было его ответом на рейд Фиоре. Конечно, он увеличил охрану на своих пивоваренных заводах и количество людей, присматривающих за самогонщиками. Но когда отряды Дона Руссо стали нападать на его грузовики со спиртным прямо на улицах, Линчу пришлось рассредоточить свои силы, чтобы удвоить охрану на грузовиках. А когда Руссо затем очистил

один из винных складов Линча, расположенный на окраине города, Линчу пришлось выделить охрану на оставшиеся два склада. И это все, что он мог сделать. Его ответных ударов не последовало.

У Мюррея Джекобса были дурные предчувствия и он послал в Детройт подкрепление, чтобы усилить охрану своих забегов. Но ничего не произошло. И так целую неделю.

Джино Фиоре стал публично хвастаться, что Рэй Линч смылся, что его старший брат готов взять все в свои руки. Сальваторе Фиоре не присоединился к этой похвальбе. Он держал людей в постоянной готовности на своей территории, наблюдая и выжидая.

Ночью восьмого дня в Малую Италию въехал грузовик страховой компании. На него никто не обратил внимания. Грузовик остановился перед кварталом жилых домов на темной улице, усеянной отбросами и высокой сорной травой. Из него, сжимая револьвер 45-го калибра, выбрался шофер. Человек, сидящий рядом с ним, выбрался с обрезом. Из-под брезента, закрывавшего кузов, вылезли еще трое. У одного в руках тоже был обрез. Вторым был О'Нейл, в одной руке он сжимал револьвер 38-го калибра, в другой свинцовую трубку. Третьим был Харриган, несший что-то, завернутое в брезент.

Один с обрезом остался охранять грузовик, остальные пошли в ближайшее жилье. Весь квартал кишел эмигрантскими семьями, варившими для Фиоре зелье в кухоньках трушоб. В этом доме было четыре таких семейства и незванные гости знали, где их искать. По черной лестнице они поднялись на верхний этаж с тем, чтобы выполнять свою работу сверху вниз. О'Нейл выбил дверь и ворвался со своим револьвером. За ним вошли остальные.

В маленькой квартирке жила пара из Калабрии с тремя детишками и двумя стариками в черном. Никто даже не попытался сопротивляться. Когда они увидели, что Харриган достает из мешка динамитную шашку, они решили смотаться отсюда. Они хотели что-то взять из вещей, но О'Нейл взмахнул трубкой, и они, бросив все, выскочили вслед за стариками и малышами.

Харриган поджег фитиль и бросил шашку на пол рядом с кухней, потом поспешил за остальными вниз. Грохот на верхнем этаже раздался, когда они миновали лестничный пролет. Взрыв разрушил квартиру вместе с перегонным баком. Тряхнул все здание и осыпал их дождем из штукатурки с потолка.

О'Нейл усмехнулся и выбил дверь другой квартиры...

Когда зазвонил телефон, миссис Сальваторе Фиоре, тридцатилетняя, но выглядевшая на все пятьдесят, итальянка, подравнивала на кухне волосы мужу. Сал Фиоре не шевельнулся, остался

сидеть неподвижно, любуясь в зеркале на свою прическу и наслаждаясь сигарой. На звонок ответил его младший брат Джино, который сидел и слушал радио в гостиной.

Джино вернулся через несколько секунд, застегивая под мышкой кобуру револьвера.

— Группа парней Линча шарашнула по всем домам на Ричмонд-стрит. — В его голосе звучало страстное нетерпение. — Все наши перегонные аппараты в этом районе накрылись.

Сал Фиоре вытащил сигару и начал отдавать приказания:

— Позвони Марчелло, пусть придет сюда. Потом собери всех, кто окажется под рукой.

Когда Джино заспешил к выходу, он встал и бросил полотенце на стол. Его жена, которая давно решила для себя не прислушиваться к разговорам мужа, сделала недовольное лицо.

— Но, Сальваторе, я же почти закончила.

Сал потрепал ее по щеке и сказал грубовато-ласковым тоном, которым не разговаривал ни с кем, кроме матери своих детей:

— И так вполне хорошо. Потом закончишь.

Он быстро влез в рубашку. Его мозг прикидывал тактические возможности района Ричмонд-стрит...

В квартал они ворвались с двух сторон. Марчелло с юга на первой машине. Сальваторе был на той машине, которая ворвалась с севера. Джино был с ним.

О'Нейл, Харриган и еще два бандита заканчивали громить третий дом. Им не только не оказывали сопротивление, но даже не позволяли себе слова недовольства. Страх шел впереди них. Все спасались бегством.

На гудок грузовика с улицы они даже не обратили внимания. Двигаясь вниз, они продолжали делать свое дело.

Человек с обрезом, оставленный возле грузовика, встретил их внизу на лестничной площадке. Без слов они разделились и разбежались по квартирам первого этажа, имеющим окна, выходящие на улицу.

В квартале от себя Сал Фиоре увидел дым, выползающий из разбитых окон трех домов, перед одним из них стоял грузовик. Головорезов Линча возле него не было видно. Его толстые пальцы обхватили рукоятку кольта и он приказал шоферу остановиться. Машина с Джино подъехала к нему.

— Ударь вместе с Марчелло, — сказал Сал брату. — Я объеду и двину сзади.

Джино кивнул и, опустив на колени ствол обреза, принялся наблюдать. Через минуту на другом конце улицы появился Марчелло со своим отрядом.

— Вперед! — рывкнул Сал Фиоре.

Его машина свернула на перпендикулярную улицу, промчалась по переулку и поехала среди разгромленных домов. Как только машина Марчелло двинулась к грузовику, машина Джино помчалась навстречу с другой стороны улицы.

Внезапно брезент, закрывающий кузов грузовика, откинулся. Внутри за пулеметом сидел Джек-Галлажер, по бокам от него двое с винтовками. Грохот тяжелого пулемета, выпустившего первую очередь по приближающейся машине Джино, тряхнул окна домов по обе стороны квартала. Этой очередью был убит Джино, ему буквально снесло голову. Шоферу, сидевшему рядом с ним, разорвало горло. Машина влетела в стену дома. Трое других на заднем сиденье бешено рванули к двери.

Джек продолжал вести безжалостный огонь, поводя громяющим пулеметом в разные стороны. Очереди тяжелого пулемета, как бумагу, прошивали машину насквозь. Только одному удалось выбраться из машины. Ему позволили сделать три шага, прежде чем беглый огонь из двух винтовок бросил его на землю.

Первая машина, надвигающаяся с другой стороны, резко затормозила перед грузовиком, вторая остановилась рядом с первой. На другой стороне улицы Рэй Линч, опустившись на одно колено в высокой траве пустующего участка, прицелился из новенького «томпсона». То же самое сделали сидевшие рядом с ним Вак Норрис и Ригги. После двух дней тренировки, они впервые упражнялись по живым мишеням.

Глаза Линча стали, как щелочки, когда он увидел, как из машины, с оружием наизготовку, вылезает Марчелло со своим воинством. Он всхрипнул и нажал на спуск. «Томпсон» зарокотал, отдавая ему в плечо. К нему присоединились остальные два автомата. Стоявшие за ним в траве еще пятеро открыли огонь из винтовок. Одновременно принялись стрелять из окон первого этажа О'Нейл и Харриган и три бандита.

Отряд Марчелло оказался в огневом кольце. Некоторые пытались проскочить между машин. Линч послал в одного из них очередь, и она швырнула человека через тротуар, вмазала его в стену. Другого отбросила на капот машины выстрелом из обреза, третий растянулся посреди улицы, подстреленный сразу из трех винтовок.

Марчелло упал на мостовую, опередив очередь Линча. Спасаясь от пуль, он ужом проскользнул в канаву между мостком и колесами своей машины. Один из его людей пытался последовать за ним, но был опрокинут выстрелом из ближайшего окна. Он упал, сложившись вдвое, возле машины так, что его тело прикрывало Марчелло. Тот сделал три выстрела по окну. Одна пуля попала О'Нейлу в лоб и отшвырнула его внутрь комнаты.

Грохот выстрелов заполнил весь квартал. Сал Фиоре узнал звук пулемета. Он приказал шоферу затормозить и развернуться, чтобы проехать в переулок, из которого они выехали. Когда они начали поворот, по ним полоснул очередью Чарли Галлажер, стоящий в открытых дверях дома.

Смерть влетела в окно машины и прошелестела рядом с лицом Сальваторе. Его шофер обвис на баранке, руки его опустились, прижатый тяжестью тела клаксон загудел. Машина поте-

ряла управление. Сал схватился одной рукой за руль, а ногой нажал на тормоз. Машина резко затормозила, влетев одним колесом на тротуар. Он рывком распахнул дверь и выскочил из машины согнувшись.

Второй очередью Чарли резанул, когда с заднего сиденья начали выбираться трое подручных Фиоре. Один из них закружился возле пожарного гидранта. Другой огрызнулся выстрелом из обрезка, заставив Чарли отпрыгнуть от двери, чтобы выйти из-под огня. Третьему удалось ускользнуть в переулок, из которого они выехали. Сал Фиоре, низко пригибаясь, рванул за ним.

Очередная очередь хлестнула по ним из переулка, опрокинув бегущего впереди человека навзничь. Сал вынужден был упасть на землю и укрыться за трупом. Следующая очередь прошла над ним и срезала того, кто стрелял из обрезка, а теперь бежал за Сальваторе. Он положил револьвер на покойника и четыре раза быстро нажал на спуск, слегка поводя стволом, чтобы перекрыть ширину переулка. Он задыхался. Треск «томпсона» заглушал грохот пулемета, раздающийся сверху.

Сальваторе быстро сориентировался. Он выхватил из-под безжизненного тела пулемет. Раньше ему не приходилось им пользоваться, но в узком пространстве от него требовалось только одно — нажимать на спусковой крючок. И желал он только одного — прорваться в это узкое пространство помещения. С перекошенным от дикой ярости лицом, он проскочил остаток переулка и выбил заднюю дверь разгромленного дома. Ворвавшись внутрь, он услышал, что стрельба снаружи прекратилась. Во внезапно наступившей тишине шум отъезжающего грузовика показался ему оглушительным.

Он прошел по коридору первого этажа в поисках, кого бы убить. Дверь в одну из квартир была приоткрыта. Он оттолкнул ее плечом и влетел в комнату, готовый сразить очередью любого, кто шевельнется. Но там был только один человек и тот не шевелился. Это был О'Нейл с дыркой во лбу.

Сал перешагнул через него и подошел к окну. Из канавы вылезал Марчелло, потом появились еще четверо. Остальные были мертвы. Армия Рэя Линча исчезла.

Сальваторе повернул голову и увидел машину с обезглавленным телом своего брата...

В течение этого часа они узнали, что неприятности еще не кончились. Выезжая с территории Фиоре, грузовик и пять легковых машин остановились возле склада вторичного сырья и бросали его динамитными шашками.

Затем они подъехали к «Уголку Фиоре» и обстреляли его из пулеметов, демонстрируя свою силу. Они стреляли не по людям, а просто перебили все стекла в здании. Чисто случайно никто не был убит, но некоторые были ранены осколками стекол.

В завершение армия Линча напала на два полностью загруженных грузовика. Шоферы разбежались. Грузовики стали трофеями Линча...

Кроссинг, тускло освещенный переулок, где сходились две троллейбусные линии, был такого рода местом, где пьяницы обоих полов и люди в плохонькой одежде и с постоянными угрозами на языке, никого не удивляли. Он был окружен монолитной стеной обшарпанных домов, составляющих сердце района Красных фонарей города. Здесь были игорные притоны, забега-ловки, дансинги, несколько меблированных домов, китайская прачечная и контора по найму неквалифицированных рабочих.

Здесь же располагался старый четырехэтажный отель. Лифта в нем не было, а заселяли его бутлегеры. Там, на втором этаже, играли в кости и карты. Там на час сдавали комнаты местным проституткам. Также там был ночной портье, который за лишнюю пару долларов мог показать особо нервным клиентам как незамеченным попасть в любой из номеров отеля: через темный переулок к служебной двери, никогда не запирающейся, а затем по редко используемой черной лестнице:

Для встречи Доминик Руссо выбрал номер 28, так как рядом с его единственным окном проходила пожарная лестница, которая могла понадобиться на случай, если потребуется запасной выход. Это была мрачная комната с разнокалиберной мебелью: кровать, несколько стульев, бюро, раковина для умывания. Туалета не было, но комната была большой.

Как было условлено заранее, они собрались вшестером. Руссо был с Анжело Диморрой. Сальваторе Фиоре пришел с Марчелло. Мюррей Джекобс взял с собой громилу по имени Пенни Хэфф. Но говорили только трое Руссо, Сал и Джекобс, остальные только наблюдали и слушали. Время от времени слышались щелчки троллейбусных проводов. Больше ничего не прерывало их военного совета. Только Сал Фиоре, который настаивал на этой встрече, испытывал сдерживаемое беспокойство. Несмотря на свои габариты, он выглядел изможденным. Глаза его были красными, окруженные тенями, то ли от слез, то ли от бессонницы, то ли от ярости — этого никто не знал.

— Я хочу добраться до этого ублюдка, — сказал он задыхающимся, слегка дребезжащим голосом. — Я вспорю его, как рыбу. Очень аккуратно. Так, что он будет видеть, как я выпускаю его кишки и поджариваю их.

— В этом никто не будет тебе чинить препятствий, — спокойно сказал Джекобс. Он небрежно развалился на стуле лицом к Фиоре, сидевшему сгорбившись на краю кровати.

Дон Руссо прислонился к бюро, смотрел на них с выжидающим спокойствием.

— Не надо притворяться мудрым чучелом, — рявкнул на Дже-

кобса Сал Фиоре. — Ты знаешь, что останавливает меня. У меня нет людей, чтобы добраться до него. А большинство из тех, что есть, отказываются даже водить грузовики. — Он глубоко вздохнул и замотал головой, как медведь, пытающийся сообразить, почему в его колоде с медом оказалось так много пчел. — Кроме того, скоро не будет дешевой выпивки, так что и развозить будет нечего, если мы оставим Линча в покое. Оставшиеся со мной семьи перестали гнать самогон и просят забрать аппараты, прежде чем Линч подорвет их квартиры, как он сделал это с другими.

— Ну, ты удивил, — саркастически протянул Джекобс. — Не нужно было его трогать. Ты ведь знал, что такого парня, как Линч, нельзя трогать безнаказанно.

Сал Фиоре сжал свои здоровенные кулаки. На мгновение показалось, что он сейчас ударит Джекобса. Но он сдержался.

— Почему же так получилось, что он не ударил по вас? — мягко поинтересовался Сал. — Вы же на него давили, как и я.

Джекобс пожал плечами.

— Откуда мне знать, что у Линча в голове? Я не умею отгадывать чужие мысли.

Настал черед Дона Руссо.

— Здесь не требуется умения читать мысли, — сказал он спокойно. — Линч знает, что было бы величайшей глупостью бить нас всех разом. Думаю, что он собирается разбить нас по очереди.

Фиоре перевел взгляд на него.

— Итак, он начал с меня. Вы же не получили ни шлепка.

— Это естественно, — сказал ему Руссо. — Твое оборудование легче найти. И потом, много точек находится за пределами твоей зоны.

Фиоре продолжал смотреть на него.

— Ага. Вы заварили всю эту кашу, а расхлебывать приходится мне. Это нечестно.

— Ты сам этого хотел, — возразил Руссо грозным голосом. — Помнишь? Я предлагал помочь гнать продукцию на моем оборудовании. И обеспечить охрану всех заведений: публичных домов, забегаловок, установок. Ты отказался, потому что боялся, что люди начнут пользоваться нашими услугами и доходы тебе придется делить с нами. — Руссо остановился и спокойно посмотрел на него. — О'кэй. Теперь тебе нужна помощь? Ты ее получишь. У нас есть грузовики для перевозки. Мы запустим самогонные аппараты, пообещав людям, что больше не позволим Линчу бить их. Мы поможем взять под охрану всю территорию. И поможем добраться до Линча.

— И во что это мне обойдется? — произнес, рыча, Фиоре.

— Дай нам войти в долю, Сал. Мы не можем тебе помогать, если не будем в деле. Дай нам долю во всем: в производстве и контроле. Все вместе, Мюррей тоже.

— Минутку! — бросил Джекобс. — Я ведь ничего не говорил о

том, что хочу объединиться. Лично я не собираюсь драться за то, что могу получить без драки. У меня сейчас и так прекрасно идут дела.

Перед этой встречей он и Руссо договорились между собой. Но теперь они делают вид, что Мюррей в это соглашение вступил с неохотой. Надо было заставить почувствовать Фиоре, что он получит больше, чем даст.

— Не надо мельтешить, — бросил Руссо. — Не долго ты будешь так себя чувствовать. Как только Линч разделается с Салом, он примется за тебя. И против него ты один не устоишь, черт тебя побери. Если мы все объединимся против него, то попрем его с нашей территории. Даже больше того, черт возьми. Сообща мы сможем обосноваться и в его районе.

Мюррей нахмурился, как бы размышляя над тем, что сейчас изложил Руссо, и скрывая, что это ему по вкусу.

Сал Фиоре перевел взгляд с Джекобса на Руссо.

— Ударить по Линчу — это то, что больше всего меня интересует в данный момент. У тебя действительно есть что-то на уме, или это только треп?

Это означало, что хотя Фиоре прямо не сказал об этом, он согласился с предложением Руссо.

— У меня есть пара стоящих задумок, — спокойно ответил ему Руссо, не показывая даже тени радости. — Начнем с большого груза напитков, который прибывает к нему из Канады на зафрахтованном поезде. Я знаю, когда и куда он прибывает. Я знаю, сколько полицейских он нанял для охраны. И я знаю, когда эти полицейские исчезнут.

— Откуда ты это узнал? — поинтересовался Фиоре.

Информацию для Руссо добывал Оуэн Шэйл. Свою политическую карьеру он начинал с почтового полицейского и поэтому все полицейские города испытывали к нему симпатию. Они помнили, что когда он был в силе, они как сыр в масле катались. Поэтому они всячески способствовали ему и сообщали все, что тому требовалось знать. Но об этом Руссо ничего не сказал:

— В нужных местах у меня есть источники информации. И это еще одна причина, по которой я вам нужен.

Все прошло так, как и запланировал Доминик Руссо. Правда, лучше бы это случилось не так быстро. Паоло с Бруно и Болпе не раньше чем через десять дней вернутся. А они могут ему понадобиться, прежде чем все заварится...

Харриган медленно вел машину вокруг квартала, где располагался отель «Трингл». Длинноствольный револьвер 38-го калибра лежал рядом с ним на сиденьи. За ним, сжимая в руках обрез, сидел парень с грубым лицом. Его звали Фрэнки Джойд. По всему маршруту они вели наблюдение, вглядываясь в каждый подъезд, каждый темный переулок, мимо которых они про-

езжали. Завершая свой объезд, они заглядывали в каждую щель, где могли притаиться враги Линча.

Возвратившись к подъезду «Трингла», Харриган подогнал машину к серому лимузину Линча и дал гудок. Рэй Линч вышел из отеля вместе с Баком Норрисом. Сопровождаемый Билли Джонсоном и Шелом Мак-Кенном, двумя головорезами Линча, произведенными в личные телохранители, они забрались в лимузин.

Впереди ехала машина Харригана, рядом с которым сидел нервно-напряженный Ллойд. За ними скользил лимузин Линча. Как только они пересекли первую улицу, следом пристроился черный «паккард» с братьями Галлажерами и еще тремя парнями. Три машины неслись одна за другой в ночи, пересекли центр города, затем промчались еще несколько узеньких улочек, пересекавших районы фабрик, складов и свалок. Далее дома сменились пустынными, заросшими и заболоченными участками. Когда-то, давным-давно, город собирался строить здесь склады. Но потом решение изменили и они были перенесены на противоположный конец города, а полупостроенные склады остались заброшенными. Все они были окружены частокколами, к которым были подведены через заболоченные участки проржавевшие железнодорожные пути.

Харриган вел машину по насыпанной тропе среди густой болотной растительности к концу железнодорожной ветки. Сзади него остановились лимузин Линча и «паккард», из которых с оружием начали вылезать люди. В машине остался только Рэй Линч. Он взглянул на часы и заметил, что приехали они рановато. Его поезд прибудет не раньше чем через пятнадцать минут. Этот поезд сопровождала большая часть его армии, да плюс городская полиция для пушей безопасности. Ждать, видимо, придется подольше. Пожалуй, поезд придет не раньше, чем через полчаса.

Линч смотрел, как расходятся его люди, чтобы занять позиции. Он развалился в машине и закурил сигарету...

Джонни Коннели, раставив ноги, стоял в кабине паровоза, тянувшего за собой в ночи на юг три груженных платформы. Он стоял, чтобы не мешать машинисту и кочегару, и смотрел, как в темноте проносится мимо сельская местность. Прошло еще полчаса. Как только они доберутся до Линча, его миссия на этом благополучно закончится. Миссия была не тяжелой, но весьма ответственной. На трех платформах везли удачу в виде неразбавленных высококачественных напитков. Каждую платформу охраняли по трое крепких вооруженных полицейских. У самого Коннели был под курткой револьвер 45-го калибра, и он знал, как с ним обращаться. Хотя он не думал, что им придется воспользоваться. Линч уверял его, что на этом этапе с грузом ничего не должно произойти. Если что-то и может произойти, то только в черте города, когда он примет груз.

Но, тем не менее, он не утрачивал бдительности, не рас-

слаблял свое худое тело. Его задумчивые зеленые глаза, слишком крупные на его маленьком лице, смотрели внимательно.

Двадцатидевятилетний Коннели со скрупулезной тщательностью выполнял любую работу, которую ему поручали. Поэтому он так быстро пробивался вверх в организации Линча. Начал он с водителя развозного грузовика, а после того, как убив двух налетчиков, вырвался из засады, ему стали поручать более ответственную работу. Этот груз был венцом оказанного ему доверия: Линч поручил ему отвезти деньги в Канаду, закупить напитки и доставить их обратно.

За его спиной, с автоматом в руках, стоял Вигги, обычный головорез, который никогда не выбьется в люди. Он был крупнее и намного свирепее Коннели, но он был уже в возрасте и глуп. Коннели был моложе и умнее. Все его мысли были направлены на то, чтобы найти себе достойное место в жизни. Он не рассчитывал стать таким крупным боссом, как Линч. Но он и не собирался выполнять незначительную работу. Он женился в девятнадцать лет и теперь у него подрастало трое ребятишек, для которых он желал хорошего будущего. Целью его жизни было стать заметным человеком в организации. Важным, сильным и авторитетным человеком. Поэтому он и выполнял работу тщательно и хорошо. Как и нынче.

Паровоз влетел в большой сосновый лес. Его прожекторы освещали растущие по обоим сторонам деревья. Они росли так близко, что казались сплошной стеной. Джонни Коннели смотрел на мелькающие сосны и думал о том, какую он займет следующую ступеньку. Ему бы хотелось руководить сетью забегаловок. Сухой закон не вечен. Как только его отменят, забегаловки превратятся в ничто. Он бы предпочел, чтобы ему поручили снабжение и покровительство над одним из районов территории Линча, который, похоже, собирается прибрать к рукам весь город. В этом случае он сможет быть вполне независимым, заводить свои предприятия, на которые не влияла бы отмена сухого закона.

Машинист внезапно потянул рычаги. Раздалось шипение выходящего пара. Коннели бросило вперед и он повалился на Ригги, ударившегося головой о крышку кабины. Схватившись за поручень, он поднялся. Колеса продолжали скользить, тормозя. Коннели повернулся и взглянул в окошко паровоза.

При свете прожекторов локомотива он увидел лежавшее поперек полотна дерево. Он сразу отметил, что оно не было срублено. Оно было выворочено с корнями, как будто упало естественно, под собственной тяжестью. Это могло произойти случайно, но все же он вытащил свой револьвер. Он дал знак Ригги и тот, кивнув, выпрыгнул из кабины с пулеметом в руках. Коннели вышел с другой стороны и пополз по насыпи.

— Не шевелись, Коннели, — раздался из темноты голос Доминика Руссо. — В твоё брюхо с двух сторон нацелены обрезы.

— Это точно, — подал с другой стороны голос Вито Риккобонно.

— Будь уверен, — в тон ему подхватил Лой Алегра.

С другой стороны паровоза прострекотала короткая очередь пулемета Ригги. Ее прервал грохот из обреза. Джонни Коннели не повернул головы, чтобы посмотреть, что там произошло. Черты-хаясь, он бросил свой револьвер, выпрямился и осторожно поднял руки...

Из темноты, с автоматическим кольцом выступил Доминик Руссо. По бокам от него, с обрезам, шагали Вито и Алегра.

— Другого оружия у меня нет и я не собираюсь дергаться, — сказал Коннели спокойно, но быстро.

Руссо кивнул.

— О'кэй. Я рассчитывал, что тут окажется тот, кого я бы с радостью пристрелил. Но против тебя я ничего не имею, Коннели. Можешь идти к своей жене и детям.

— Я так и сделаю, — сухо ответил Коннели.

Мрачный юмор ответа подстегнул вооруженных людей. Руссо пересилил себя и улыбнулся. Он показал револьвером и они повели Коннели, огибая паровоз. Ригги лежал ничком рядом со своим автоматом. Над телом стоял с обрезом Митч Диморра. В будке машиниста, наставив на него и кочегара револьвер, стоял Анжело Диморра.

— Руки можете опустить, — сказал им спокойно Анжело. — Вас никто не тронет, если будете делать то, что вам скажут.

Они опустили руки, но больше не шевелились, лишь смотрели на Анжело и его револьвер.

Руссо спрятал свой кольт и подобрал автомат Ригги.

— Эти штуки нелегко достать, — сказал он довольно. — Ладно, Коннели, пойдем, скажешь ребятам на платформе, чтобы они выходили... Естественно, после того, как побросают оружие.

Они прошли вдоль поезда, мимо стоявших за деревьями с направленными на платформы пулеметами Блайза, Хайма и Вэрка.

— Небольшая загвоздка, — сказал Коннели, вышагивая впереди Руссо. — Перед отправкой они получили распоряжение запираться и никому не открывать, кроме Рэя Линча. Даже мне.

— Все равно попытайся, — сказал Руссо, не повышая голоса.

Вито, Алегра и Митч поспешили за ними и присоединились к остальным, нацелив обрезы на закрытые двери платформы. Руссо и Коннели встали между деревьями. Руссо кивнул. Коннели посмотрел на закрытые двери и глубоко вздохнул.

— Говорит Коннели! — прокричал он. — У них пулеметы и обрезы, и они сделают нас покойниками. Лучше открыть двери и выйти.

Руссо не стал ждать. Он немедленно дал сигнал и трое дали по короткой очереди вверх вагонов. Пули пробивали деревянную обшивку товарняков, оставляя дыры в их крышах.

— Это чтобы вы не думали, что Коннели это приснилось! —

крикнул Руссо, как только замолкли выстрелы:— В следующий раз мы будем стрелять ниже и не будем останавливаться. Будет очень жаль, ведь перебьем столько выпивки. Но и ваша кровушка прольется. У вас есть три секунды, чтобы открыть эти чертовы двери!

Одна за другой двери вагонов начали открываться. Из темных проемов выдвинулись по обрезу и пулемету. Люди, державшие их, отступили за деревья, чтобы не быть на виду.

— Сначала бросайте оружие,— крикнул Руссо.— Кто выйдет с оружием, будет убит на месте без предупреждения. Начали!

Из вагонов на насыпь полетело оружие.

— О'кэй,— крикнул Руссо.— Теперь выходите с поднятыми руками.

Из дверей вылезли трое полицейских, угрюмых и напуганных. Но больше напуганных, чем угрюмых: в конце концов, не они платили за товар, находящийся в вагонах. Они были только наемниками.

— Шагайте и не останавливайтесь,— приказал Руссо и указал им противоположное направление.

Они двинулись в этом направлении. На своих двоих до ближайшего телефона они доберутся не раньше, чем через два часа.

Джонни вопросительно посмотрел на Руссо. Тот отрицательно мотнул головой.

— Только не ты, Коннели. Ты нам еще понадобишься...

Линч вылез из лимузина. Он стоял в конце железнодорожного тупика, жевал погасшую сигару и со все возрастающим беспокойством ждал. Все было заполнено грузовиками и легковыми машинами. Но полицейских, за которых платил Линч, чтобы они могли сопровождать машины, не было. Вад Уоллес, охранник, которого Линч назначил главным в конвое, перед самой отправкой кое-что разузнал о них.

— Кажется, произошло что-то неожиданное,— доложил Уоллес Линчу, как только прибыл.— Мы обзвонили всех свободных от дежурства полицейских. Но никто не смог помочь нам на этот раз. Они сказали, что очень сожалеют и что вернут деньги.

Линч ничего не сказал. Отсутствие полицейских не встревожило его, а только вызвало раздражение. Он собирался завтра сказать несколько неприятных слов лейтенанту полицейского участка, с которым вел дела. Но об этом сейчас он не думал. Все его мысли были о том, что поезд опаздывает на пятнадцать минут. Он снова взглянул на часы, когда к нему подошел Джек Галлажер, встал рядом и облегченно вздохнул:

— Подъезжают...

Рэй Линч быстро поднял взгляд. На другом конце болота показались огни поезда. Линч вынул сигару и на его лице появилась довольная улыбка, пока он наблюдал, как приближается поезд.

Машинист затормозил в конце ветви, перед Линчем и окружающей его толпой людей, машин и грузовиков, и из паровоза с шипением вырвался пар. Линч не увидел ничего подозрительного. Он заметил Джонни Коннели, стоявшего рядом с кочегаром. Но он не заметил, что руки у того связаны сзади, а в рот, чтобы он не мог предупредить криком, был засунут носовой платок. Также он не заметил Руссо и Алегру, стоявших в кабине с направленными в спину Коннели обрезом и пулеметом.

— Ты малость запоздал, — крикнул Линч. — В чем дело?

Этим вопросом он сам подал своим врагам сигнал к началу действий.

Темные заросли позади людей Линча разразились грохотом оружия — винтовок, пистолетов, обрезов и парочкой пулеметов. В первые же секунды от выстрелов людей Джекобса и остатков людей Фиоре, почти невидимых в густых кустах, рухнули пять человек. Вад Уоллес растянулся на земле рядом с Линчем, а Вак Норрис залег позади него. Рэй не видел, живы ли они. Он нырнул в сторону к лимузину и начал стрелять вдоль длинного капота машины, стараясь целиться по вспышкам выстрелов. То же самое делал с ним рядом один из его телохранителей.

Остатки армии Линча ударились в бегство, спасаясь от града летящих пуль. Каждый из них, достигнув грузовика или автомобиля, под их прикрытием открывал ответный огонь. Но они открыли спины со стороны поезда.

Дон Руссо вскочил на ноги и из будки паровоза, короткой очередью из пулемета, срезал одного из бандитов Линча. Другого выстрелом из обреза распластал возле колес грузовика Алегра. Позади них пришли в движение двери на всех трех вагонах. Из первой загремели выстрелы автомата Блайза и обреза Митча. Из второй сыпали очереди Хайм и гремели выстрелы обреза Вито. Из третьей строчил пулемет Вэрка и бил обрез Анжело Диморра.

Оказавшись между двух огней, парни Линча начали нырять под машины, стараясь там укрыться. Но огонь из кустов повели ниже, простреливая шины, дырявя крылья и борта, добираясь до плоти.

Как только началась стрельба, Коннели, машинист и кочегар растянулись на полу. Повернув голову, Коннели посмотрел на спины Руссо и Алегры. Он тихонько перекатился в противоположную сторону. Ему пришлось совершить весьма сложный трюк: встав на голову и колени, он скатился под насыпь. Внизу он поднялся на ноги и нырнул в темную безопасность вонючей болотной травы, подальше от боя.

Руссо и Алегра не заметили его исчезновения. Они были слишком увлечены стрельбой по людям Линча. Руссо выпустил очередь по Харригану и Ллойд, притаившихся под легковушкой. Харриган безвольно вытянулся с прошитой спиной. Ллойд развернулся и ответил из автомата.

Алегра вскрикнул и рухнул на пол. Руссо опустился на колено рядом с ним, но тот молчал. Он был мертв.

Фрэнки Ллойд выбрался из-под машины и, низко согнувшись, юркнул под паровоз. Проскочив между колесами, он рванулся в кусты с другой стороны.

Рэй Линч, перезаряжая оружие, увидел его маневр и понял, что это единственный выход. Оставшиеся в живых все еще численно превосходили объединившегося врага, но у них была плохая позиция.

Крикнув своим людям, чтобы они выбрались из ловушки, он показал пример. Вынырнув из-под лимузина, он побежал в сторону двух последних вагонов. За ним, почти по пятам, бежал Мак-Кинн. Они попали под перекрестный огонь из второго вагона и кустов. Невозможно было сказать, откуда летели пули. Первое время Рэй продолжал бежать, потом он рухнул на землю. Пуля вошла ему в живот и прошла насквозь. Шэд опустился на колени рядом с ним и разрядил свой пистолет в темный проем второго вагона. Один из выстрелом перебил левую руку Вито Риккобоно. Он упал вперед и наполовину вывалился из двери. Хайм схватил его за ногу и втащил обратно.

Рэй Линч пытался ползти. Ошеломленный шоком, его глаза начали тускнеть. Пока Шэд вставлял новую обойму, по ним открыли огонь из третьего вагона. Из щеки Шэда брызнула кровь. Другая пуля рванула рукав его куртки.

Внезапно ожили пулеметы Галлажеров. Пулемет Джека прошелся по кустам, и человек, стоявший пригнувшись, между Салом и Фиоре, упал с пробитой головой. Пулемет Чарли хлестал вдоль темных дверей третьего вагона. Анжело Диморра отскочил вовремя. Его отбросила внутрь вагона и он откатился к противоположной стене. Анжело не нужно было всматриваться, чтобы видеть, что в бесформенной гряде, рухнувшей на пол, не было жизни.

Чарли и Шэд протащили Линча через рельсы под вагонами и под прикрытием огня Джека донесли его до зарослей. Вдоль всей железнодорожной линии оставшиеся в живых люди Линча перебирались на другую сторону. Как только они выбирались на безопасное место, они разворачивались и принимались стрелять под поезд. С этой позиции их огонь становился все более эффективным.

В течение трех секунд по обе стороны от стрелявшего из зарослей Мюррея Джекобса были убиты Карл Джо Раппопорт и Венцли Хофф.

— Пора сматывать удочки! — пронзительно крикнул он и начал отползать вместе с тремя оставшимися людьми.

Справа от Джекобса, из болотных зарослей, прорычал Марчелло:

— Да...

Сал Фиоре в последний раз выстрелил в невидимого врага и

начал отходить вместе с Марчелло. Остальных его людей срезали при отходе. Но Сальваторе Фиоре не разразился проклятиями: это была хорошая ночная работа.

По другую сторону полотна, Шэд и Галлажеры осторожно опустили на сырую землю Линча. Они услышали, заставивший их обернуться, звук паровоза. Поезд отходил назад. С рычанием, Джек отбросил свой разряженный пулемет, выхватил люгер и начал стрелять по паровозу вместе с Шэдом. К треску их револьверов присоединился грохот пулемета Чарли.

Ничего путного из этого не вышло. Поезд продолжал набирать скорость, отступая обратно в сторону болот. Им оставалось только стоять и смотреть, как он скрывается в темноте.

Сзади был Рэй Линч, который ничего не видел и не слышал. Он лежал в болотной жиже в беспмятстве, истекая кровью от двух ран в животе...

Чарли и Джек стояли у больничной койки и задумчиво смотрели на поверженного босса. За восемь дней, что прошли после того, как его подстрелили, Рэй Линч постарел лет на двадцать. Рана в кишечнике, тяжелая операция, затем еще одна сыграли свою роль. В отдельной палате Линча постоянно дежурили два переодетых полицейских. Еще три нанятых частных детектива сидели в коридоре рядом. Но в этом вряд ли была такая большая необходимость. Слишком мало оставалось заслуживающих охраны. Рэй Линч был в сознании, но был одурманен наркотиками. От ранее массивного тела остались лишь кожа да кости. Землянистое лицо покрылось испариной. Дыхание было прерывистым и хриплым.

— Ну, босс,— сказал Джек почти смущенным тоном,— мы тут заскочили посмотреть, как ты выкарабкиваешься...

— Верно,— подтвердил Чарли.— Очень приятно видеть тебя в порядке.

— В порядке?... — шепот Линча был еще слышим, но в глазах ненадолго появился тусклый свет.— Я уже никогда не буду чувствовать себя хорошо.

— Не надо так говорить,— сказал Джек.— И не надо ни о чем беспокоиться. Мы обо всем побеспокоимся сами. И этого ублюдка, что сотворил с тобой такое, мы достанем.

Линч ничего не ответил. Он слегка повернул голову на белой подушке и безучастно уставился на стену.

Вошел врач и беспокойно посмотрел на братьев:

— Вам лучше уйти. Мистер Линч пока не в состоянии беседовать с посетителями.

Галлажеры посмотрели друг на друга. Чарли кивнул головой и направился к двери. Идущий за ним Джек, взял за руку врача и потянул за собой. В коридоре он выпустил его руку и ткнул большим пальцем в сторону палаты:

— Он считает, что больше никогда не будет чувствовать себя хорошо. Это так?

— О, он поправится. На это нужно время, но он поправится.

Джек посмотрел ему в глаза без всякого выражения. Доктор почувствовал внезапную нервозность.

— Конечно... Я боюсь, что мистер Линч навсегда останется инвалидом.

— Спасибо, док. Я высоко ценю вашу искренность.

Джек подошел к брату и они вышли из больницы.

Им не требовалось слов, чтобы осознать создавшуюся ситуацию. В течение восьми дней они возглавляли прекратившуюся деятельность и деморализованную организацию Линча. Теперь они поняли, что это конец.

Они направились в отель, чтобы посмотреть, можно ли еще что-то сделать, чтобы скленть все обратно. В течение восьми дней они лишь латали оборону территории Линча. Попытки ответного удара они не предпринимали. Им было ясно, что, судя по массированному удару, обрушившемуся на них на болоте, банды Фиоре, Руссо и Джекобса объединились.

Они одного за другим послали в итальянский и европейские районы трех человек, чтобы те проверили правильность их догадки. Первые два вернулись с подтверждением: районы противника патрулируются, а ключевые точки охраняются объединенными силами. Нечего было и думать об атаке крупными силами без угрозы получить ответный удар со всех сторон.

Третий разведчик не вернулся. Этим утром его нашли в канаве с проломленным черепом.

Об этом и думали Чарли и Джек, входя в вестибюль отеля «Трингл». Там их встретил Шэд Мак-Кинн.

— Наверху вас поджидает Джонни Коннели, — сказал он. — Кажется, новости становятся все хуже и хуже.

Галлажеры быстро поднялись в апартаменты Линча. Коннели встретил их стоя, руки в карманах, лицо застывшее.

— О'кэй, выкладывай, — прорычал Джек.

— Дон Руссо со своими парнями в Хейте, — спокойно сказал он. — И несколько грузовиков со спиртным. Заставляет наши точки покупать товар у него. Говоря по правде, для этого Руссо не приходится тратить много сил. В этом районе сухо.

Участок Парка Хейт примыкал к итальянскому району, но уже почти больше года считался сферой влияния Линча.

— Кто-нибудь из наших парней пытался ему помешать? — холодно спросил Чарли.

— Не было возможности, — спокойно ответил Коннели. — Грузовик Руссо охраняют две полицейские машины.

Чарли посмотрел на брата.

— Какого черта?

Джек подошел к телефону и быстро набрал номер человека из мэрии, имеющего связь с Линчем, чтобы узнать, как Руссо

удалось внезапно войти в контакт с полицией. Человек из мэрии рассказал ему об Оуэне Шэйле.

Остаток дня Галлажеры провели в поисках подходов к Оуэну Шэйлу, или в случае неудачи, способов убрать его так, чтобы не поднять на ноги полицию города.

Они все еще обсуждали этот вопрос, когда зазвонил телефон. Джек снял трубку.

— Да? — лицо Джека окаменело, когда он услышал голос на другом конце провода. — Не ожидал...

Чарли с любопытством взглянул на брата, но тот больше ничего не сказал. Он только слушал, голова его была слегка опущена, лицо задумчивое. Он слушал целых две минуты, потом сказал:

— О'кэй. Почему бы и нет. Об этом стоит поговорить.

Он повесил трубку и поднял голову. Чарли уставился на брата. Впервые за эти восемь дней Джек Галлажер улыбался...

Было три утра и мясной магазин Мюррея закрывался на ночь. Он был в зале, подсчитывал расписки из забегаловок, когда верзила, бывший бетонщик, а ныне охранник по имени Вакслер, открыл дверь и вошел.

— Там братья Фиоре. Они хотят видеть вас, — сказал он Джекобсу.

Тот слегка нахмурился.

— Сколько с ними?

— Никого. Они вдвоем.

Джекобс взглянул на бармена и увидел, что правая рука его уже была под стойкой на заряженном обрезае. Он кивнул Вакслеру.

— Тогда скажи им, чтобы заходили. Потом зайди сам.

— Уловил... — Вакслер скрылся.

Когда Сальваторе и Марчелло Фиоре вошли, Джекобс встретил их осторожной улыбкой. Ответной улыбки он не дождался. Они даже не оглянулись, когда вслед за ними вошел, закрыл дверь и прислонился к ней, держа правую руку за лацканом, прикрывающим кобуру, Вакслер.

— Поздновато, — заметил Джекобс, изучая братьев и не убирая улыбки с лица.

— У нас есть проблемы, — тяжело сказал ему Сал Фиоре. — Может быть те же, что и у тебя. Или те, что будут. Думаю, что нам надо потолковать, прежде чем станет поздно.

Джекобс ничего не мог возразить, но выражение его лица не изменилось.

— Давайте сядем и потолкуем. Но сначала... не обижайся, Сал, но в доме правило: кто приходит, оружие кладут на бар.

Сальваторе пожал плечами и кивнул Марчелло, что все в порядке. Вакслер подошел, взял у них оружие и передал его бармену. Тот положил его на полку позади себя, а Вакслер вновь вернулся к двери.

— Спасибо, — сказал Джекобс и жестом указал на стол. — Надеюсь, вы не в обиде. Это правило, которое я не хочу нарушать.

— Я не в претензии, — сказал Сал Фиоре, сел на стол и положил на него свои тяжелые кулаки.

Джекобс, сев лицом к нему, сделал то же самое.

Марчелло направился к стойке.

— Я бы выпил пивка.

Шэрм налил ему, поставил стакан на стойку и снова сунул под нее руку, поближе к обреза.

— Ты что-то начал говорить о проблемах, — напомнил Джекобс Салу. — Я считаю, что мы все провернули неплохо — каждый получил свою треть выручки от этого поезда с пойлом.

— Ты слышал, что братья Диморра и Хайм Рубин выехали из города? — спросил Сал Фиоре. — И знаешь, куда они направились? Встретить Паоло Регалбуто и помочь ему доставить еще большее количество спиртного.

— Ну и...

— И ты думаешь, что Дон Руссо собирается разделить этот груз с тобой и со мной? Дудки!..

Джекобс пожал плечами.

— Это его груз. Он платил за него. Думаю, что если нам понадобится, он продаст и нам.

Сальваторе сделал гримасу.

— Конечно, продаст, но по чертовски высокой цене. Теперь, когда Линч потерял свое влияние, он больше трети нам не продаст. Руссо собирается скопить достаточный запас, чтобы стать фигурой «пумеро упо».

Джекобс недоуменно поднял брови.

— Это означает — фигурой номер один, — пояснил Фиоре. — Руссо, Мюррей, собирается сделаться большим боссом. Над нами и над всем городом.

— Я что-то не вижу здесь никакой связи, — осторожно заметил Джекобс. — Мне лично кажется, что мы втроем проворачиваем неплохие дела.

Сальваторе покачал головой.

— Долго так продолжаться не будет, вот увидишь.

Джекобс внимательно изучал его.

— Если все происходит так, как ты думаешь, Сал, почему ты не скажешь Руссо об этом прямо в лицо? Почему с этим ты приходишь ко мне?

Тот заерзал на стуле.

— Он скажет, что я ошибаюсь. Посмотри, я всей душой за то, чтобы работать вместе с ним. Но я хочу, чтобы все было справедливо. Только я не могу не опасаться подвоха: если при нашей с

ним беседе будет присутствовать третье лицо. Как третейский судья в нашем разговоре. Как парень, который не будет держать ничью сторону. — Фиоре поколебался. — Я хотел бы, чтобы этим третьим лицом был ты, Мюррей...

До Джекобса дошло, что Фиоре еще не раскусил факта союза его с Руссо. Он решил это использовать. Сохраняя серьезное выражение, он сказал:

— Почему бы и нет? Я за то, чтобы мы работали вместе. Поэтому я готов быть тебе полезным в любое время.

— Давай прямо сейчас...

— Лучше попозже.

— Проклятье! — в голосе Фиоре зазвучала ярость. — Сложившееся положение просто подгоняет меня. Я хочу все уладить, прежде чем закручу свои дела.

Джекобс внимательно посмотрел на Фиоре и решил, что лучше всего сделать вид, что он согласен с его заботами. Прежде всего нужно успокоить его, чтобы дать возможность развиваться событиям задуманного по плану.

— О'кэй, — сказал он. — Может быть, мне позвать его сюда?

Сал Фиоре пожал плечами.

— Конечно, если мы собираемся побеседовать.

Джекобс поднялся.

— Я ему позвоню. Выпить хочешь?

Сал отрицательно покачал головой. Джекобс вышел. Вернулся он через несколько минут.

— О'кэй. Руссо придет. Он уже спал, но я дал ему понять, что это очень важно для него.

— Спасибо, — облегченно сказал Фиоре. — Я очень обязан тебе, Мюррей. Когда он придет, мне хотелось бы уладить одну вещь. Он начал вторгаться на территорию вокруг моего района, как на свою собственную. А потом собирается оккупировать районы Линча. Ты знаешь об этом?

Джекобс кивнул и снова сел за стол.

— Ну и что такого? Нас никто не может в этом остановить. Я сам собираюсь в конце этой недели забраться в Ричмонд.

— У меня самого хватает средств, чтобы содержать свою территорию, — прорычал Сал. — Это меня выводит из себя. Я сделал все, чтобы выбить Линча из седла. Я потерял двух братьев, многие точки разгромлены. А Руссо собирается слизать всю подливку. Имея у себя в кармане Оуэна Шэйла, он работает, словно вся городская шваль у него под контролем...

— Мне кажется, что именно это тебя и беспокоит, — спокойно сказал Джекобс. — Ты боишься, что Руссо подточит твое влияние на выборах среди итальянцев.

— Да, это меня беспокоит. И только это.

Возле стойки Марчелло произнес:

— Боже, как я хочу жрать, — посмотрел на Сальваторе. — Может, мне сходить и принести сэндвичи?

Сал раздраженно посмотрел на своего кузена:

— Ступай. У тебя желудок всегда больше мозга.

— Я чертовски голоден, — сказал Марчелло и вышел на кухню.

Джекобс бросил взгляд на Вакслера.

— Покажи ему, где холодильник.

Вакслер кивнул, открыл кухонную дверь и вышел туда вслед за Марчелло.

— Все дело в том, — сказал Джекобсу Фиоре, — что тебя это не беспокоит, так как думаешь, что Руссо не собирается влезать на твою территорию.

— Да, это так, — спокойно согласился Джекобс.

— И тебе до лампочки, если он завоюет вместо меня итальянцев. Тебе ведь на это наплевать, не так ли?

Фиоре казался спокойным, что встревожило Джекобса. Он неуверенно посмотрел на него.

— Ты пришел ко мне, чтобы я выступил в качестве посредника между вами. Потому что я не стою ни на чьей стороне. Это значит, что я не ставлю ни на кого из вас. Так? Потому что я заинтересован только в одном, чтобы все было красиво и гладко, чтобы мы все трое работали вместе.

Сальваторе улыбнулся.

— Как может быть все хорошо и гладко, если ты в одной упряжке с Руссо против меня?

Джекобс немного помолчал.

— Если это так, то зачем ты просил меня устроить эту встречу с Руссо?

— Была причина, — сказал Сал Фиоре.

Из кухни вышел Марчелло. С ним не было ни Вакслера, ни сэндивичей. Но зато в руке у него был длинноствольный пистолет с глушителем. Раздался легкий хлопок. Прежде чем Шэрм успел схватиться за обрез, в груди у него появилась дыра. Пока он падал, раздался еще один хлопок. И прежде чем он свалился за стойку, еще одна дыра появилась в нем, на этот раз в голове.

Мюррей Джекобс не стал хвататься за револьвер. Он поднял руки над головой и не шевелился.

Из кухни вслед за Марчелло появились Галлажеры. Их люгеры молчали, но были наставлены на Джекобса. Он перевел взгляд с Галлажеров на Фиоре.

— Ты, сукин сын!..

Сал Фиоре снова улыбнулся.

— Я немного сожалею об этом, Мюррей. Ты хороший парень для разбоя. Но и только. Ты вместе с Руссо пошел против меня. Поэтому я решил, что для меня лучше иметь дело с братьями Галлажерами. Теперь, когда Линч вышел из игры, нет других причин, чтобы мы не смогли поделить город между собой. А затем проворачивать наши дела совместно с Оуэном Шэйлом. Усек?

— Ну, ты и сукин сын, — повторил Джекобс сквозь зубы.

Сальваторе Фиоре поднялся.

— Я не виню тебя за твои эмоции, Мюррей. Это естественно. — Он отошел от стола, оставив Джекобса одного.

Револьверы Галлажеров сделали несколько хлопков...

Руссо взял с собой Ральфа Блайза. Они не сразу подъехали к забегаловке Джекобса, а сначала объехали квартал. Руссо не испытывал беспокойства, он просто предпринимал меры предосторожности.

Но они ничего не обнаружили. Кругом не было подозрительных машин и на улицах в этот ранний час было безлюдно. Они свернули на короткую улочку перед мясной лавкой Мюррея и остановились.

Первым, держа револьвер у бедра и оглядываясь, вылез Блайз. Ничего заслуживающего внимания он не заметил. Руссо выбрался из машины и поднялся на три ступеньки к закрытой двери лавочки. Он не стал браться за ручку, чтобы проверить открыта она или закрыта. Вместо этого он постучал и спокойно спросил:

— Мюррей?..

Через дверь полетели пули. Одна из них пробила косяк.

Руссо отступил, и с открытым от изумления ртом, тяжело опустился на ступеньки. Стоящий на тротуаре Блайз оглянулся и стал стрелять по двери магазинчика.

С противоположной стороны улицы, из темного дверного проема пророкотал пулемет «томпсона». Пули пробили капот машины Руссо, защекали по мостовой. Двое из них куснули Ральфа Блайза. Одна в спину, другая в плечо. Он тяжело опустился на ступеньки рядом с Руссо.

Доминик Руссо, стиснув от боли зубы, выхватил свой 45-й, прикрываясь телом Блайза, сделал три быстрых выстрела в дверной проем напротив. Даже если они и не зацепили пулеметчика, то заставили его отступить, может быть, и надолго. Одновременно с третьим выстрелом, Руссо скатился на тротуар. Дверь магазинчика широко распахнулась. Руссо повернулся, чтобы выстрелить, но ранение замедлило его движение. Из дверного проема громыхнул обрез. Выстрел из двух стволов отбросил Руссо с тротуара к его машине. Падал он на нее медленно, словно сломанная морковь: сперва коленями, потом затылком, потом тем, что от него осталось.

Через три дня вернулся Паоло Регалбуто...

«ПУМЕРО УПО»

— Тебе нельзя было сюда приходить,— беспокойным голосом сказал Вито Риккобоно.— Они знают, что ты уже вернулся. А здесь одно из тех мест, где тебя могут искать.

Вито приподнялся над подушкой. Левая штанина его пижамных брюк была отрезана, чтобы могла пролезть нога в гипсе.

Паоло сел на стул с высокой спинкой и посмотрел на него с улыбкой. На Багамах он загорел и поправился. Вид у него был здоровее и крепче. Напряженность покинула его, он стал более уверенным.

— Ты мой друг,— спокойно сказал он Вито.— Я должен был узнать, как ты себя чувствуешь.

Вито попытался сохранить неодобрительный взгляд, чтобы не показать, как он растроган и взволнован.

— У меня все хорошо, я поправляюсь. Через пару месяцев буду в порядке. Кости мне скрепили металлической шпилькой. Но док сказал, что, когда снимут гипс, я буду ходить, как и раньше. А теперь, может быть, ты уберешься ко всем чертям?..

— Не беспокойся. Мои парни наблюдают снаружи.

— Много? — поинтересовался Вито.

— Анджи и Митч, Бруно, Хайм и Болпе.

— Всего пятеро, с тобой — шестеро,— покачал головой Вито.— Этого мало, Паоло. У Галлажеров осталась солидная банда. А Фиоре сейчас занимается вербовкой пополнения в Нью-Йорке, и сил у него не меньше, чем у Галлажеров. И обе эти силы направлены против тебя, Паоло. Во-первых, потому, что они уверены, что ты будешь мстить за Руссо. Во-вторых, они знают о спиртном, которое ты привез с собой. А оно им нужно...

Паоло посмотрел на своего друга с возрастающим интересом, отмечая, что тот стал более проницательным. У Вито и раньше неплохо варила голова, но он стеснялся выкладывать свои мысли. Теперь он с уверенностью делился ими. Он уже собирался задавать Вито вопрос, но тут вошла сестра Вито, низенькая, хорошенькая, застенчивая. Она избегала смотреть на Паоло.

— Если Паоло согласится пообедать вместе с нами,— обратилась она к брату,— то у меня хватит на всех.

— Нельзя,— ответил ей Паоло.

— Ему необходимо уйти,— добавил Вито.— Здесь опасно.

— О-о! — она повернулась, чтобы выйти.

— Нина... — сказал Паоло.

Она инстинктивно замерла, потом медленно повернулась. Их глаза встретились и она вспыхнула, как маков цвет.

— Когда я приду в следующий раз,— сказал Паоло неж-

но,—я останусь отведавать твоих кушаний. Я слышал, ты чудесно готовишь.

Она не ответила, только кивнула и поспешила из комнаты.

Вито усмехнулся:

— Не беспокойся, такие как только выходят замуж перестают быть робкими. Горячая сицилийская кровь дает о себе знать. И очень скоро...

Но мысли Паоло были далеки от сестры Вито.

— Эти новые наемники Фиоре, нанятые в Нью-Йорке... Все они неаполитанцы?

— Нет. Всякий сброд: неаполитанцы, сицилийцы, калабрийцы. А что?

Паоло не ответил. Он все еще был задумчив.

— Ну, Вито, не падай духом,—сказал он вставая.— Как только смогу, навещу тебя.

— Хочешь мой совет? Не начинай ничего. Забери выпивку и распродай ее где-нибудь в другом месте. В Чикаго или в Лос-Анджелесе. И не возвращайся. Если ты попытаешься торговать здесь, они тебя раздолбают, прежде чем ты сделаешь вторую продажу.

— Может быть, это и ценная мысль, Вито, но я не могу ею воспользоваться.

— Паоло, будь умницей! У тебя сейчас слишком мало людей, чтобы тягаться с Фиоре и Галлажерами. Оставь их в покое.

— Посмотрим,—спокойно сказал Паоло и поднял руку в прощальном приветствии. Эти жесты всегда были использованы Домиником Руссо.

Когда он ушел, Вито с горечью посмотрел на стул, на котором сидел Паоло, и думал о том, что больше его никогда не увидит...

Следующим, кого навестил Паоло Регалбuto, также былправляющийся инвалид. Тори, с перевязанными запястьями, с капельницей, введенной в руку и пепельно-серым лицом, лежала на кровати в большой больничной палате. Паоло стоял рядом с кроватью и с тяжелым окаменевшим лицом смотрел на нее.

— Это была глупость с твоей стороны,—грубо сказал он ей.—Какого черта тебе понадобилось кончать жизнь самоубийством из-за Дона. Что, это вернуло бы его к жизни, или еще что?

Тори прерывисто вздохнула.

— Я знаю,—прошептала она.— Не кричи так. Больше таких попыток не будет.—Трясущиеся губы через силу выдавили улыбку.—Только... без него, я не вижу смысла в жизни...

— Ты католичка,—произнес Паоло тем же суровым тоном,— и ты знаешь, что это грех.

— Поэтому-то я больше и не буду пытаться. У меня слишком много грехов. Но, боже, как я любила этого парня!

— Я знаю это, — кивнул Паоло. Он подумал о тех временах, когда они были вместе, когда она своим телом и страстью вернула его к жизни.

Ее обведенные тенями глаза встретились с его глазами, и он понял, что она подумала о том же. Странно, но это больше приблизило их к Доминику Руссо, чем друг к другу.

— Ты должен уехать из этого города, Паоло, — мягко сказала она. — Но догадываюсь, что ты и сам об этом знаешь.

— Да. Но я догадываюсь, что останусь. Дон проделал слишком большую работу, чтобы вот так все взять и бросить. Он все спланировал и провел всю предварительную подготовку. Мне остается только ее продолжить. Таким образом, все, что будет сделано и достигнуто, исходит от него...

Тори непонимающе уставилась на него.

— Что будет?

— Я хочу стать Доном, — просто ответил он, — каким бы стал Руссо, если бы уцелел. Я хочу завоевать этот город.

Она продолжала смотреть на него, но уже с пониманием.

— Ты хочешь быть похороненным в этом городе. Ты этого добиваешься?

Паоло кивнул.

— Когда-нибудь... Но не теперь.

Выйдя из палаты Тори, он остановился возле столика дежурной сестры.

— Карандаш и бумага у вас найдутся?

Сестра неуверенно посмотрела на него, потом достала блокнот и ручку и протянула ему.

— Нет, — сказал он, — писать придется вам, я в этом не очень силен.

Она не поняла, но спокойная и властная его манера заставили ее повиноваться. Он назвал ей адрес и номер телефона и она их записала.

— Все счета мисс Хельстрем вы будете посылать мне по этому адресу, — сказал он. — Если возникнут какие-то проблемы с ней или ей что-нибудь понадобится — позвоните мне по этому телефону. Понятно?

— Вы ее родственник, сэр? Я имею в виду...

— Я ее друг. Меня зовут Паоло Регалбuto. — Он по буквам повторил ей свое имя и пошел к лифту.

Сестра подождала, когда он скрылся, затем быстро оглянулась, убедилась, что поблизости никого нет, поставила на столик телефон и набрала номер. Ее нервы натянулись, как струна, пока она не услышала на другом конце провода хорошо знакомый голос.

— Мистер Фиоре, — быстро заговорила она в трубку, — думаю, вы можете выплатить мне обещанное вознаграждение. У меня есть кое-что для вас...

По адресу, оставленному Паоло в больнице, располагался трехэтажный кирпичный дом со шторами на окнах, находящийся между польским и китайским гетто. Необходимость штор была известна всем окружающим, всем полицейским окружного участка, всем мужчинам, у кого бумажник набит достаточно, чтобы удовлетворить свой дорогостоящий зуд.

Этот дом был одним из самых фешенебельных борделей города. Заправляла им аристократического вида англичанка, с почти викторианскими манерами, известная своим девочкам и клиентам под именем леди Джейн. Благодаря свойствам высокопоставленной клиентуры, включающей крупнейшие политические и деловые фигуры штата, она никогда не платила полиции и ни один мошенник не пытался вымогать у нее деньги.

В бордель леди Джейн можно было войти или выйти двумя путями: через переднюю дверь, или через запасную с заднего переулка. В течение дня, ночи и еще одного дня Сальваторе Фиоре, Марчелло вели наблюдение за передней дверью из комнаты на втором этаже жилого дома на другой стороне улицы. А уцелевшие гвардейцы из старой шайки в это время наблюдали за задним переулком из комнаты, находящейся над запасным выходом китайского ресторана. Всего поблизости от них находилось в постоянной готовности пятнадцать человек. Более чем достаточно.

Единственным, кто по-настоящему беспокоил Сала Фиоре, был Паоло Регалбuto. Без него остатки банды Руссо исчезнут из дела или согласятся примкнуть к нему. Только Регалбuto откажется быть благодарным. Он будет упорно бороться, пока не отомстит за смерть Доминика Руссо. Или пока сам не погибнет в этой борьбе. Сальваторе предпочитал, чтобы он погиб. Он также намеревался наложить руку на груз хорошего спиртного, привезенного Паоло с собой. Большая часть людей, имеющих у Фиоре, были новички: умелые дорогостоящие бандиты были привезены из Нью-Йорка. В будущем, чтобы устоять против Галлажеров, ему понадобится еще немало таких парней. Выручка от продажи напитков, привезенных Регалбuto, позволит ему завербовать достаточное количество бандитов.

Но в течение двух дней и одной ночи наблюдения Паоло не входил, не выходил из заведения леди Джейн. То же самое можно было сказать и о его пятерке.

К концу второго дня, Сал Фиоре пришел к выводу, что этот дом Паоло использует, как передаточный пункт для своей корреспонденции. Это сделало следующий ход очевидным. Фиоре послал одного из своих новичков, смуглого, поджарого убийцу по имени Карлетти.

Часом позже Сал Фиоре наблюдал из-за окна, как Карлетти пересек улицу, подошел к зданию, опустил в почтовую щель на передней двери белый конверт и направился прочь. Через полчаса после этого по темнеющей улице пешком приблизился Анжело Диморра. Он остановился и огляделся вокруг, но наблю-

дения не заметил. Подойдя к двери публичного дома леди Джейн, он нажал на кнопку звонка.

Марчелло возбужденно прошептал:

— Давай возьмем...

Сал Фиоре покачал головой:

— Мне нужен Регалбуто. И его спиртное...

Марчелло неприятно улыбнулся.

— Анджи скажет, где их искать, а потом я его прикончу.

— Это так, но на этот раз потребуется время. А его возвращения могут ждать к определенному времени. — Сальваторе мягко потрепал Марчелло по плечу. — Поверь, мой план лучше.

Марчелло был вынужден согласиться.

Когда-то, давным-давно, когда банда Фиоре только формировалась, у него были сомнения относительно лидерства своего кузена. Но вскоре Сал Фиоре развеял эти сомнения. Он повел дело так, что теперь их территория была велика, как никогда. Поэтому Марчелло, оставив дальнейшие комментарии, наблюдал, как открылась дверь напротив и в нее вошел Диморра...

Леди Джейн подождала, сидя в фойе, когда тот закроет дверь за собой. Затем она протянула ему конверт.

— Вот он. Может, зайдешь немного выпить?

— Нет времени, но за приглашение спасибо. — Анжело повертел конверт. На нем стоял штемпель больницы, где выздоравливала Тори, и написанный печатными буквами адрес: «Мистеру Паоло Регалбуто».

— Почтового штемпеля нет, — задумчиво отметил Анжело.

Леди Джейн кивнула.

— Я заметила это. Может быть, оно доставлено посылным. Но он не звонил и я не видела его.

— Все равно. Еще раз спасибо. Паоло не забудет, что обязан вам.

— Об этом не может быть и речи. Мой бог, я так многим обязана Оуэну Шэйлу, что безумно рада хоть чем-то отплатить ему.

— Хорошо иметь друзей, — спокойно констатировал Анжело. — Настоящих друзей. — Он положил конверт в карман, вежливо кивнул и вышел.

На улице он снова внимательно огляделся. И снова не смог обнаружить за собой наблюдения.

Свернув за угол, Диморра пешком направился в сторону старого фабричного складочного района города. В густеющих сумерках он несколько раз пересекал ряд темных переулков. Несколько раз он останавливался и оглядывался. И ни разу не заметил, что кто-то идет за ним по следу. Когда дело касалось слежки, тут Марчелло был мастером.

Наконец Анжело добрался до железнодорожных путей, проходящих между двумя фабриками, которые на ночь закрывались. Ветка вела к захламленному заднему двору. Он остановился и

оглянулся в последний раз. Затем стал карабкаться по пожарной лестнице, прикрепленной к задней стене старого склада.

Добравшись до крыши, он пересек ее и открыл деревянный люк. К люку вела прикрепленная веревочная лестница, спускавшаяся до пола большой пустой комнаты без окон. Добравшись до пола, он направился к единственной двери.

Сверху на крыше Марчелло приоткрыл люк. Сделал он это осторожно. Хорошо смазанные петли не скрипнули, поэтому все было тихо. Он заглянул в щель — этого было достаточно, чтобы заметить, как Диморра прошел в дверь и закрыл ее за собой. Звука, свидетельствующего, что ее заперли на засов, не последовало. Сзади бесшумно подкрался Карлетти. Марчелло повернул к нему голову и шепнул:

— Это здесь. Дуй за Салом и парнями.

Карлетти бесшумно исчез.

«Хороший мужик, — подумал Марчелло в ожидании. — Еще несколько таких и банда Фиоре станет крепче и могущественнее, чем была».

Долго ждать не пришлось. Сал Фиоре находился на таком расстоянии от Диморра, что едва не наступал ему на пятки. Он поднялся на крышу вместе с Карлетти и еще дюжиной парней. Все были вооружены. У троих были обрезы, у двоих — пулеметы. Когда они накроют Паоло и его маленькую шайку, споров не будет.

Марчелло открыл люк пошире, когда Сальваторе присел рядом с ним на колени.

— Ну, что решил? — прошептал он.

Фиоре посмотрел вниз, обшарил взглядом комнату и жестко усмехнулся.

— Что тут думать, если мы обнаружили, где спрятано спиртное, — прошептал он в ответ.

Марчелло кивнул.

— Я тоже так думаю.

Сал Фиоре полностью распахнул дверь люка.

— О'кэй. Теперь остороженько.

Первым спустился Марчелло, за ним Карлетти. Пока Сал Фиоре и остальные спускались вниз, они держали под прицелом закрытую дверь. Когда все были внизу, Сал махнул рукой. Они разошлись по обе стороны от двери и Фиоре нажал на ручку. Дверь была не заперта. Он распахнул ее и отступил в сторону так, что трое его людей могли сразить из обреза любого, кто стоял бы по ту сторону.

Но там никого не было. Там была только вторая дверь без ручки, сделанная из толстой стали и надежно запертая. Карлетти выругался и нажал на нее плечом. Дверь даже не дрогнула. Сзади них послышался шум. Они обернулись и увидели, как веревочная лестница падает на пол. Все находящиеся в комнате одновременно наставили свое оружие на люк. Все они оказались

в ловушке в этой комнате и они знали об этом. Но если кто-то собирается в них стрелять, ему понадобится выставить над люком свою башку.

Ни одна голова не появилась. Вместо этого в отверстие что-то влетело и, вращаясь в воздухе, шлепнулось на пол у них под ногами. Ручная граната... В комнате раздался дикий крик, все бросились врассыпную, насколько позволяли стены.

Граната не разорвалась. Просто упала и лежала. Сальваторе Фиоре, вжавшись в стену спиной, дикими глазами уставился на нее и заметил, что запала в ней нет. Откуда-то с крыши раздался голос, достаточно громкий, чтобы его расслышать.

— Здесь Паоло Регалбuto. Гранат у нас предостаточно. Вполне хватит, чтобы разнести всех вас на куски. Но мне этого не хочется.

Это было правдой. Чтобы стать хозяином города, ему необходимо было собрать под своей рукой членов банды Фиоре, а не убивать их. Ему требовалось их столько, сколько сумеет заполучить, тогда он мог начинать действовать.

Все вместе они подползли к люку. С ними был еще один человек: маленький сицилиец с умным лицом по имени Калочеро Ното. Хотя ему было всего тридцать, в кругах мафии Нью-Йорка его уважительно называли Дон Кало. Паоло встретил его на Багамах, где тот тоже закупал груз английского спиртного. Ното долго беседовал с Паоло и гангстерами-сицилийцами из других городов. Всем он им преподавал одно и то же: сицилийские нелегальные группы в любом городе самые малочисленные. Но если они объединятся, то легко справятся с любым врагом. Ното предлагал объединить все сицилийские группы мафии для взаимовыгодной поддержки. На Паоло это произвело впечатление, поэтому он и послал за Ното. Глядя на открытый люк, Паоло снова крикнул:

— Большинство из вас из Нью-Йорка, поэтому имя Дона Кало Ното кое-что значит для вас. Так вот, он сейчас здесь, со мной и на моей стороне. — Он посмотрел на Ното и кивнул.

Тот, не приближаясь к люку, заговорил:

— Кое-кому из вас, сидящих внизу, знаком мой голос. Остальным известная моя репутация. Вы знаете, что мое слово твердое. И вот я даю вам слово: если вы сделаете то, что вам скажет Паоло Регалбuto, никто на вас охотиться не будет... Если бы я не верил его слову — меня бы здесь не было.

Он замолчал и взглянул на Паоло, который снова кивнул. В обещаниях необходимости не было: теперь, если Ното понадобится помощь на своей территории, он может всецело рассчитывать на Паоло.

Паоло снарядил очередную гранату.

— О'кэй, — мягко обратился он вниз. — Вот чего я хочу. Я предлагаю вам войти в мою организацию и работать на меня для своего блага. Это касается и тех, кто уже давно работает на Фиоре, не только новеньких. Я не держу зуб на прошлое.

— Ты врешь, сукин сын! — взвизгнул Фиоре. — Не будь этих стен, мы бы тебе показали! Ты бы сдох, визжа, как свинья!

— Только двум подонкам я не могу простить, — продолжал Паоло тем же спокойным тоном. — Это Салу Фиоре и Марчелло. Те, кто хотят примкнуть ко мне, должны выполнять мои приказания. И начнем сейчас. Я хочу, чтобы эти оба были мертвы.

Не вставляя запала, он швырнул в люк вторую гранату. Как только она упала на пол, он снова заговорил:

— Это последняя, что впорхнула к вам без грохота. Следующая влетит, как положено. На размышление у вас лишь минута.

Короткая тишина внизу. Затем вскрики, шум потасовки, револьверный выстрел. Снова потасовка и снова тишина.

— О'кэй, — послышался голос Карлетти. — Мы с вами.

Очень осторожно Паоло склонился над люком, чтобы бросить туда взгляд. Внизу, подняв головы вверх, стояли тринадцать мужчин, руки их были подняты над головой, оружие лежало на полу. Но на полу валялось не только оружие. У Марчелло было перерезано горло. У Сала Фиоре была разбита половина черепа. Они лежали рядом в центре комнаты и их безжизненные глаза смотрели на Паоло Регалбuto...

Под легким дождем потемнела мостовая, а вокруг фонаря на углу светился туманный ореол. Джонни Конелли и Шэд Маккини вышли из спортивного клуба, расположенного на Пятой стрит, и остановились в дверях. Снаружи лил дождь. Было поздно и улица была пустынной.

— Ничего хорошего, — проворчал Шэд.

— Угу, — спокойно согласился Конелли.

Он понял, что Шэд говорил совсем не про дрянную погоду. У них только что состоялась длительная беседа с Бо-Бо Раккеном, мелким вымогателем, работавшим на небольшом участке возле клуба, из которого они вышли. Это была последняя из целой серии одинаково неудовлетворительных бесед, проведенных ими после полудня с типами, сохранявшими верность организации Линча. Все они начали снюхиваться с Паоло Регалбuto, нынешним главой весьма эффективной банды, в которую вошли остатки группы Руссо, шаек Фиоре и Мюррея Джекобса.

— Ничем не могу помочь, — сказал им Раккен, вторя остальным. — Мне необходимо снабдить выпивкой семнадцать забегаловок. Галлажеры уже давно ничего не поставляют, а Регалбuto тут как тут. И что я могу поделать. Особенно теперь, когда они заперлись в своем отеле и боятся высунуть оттуда нос.

— Тебе лучше знать, — грубо ответил ему Конелли. — Джек и Чарли не слабаки. Они просто выжидают время, чтобы разделаться с Регалбuto одним ударом. Когда придет время, они устроят нечто грандиозное. По-настоящему грандиозное.

Раккен не опасался вызвать раздражение у Галлажеров.

— Когда они это сделают, тогда можете им сказать, что они могут рассчитывать на мою помощь. Но только, когда они это делают...

Шэд отогнул вниз поля своей шляпы.

— Обратю в «Трингл»?

Коннели отрицательно покачал головой.

— Сейчас два часа утра и я устал. Это подождет до полудня. Тем более, у нас нет для них ничего приятного.

— Да... — Шэд выругался и поднял воротник. — О'кэй, тогда до встречи. — Он быстро пересек улицу и сел в свою машину.

Когда он отъехал, Коннели направился к своему автомобилю, стоящему на противоположной стороне улицы. Дети, должно быть, спят, да и жена тоже. Она была очень восприимчива, и если у него были неприятности, то у нее начиналось расстройство желудка.

Он сел в машину и повернул ключ зажигания.

Холодная сталь револьвера уперлась в шею. Он испуганно вздрогнул, но затем взял себя в руки.

— Вот так, — мягко произнес мужской голос с заднего сиденья, — не шали...

Похоже, голос принадлежал Джимми Бруно. Рядом с машиной появился громадный мужчина в светлом плаще. Он наклонился к боковому стеклу и Коннели узнал в нем Паоло Регалбuto.

— Подвинься, Джонни.

Коннели подвинулся. Бруно, не отнимая револьвера от его шеи, сдвинулся с ним вместе. Паоло уселся за руль и захлопнул дверцу. Коннели не шевелился, когда рука Паоло нашарила у него под мышкой в кобуре револьвер и вытащила его.

Положив револьвер в свой карман, Паоло тронул машину и повел ее. Миновав перекресток, Паоло бросил взгляд в зеркало заднего вида. Коннели тоже посмотрел и увидел, что с противоположной стороны улицы тронулась машина и пристроилась за ними. Ни Паоло, ни Бруно не сказали ни слова. Коннели начал надеяться, что это не будет поездка в одну сторону. Если бы его хотели убить, то пристрелили бы, как только он сел в машину. Но это не принесло ему успокоения.

После пятиминутной езды в молчании, Паоло притормозил в темном деловом районе города. Другая машина остановилась позади, фары ее погасли. Из машины никто не вышел. Паоло заглушил мотор, включил огни машины, и повернувшись к Джонни, посмотрел на него своими темными пытливыми глазами.

— Ты хороший парень, Джонни, — начал он доверительным тоном. — Ты умен и отважен, и хороший организатор. Я хочу, чтобы ты был на моей стороне. Работать ты должен на меня и ты увидишь, как пойдут дела. Скоро весь город будет у меня в кармане и кто работает на меня, делает себе благо.

Коннели поколебался, оттягивая время, чтобы подумать. Вначале он решил соврать, отделаться одними словами и тем самым

сохранить себе жизнь. Но тут он увидел, как внимательно изучает его лицо Регалбучо, и отбросил эту мысль.

— Я не предатель, — сказал он тихим чужим голосом. Произнести такое, чувствуя прикосновение холодного ствола, было нелегким делом, но он заставил себя выдать эти слова. — Если вы хотите заманить братьев Галлажеров в свою ловушку с моей помощью — то я не смогу этого сделать. Я не продаю тех, с кем работаю.

Он высказался и с громко бьющимся сердцем выжидал.

Паоло слегка улыбнулся.

— Я знаю это, Джонни. Мне не нужны те, кто может предать. Я говорю о более поздних временах, когда Галлажеры исчезнут. После этого организация Линча распадется. Когда придет время, ты будешь одним из тех, кому я поручу собрать ее куски воедино — но под моим началом. И ты будешь играть для меня очень важную роль. Такие, как Бруно и Анджи Диморра и Хайм Рубин, будут играть свои роли. Работая вместе, мы посадим брата Оуэна Шэйла в кресло мэра. И тогда — город наш. Устраивает?

— Может быть, это и заманчиво, — осторожно согласился Коннели, — но Джек и Чарли, насколько я знаю, не собираются убраться.

Паоло снова улыбнулся. Но на этот раз улыбка была совсем не доброжелательной.

— Они исчезнут, — сказал он мягко. — Они помогли убить Дона Руссо. Так будет и с ними...

— У тебя нет шансов дотянуться до них в «Трингле» или где-нибудь поблизости, — твердо сказал ему Коннели. — Они не настолько глупы, чтобы покинуть то место, где им гарантирована безопасность.

— Это моя проблема, не твоя. От тебя требуется только не забывать того, что я тебе сказал. Насчет той роли, которую ты будешь играть в организации. Когда подойдет время, позвони мне в отель «Веклае». Как только Галлажеры выйдут из игры, там будет моя штаб-квартира. — Паоло положил большую ладонь на плечо Коннели. — Ты сам поймешь, когда это время наступит. Я буду ждать твоего звонка.

Коннели ничего не ответил. Но Паоло, казалось, и не ждал ответа. Он вышел из машины на тротуар. Револьвер был убран с шеи Коннели, и Бруно покинул заднее сиденье.

Коннели сидел и смотрел в зеркало, когда они направились к стоящей сзади машине и сели в нее. Он не шевелился, пока их машина не проскочила мимо и не скрылась за углом...

Федеральный суд размещался в массивном здании из белого камня неподалеку от мэрии. Чиновники и работники прокуратуры Соединенных Штатов размещались на третьем этаже. Хайм Рубин сидел на длинной деревянной скамье в приемной

федерального прокурора, держа свою жемчужно-серую шляпу на тощих коленях и безмятежно разглядывал висящий на дубовой панели противоположной стены портрет Авраама Линкольна в золоченой раме. За столом секретаря прокурора в данный момент никого не было. Секретарша вышла доложить своему шефу имя этого маленького худощавого мужчины, пришедшего без приглашения, но который заявил, что прокурор захочет его пригласить.

Когда она, наконец, появилась, вместе с ней вышел и прокурор, высокий, с вежливой миной на лице. Его имя Кастерман. Он осторожно взглянул на Хайма.

— Я подумал, что, возможно, моя секретарша перепутала имя.

— Нет, сэр, — вежливо ответил Хайм. — Это я. Я должен вам кое-что заявить. Весьма важное...

Кастерман еще немного поразмыслил, разглядывая Хайма циничными глазами.

— Хорошо, пройдемте.

Он повернулся и вошел в кабинет. Хайм поднялся и пошел за ним, похлопывая себя шляпой по ноге.

Кабинет федерального прокурора был просторным и светлым. Пол из мрамора, на панельных стенках полки с книгами по законодательству и картины импрессионистов. Кастерман сел за длинный пустой стол, на котором, кроме телефона, подставки для карандашей и простого белого блокнота, ничего не было. Он указал Хайму на стул с прямой спинкой у другого края стола. Хайм сел. Кастерман сложил на столе пальцы и, ничего не говоря, посмотрел на Хайма с отвращением.

Так прошла минута. Затем открылась задняя дверь кабинета и вошел Шервин Харнер — пухлый низенький человек с пронзительными глазками за тонкими стеклами очков. Харнер был первым заместителем Кастермана, мозговым центром прокуратуры. Кастерман был чисто политической фигурой, получивший свое место в корпорации юристов от благодарного президента за активное участие в последней предвыборной кампании.

— Привет, Хайм. На вид ты процветаешь.

— Пытаюсь, мистер Харнер. Только пытаюсь.

Кастерман слегка нахмурил брови:

— Я смотрю, вас не надо представлять друг другу.

— О, мы знаем друг друга, — мягко сказал Харнер. Его пытливые глазки за тонкими линзами, прилипли к лицу Хайма. — О'кей, с чем пришли?

— Ну, дело вот в чем, — начал Хайм спокойным тоном. — Братья Галлажеры убили Дона Руссо и Ральфа Блайза. Я был свидетелем. И сделали это с помощью бандитов, которых они пригласили из другого штата. Ведь это делает данный случай федеральным, не так ли? Ну, если кого-то приглашают из другого штата для совершения преступления?

Долгое время Харнер и Кастерман недоверчиво смотрели на него. Затем Кастерман спросил:

— Ты действительно был свидетелем этого убийства? Ты был там?

— Да. Все это я видел собственными глазами.

— Давай-ка разберемся. Ты хочешь засвидетельствовать это? Прийти в суд и подтвердить свои свидетельские показания против Галлажеров?

— Да, хочу,— ответил Хайм без всякого выражения.— Мне жаль, что я так долго тянул. Но это сильно действует на нервы. Кастерман повернул голову и немного смущенно посмотрел на своего заместителя. Тот не сводил глаз с Хайма.

— А чего это ты так внезапно решил сдружиться с законом?

— Что же, на это я могу ответить,— сказал Хайм.— Мюррей Джекобс был моим лучшим другом. И его, я думаю, убили тоже они. Более того, я уверен, что это сделали они. Я не могу этого доказать, потому что не видел своими глазами. Но я обязан за смерть Мюррея посадить его убийц на цепь. Вы понимаете?

Харнер не изменил своего скептического выражения.

— Расскажи, что ты видел. Поподробнее.

Хайм поудобнее уселся на стуле.

— Я направлялся к заведению Мюррея, чтобы пропустить с ним по стаканчику на ночь и уже подходил к углу, но тут началась пальба. Я нырнул в подъезд и оттуда видел все: парень автоматной очередью срезал из подъезда Блайза. Из заведения Мюррея выскочил Руссо, чтобы спастись бегством. За ним, стреляя из обрезка и револьвера 45-го калибра, выскочили Джек и Чарли Галлажеры.— Хайм остановился, подумал и пожал костлявыми плечами.— Вот и все. Это длилось недолго.

— Ты что-то говорил о наемных убийцах,— напомнил ему Харнер.

— А, да. Это тот, что с автоматом. Я рассмотрел его, когда он сидел вместе с Галлажерами в машину. Сэм Ригал из Детройта. Я его давно знаю.

Кастерман снова взглянул на зама.

— Думаете, мы сможем его за это арестовать?

— Сомневаюсь,— осторожно сказал Харнер.

— Да, боюсь, в этом нам не повезет,— печально сказал Хайм.— Я слышал, что пару дней назад, в одном из ресторанов Детройта, кто-то пришел его.

— Очень удобно,— растягивая слова, тонко заметил Харнер.

Хайм пожал плечами.

— Я знаю, что все это не очень хорошо. Даже мои слова. Может быть, все это и ни к чему. Но, в конце концов, я сделал то, что считал нужным. Больше этого я не могу,— он встал, чтобы уйти.

— Сядь,— бросил Кастерман.

Хайм снова сел.

— Ты можешь подождать? — спросил Кастерман вставая.
— Конечно.

Прокурор подошел к своему заместителю. Они вышли в заднюю дверь кабинета и по коридору прошли в кабинет Харнера. Он был значительно меньше и разделен на множество кабинок, в которых стояли маленькие столики для работы.

Кастерман прикрыл дверь и спросил:

— Ну, что ты об этом думаешь? Может, мы закрутим дело об этом преступлении, имея единственного свидетеля?

Харнер немного поразмыслил.

— Да, можем. Вот победим ли, это другое дело. В этом я сомневаюсь. Но это даст нам возможность покопаться, чего не было раньше. Да и газетная шумиха покажет этим гангстерам, что мы кое-что знаем, и они начнут беспокоиться.

Кастерман подумал о газетах — заметки и его фотографии на первых страницах.

— Как ты думаешь, этот маленький жиденок, действительно, даст свои показания в суде?

— Если он сделает заявление, а потом откажется от них, мы сможем засадить его за препятствие ведению следствия. Он знает об этом.

— Давай тогда начнем, — Кастерман с нетерпением двинулся в свой кабинет.

Они вызвали полицейского стенографиста и заставили Хайма повторить заявление в деталях. Его отпечатали и Хайм подписал все пять экземпляров. Затем прокурор вызвал федерального полицейского чиновника.

— Это просто предупредительное взятие под охрану, — объяснил он Хайму, — для твоей безопасности, пока Галлажеры не окажутся за решеткой.

— Хорошо. Я вам благодарен за это.

Хайм вышел вместе с полицейским чиновником.

Кастерман быстро поднялся наверх и попросил федерального судью выписать ордер на арест Джека и Чарли Галлажеров.

— Хотите, чтобы взял их я? — спросил Харнер.

Кастерман снова подумал о газетных фотографиях — как он лично проводит сенсационный арест. Его будущей политической карьере это не повредит.

— С этим не беспокойся, — бросил он небрежно. — Я сам займусь этим.

Харнер улыбнулся. Улыбка не сходила с его лица, когда он, стоя у окна, смотрел, как Кастерман, с ордером на арест, садится в машину, сопровождаемый еще двумя машинами вооруженных полицейских. Ход мыслей прокурора США ему был понятен, так как работал он уже с троем. Харнер считал себя простой рабочей лошадкой юстиции. Его ни один президент не одарил даже благодарственным рукопожатием...

Кастерман ворвался в отель «Трингл» с полицейскими и двумя газетными фоторепортерами, шелкающими налево и направо все подряд. Охранники, стоящие в вестибюле, лишь недоуменно переглядывались, увидев продемонстрированные им значки и ордера. У Кастермана не было сомнений в правильности выбранного им способа действия. Он поднялся по ступенькам и направился к апартаментам, где Галлажеры беседовали с Шэдом Мак-Кинном. Обоим братьям вручили по ордеру.

Выдвинутые против них обвинения они прочитали в шоке. То, что это было фальшивкой, сомнений не было. Они неплохо знали прокурора Кастермана: год назад он безуспешно пытался пришить им дело.

Джек бросил свой ордер на пол.

— Что это за хреновина? Кто свидетельствует против нас?

— Об этом, — ответил самодовольно Кастерман, — вы узнаете в надлежащее время. А теперь спокойно следуйте за нами, если не хотите, чтобы вам пришили еще одно обвинение — в сопротивлении федеральной полиции.

— Черт побери, — бросил Чарли, — вы не сможете пришить нам это дело, и вы знаете это! Все собаки будут смеяться над вами!

— Сомневаюсь, что вам будет смешно, — жестко произнес Кастерман, — когда окажетесь за решеткой.

— Мы не будем ни за какой решеткой, — прорычал Джек. — Если дело дойдет до суда, то наш адвокат вырвет нас оттуда через десять минут. — Он посмотрел на Мак-Кинна. — Позвони ему, как только мы уйдем. Скажи ему, что тут происходит.

Тот утвердительно кивнул и посмотрел, как Кастерман уводит Галлажеров.

— Я требую, чтобы нас сопровождали две машины с моими людьми, — сказал Джек прокурору, как только они спустились в вестибюль. — У нас много врагов. Если кто-нибудь из них подстрелит нас на улице, для вас это добром не кончится.

Кастерман указал на полицейских.

— Все эти люди вооружены. Думаю, что этой защиты вполне достаточно.

— Для меня — нет. Вы хотите сказать, что наши близкие друзья не смогут нас сопровождать?

Кастерман решил было спорить, но потом плюнул на это. Он пожал плечами:

— Ну, если вы считаете, что так вам лучше...

Без сомнения, конвой, под которым следовали в этот день братья Галлажеры, отвечал всем требованиям безопасности. Они ехали вместе с Кастерманом, впереди них ехал один открытый джип с полицейскими, сзади другой. Следом за ними следовали два легковых автомобиля с телохранителями.

Конвой никто не обстрелял.

Когда они прибыли к зданию Федерального суда, Кастерман

вылез вместе с Галлажерами и сердито кивнул в сторону телохранителей.

— С них достаточно. Это ясно?

Братья огляделись вокруг, подсчитывая количество полицейских на ступеньках суда и убедились в отсутствии кого-либо, кто мог быть возможным врагом. Джек кивнул своим людям, что все в порядке. Затем он и брат вместе с Кастерманом поднялись в вестибюль. На своем пути их окружали полицейские.

Кастерман с одним из полицейских вошел в лифт вместе с братьями. Они поднялись на третий этаж, вышли и направились по длинному коридору в кабинет прокурора.

Из мужского туалета, прямо перед ними, выскочили трое мужчин в масках и перчатках. У двоих были двухствольные обрезы, у третьего — кольт 45-го калибра. Одновременный грохот обоих обрезов в тесном коридоре здания суда был подобен извержению вулкана. Оба заряда одного ружья попали Чарли Галлажеру прямо в живот и разорвали его пополам. Выстрелы второго обреза оторвали Джеку левую руку. Хлеща кровью из обрубка, он свалился под Кастермана, пытаясь левой рукой вырвать у него недавно отнятый пистолет.

Человек с кольтом переступил через тело прокурора, наклонился и выстрелил Джеку прямо в левый глаз...

Все не заняло и пяти секунд. Нападающие бросили оружие и рванули к пожарной лестнице. Они исчезли, прежде чем кто-либо отважился появиться в залитом кровью коридоре, чтобы бросить взгляд на месиво растерзанных тел...

На площадке второго этажа пожарной лестницы нашли три маски. Но люди, бросившие их, исчезли, прежде чем успели оцепить здание... Полиция прочесала весь близлежащий район. Они выудили большое количество известных бандитов. Но ни один из них не был причастен к побоищу в здании суда. Был слух о трех бандитах из другого города и что они сразу куда-то унесли ноги. Но это были только слухи, не менее. Наемные убийцы исчезли. Федеральная полиция оказалась бессильной что-либо доказать о причастности Хайма Рубина к засаде в коридоре. И пришлось его отпустить.

Паоло Регалбуто был вызван на допрос. Он без тени сомнения показал, что в момент убийства обедал в фешенебельном ресторане. Свидетели у него были два полицейских офицера, которые в это самое время обедали за соседним столом. Допрос продоллся не более десяти минут. После этого его отпустили. Один из допрашивающих вышел вместе с ним и извинился за причиненное беспокойство.

— Все в порядке, — сказал ему Паоло, — я не в обиде...

В полночь люди, охранявшие больничную палату Рэя Линча, должны были смениться. В этот необычный вечер смена еще не прибыла, а один из полицейских в палате, бросив взгляд на часы, прошептал:

— Полночь...

Другой кивнул, поднялся и вышел вместе с ним. В коридоре один из полицейских сказал остальным трем, что сидели там:

— Мы можем уходить. Ночная охрана вот-вот придет.

Никто против этого предложения не возражал. С печальными лицами все удалились...

Рэй Линч проснулся и слабым дрожащим голосом попросил пить. И тут он обнаружил, что остался один в палате. Это очень его удивило. Затем открылась дверь и вошел огромный мужчина с суровым лицом. Он уставился на Линча темными горящими глазами. Удивление Линча прошло.

— Меня зовут Паоло Регалбuto,— сказал мужчина.

— Догадываюсь,— слабо проскрипел Рэй Линч.

— Ты должен быть в этом уверен,— серьезно сказал Паоло.

Линч посмотрел на него:

— Что, парень, я слышал, ты добился своего? Стал большим боссом. И как себя теперь чувствуешь?

— Я должен завершить еще одно дело,— произнес Паоло мрачно-величественным тоном. Во взгляде, которым он смотрел на лежащего в постели, было нечто почти родственное.

Рэй криво усмехнулся.

— Приступай. При моем самочувствии это, может быть, даже благо. Если бы ты хотел отомстить по-настоящему, ты бы оставил меня жить...

— Может быть, это и так,— признался Паоло,— но это не тот выход. Я поклялся вендеттой. На крови... Это дело чести...

Ночная охрана пришла через несколько минут после ухода Паоло. Первый вошедший направился прямехонько к телефону, стоящему рядом с постелью, чтобы сообщить, что у них стряслась беда. Другие стояли и смотрели на Рэя Линча, лежащего в кровати с усмешкой на лице и стальным кинжалом в сердце.

Паоло Регалбuto, с непокрытой головой, стоял перед могилами своей жены и детей. Черты его усталого лица обострились, глаза пылали холодным огнем. Стоял он долго, ничего не говоря мертвым. Просто стоял...

Наконец, почувствовав должный момент, он положил руку на надгробный камень жены. Некоторое время он не снимал ее, затем коротко коснулся двух надгробий поменьше.

А после повернулся и покинул кладбище, чтобы начать трудное дело по управлению городом...

Н. КВАРРИ

В АДУ
ШАНСОВ НЕТ

Глава 1

Когда я вошел в дом, рука моя находилась в кармане, в котором я судорожно сжимал свой «магнум». Это было четырехэтажное здание из песчаника, которое видывало и лучшие времена. Но если иметь в виду, что дом находился в испанской части Гарлема, его можно было бы считать добротным и даже хорошо сохранившимся. Я закрыл за собой входную дверь, оставив позади себя декабрьский вечер с его стужей и на какое-то мгновение остановился. В лицо мне пахло теплом парового отопления.

Над щелью одного из почтовых ящиков красовалось имя:

МАРГО ВАРГА, квартира 3, б

Лестница была узкой и плохо освещенной. Мои пальцы крепче охватили рукоятку револьвера, и я начал подниматься по лестнице.

Коридор на третьем этаже был тускло освещен одной лампочкой, находившейся в конце закутка. Я наудачу нажал на ручку двери квартиры 3, б: она была заперта. Я вытащил из кармана жесткую, но эластичную пластиковую полоску и с ее помощью отворил простой французский замок. Он открылся с резким щелчком. Я выхватил из кармана револьвер и направил его внутрь квартиры. Какое-то время я выжидал, внутренне сжавшись в комок. Из квартиры не доносилось ни звука.

Я убрал пластиковую пластинку и толкнул дверь ногой. Потом проскользнул в темноту квартиры. Закрыв за собой дверь, быстро сделал два шага вправо, затем я придержал дыхание и прислушался...

— Нина! — обратился я в темноту. — Это я, Джек Барроу.

Я подождал, пока мои глаза не привыкли к свету, падавшему с окна, и не начал различать очертания мебели и дверей. В теплом доме находиться в пальто было слишком жарко, как в доменной печи. Пальцы, державшие револьвер, вспотели.

Миновав темную гостиную, я проскользнул в другие помещения. Но их было немного: кухня, ванная и маленькая спальня.

Я заглянул под кровать, открыл шкаф. В квартире никого не было. Я уже хотел было выйти из спальни, но в последнюю секунду изменил свое решение. Я подошел к окну, которое выходило в узкий проход, глянул вниз, туда, где была убита Марго Варга...

И тогда я заметил мужчину, наблюдавшего за домом. Я смог лишь увидеть, что он был высокого роста, без шляпы и держал голову поднятой, словно смотрел на меня.

Я инстинктивно отошел от окна, хотя отлично понимал, что он не мог меня увидеть. Какое-то время я внимательно наблюдал за ним. Через несколько минут он прошел в переулок, потом повернул назад, видимо, чтобы размять ноги. Затем он проделал тот же маневр в противоположном направлении. И в этот момент из окна первого этажа на него упала полоска света. Мне словно желудок сдавило, а в груди поднялась горячая волна и обожгла меня.

Это был высокий и плотный мужчина с длинным и квадратным лицом и с большими скулами. Волосы огненно-рыжие. Это был именно тот человек, который жестоко расправился с моей подругой Сэнди у меня дома.

Наверняка это он! И он был виновен в том, что Сэнди сейчас находилась в больнице между жизнью и смертью. Я видел, как он засунул руки в карманы своего макинтоша и исчез из световой полосы.

Было совсем не трудно догадаться, зачем он появился здесь: по той же причине, что и я. Потому, что существовала вероятность, что Нина спряталась здесь. Вероятно, он заметил меня, когда я входил в дом. Но поскольку он меня не знал, он вряд ли мог быть уверен, что я появился тут по той же причине, что и он. Возможно, я пришел к кому-то другому, а может быть, вообще жил в этом доме. И он терпеливо ждал, не зажжется ли свет в квартире Марго Варга.

Я быстро отошел от окна и вышел из спальни. Страстно горя желанием расправиться с рыжеволосым, я совсем не подумал о том, что он, не исключено, пришел не один...

Горя желанием проучить этого ублюдка, я промчался через квартиру, распахнул входную дверь и устремился в коридор. Но по лестнице между третьим и четвертым этажом поднимался небольшого роста коренастый парень в твидовом пальто, серой шляпе и с худым разбитым лицом. Завидев меня, он остановился. Его худое лицо напряглось, и когда его рука появилась из кармана, в ней был короткоствольный револьвер 38-го калибра.

Я бросился в сторону и направил на него свой «магнум». Он первым нажал на курок, но пуля пролетела мимо моего уха и впиалась в дерево. В следующий миг заговорил мой «магнум». В узком коридоре и на лестничной площадке раздавался такой оглушительный грохот, будто там начали взрываться бомбы. Выстрелы из «магнума», при известных обстоятельствах, могут свалить и слона. Пули вонзились ему в грудь, сбили с ног и отшвырнули к стене. Мускулы на его лице судорожно сжались, и в следующее мгновение уже расслабились. Он сполз по стене и покатился вниз по лестнице, оставляя кровавый след.

Я бросился к перилам, держа наготове револьвер. Напрасное

беспокойство. Он уже лежал внизу лестницы с ногами, задранными на последних ступеньках. Я рванул вниз, переступил через окровавленный труп и помчался вниз по лестнице, ибо знал, что человек, ожидавший в подъезде, наверняка слышал выстрелы.

Но рыжеволосый из подъезда исчез.

Я выскочил на улицу. В этот момент какая-то машина как раз сворачивала за угол, визжа шинами. Я помчался к своему «шевроле», стоявшему неподалеку и вскочил в него. Через несколько секунд я уже сворачивал за тот же угол, за которым скрылась машина. Но ее уже нигде не было видно. Я погнал машину вниз по улице, заглядывая во все дворы и все поперечные улицы, но все было напрасно... Добрых десять минут я разъезжал по всему району, но он как сквозь землю провалился.

Наконец, я возвратился к дому Марго. Рядом с убитым мной гангстером уже толпились полицейские...

Я сидел у сержанта Диксона в полицейском управлении, когда вошел лейтенант Флинт из бюро по расследованию убийств.

Диксон был широкоплечим, светлокожим негром с умными карими глазами и коротко подстриженными волосами. Как раз сегодня он дежурил в ночную смену... Увидев Флинта, он облегченно вздохнул.

— Очень рад, что вы смогли так быстро прийти, лейтенант. Этот человек ничего не хочет говорить, пока не будет вас. Он утверждает, что вы сможете подтвердить часть того, что он будет говорить. Его имя — Джек Барроу и у него есть лицензия частного детектива.

— Да, я его знаю.

Миловидное лицо Флинта исказилось недовольной гримасой, когда он повернулся ко мне. Обычно, мы мало считались друг с другом, но на этот раз все было совершенно иначе.

— Это как-нибудь связано с Сэнди? — обратился он ко мне.

Я кивнул. Именно по этой причине я и желал его видеть. Мы сразу забыли о нашей взаимной неприязни, потому что лейтенант Флинт тоже любил Сэнди.

Сержант Диксон поинтересовался с обманчивой мягкостью:

— Может быть, вы и меня посвятите в курс дела? Кто такая Сэнди?

— Сандра Адамас, — проронил Флинт. — Работник полиции. Сержант перевел взгляд с меня на Флинта:

— Миленькая?

— В настоящий момент она лежит с пулей в животе на операционном столе в бруклинской клинике! — сухо прорычал Флинт.

— О-о!... — только и смог вымолвить Диксон со смущением. — Приношу свои извинения... — он повернулся ко мне, — но от вас мы все-таки теперь что-то должны услышать. У нас на руках теплый труп, и это ваша работа. Вы сказали, что хотели бы

видеть лейтенанта, когда начнете свой рассказ. Теперь он здесь... Начинайте!

И я начал рассказывать. Дело это началось не так давно. Не прошло еще и трех часов с того момента, как я вместе с Сандрой ехал к себе домой, в свою новую квартиру в Бруклине, где меня ждала Нина...

Глава 2

Отперев дверь квартиры, я пропустил Сэнди вперед и вошел вслед за ней. Каково же было мое изумление, когда я увидел в комнате незнакомую молодую девушку, которую несколько не смутило наше появление.

— Это тоже принадлежность квартиры? — спокойно спросила Сэнди.

Девушка не обратила на Сэнди никакого внимания. Ее большие черные глаза уставились на меня.

— Вас зовут Джек? — прошептала она. — Джек Бэрроу?

— Да... А как ты сюда попала?

— По пожарной лестнице сзади дома. Она как раз проходит позади вашей спальни, а одно из окон было открыто.

— Но пожарная лестница начинается в трех метрах от земли!

— Я поставила друг на друга два ящика для мусора и так дотянулась до нее.

— Прекрасно! Ты можешь получить первый приз за проникновение в чужие квартиры.. Ты кто, собственно говоря?

— Нина Клоуд, — так произнесла она, словно этим все объяснилось.

— Что ты здесь забыла?

Ее большие глаза заблестели.

— А разве мой отец вам не звонил?

— Не знаю... Я только что приехал. А кто твой отец?

Загнанное выражение на ее личике сменилось отчаянием.

— Вы должны быть знакомы с моим отцом, и он сказал мне, чтобы я шла сюда. Вы, сказал он, защитите меня до тех пор, пока он не свяжется с вами. Его зовут Джон... Джон Клоуд.

Лишь теперь до меня дошло.

— Джонни Клоуд... из Нью-Мексико?

Девушка облегченно улыбнулась:

— Да.

— Вот это да! Во время войны в Корее мы вместе с ним лежали в одной палате в больнице Сеула.

Я повернулся к Сэнди, которая терпеливо ждала от меня объяснения. Я рассказал ей о Джоне Клоуде. Меня ранило и я на месяц попал в больницу. Соседа по койке звали Джонни Клоуд. Он также был ранен. Джонни был индейцем племени новато из Нью-Мексико. Вскоре мы стали большими друзьями. У него ока-

залось серьезное ранение, так что врачи отправили его затем домой. В течение нескольких лет мы с ним время от времени переписывались. Я узнал, что он женат и у него есть дочь. Однажды, уже через несколько лет после войны, Джонни приехал в Нью-Йорк и мы провели вместе целую неделю, которая оставила у нас обоих приятные воспоминания. В последующие годы каждый из нас был занят своими проблемами и мы потеряли друг друга из виду. Но я всегда вспоминал о нем с теплотой в сердце.

— Если ты дочь Джонни, — обратился я к Нине, — то я рад приветствовать тебя в своем доме.

— И я могу здесь остаться?

— Несомненно! А в чем, собственно, дело?

— Я... я не знаю. Все так... — она украдкой взглянула на Сэнди и замолчала, прикусив губу.

— Если ты не боишься Джека, то и меня тебе нечего бояться. Я мать Джека, — улыбнулась Сэнди.

Эта шутка никак не отразилась на лице Нины. Я даже не был уверен, слышала ли она Сэнди. Она только покачала головой, точно хотела освободиться от своих мыслей.

— Я просто этого не понимаю... Весь этот день... С того момента, как я вернулась и обнаружила...

Она вновь умолкла. Видимо, она вспомнила о чем-то странном, что глубоко засело в ее памяти.

Сэнди положила руку на плечо девушки.

— Иди сюда, миленькая, — нежно промолвила она, — сядь и отдохни немного, а потом ты нам все спокойно расскажешь.

Нина позволила Сэнди проводить ее до кушетки. Девушка осторожно присела на край и выглядела она по-прежнему молодой косулей. Она сжала свои руки в кулачки, опустив их на колени, и с волнением смотря то на Сэнди, то на меня.

— Я... я даже не знаю, что мне вам сказать... Все было так... Я попытался ей помочь.

— Джонни, то есть твой отец, он что, сейчас в Нью-Йорке?

— Нет, он был на ранчо, когда я уехала. У дедушки и тети. Мы все работаем на ранчо.

— В Нью-Мексико? — уточнила Сэнди.

Девушка кивнула.

— Под Санта-Фе.

— И ты здесь с матерью.

— Моей матери уже нет в живых. Погибла в автомобильной катастрофе шесть лет назад... — внезапно из нее все вырвалось наружу. — Ее отец работал в транспортной компании в Альбукерке шофером. Потом он накопил денег и купил себе ранчо три года назад. Во время одной из своих поездок, Джонни познакомился с молодой мексиканкой по имени Марго Варга. После того, как Марго несколько месяцев назад переехала в Нью-Йорк, Джонни несколько раз приезжал сюда, чтобы встретиться с ней...

В этот момент я вспомнил, что Джонни приблизительно месяц

назад звонил в мое бюро, но не застал меня на месте. Он лишь попросил передать мне привет.

— Во время моей последней поездки в Нью-Йорк, — продолжала рассказывать Нина, — он и Марго решили пожениться. Только Джонни хотел, чтобы с ней познакомилась его дочь. Поэтому я и приехала сюда пару недель тому назад...

Сегодня Нина провела весь день в городе вместе с соседской девочкой, с которой она успела познакомиться. Приблизительно за час до наступления темноты она вернулась в квартиру Марго. Но там ее ожидало страшное известие...

Об этом ей рассказал один из соседей. Марго была убита за домом час тому назад незнакомым человеком...

— Полиция, — сообщил сосед, — не знает, кто бы это мог сделать. Они лишь распорядились, чтобы увезли труп Марго. А ты должна сразу пойти в полицию, как только вернешься.

Словно во сне Нина переступила порог квартиры Марго. Она все еще раздумывала, кому позвонить в первую очередь — отцу в Нью-Мексико или в полицию, и именно в этот момент зазвонил телефон. Это звонил ее отец.

— Его голос был таким странным, словно он был болен. Он хотел поговорить с Марго. Я должна была ему сообщить, что ее больше нет, что ее убили, — закончила Нина тихим голосом.

— Как он воспринял это известие?

Она покачала головой.

— Не знаю... Несколько секунд он вообще молчал. А когда заговорил, то голос его звучал все так же, точно он был болен или еще что-нибудь в этом духе. Но он приказал мне, чтобы я немедленно покинула квартиру. Он также сказал, что за ним кто-то охотится и что они могут напасть на его след с моей помощью, если меня найдут.

— А он не объяснил, по какой причине за ним кто-то охотится.

— Он лишь сказал, что находится в очень затруднительном положении...

Какое-то мгновение казалось, что Нина вот-вот потеряет самообладание, удивительно твердое для ее возраста, и расплечется. Но ей удалось взять себя в руки.

— Отец только сказал, что он втянут в страшное дело... И сказал, чтобы я немедленно отправилась к вам и оставалась у вас до тех пор, пока он вам не позвонит. Он или тетя. Я пошла по адресу, который он мне дал, но он был неправильный.

— Я переехал сюда лишь несколько недель назад.

— Да, мне об этом сказал человек из закуской того дома, где вы жили раньше. Он дал мне ваш новый адрес. Сначала он не хотел мне его давать, но я была так напугана, что он почувствовал жалость ко мне и сказал.

Я посмотрел на Сэнди.

— Напомни мне, чтобы я отвез Сэму ящик виски, — затем я

опять повернулся к Нине. — Значит, ты говоришь, что поднялась сюда по пожарной лестнице и влезла в окно?

— Сперва я нажала вниз на ваш звонок. Звонила довольно долго. Так как вы не открыли, я поняла, что вас нет дома. А где же мне еще было ждать?

— Ты умная и очень мужественная девочка. Достойная дочь Джонни. Твой отец получил на войне медаль за храбрость. Ты это знаешь?

— Да, он подарил ее мне на день рождения, когда мне исполнилось десять лет.

— А откуда он звонил Марго Варга?

— Не знаю. Он просто не предоставил мне времени задавать ему вопросы. Он приказал мне отправиться к вам, потом сразу же бросил трубку.

Я взглянул на Сэнди. Она пыталась не показывать, что очень обеспокоена, но тем не менее она была взволнована, и причем, по разным соображениям...

Ведь люди, охотившиеся за Джонни, могли быть и полицейскими. А Сэнди, какими бы хорошими у нас ни были отношения, была все-таки полицейским и, причем, преданным своему делу.

Я попытался облегчить ее положение.

— Я ненадолго выйду, — обратился я к Сэнди, — а ты посмотри за Ниной. Я скоро.

— Хорошо...

Сэнди уже поняла, что я имею в виду. Она поднялась и всмотрелась в усталое и испуганное лицо Нины.

— Когда ты ела в последний раз?

— Я... я не помню. Это было уже...

— Наверняка, это было уже давно. Ты сразу почувствуешь себя лучше, если что-нибудь поешь. Я сейчас принесу тебе что-нибудь и стакан молока. Где в твоём дворце холодильник, Джек?

Я указал на угол комнаты и мысленно поблагодарил ее. Сэнди прошла через комнату и исчезла на кухне.

— Какой номер телефона на ранчо? — тихо спросил я у Нины, как только она встала с кушетки.

Она сообщила мне номер. Я ободряюще похлопал ее по плечу, снял пальто с вешалки и вышел из квартиры...

В нескольких кварталах от моего дома, находилась телефонная будка. Там я разменял у молодого продавца пять долларов и получил взамен горсть мелких монет для автомата, после чего вошел в будку. Она была предназначена и для междугородных разговоров. Прошло семь минут, прежде чем мне удалось соединиться с Нью-Мексико. Я сразу же бросил горсть монет в щель.

На другом конце линии послышался мужской голос:

— Хэлло?

— Могу я попросить Джонни?

— Нет. Его здесь нет. С вами говорит его кузен Билл. Что я могу для вас сделать?

— Я должен поговорить с Джонни. Вы не знаете, где я его могу найти?

— Джонни выехал в Нью-Йорк четыре дня назад. И я не знаю, где его можно там найти.

— Он улетел на самолете?

— Нет, он уехал на грузовике. А кто вы такой? Возможно, он мне позвонит, и я...

Я прикинул время и расстояние. Джонни уже мог находиться в Нью-Йорке. Но если он уже был здесь, то почему же он только сейчас позвонил Марго на квартиру? Почему сразу же не поехал к ней, тем более, что у нее жила его дочь?

Нехорошее чувство тревоги охватило меня. А если в тот вечер когда Марго была убита, Джонни уже был здесь?

— А сестра Джонни дома?— спросил я.

— Нет,— ответил кузен.— Она уехала приблизительно пять часов назад со своим отцом... Самолетом в Нью-Йорк.

Я возвратился к своему дому, продолжая раздумывать о Джонни. Очень приятный мужчина, с поразительным чувством юмора и со строгими понятиями о моральных и этических ценностях, которые он выработал для самого себя. Хотя я не видел его уже год, я все еще продолжал считать его своим другом... Будем надеяться, что он не очень глубоко увяз и его можно утянуть из-под носа... у кого, не знаю.

Лишь в последний момент я обратил внимание на то, что перед моим домом собралась толпа возбужденных людей. Я даже не стал раздумывать и сразу помчался вперед, расталкивая толпу, стоявшую у входа. До моего уха доносились обрывки фраз: «Выстрелы... это был револьвер».

Я взбежал в парадную, проскочил мимо лифта и стремглав бросился по широкой, выстланной ковром, лестнице. Страх, который гнал меня вверх, держал мое сердце словно в стальных тисках. Дверь моей квартиры была широко раскрыта. Я ворвался в комнату и застыл, точно сразу прирос к месту. Моя память зафиксировала каждую мелочь в гостиной. Зафиксировала словно кинокамера. Нина Клоуд исчезла...

Сэнди лежала на ковре без сознания. Ее рука тянулась к маленькому револьверу 32-го калибра, который валялся рядом с ее открытой сумочкой. А темное пятно на ее блузке становилось все больше и больше.

Глава 3

Я раскрыл вторую пачку сигарет и курил их одну за другой. Я сидел на кончике стула в комнате ожидания в больнице. Наконец, появился лейтенант Флинт и быстро направился к лифту. Заметив меня, он повернулся и подошел ко мне. Он уставился на меня сверху вниз с озабоченным видом.

— Сэнди? — прохрипел он. — Как она?

— Врач наложил повязку... рана больше не кровоточит.

Он хотел снова направиться к лифту, но я его задержал.

— Вас к ней все равно не пропустят. Видимо, кризис продлится еще несколько часов.

— Она выживет?

— Пока они еще ничего не могут сказать. Предстоит операция — врач должен извлечь пулю. А сейчас они делают ей переливание крови, чтобы укрепить перед операцией. Она потеряла много крови.

Он устало опустился на стул и взглянул на меня такими глазами, словно искал утешения. Но он его не нашел.

— Полиции удалось что-нибудь выяснить? — спросил я.

Флинт немного выпрямился.

— Ваш сосед показал, что видел девочку-индианку, о которой вы рассказывали. Она точно молния слетела по пожарной лестнице. Человек с револьвером в руке высунулся из окна вашей спальни и что-то прокричал девочке. Кто-то другой, видимо, живущий напротив, видел, как мужчина, по всей вероятности тот же самый, выскочил из дома и бросился вслед за девочкой. Это был высокий человек с огненно-рыжими волосами, в коричневом пальто и без шляпы.

Я вздрогнул. Эта новость меняла все. До этого я считал, что человек, погнавшийся за Ниной, наверняка поймал ее. Теперь все выглядело иначе. Рыжеволосый действительно явился ко мне на квартиру за Ниной Клоуд. Но Сэнди успела вытащить из сумочки револьвер, чтобы помешать неизвестному похитить Нину. Правда, тот успел выстрелить раньше нее. А Нина тем временем инстинктивно бросилась в спальню и убежала тем же путем, которым она и попала ко мне — через окно по пожарной лестнице.

— Этот человек не видел, догнал ли он девочку или нет?

Флинт покачал головой.

— Когда этот тип выскочил из парадной, девочка уже исчезла за ближайшим углом. Он, правда, побежал в том же направлении, но что было потом — трудно сказать.

Я задумался. Такая стройная девочка, спортивного склада и к тому же, довольно смелая, наверняка бегала лучше многих мужчин. И пока она была на свободе, рыжеволосый так и будет гоняться за ней... Если я хочу его поймать, то мне нужно сперва найти Нину. А затем сидеть и ждать, пока он в поисках Нины сам не упадет в мои руки. Но в данный момент я и сам не знал, где может скрываться Нина. Собственно, под вопросом было лишь одно место. От страха она могла до этого не додуматься и возвратиться в квартиру Марго Варга.

— Флинт, что известно относительно убийства Марго Варга?

— Немного. Коллеги из отдела, который занимается этим делом, придерживаются мнения, что между тем, что случилось с Сэнди, и делом Марго существует связь.

— Разумеется.

— Пока мы только знаем, что Марго Варга была убита пулей из револьвера 32-го калибра, выстрелом прямо в сердце и с близкого расстояния. По словам врача, после наступления темноты. Это была красивая женщина, лет двадцати пяти. В полиции также полагают, что это убийство было случайным и что она была убита безо всяких на то причин.

— Что ж, полиция считает, что ее прикончил какой-нибудь сексуальный маньяк, которому она попала в руки?

— Не совсем так. Но «Пурпурные дьяволы» — банда пуэрториканских подростков — враждуют с «Серебряными грешниками» — бандой из соседнего ирландско-итальянского квартала. И это одна из кровавых историй, которые никогда не прекращаются. Короче говоря, дело, кажется, обстоит так, что «Серебряные грешники» на последней неделе похитили маленькую пуэрториканку, если я не ошибаюсь. Они привели девушку в свой клуб, раздели догола и использовали ее все по очереди. Они заставили ее подчиняться с помощью кожаного ремня. Прoderжали ее у себя десять часов, а потом выбросили ее из машины совершенно нагую прямо на улицу...

Через двое суток, ночью, «Пурпурные дьяволы» пробрались к «Серебряным грешникам» и отомстили им. Они прикончили парня из самодельного пистолета. Доказательств всего этого нет, но так могло быть... Люди в этом районе боятся рот открыть... Выходит, теперь должны действовать опять «Серебряные грешники». Предположим, они пробрались в район «дьяволов», то есть, в тот район, где жила Марго Варга, и убили первую попавшуюся красотку. Ею случайно оказалась она.

— Такое объяснение мне не нравится.

Флинт пожал плечами.

— У Марго Варга не было родственников. Только множество соседей, и никто себе и представить не может, по какой причине ее могли прикончить. За те шесть месяцев, что она прожила в Нью-Йорке, она не нажила себе ни одного врага. Это не было убийство с целью грабежа. Это не было сексуальным преступлением, это не...

— Минутку! Вы сказали, что она приехала из Пуэрто-Рико? Ведь она родом из Мексики.

— Девочка ошибается. Или вы ее неправильно поняли. Марго Варга из Пуэрто-Рико и жила в пуэрториканском квартале испанского Гарлема.

— Но это вовсе не означает, что...

— Все ее друзья и соседи утверждают, что она прибыла из Пуэрто-Рико. Ничего другого мы не слышали. А Нина просто не знает различия между пуэрториканцами и мексиканцами. Внешне они похожи друг на друга, да и язык у них один — испанский.

Возможно, Флинт и был прав, но тем не менее, он меня не убедил. Здесь что-то было не то, но что именно «не то», я не знал.

Независимо от того, ошибалась Нина или нет, было невозможно представить, что после бегства из моей квартиры, она вновь пошла искать прибежище в квартире Марго.

Каким-то образом рыжеволосому удалось выследить Нину в моей квартире.

И самое неприятное заключалось в том, что он мог сидеть у нее буквально на пятках. Я попросил Флинта дать мне адрес Варга.

Я быстро поднялся и обратился к Флинту:

— Я скоро вернусь.

Флинт удивленно взглянул на меня:

— Ты куда?

— На улицу.

— Вы разве не хотите подождать, когда будут какие-нибудь определенные результаты?

— Что бы там ни было, но судьба Сэнди находится сейчас в руках врачей и господ бога. Я ничем не могу ей помочь. Но зато я могу разыскать негодяя, который стрелял в нее...

Потом я рассказал лейтенанту Флинту и сержанту Диксону и все остальное: как я в поисках Нины отправился на квартиру Марго, как обнаружил рыжеволосого, который поджидал кого-то в подъезде, как я повстречался с другим гангстером на лестнице и снова потерял рыжеволосого.

Когда я закончил, Диксон вопросительно посмотрел на Флинта. Лейтенант подтвердил все мои показания вплоть до того момента, как я вышел из больницы. Оружие убитого подтвердило мои показания, касающиеся перестрелки.

Сержант провел рукой по своим коротким серебристым волосам и вздохнул.

— Дикая история! Но что будет дальше?

— Тут я вам ничем не могу помочь, — ответил я. — Я знаю не больше вашего.

Приблизительно через час меня освободили и я вернулся в больницу, расположенную в Бруклине.

Серый зимний свет падал в окно комнаты для посетителей, когда я проснулся в кожаном кресле и почувствовал, что все мои члены одеревенели. Я встал и несколько раз потянулся. Часы показывали половину седьмого. Я проспал два часа, но лишь после того, как ко мне спустился врач и уверил меня, что Сэнди лучше.

От множества сигарет, которые я успел выкурить, во рту у меня был горьковатый привкус. Я подошел к бачку с питьевой водой и, налив бумажный стаканчик, с жадностью его выпил. Не успел я вытереть рот тыльной стороной ладони, как появился Флинт.

— Хотел прийти пораньше, — озабоченно произнес он, — но никак не получилось... Как дела у Сэнди?

— Пулю они вытащили. Доктор заявляет, что состояние у нее удовлетворительное.

— А каковы перспективы?

— Должна выжить.

Его лицо сразу расслабилось.

— Но к ней все равно не пустят. Когда будет можно, нас позовут. Но могут пройти еще многие часы, прежде чем с ней кто-нибудь сможет поговорить.

— Если мне попадется этот негодяй... — злобно процедил Флинт.

— Как же. Если вы его схватите, то сразу скажете себе, что вы, офицер полиции и согласно закону передадите его в руки правосудия. Но, возможно, вы вообще его не схватите. Может быть, я поймаю его раньше вас. И если я с ним расправлюсь, то вам останется только похоронить его.

Обычно Флинт свирепел, когда я позволял себе разговаривать с ним в таком тоне, но на этот раз он лишь взглянул на меня и произнес:

— Желаю удачи!

Выходит, мы поняли друг друга.

— Есть какие-нибудь новости? — поинтересовался я.

— Никаких. Только то, что человек был высоким и рыжеволосым, в коричневом пальто — вот и все. Но зато мы узнали кое-что интересное о человеке, которого вы пристрелили. Его звали Гатто. Гангстер. Судя по всему, он работал на человека по имени Гарвей Кью.

— Кью?...

Я задумался, но пришел к выводу, что это имя мне ни о чем не говорит.

— Он сделал себе состояние на спекуляции земельных участков. Замешан и в других грязных делах. Большую часть своих доходов он имеет от завышенной квартплаты, которую выжимает из пуэрториканцев. У него есть целый ряд доходных домов в испанской части Гарлема. Почти все они представляют собой жалкие лачуги. Дом, в котором жила Марго, относится к немногим, которые сохранились получше.

— А что за отношения у Гатто с Кью?

— Ходят слухи, что он работал на него. Якобы он собирал плату с жильцов, которые вовремя не заплатили.

— Если Гатто работал на Кью, то этот рыжеволосый — тоже, видимо, работает на него. Ведь такой вариант совсем не исключается.

— Угу, — промычал Флинт.

— Ничего...

Флинт попытался скрыть свою злость:

— Мы даже никогда не вызывали его на допрос.

— Что? — я уставился на Флинта.

Он в какой-то мере почувствовал себя смущенным.

— Ведь никаких доказательств, что Гатто работал на него, нет. Абсолютно никаких. Только слухи, да смелые предположения.

А мы не можем вызвать его на допрос, ориентируясь лишь на слухи.

— С каких это пор не можете?— резко спросил я.

— Гарвея Кью не можем. У него очень хорошие связи в городском управлении. Несколько коллег из отдела по расследованию убийств убедились в этом на собственной шкуре несколько лет тому назад. Они приволокли его в Главное полицейское управление и пытались обвинить его в убийстве. Они обошлись с ним немного грубовато и у них не было доказательств. Кью говорить не захотел. И знаете, что случилось с этими людьми, которые его допрашивали? Были понижены в должности до патрульных и несут свою службу на улицах Айленда. И, насколько мне известно, они и сейчас там. А ведь прошло уже пять лет.

— А теперь вы все боитесь рассердить мистера Кью?

— Вот именно. Пока у нас не будет против него веских доказательств. Повторяю, веских...

— Ну, хорошо...— мне пришлось подавить свой гнев.— Расскажите мне про убийство, в котором он был замешан пять лет назад.

— Никто не смог доказать, что Кью имел какое-то отношение к этому убийству. Из гавани выудили супругу Кью, вероятно, самоубийство. А месяц спустя он женился на своей теперешней жене, Сесили... Комиссия по расследованию убийств обнаружила, что она еще до смерти жены была его любовницей, и у его жены появились какие-то подозрения. Начали проводить расследование и пришли к мысли, что Кью мог убить свою жену, чтобы избавиться от расходов на развод... Возможно, он также боялся, что в связи с этим выплывет и какое-нибудь из его темных дел. Коллеги были очень уверены в себе и в своем деле, когда притащили его на допрос. Но они ошиблись... Остальное вы уже знаете.

Знал я и другое. Я чертовски хорошо понимал, почему Флинт рассказывал мне обо всем этом. Будучи полицейским, он не мог задержать такого человека, как Кью, без ордера на арест. А этот ордер он никогда не получит, не имея на руках веских доказательств, что Гарвей Кью действительно замешан в каком-нибудь преступлении. Мне же никто не мог запретить действовать в этом направлении.

— Бюро Кью находится в Верхнем Манхеттене,— промолвил Флинт, точно прочитав мои мысли, и дал для меня адрес.

Я взглянул на часы. До открытия бюро оставалось еще несколько часов.

— А где он живет?

— Кью имеет дом в районе Восточных Шестидесятых улиц.

Я вышел из больницы с твердым намерением нанести визит этому Гарвею Кью...

Весь квартал состоял из небольших, но роскошных вилл. Голые деревья, тщательно подметенные каменные ступеньки, современные здания из красного песчаника.

Все окна интересующего меня дома были задернуты занавесками. Я поднялся на три ступеньки, ведущие к двери. Я не мог обнаружить звонка и просто нажал на дверную ручку. Дверь оказалась незапертой и мне навстречу сразу хлынул поток теплого воздуха из помещения прихожей. Но вторая тяжелая внутренняя дверь была заперта. Я нажал на кнопку звонка.

Мгновением позже дверь открылась и на пороге появился огромный детина, примерно на голову выше меня. Подбородок на его лице торчал словно скала. До моего носа донёсся слабый запах духов. Где-то внутри дома послышался раскатистый женский смех. Оттуда же доносился чей-то пьяный голос, который пытался подражать звукам джаза.

Боксер, открывший мне дверь, смерил меня безучастным взглядом.

— Что вы хотите?

Должно быть, кто-то когда-то здорово двинул его по шее, так что остаточные явления сказывались и до сих пор. Голос был сухим и хриплым.

— Гарвей Кью дома?— спросил я.

Он прищурился.

— А кто вы такой?

Изнутри донёсся сердитый женский голос, что-то прокричавший. Это уже была не та женщина, которая смеялась.

— Билли! Черт тебя возьми! Билли!

Запах духов и приветствия боксера начали меня убеждать в том, что Кью превратил свой роскошный особняк в дорогой публичный дом или что-нибудь в этом роде.

— Я друг Гарвея... новый друг. Он пригласил меня прийти сюда, когда у меня появится желание немного развлечься.

Взгляд боксера стал немного менее подозрительным.

— Вы выбрали для этого не очень подходящее время, молодой друг. Поищите развлечения где-нибудь в другом месте. Сейчас все девушки заняты. И у нас довольно узкое общество.

— Так рано? Прямо с утра?

— Вечеринка началась еще вчера и пока не закончилась.

— Ну и что же...— я решил сделать ход конем.— Откровенно говоря, я же пришел не для того, чтобы развлечься. Мне нужен Гарвей Кью, чтобы поговорить с ним. Он мне говорил про этот дом, вот я и подумал, что, возможно, смогу его здесь найти.

Но, видимо, не зря в заведениях подобного толку ставят вышибал с очень чутким носом. Его глаза снова подозрительно взглянули на меня.

— Как меня зовут?

— Забыл... Гарвей говорил мне об этом, но я...

Он выпятил свой огромный подбородок, словно переходя в нападение на соперника.

— Мистер Кью вам вообще ничего не говорил. Если бы он вам что-нибудь сказал, то уточнил бы, что вы обязаны знать мое имя, чтобы проникнуть в этот дом. Что вам, собственно, нужно?

Моя попытка убаюкать его словами потерпела крах. Я неожиданно толкнул обеими руками полураскрытую дверь и вошел в темную, украшенную толстыми коврами прихожую, откуда широкая лестница с резными перилами вела на верхние этажи. Боксер с удивительным проворством отпрыгнул, а в следующее мгновение в его руке оказалась дубинка. Я отклонился от удара, ударил ему в грудь плечом, быстро повернулся и, схватив обеими руками его правое запястье, ударил бедром в корпус. Свободной рукой он попытался вцепиться мне в ухо. Я сразу ударил его правую руку, находившуюся в моих тисках, о край перил.

Рука разжалась и дубина упала на пол. Он отпустил мое ухо и застонал от боли. В тот же момент я развернулся и ударил его локтем по горлу. Рот его раскрылся, словно для крика, но из него не вылетело ни звука. Он ударился спиной о стенку и начал с открытым ртом опускаться на пол, пока не онулся на ковре. Были видны лишь белки его глаз. Я поднял дубинку и нанес ему удар по голове. Он свалился набок, закрыл глаза и захрипел.

В маленькой прихожей находилась дверь, из замка которой торчал ключ. Я открыл эту дверь. За ней оказался большой стенной шкаф, наполненный пальто и шляпками. Я затащил выбывшего из игры боксера в этот шкаф и запер его на ключ. Ключ и дубинку я сунул в большую вазу, стоявшую на полу и заполненную искусственными розами, а затем поднялся по лестнице на второй этаж.

За одной из шести дверей проигрыватель наигрывал джазовую мелодию. Пятая комната... Пьяница, к тому времени, уже отказался от своей попытки подпевать. Женского смеха тоже не было слышно.

Я как раз подумывал о том, не подняться ли мне этажом выше, как одна из дверей, выходящих в коридор, открылась и из нее вышла, или скорее, почти вывалилась, какая-то стройная блондинка.

На ней не было ничего, кроме туфель на высоких каблуках, черных нейлоновых чулок и пояса, поддерживающего эти чулки. Увидев меня, она остановилась и, прислонившись к стене, зло буркнула:

— Этот чертов Билл! Сперва распалит даму до белого каления, а когда дело доходит до главного, засыпает! И что творится в наши дни с мужчинами!

Не оставляя мне времени для ответа, она продолжала:

— Э — э... А я тебя здесь не видела! Что, только пришел, чтобы участвовать в этой вшивой вечеринке?

— Да.

— Вот хорошо-то... значит, ты способен на большее.

Она украдкой бросила на меня пылающий взгляд и, оттолкнувшись от стены, подошла ко мне.

— Подождите! — запротестовал я.

Но у нее не было желания ждать. Она схватила меня за руку и потянула за собой.

— Ну, пошли же...

— Мне нужен Гарвей Кью, — поспешил я ей объяснить.

Но это не помешало ей продолжать тащить меня к двери, из которой она только что вывалилась.

— Его здесь нет.

За дверью находилась маленькая комната и почти все ее пространство занимала огромная кровать. На ковре, рядом с кроватью, валялся мужчина и бесстыдно храпел, положив голову на руки.

— Билли можешь не стесняться, — пролепетала блондинка и втолкнула меня в комнату. — Теперь его ничто не разбудит. Это уж я отлично знаю, не бойся.

Задернутые занавески приглушали дневной свет. Лампа зажжена не была, а когда девушка проскользнула мимо меня, хлопнув дверь, в комнате стало почти темно.

— Хватит! — зарычал я. — Мне нужно к Гарвею.

— Я же тебе уже сказала, что его тут нет. Забудь о нем, наконец. Займись лучше мною, видишь, как я хочу...

— А где я могу его найти?

Она выпустила меня из своих коготков.

— Откуда я знаю! Его здесь не было несколько дней... А я что, тебе не нравлюсь? Ничего, сразу понравлюсь, как только ты войдешь во вкус...

Она яростно и ловко начала расстегивать мое пальто. Я схватил ее за плечи, чтобы помешать моему стриптизу. Она даже взвизгнула от удовольствия. А мое самообладание таяло как снег на солнце. Я сразу отдернул руки от ее плеч. Она прижалась ко мне и принялась развязывать мой галстук. Я поймал ее руки и крепко сжал.

— Подожди! — прохрипел я. — Подожди, черт тебя подери! Мне нужно к Гарвею по делу. Может, ты все-таки знаешь, где он сейчас обитает?

— Наверное, дома, в постели. В этот утренний час... Милый, не будем терять время, я уже расплавилась.

— А я думал, что он проживает тут.

— Больше не живет. Несколько месяцев назад он купил себе большой дом в Нью-Джерси.

— Где именно?

Она сказала мне адрес.

— Ну, а теперь мы можем...

— К сожалению, не можем... — я отпустил ее руки и быстро открыл дверь. — У меня к нему важное дело.

— Неужели это не потерпит? Хотя бы немножко, до первого оргазма.

— Не обижайся на меня, — выпалил я и выскочил за дверь.

Глава 5

На бледном утреннем небе Нью-Джерси висели нежные облака, совсем не такие, как летом — тяжелые и низкие. Они выглядели так нежно, словно их кто-то нарисовал на небе маленькой кисточкой, обмакнутой в море. Голые деревья по обочинам пустынной маленькой улочки посылали свои тонкие ветки навстречу утреннему небу.

Я свернул на своем «шевроле» с главной улицы на широкую гравийную дорогу и затормозил. Между двумя широкими каменными столбами ворот, на уровне пояса, висела тяжелая металлическая цепь. На раскрашенном почтовом ящике, прикрепленном к одному из столбов, красовалось имя Кью.

Я вышел из машины. На колокольчике, висевшем на столбе, проходила красная линия, которая, видимо, светилась в темноте. Под ним находилась надпись, написанная той же краской на дощечке: «Прошу звонить!»

Звонить я не стал. Я просто снял цепь и бросил ее на гравий. Затем уселся в машину и поехал дальше по дорожке. Дорожка, извиваясь, бежала по парку меж деревьев. Минуты через две деревья расступились, и я увидел дом.

Это был большой двухэтажный дом с крутой шиферной крышей. Занавески на окнах были еще задернуты. Крытый проход соединял дом с гаражом, в котором могло поместиться, по крайней мере, пять машин. Дверь гаража была открыта и я заметил в нем две машины.

Я остановился перед гаражом, выключил мотор и вылез из машины. Не успел я захлопнуть дверцу, как сразу услышал голос:

— Стоять на месте!

Между двух машин, находившихся в гараже, возник человек и прицелился в меня из ружья. Когда он вышел на свет, я увидел, что у него в руках находился короткоствольный дробовик. Я остановился. Человек был одного со мной роста, но зато в два раза шире. Его грубое лицо гармонировало с его массивным торсом. Нос был приплюснут, а от ушей остались лишь какие-то лохмотья. Кожа вокруг глаз была усеяна оспинками.

— Вы не позвонили, — произнес он с упреком.

— Мне кажется, что я все-таки известил о своем прибытии — правда, на иной лад.

Он неприятно ухмыльнулся.

— У нас в доме повсюду фотоэлементы, вызывающие звонок. Никто не проникнет в дом незамеченным.

— Ты слишком много болтаешь, Джонси!— перебил его другой голос.

Я повернул голову и увидел человека, стоявшего за густой живой изгородью с револьвером 45-го калибра в руке. Человек был маленький и щупленький, с моложавым лицом и холодными, как лед, глазами. Судя по его взгляду и по той манере, как он держал свой револьвер, можно было заключить, что он много опаснее Джонси с его дробовиком. Он направил свой револьвер на меня.

— Нагнитесь вперед и положите свои руки на крышу машины!

— Не очень-то гостеприимно с вашей стороны,— заметил я.— Вы по утрам всегда в дурном настроении?

— Шутник!— презрительно бросил он.— Обожаю расправляться с людьми, а особенно с шутниками!

— Я всего лишь безобидный визитер... Или Кью не любит, когда ему наносят визиты?

— Вы не позвонили,— повторил Джонси таким тоном, точно я нарушил одну из десяти заповедей.

И дробовик, и револьвер 45-го калибра все еще были направлены на меня. У меня не оставалось выбора. Я нагнулся и положил руки на крышу машины. Увидев, что Джонси прислонил свой дробовик к радиатору, я весь сжался, точно пружина. Но другой быстро отошел в сторону, так, чтобы не оказаться на одной линии огня между мной и тощим. Пришлось замереть в ожидании.

Пухлые пальцы Джонси быстро ощупали меня и вытащили «магнум» из кармана моего пальто. Он приподнял его в руке, посмотрел на меня и тихонько присвистнул:

— Настоящая пушка, Скрюни!

— Выходит, не безобидный визитер, не так ли?— прорычал Скрюни.— Что вам нужно?

— Переброситься с Гарвеем Кью парой слов...— я опустил руки.

Дверь дома неожиданно открылась и на пороге возникла блондинка в длинном черном халате.

— Кто это?

Джонси взял свое ружье, а Скрюни показал мне направление револьвером:

— Марш!

Я направился к дому. Женщина отступила, когда мы проходили через холл, облицованный темным дубом. Здесь мы и остановились.

Она остановилась перед красной занавеской, которой заканчивался овальный проход, и с любопытством взглянула на меня. Она выглядела довольно высокой. Ее темный халат не смог скрыть округлостей груди и бедер. Несколько лет назад, вероятно, она

была красавицей. Но теперь у нее было ожесточенное лицо, хмурые морщины вокруг рта и недовольный взгляд.

— Что вам здесь нужно? — процедила она сквозь губы. — И почему вы не позвонили?

— Мне необходимо поговорить с Гарвеем по важному делу.

— Моего мужа нет дома. А кто вы такой?

— А вы не в курсе, где бы я мог разыскать его. У меня к нему важное дело.

Миссис Кью пожала плечами.

— Откуда я знаю. Дома он не ночевал. У него свои дела.

Скрюни ткнул меня в спину дулом своего револьвера.

— Миссис Кью спросила вас, кто вы такой, слышали?

— Вилли Мартин. Вчера я разговаривал с Кью по телефону, поскольку хочу продать дом.

— Взгляни, что там у него в бумажнике! — приказал Скрюни.

Джонси ткнул свое короткоствольное ружье мне в живот, держа палец на спуске, а другой он полез во внутренний карман и вытащил оттуда мой бумажник: там находились все мои бумаги. Открыв его одной рукой, он обнаружил фотокопию моей лицензии, из которой явствовало, что я — частный детектив. Его глаза сильно сузились, да так, что почти исчезли в его изрытой оспой коже.

— Бэрроу! — он взглянул на Скрюни. — Это Джек Бэрроу!

— Шикарно! — воскликнул Скрюни позади меня, еще сильнее нажимая револьвером мне в спину. — Он сам пришел к нам и извбавляет нас тем самым от всяких неприятностей!

Джонси сунул мой бумажник в карман своего пальто, где уже покоился мой «магnum». Злобно усмехнувшись, он обнажил в сумешке свои чудесные вставные зубы.

Я быстро оценил ситуацию. Возможно, что Джонси не отважится стрелять здесь, в холле, так как часть дробы могла бы задеть и Скрюни. А последний тоже может промедлить, боясь задеть миссис Кью.

В тот же момент я, словно волчок, развернулся на каблуках, выбил левой рукой револьвер из рук Скрюни, а правой врезал ему в брюхо. Он словно переломился надвое. Я успел подхватить кольт, который выпал из его руки еще до того, как он упал на пол. Мои предположения оказались верными: Джонси не выстрелил. Вместо этого, он поднял свое ружье еще до того, как я мог обратить против него вновь обретенное оружие. А потом был удар дробовиком. Мой затылок словно обожгло пламенем, а в голове как будто взорвалась бомба и весь холл развалился на тысячу мелких кусочков.

Последнее, что я услышал, летя в этом хаосе из кусочков и тумана, был очень спокойный голос миссис Кью:

— Если вы собираетесь прикончить его, то только не здесь...

Глава 6

Мои руки были связаны за спиной веревкой, впившейся мне в кожу. Чьи-то руки поставили меня на ноги. Коленки мои стали ватными, как резина, и руки эти вынуждены были поддерживать меня. Пальто мое свободно свисало с моих плеч. Наполовину я шел сам, наполовину меня тащили куда-то сквозь холодный и шумящий вихрь. Мне показалось, что мы шли целую вечность.

Наконец меня впихнули в машину, потом я услышал звук заходящегося мотора. Туман в моей голове постепенно рассеивался и я начал вспоминать, что произошло. Нет, это не были мои друзья. Цель, до которой они меня пытались доставить, мне явно не понравилась.

Я начал интенсивно бороться с этим туманом, пытаюсь прогнать его из головы. Мне даже удалось немного приоткрыть глаза. Правда, смутно, точно сквозь вуаль но я смог увидеть все. Я лежал на полу машины под передним сиденьем лицом вниз. Мне ни в коем случае нельзя было закрывать глаза. Через какое-то время пелена стала тоньше, и я смог различить детали на полу подомой.

Затем я попытался немного шевельнуть головой. Кто-то стукнул меня ботинком по спине, прижимая к полу, и в щеку ткнулось дуло револьвера, после чего хриплый голос Джонси угрожающе прошипел:

— Лежать тихо!

Я остался лежать тихо, как и приказал Джонси, но попытался полностью восстановить свое сознание. Когда машина остановилась и Джонси потянул меня за собой на заднее сиденье, голова показалась одной сплошной раной. Тем не менее туман перед глазами полностью испарился.

Мы находились в моем «шевроле». Скрюни примостился за рулем, а машина стояла между двумя длинными складскими помещениями, в конце которых блестела вода залива. За ним поднимались небоскребы Манхэттена. Их окна блестели в холодных лучах утреннего солнца.

Скрюни обернулся ко мне. Его тонкие губы скривились в злобной усмешке. После моего удара в живот, он еще не совсем пришел в себя.

— Как хорошо, что ты очнулся, шутник. Хочу, чтобы ты видел, как я расправляюсь с тобой!

Я бросил на него хмурый взгляд и попытался вспомнить, что я уже успел наговорить с утра пораньше и за что со мной собираются расправиться.

Скрюни вышел из машины и открыл заднюю дверцу. Джонси вытолкнул меня из машины. Я споткнулся, но сразу же обрел равновесие. Мои ноги по-прежнему были ватными, но они все же держали меня. Скрюни набросил мне на плечи пальто, чтобы скрыть мои связанные руки. Джонси захватил с заднего сиденья

номер старой газеты, набросил ее на свою руку с револьвером, чтобы она скрыла его, и вышел из машины. Газета полностью скрывала револьвер с глушителем, но спереди я мог видеть противное темное дуло, направленное на меня.

В стене дома находилась металлическая дверь. Скрюни достал ключ и открыл ее. Сквозь единственное грязное окно едва проникал скудный свет. Окно было с решеткой и выходило в проезд. Меблировку бюро составляли: большой письменный стол, пять зеленых и высоких металлических шкафов для документов, огромный сейф в углу и кушетка у стены. Напротив запертой двери стояли четыре массивных деревянных стула.

— Это бюро Гарвея Кью? — с любопытством спросил я. Флинт уже называл мне адрес в Манхеттене.

— Одно из многих, — заявил Джонси. — И о нем знают многие.

— Ты слишком много болтаешь!

Скрюни упрекнул в этом Джонси уже второй раз. Тот пожал плечами.

— Какая разница? Бэрроу все равно отсюда не выйдет. Я почувствовал, что на моем лице выступил холодный пот.

— Надеюсь, мой труп украсит это помещение, — выдавил я из себя.

— Вы все еще ничего не поняли, — скривился в усмешке Скрюни. — Минутку! Сейчас я покажу вам вашу могилу.

Я видел, как он подошел к кушетке и отодвинул ее в сторону. За ней оказался люк, сделанный в полу. Скрюни нагнулся и потянул за маленькое железное кольцо. Оттуда в лицо ударил запах дохлых рыб и гниющего ила. Слышно было, как вода лижет колонны, на которых было построено здание. Мои мышцы напряглись от волнения. Я попытался высвободить свои руки, но веревка не ослабла ни на йоту, а мои пальцы не могли дотянуться до узлов. Скрюни выпрямился и гнусно ухмыльнулся.

— Я только не понимаю, почему вы решили избавиться от меня, — проговорил я как можно спокойнее.

— Не понимаете? Ведь вы работаете вместе с Джонни Клоудом против нас... Это уже достаточное основание.

— Я не работаю с ним. А даже не понимаю, о чем вы говорите. Я не видел Джонни уже несколько лет.

— Каким же образом его дочь очутилась у вас?

— Ее послал ко мне отец... Но вот по какой причине — я не знаю. Она и сама об этом не знала.

Скрюни с наигранным удивлением поднял брови. Его нельзя было назвать хорошим актером.

— Что ж, может быть, мы и ошибаемся. Возможно, вы действительно не работаете вместе с этим сумасшедшим индейцем. Если это так, то нам совсем не нужно сбрасывать вас в воду на корм рыбам. И вы можете легко доказать, что не лжете. Скажите нам только, где мы можем найти Клоуда?

Теперь я понял все. Угроза убить меня была лишь неуклюжей ловушкой, цель которой была, как можно сильнее запугать меня, чтобы я все им рассказал. Во всяком случае, я надеялся, что это так и что у них нет другой причины убивать меня.

— Я же вам сказал, что не видел Джонни Клоуда уже несколько лет. Откуда же мне знать, где он?

Джонси сорвал с меня пальто и бросил его на пол. Его огромная рука ткнула меня в грудь и усадила на стул. Потом он взглянул на Скрюни.

— Ну что, избить его, чтобы он все нам рассказал?

Скрюни с каким-то нерешительным и задумчивым видом посмотрел на меня и покачал головой.

— Будет лучше, если мы подождем, пока сюда не приедет сам Гарвей Кью. Так будет правильно.

Джонси медленно кивнул и тоже взглянул на меня.

— Оставляйтесь на месте! И никаких трюков! Слышите? Иначе я проломлю вам черепушку!

Неожиданно Скрюни обратился ко мне с той же злобной усмешкой:

— Нервничаете, Бэррой?

Я промолчал.

Мы молча ждали. Наконец послышался шум машины. Джонси и Скрюни выглянули в окно. Я тоже вытянул шею и увидел, что рядом с моим «шевроле» остановился совершенно новенький «линкольн» кремового цвета. Скрюни пригрозил мне своим револьвером:

— Спокойно, ты, шутник!

В комнате, где мы находились, было сумрачно. Окно было очень грязное. Проезд напротив был весь залит солнечным светом. Люди в автомобиле не могли ничего различить сквозь наши грязные стекла, нам же было видно отлично. За рулем сидела, закутанная в норку, высокая пышная блондинка; такого же типа, как и миссис Кью, лишь намного моложе. Лет через пять или шесть и ее лицо потеряет свою юношескую прелесть и станет таким же хмурым и жестким, как и лицо миссис Кью. Но в данный момент она была очень похожа на девушку из Лас-Вегаса, выступающую в ревю.

— Миленькая мышка! — тихо пробормотал Джонси. — И как только такой парень, как Хэнко, может иметь такую кузину?

Девушка сняла руки с руля, повернулась влево и обняла обеими руками шею мужчины, сидевшего рядом с ней. Потом она вытерла платочком его губы от губной помады и погладила его по щеке. Тот, довольно улыбаясь, вышел из машины. Он был маленького роста, но широкоплечий. На нем было черное пальто и серая шляпа. Лицо было бледным и нездоровым, кожа дряблой, а под глазами висели синие мешки.

Он постоял и подождал, пока девушка не уехала. Я по привычке запомнил номер машины. А мужчина повернулся и на-

правился к двери бюро. Улыбка его испарилась и губы опять приобрели выражение суровой решительности, которое ему более всего соответствовало.

Джонси открыл ему дверь и тот вошел.

— Смотрите, кого мы вам привезли, мистер Кью,— выпалил Скрюни, чрезвычайно довольный собой.— Это — ищейка Бэрроу!

Гарвей Кью уставился на меня своими маленькими, но пронзительными глазами.

— Как вы его подловили?— спросил он и его голос прозвучал, как звук циркулярной пилы, полавшей на сучок.

— Он вас искал и пришел к вам домой.

Кью нахмурил лоб:

— Зачем?

— Мне необходимо было задать вам пару вопросов. Например: кто тот рыжеволосый убийца, которого вы послали на мою квартиру?

Гарвей Кью снял шляпу и бросил ее на письменный стол. У него были редкие черные волосы. Он старался зачесывать их так, чтобы скрыть лысину, но это ему плохо удавалось. Без шляпы он выглядел на двадцать лет старше.

— Где Джонни Клоуд?— спросил он, глядя на меня.

— А где ваш рыжеволосый убийца?

Джонси ударил меня по лицу тыльной стороной ладони. Я попытался увернуться от удара, но удар, тем не менее, был настолько силен, что я отлетел и сбил стул. Щека запылала, точно от огня.

— Здесь вопросы задаю я!— прорычал Кью.— Вы, вероятно, считаете себя крепким парнем! Возможно, это и так, но мы все равно заставим вас заговорить, можете быть в этом уверены! Просто это займет у нас какое-то время, а вам такими болезненными ощущениями, что вы взвоете. А ведь можно обойтись и без этого... Итак, где скрывается Джонни Клоуд?

— Я хочу сделать вам предложение! Вы мне расскажете все о рыжем убийце, а я расскажу вам все, что знаю о Джонни Клоуде.

Джонси подошел ко мне, чтобы всыпать очередную порцию оплеух, но Кью остановил его движением руки.

— Неужели вы так хотите получить взбучку?

Я пожал плечами и показал головой на открытый люк.

— Я ведь все равно не выйду отсюда живым. Поэтому вы спокойно можете рассказать мне в чем тут дело.

Кью меня не понял.

— Что за чепуху вы бормочете? Я ведь ни одним словом не дал вам понять, что вы не выйдете отсюда живым.

— Зато это утверждали ваши мальчики. Они смотрят на меня, как на корм для рыб.

Мне доставило чертовски большое удовольствие наблюдать, каким взглядом одарил Кью своих подручных. Под его взглядом они испуганно опустили глаза.

— А вы действительно настоящие идиоты! — набросился на них Кью. — Отрезать бы вам обоим языки!

— Но мы лишь хотели заставить его говорить, — начал было оправдываться Скрюни.

— А этого от вас и не требовалось! Разве я вам это поручал? Если вы еще раз решитесь на подобное, пеняйте на себя, — затем он вновь уставился на меня. — Возможно, что эти идиоты и пообещали вас сбросить... Вы ведь все равно не поверили этому?!

— Угрозы прозвучали довольно убедительно.

Кью покачал головой.

— Кто убежден, что должен умереть, не тратит свое время на всякие вопросы. Он больше заботится о том, как бы выкарабкаться из такой ситуации... У вас есть какой-то скрытый козырь. Выкладывайте, в чем его суть?!

Я надеялся выбить из него кое-какие сведения, прежде чем выпустить, как говорится, кошку из мешка. Но Гарвей Кью не был глупым человеком — иначе он просто не был бы тем, кем был сейчас. Тем не менее, я предпринял еще одну попытку:

— Я просто любопытен от рождения и мне всегда хочется знать, в чем состоит игра... Почему бы вам и не рассказать мне об этом? Может быть, мы пришли бы к соглашению и заключили сделку.

— Не считайте меня глупцом! Это напрасная трата времени, — он посмотрел на Джонси. — Придержи-ка его!

Я попытался встать со стула, но Джонси схватил меня сзади за шею и прижал обратно к стулу.

— Отрежь ему уши, Скрюни!

Тот плотоядно ухмыльнулся, сунул револьвер в карман, вытащил складной нож и нажал на кнопку. Из рукоятки выскочило длинное острое лезвие. Он медленно направился в мою сторону.

— Полиция знает, что я здесь, — пришлось выпалить мне.

Кью немедленно приказал Скрюни:

— Погоди...

Тот с разочарованным видом застыл на месте.

— Вы действительно считаете, что я попадусь на такой глупый трюк? — спокойно произнес Кью.

— Это не трюк. Именно полиция и дала мне ваш адрес. И там поджидают моего возвращения. Долго ждать они, конечно, не станут... И если я не вернусь, полиция здорово вас прижмет. Она только и ждет подходящего случая, чтобы прихватить вас за жабры.

— Да что вы говорите! И, тем не менее, я считаю, что вы блефуете!

Но эти слова он произнес не таким уверенным тоном, как раньше.

— Я понимаю, что вам больше хочется мне не верить, — кивком головы я указал на телефон. — Позвоните лейтенанту Фленту. Вы найдете его в Манхеттенском бюро по расследова-

нию убийств, и спросите его, где я нахожусь. Скажите, что вы мой приятель и вам необходимо срочно связаться со мной. Flint ждет меня, когда я вернусь и сообщу ему о результате моего визита к вам.

Кью, наверное, с полминуты испытующе глядел на меня, покусывая при этом нижнюю губу.

В конце концов Скрюни не выдержал:

— Он лжет, мистер Кью.

— Не думаю, — задумчиво промолвил тот. — Ведь это легко проверить. Следи за ним. Я скоро вернусь...

Он повернулся к двери и вышел.

Нам оставалось только ждать. Минут через пять о возвратился.

— О'кэй, Бэрроу! Я убежден, что существует путь, на котором мы могли бы договориться. Вероятно, если мы вас изобьем, то из этого все равно ничего не получится. За какую сумму я могу вас купить?

— Все зависит от того, ради чего вы собираетесь это сделать?

— Где Джонни Клоуд?

Я покачал головой:

— Тут я бессилен.

— Вы ничего о нем не слышали?

— Ничего.

— Глупо! Я хотел вам предложить за эти сведения две тысячи.

— Да, слишком глупо. Деньги мне бы оченьгодились.

Кью сморщил лоб. Спустя некоторое время он сказал:

— Если вы ничего не слышали о Джонни сейчас, то через какое-то время он, наверняка, захочет заявиться к вам. Он захочет выяснить, где его дочь, — он говорил медленно и наблюдая при этом за моей реакцией. Но я оставался холоден, как игрок в покер. Лицо Кью напряглось. — Скажите Клоуду, чтобы он молчал... если хочет увидеть дочь... живой.

Из его слов я должен был понять, что Нина находится, якобы, в их руках. Но я не попался на эту уловку. Он просто пытался узнать, знаю я или нет, где находится дочь Джонни. Лицо мое оставалось безучастным.

— Я передам ваши слова Джонни... если он объявится.

Гарвей Кью внимательно и довольно долго смотрел на меня, а потом, видимо, принял решение и подал знак Скрюни:

— Развяжите его!

Скрюни совсем приуныл. Он так надеялся, что сумеет отплатить мне за удар в живот, которым я его наградил. С хмурым видом он подошел к моему стулу и, когда Джонси отпустил меня, перерезал веревки. Я сразу же начал растирать набухшие запястья.

— Следите за ним! — приказал Кью.

Гангстеры отступили назад и направили на меня свое оружие. Кью вынул свой бумажник, достал оттуда две сотенные банкноты и подошел ко мне. Сложив их вместе, он засунул их мне в карман.

— Доставьте мне удовольствие,— промолвил он довольно мягким голосом,— совершите куда-нибудь маленькую поездку после того, как передадите Джонни Клоуду мои слова. Это дело вас совершенно не касается. Не мешайте мне и не лезьте в это дело.

Я медленно поднялся и спокойно заявил:

— Есть очень эффективное средство отделаться от меня... В моей квартире была тяжело ранена девушка, которая очень много для меня значит. Я понимаю, что это не входило в ваши намерения, но, тем не менее, это случилось... Мне нужен тот человек, который это сделал. Можете быть уверены: я до него доберусь... Так что доставьте мне удовольствие и выдайте его мне. Иначе с этого дня у вас из-за него будут одни неприятности.

Гарвей Кью постучал себя указательным пальцем в грудь.

— Вы меня не знаете, Бэрроу. Вы полагаете, что я слаб и беспомощен, отпуская вас. Но ведь полиция знает о вашем визите ко мне только в этот раз. Как только вы отсюда уйдете, с вами в любой момент может что-нибудь случиться и никто не сможет меня ни в чем уличить. К примеру, вам может кто-нибудь подложить в вашу машину бутылку с нитроглицерином и при первой встряске вы взлетите на воздух. Или, например, вы выпьете в своей квартире глоток виски, отравленного мышьяком. Или, проходя по какой-нибудь темной улице, вы получите хороший заряд свинца в живот... Ведь при вашей профессии у вас должно быть много врагов.

Я промолчал и, взглянув на Джонси, произнес:

— Отдайте мне револьвер и бумажник.

— Только разряди его,— распорядился Кью.

Скрюни разрядил оружие и высыпал патроны на пол. После этого он протянул мне револьвер вместе с бумажником.

— Ключи от машины!— не унимался я.

Скрюни бросил их мне.

— Будьте же благоразумны, Бэрроу,— тихо, но угрожающе проронил Кью.— То, что произошло с вашей подругой, как вы сами сказали, не имеет со мной ничего общего. Это просто несчастный случай... Такой же, как если бы вы, переходя улицу, случайно попали под автомобиль. Поэтому не возводите это в государственное дело.

— И не собираюсь,— буркнул я.

Затем, взяв пальто и шляпу, я вышел на улицу.

Усевшись за руль своего «шевроле», я глубоко вздохнул... Какое-то время я так и сидел, не шелохнувшись. Потом я вытащил из кармана пиджака две сотенные бумажки, какое-то время рассматривал их и сунул в карман брюк. Деньги совести не имеют. Им будет безразлично, на что я их употреблю, даже если я употреблю их на борьбу с тем человеком, который мне их подарил.

Я выехал и осмотрел переднюю часть здания. Над закрытыми воротами висела вывеска:

«ТРАНСПОРТНОЕ АГЕНСТВО»

Я понял, почему Гарвей Кью отпустил меня. На это имелось две причины. Прежде всего он хотел, чтобы я передал Джонни Клоуду его слова. Что бы ни случилось, а первойшей заботой Кью было помешать Джонни Клоуду заговорить.

Во-вторых, Гарвей Кью хотел заполучить в свои руки самого Клоуда и его дочь. Я был убежден, что Кью и его люди до сих пор не поймали Нину и не знали, где она скрывается. Он лишь блефовал, чтобы выяснить, знаю ли я что-нибудь на самом деле. Но этим блефом он ничего не добился. А так как полиция действительно знала о том, что я находился у него, ему показалось опасным выбивать из меня какие-нибудь сведения.

У него была другая возможность и он ею воспользовался: он отпустил меня, чтобы я навел его на след Джонни или Нины. Видимо, он как раз и организовывал за мной слежку, когда исчезал из бюро на пять минут. Поэтому, выезжая из этого района, я не спускал глаз с зеркала заднего обзора. Ждать пришлось недолго, на одном из перекрестков, из боковой улочки вслед за мной выехал черный «форд». В нем находилось два человека. Машина следовала за мной...

Глава 7

Автомобили служащих, ехавших на службу из пригородов Нью-Джерси в Манхеттен, скапливались в туннеле под Гудзоном и заливом. Мне не представило бы никакого труда стряхнуть со своих пяток черный «форд», который и теперь следовал за мной, но я и не пытался этого сделать.

Когда моя машина уже выехала из туннеля на стороне Нью-Йорка и направилась в сторону города, я вновь взглянул в зеркальце. Черный «форд» следовал за мной в числе других машин, которые заполняли улицы.

Вот тут уже пришло время действовать. В часы пик, при таком оживленном движении, ничего не стоит стряхнуть со своего следа любого преследователя.

Я подъехал к Восьмой авеню. Светофор разрешил проезд через перекресток, но я не поехал. Я придержал машину и в напряжении ждал, держа руку на сцеплении, а ногу на педали. Остановившиеся за мной машины стали страшно сигналить. До меня доносились громкие выкрики и даже отборная брань.

А я выждал, пока зеленый свет не сменится красным и в тот же момент нажал на педаль. Мой «шевроле» вылетел на перекресток и буквально в последнюю секунду проскочил перед потоком машин,двигающихся по Восьмой авеню.

Я очутился на другой стороне перекрестка, не задев ни одной из машин. А после этого все стало уже совсем просто: надо было покрутиться по улицам, почаще меняя направление, а потом переехать через Бруклинский мост. Вряд ли черный «форд» разыщет меня после этого.

Голова Сэнди возлежала на подушках. Лицо было серое и похудевшее, а веки казались темными пятнами. Но ее жизнь уже находилась вне опасности. Врач даже разрешил мне и Флинту посмотреть на нее несколько минут. Сам он тоже оставался в палате, я имею в виду врача, чтобы проследить за тем, чтобы мы ее не переутомили.

Я взглянул на нее и сразу сжал руки в кулаки, а губы сжал так плотно, что у меня заболели челюсти. Флинт, стоявший рядом со мной, протянул руку и потрепал ее по щеке.

— Сэнди!

Ее веки дрогнули и открылись. Зрачки глаз были похожи на булавочные головки. Прошло какое-то время, прежде чем до ее сознания дошло, кто мы такие. Она осторожно облизала кончиком языка свои пересохшие губы.

— Хэлло! — прошептала она каким-то слабым и чужим голосом.

— Только не волнуйся, — выдавил из себя Флинт. — Тебе уже лучше. Но ты не говори, если...

Я перебил его мычание. Ведь доктор позволил нам побыть в палате считанные минуты.

— Что произошло, когда я ушел звонить по телефону?

Снотворные средства мешали ей сконцентрироваться, но она постаралась взять себя в руки. В следующее мгновение она уже шептала, задыхаясь:

— Он вошел... почти сразу же после твоего ухода... У него был револьвер с коротким стволом... Думаю, тридцать восьмой...

Флинт удовлетворительно кивнул:

— Врач вытащил из вас пулю 38-го калибра.

— У него были рыжие волосы?

— Да... он сказал, что нашел таксиста... который отвезет к тебе Нину... отвез к тебе Нину от квартиры Марго. Он сказал, что не собирается убивать девочку... Она нужна ему живой, И она... и она... храбрая девочка. Помчалась прямо в спальню, а потом через окно на пожарную лестницу... Он хотел броситься за ней, но... я выхватила из сумочки... мой револьвер. Но я не успела... он выстрелил первым... И я... потеряла... сознание...

Сэнди закрыла глаза, потом вновь их открыла.

— Я чувствую такую слабость, — прошептала она.

Врач, который до сих пор беспокойно стоял у кровати, быстро заявил:

— На сегодня хватит.

Он подошел к ней и пощупал ее пульс. Сэнди тихо вздохнула и глаза ее снова закрылись.

Когда мы уже вышли в коридор, я рассказал Флинту о моем визите к Гарвею Кью. До этого я просто не имел возможности этого сделать, так как едва успел я приехать в больницу, как доктор разрешил нам свидание с Сэнди.

Флинт покачал головой.

— В этом случае мы ничего не можем предпринять. У нас нет доказательств того, что вам угрожали или плохо с вами обращались. А они, наверняка, будут все отрицать.

— Кое-что я все-таки узнал. Мы теперь точно знаем, что рыжеволосый работает на Кью. Привлеките к делу всех ваших людей и заставьте их поискать по всему городу этого типа, который принадлежит к банде Кью. Основной уклон сделайте на осведомителей. Если вы будете действовать подобным образом, вы, наверняка, натолкнетесь на него, или хотя бы выясните его имя.

— Мы сделаем все, что в наших силах, если...

К нам неожиданно подбежала сестра.

— Лейтенант Флинт?

Флинт гордо выступил вперед.

— Вас к телефону.

Он прошел с ней в комнату для сестер. Я прислонился к теплой стенке, закурил сигарету и уставился в пустоту. Вскоре вернулся Флинт.

— Нужно срочно ехать в другую больницу, Бэрроу!

Я удивленно уставился на него.

— В Бельвью. Там находится ваш друг, индеец.

Мы быстро сели в мою машину. По дороге он мне все рассказал.

— Клоуд лежит в этой больнице с семи часов вечера, то есть со вчерашнего дня. Но никто не знал, кто он. Вероятно, он выбросил свой бумажник, а в больнице назвал вымышленное имя. Он добрался до больницы сам, хотя я никак не могу понять, как ему это удалось — одна пуля переломала ему кисть руки, а другая вошла в грудь.

— Какого калибра пуля?

— Тридцать восьмого!

Внезапно Флинт наморщил свой лоб.

— Вы правильно думаете, — обратился я к нему. — Прикажете экспертам сравнить пули, извлеченные из Клоуда с пулей, ранившей Сэнди.

— Конечно, мы это сделаем. Мы сразу поехали в Бельвью, как только узнали, в чем дело, но он как раз находился на операционном столе. А когда очнулся, не захотел нам ничего рассказывать. С тех пор Фини почти не отходил от него, но получить от него сведения не смог.

— Как же вам удалось выяснить, что это Джонни Клоуд?

— В больницу прибыли его отец и сестра. Их самолет приземлился час назад в аэропорту. В газетах, на первой полосе рассказывается о Нине Клоуд и о том, что случилось в вашей квартире. Они это прочитали. Они отправились в больницу и осведомились о пациенте с тем именем, которое Джонни Клоуд назвал при поступлении туда. И когда они ему обо всем рассказали, то Клоуд сообщил Фини свое настоящее имя и заявил, что желает с вами немедленно переговорить.

— Что же еще он рассказал Фини?

— Больше ничего. Он до сих пор не желает говорить, кто в него стрелял и по какой причине... Может быть, он заговорит, когда там будете вы...

Комплекс зданий больницы Бельвью зажат между Ривер и кварталами старых домов. Здания больницы, частично старые и непривлекательные, но тут же рядом — совсем современные, сверкающие никелем и стеклом. Здание, порог которого мы переступили, было старым.

Джонни Клоуд лежал в одиночной палате на четвертом этаже. Перед его дверью находился полицейский в форме. Он сразу же поднялся, как только заметил лейтенанта Флинта.

В палате находилось четыре человека. Двоих из них я знал. — Эда Фини, коренастого сержанта, который обычно работал с Флинтом, и Джонни Клоуда. Фини представил нам двух других: отца Джонни и его сестру — Пита и Ребекку Клоуд.

Пит Клоуд был очень похож на Джонни, только постарее, поменьше и поплнее. А его темное лицо было словно выбито из гранита. На нем был потертый серый костюм, белая рубашка, черный шнурок, служивший в качестве галстука. На ногах были широкие ковбойские сапоги.

Ребекка Клоуд выглядела маленькой чертовкой. Ее свитер и юбка плотно облегли все округлости ее гибкого, пружинистого тела. У нее были стройные и красивые ноги и высокие груди. Туфли на высоких каблуках делали ее выше, а задорное лицо было медного оттенка. Оно было обрамлено блестящими, черными шелковистыми волосами, которые гармонировали с черными горящими глазами. Ее чувственный рот говорил о том, что она может отлично целоваться и отлично ругаться.

Джонни Клоуд лежал на подушках. Вернее, не лежал, а почти сидел. Завидев меня, он попытался приподняться, но вынужден был откинуться на подушки. Его левая рука была вся в гипсе. Другая рука была привязана к доске, чтобы он не мог ею шевелить во время переливания крови. Из бутылки над его головой, по резиновому шлангу, сочилась кровь к шприцу с иглой, которая была воткнута в его вену.

— Джек! — словно выдохнул он и начал без всяких предисловий. — Ты обязан найти Нину до того, как ее найдут другие!

— Так помоги же нам, Джонни. Кто эти другие? И что все это означает?

— Этого я тебе не могу сказать. Сначала Нина должна оказаться в безопасности, там, где ее не смогут достать другие.

Флинт недовольно буркнул:

— Вы не имеете права больше молчать, Клоуд. Вы по самую шею увязли в неприятности. Марго Варга, женщина, на которой вы собирались жениться, была застрелена вчера вечером. Буквально через три часа вы с трудом добрались до этой больницы... У вас крупные неприятности. Возможно, вы застали ее с другим человеком и убили из ревности и злобы. Пока вы мне не расскажете что-нибудь другое, я должен буду придерживаться своей версии.

Флинт, конечно, блефовал, но на Джонни это не подействовало. Он сильно изменился за прошедшее время. Он уже не был таким смешливым и беззаботным, как раньше. Зато он сохранил свое упрямство.

— Можете думать, что хотите, но я ничего не скажу до тех пор, пока моя дочь не будет пребывать в безопасности. Они ведь поэтому и гоняются за ней, чтобы воспрепятствовать дачи мною показаний.

— А что именно вы можете о них рассказать, черт бы вас побрал?— рассердился Флинт.

— Об их рэкрете... Очень большое предприятие... Спрячьте от них Нину и я расскажу все: подробности, имена, соглашения... Но если моя дочь попадет к ним в лапы, я вам ничего не скажу.

Тут рассердился я.

— Джонни, ты же знаешь, что ты мне всегда нравился... Но вчера вечером случилось несчастье: в моей квартире тяжело ранили девушку, которую я люблю, и ранили потому, что она оказалась замешанной в ту же историю, в которой увяз и ты!

Большие черные глаза Джонни взглянули на меня в упор.

— Мне очень жаль, Джек. Я хотел бы...

— В нее стреляли только потому, что она хотела спасти твою дочь. И я должен найти человека, который это сделал. Такой высокий, рыжеволосый парень с...

— Бэн Хэнкс,— пробормотал Джонни и сразу, вероятно, пожалел, что у него вырвалось это имя.

Он плотно сжал губы и отвернулся.

Бэн Хэнкс! Я постарался скрыть свое волнение. Я сразу вспомнил блондинку, сидевшую за рулем «линкольна». «Кузина Хэнкса» сказал тогда толстяк Джонси...

Я взглянул на Флинта и сержанта Фини и по их виду понял, что это имя им ничего не говорило. Лицо Пита Клоуда казалось таким же бесстрастным. Лишь сестра Джонни озабоченно взглянула на брата.

— Это только начало,— заявил Флинт.— Давайте дальше! Как же мы найдем вашу дочь, если вы нам не поможете?

Джонни уставился в потолок и молчал.

— Джонни, — раздался голос его отца с хрипотцой в голосе, — помоги же им! Перестань думать только о себе. Надо позаботиться и о том, чтобы нашли девочку.

— Именно о ней я и думаю, отец! Возможно, она уже в их руках... Может, они уже убили ее. Если же я заговорю, тогда уж они обязательно прикончат ее.

— О, Джонни! — вздохнула сестра Ребекка. — Что ты надеялся?

Джонни закрыл глаза. Лейтенант Флинт продолжал задавать ему свои вопросы, но с таким же успехом он мог обращаться к разложившемуся трупу.

В палате появился врач и заявил, что пациенту необходим покой. Я повернулся, собираясь уходить, и тяжело вздохнул.

Затем, передумав, я обратился к Джонни:

— Ну, хорошо! Я попытаюсь найти твою дочь. Но ты можешь хоть предположить, где она может скрываться в Нью-Йорке? Может, ты знаешь кого-нибудь, к кому она могла бы обратиться за помощью?

— Нет, здесь я никого не знаю, кроме тебя и Марго.

— И тех, других?

— Да, — словно простонал он.

Мы все вместе вышли в коридор. Фини остался в палате. Я быстро прошел по коридору к телефонной будке и позвонил в свое бюро. Возвратившись обратно, я сказал:

— Нина все еще не звонила. Но, возможно, она все-таки это сделает. Если она может...

Темные руки Пита Клоуда сжались в кулаки.

— Если с моей внучкой что-нибудь случится...

Я повернулся к Флинту.

— Было бы неплохо, если бы вы пошарили в своей картеке, что у вас имеется на этого Хэнкса. Уж если вам известно его имя, то мы должны разузнать о нем и еще что-нибудь.

Флинт кивнул.

— Меня лишь угнетает мысль, что хорошему адвокату все равно удастся его вытащить. Свидетель, который видел его убегающим из вашего дома, видел его только мельком. И при этом, никто не видел ничего противозаконного.

Наши взгляды встретились, и мы поняли друг друга. Я ничего не рассказал ему о кузине Хэнкса, потому что хотел отыскать рыжеволосого убийцу лично. Пусть полиция забирает его после того, как я с ним расправлюсь!

Флинт повернулся к Питу Клоуду и его дочке.

— Ну, хорошо! А что вы знаете об этом деле?

— Ничего, — ответила Ребекка, — но было бы лучше, если бы я что-нибудь знала.

— Я знаю, что Джонни замешан в какую-то грязную историю, — произнес Пит. — Работая на грузовике на международных

рейсах просто нельзя заработать такие деньги, чтобы потом иметь возможность купить такое ранчо, как наше. Я пытался поговорить с Джонни, но он лишь отшучивался в ответ. Таким он был всегда. Он во всем видел смешное и никогда ничего не принимал всерьез. Никогда ни над чем не ломал себе голову. А теперь наступила расплата... Теперь он будет ломать себе голову, но уже слишком поздно.

— Вы имеете хоть какое-нибудь представление, каким рэкетом он мог заниматься? — спросил Флинт.

Пит Клоуд покачал головой:

— Джонни авантюрист от природы. Он и раньше попадал в разные переделки, но никогда это не было так серьезно, как сейчас. Самое серьезное из его бывших дел — это контрабанда спиртного из Мексики, шесть лет назад. Его задержала полиция, но потом отпустила на поруки, когда за него вступился и поручился наш шериф. Джонни нравился шерифу... И, вообще, Джонни всем нравился в районе Санта-Фе. В том-то, наверное, и вся беда. Его все любили и поэтому он слишком легко смотрел на жизнь.

— Откуда вы узнали, что он находится в этой больнице под чужим именем?

— Он позвонил нам вчера вечером около восьми часов, — ответила Ребекка. — Из Нью-Йорка. Сообщил, что ранен. Сказал, что кто-то пытался его убить, но ему удалось уйти. Он попросил нас приехать сюда, в больницу. Он сообщил нам и имя, под которым он будет записан в этой больнице. Я спросил его насчет Нины. И он нам сказал, что все нам расскажет, когда мы приедем в больницу.

— А как он вообще попал в Нью-Йорк?

— Мы думали, что он должен отвести сюда какой-то груз, — сообщил Пит. — Во всяком случае, он так объяснил нам перед отъездом.

— На какую фирму он работал? — поинтересовался я.

— Этого я не знаю.

Я взглянул на сестру Джонни. Она отрицательно покачала головой. Флинт задал еще несколько вопросов, но они уже сказали все, что знали об этом деле.

— Точно какой-то кошмарный сон, — вздохнула Ребекка. — Сам он тяжело ранен. Нина... Почему девочка не обратилась в полицию?

— Возможно, она слишком напугана, чтобы здраво рассуждать, — высказал я свое предположение, — и, кроме того, Джонни не советовал ей обращаться в полицию. Он только сказал ей, чтобы она разыскала меня. Видимо, она считает, что у него были на это основания.

— Но куда она могла спрятаться? Она ведь до этого никогда здесь не была.

— Может быть, ее уже нет в городе. Она могла возвратиться

домой. Ведь это единственное место, где она может почувствовать себя в безопасности. У нее достаточно денег на обратный путь.

— Погодите... Минутку! Как-то Нине очень захотелось проехаться автостопом. Мы ей этого не разрешили, но...

Я кивнул.

— Возможный вариант. Кто-нибудь из вас должен вернуться домой, чтобы ждать ее там. На всякий случай.

— Я вылету ближайшим самолетом, — возбужденно произнес Пит и взглянул на Флинта. — Я могу идти?

— Да... Но если вдруг вы нам понадобится, как я смогу вас разыскать?

— Просто позвоните на почту в Санта-Фе и попросите их соединить вас с ранчо Клоуда.

Флинт повернулся к Ребекке:

— А где вы остановитесь в Нью-Йорке?

— Еще не знаю. Я ведь тоже в первый раз в этом городе.

Я порекомендовал ей хороший и не очень дорогой отель, и она кивнула в знак согласия. Пока мы спускались в лифте, я попросил Флинта дать мне список доходных домов Гарвея Кью. Он пообещал мне это сделать.

— Позвоните через несколько часов в полицейское управление, — сказал он, когда мы вышли из лифта и шли через холл.

Пит Клоуд и я забрали багаж, который стоял у окошечка бюро, где выдавали справки. Затем вызвали такси и вынесли багаж наружу. Пит и его дочь даже не поцеловались на прощание, а лишь долго и внимательно посмотрели друг на друга. Потом жилистый индеец влез в такси и направился на аэродром.

Я перешел с Ребеккой через улицу к моему «шевроле» и положил ее чемодан на заднее сидение. Когда мы уселись, она спросила:

— И как только можно найти Нину в таком огромном городе?

— Если она все еще здесь, то не исключена возможность, что она мне позвонит. А я попрошу у своей администрации, чтобы все телефонные звонки, если будет говорить женский голос, были переключены на ваш отель.

Такое предложение ей, видимо, не понравилось. Она нахмурилась.

— Вы считаете, что я должна сидеть в номере и ждать звонка?

— Так надо, Ребекка. Или вас называют Бэки?

— Нет. Все называют меня Сторми.

— И кто же вас наградил этим прозвищем?

— Я в этом не виновата. Я получила это имя в пять лет, когда я впервые попыталась прокатиться на дикой лошади. Так оно за мной и осталось.

Сторми! А ей действительно идет это имя. Она как шторм или буря. Я всмотрелся в ее гордые черные глаза, пухлые красивые губы и на ее темпераментные телодвижения.

- Вы и сейчас еще ездите на диких лошадях?
- Да. Вас это удивляет?
- Слишком суровая работа для девушки.
- А я на самом деле чересчур суровая девушка, — заметила она.

Глава 8

Я вынул из ящичка для перчаток короткоствольный пистолет 32-го калибра и протянул его Сторми.

— Это на тот случай, если те парни узнают, что вы в городе и начнут преследовать вас. Вы умеете с ним обращаться?

Она положила оружие в сумочку.

— Не беспокойтесь, Джек! Я сумею постоять за себя!

Было обеденное время, а мы ничего не ели со вчерашнего вечера. Мы зашли в ресторан неподалеку от 42-й улицы и заказали по бифштексу. Во время еды я еще раз расспросил ее о Джонни, но не узнал ничего нового.

— А вы знаете, Джек, что вы были первым человеком, в которого я влюбилась, — неожиданно выпалила Сторми и взглянула на меня.

Я поднял на нее глаза.

— Джонни рассказывал мне о вас, а я как раз была в том возрасте, когда у девушки пробуждается первая любовь. Вот я и выискивала в вас те качества для моей первой любви, хотя никогда вас не видела.

— А теперь разочаровались?

Ее темные глаза испытующе посмотрели на меня и она покачала головой.

— Нет. И я никогда не представляла вас красавцем.

— А сколько раз вы влюблялись с тех пор?

— Несколько раз, — чарующе улыбнулась она. — Ведь я, все-таки, нормальная девушка!

В этом никто и не сомневался.

Отель, который я ей предложил, находился на одной из боковых улиц между Бродвеем и Шестой авеню. Она получила номер с ванной на одиннадцатом этаже. Я дал коридорному на чай и забросил чемодан под кровать. Сторми сняла свое теплое кожаное пальто и подошла к окну, чтобы полюбоваться видом Манхеттена. Двигалась она плавно и грациозно, наподобие пантеры. Я отвел от нее нескромный взгляд и снял трубку телефона.

Сперва я позвонил к себе. На коммутаторе сказали, что Нина еще не давала о себе знать. Я распорядился, чтобы все звонки женщин переводились на номер Сторми. После этого я позвонил в бруклинскую больницу и узнал отличную новость: Сэнди фактически находилась вне опасности и поправлялась быстрее, чем даже надеялись врачи. Если выздоровление и дальше пойдет таким

образом, то ее выпишут из больницы дней через десять.

Я взглянул на часы. Прошло не так уж много времени, но я был слишком нетерпелив, чтобы ждать еще.

— Это Бэрроу!— сообщил я Флинту.— Какие новости?

— В Сэнди и этого индейца стреляли из одного и того же оружия.

— Жуткое дело! Это же револьвер Бена Хэнкса 38-го калибра.

— Чей-то револьвер 38-го калибра,— поправил меня Флинт.— У нас нет никаких доказательств, что он принадлежит Бэну Хэнксу. Во всяком случае, пока.

У меня просто не было времени и желания спорить с ним по этому поводу.

— Вы узнали что-нибудь о Хэнксе?

— Да. Выяснилось, что у Кью есть на него досье. Правда, там, наверное, совсем немного, но начало положено. Судя по всему, этот поганый тип и родом из тех краев, где полным-полно головорезов. После того, как он убил человека в драке, он оттуда уехал... Служил на флоте, в Корее, получил медаль за то, что уничтожил шесть вражеских снайперов. А потом всплыл в Чикаго и зарекомендовал себя как наемный убийца, но его еще ни разу не смогли в чем-нибудь уличить... Приблизительно год назад один из моих людей слышал, что Хэнкс перекочевал из Чикаго к нам. Он запросил полицию Чикаго и те выслали его досье.

— Что еще?

— Пока все. После этого о нем ничего не было слышно. Не знаю, ни где он живет, ни на кого работает. До сих пор, собственно, и не было причин заинтересоваться им всерьез... Но теперь — другое дело. Я уже пустил свои щупальца в его сторону и скоро мы что-нибудь выясним.

— Но ведь вы уже знаете, что он работает на Кью.

— Пожалуй... Только у нас еще нет отправной точки, за которую можно было бы зацепиться.

— Он есть в телефонной книге?

— Нет.

— Вероятно, он проживает у Гарвея Кью, в Нью-Джерси. Два других гангстера, кажется, чувствуют себя там, как дома.

— Я уже связывался с полицией Нью-Джерси. Он там не проживает.

Быстрота, с которой работал Флинт, была достойна восхищения, хотя до сих пор ничего чего-нибудь существенного на поверхность не всплыло. Точно прочитав мои мысли, Флинт стал оправдываться:

— Я ведь только начал... Дайте мне хоть немного времени. Рано или поздно, но я заполучу этого ублюдка Хэнкса в свои руки.

— Не сомневаюсь! Но самое неприятное в этой истории то, что если вы сделаете это «поздно», то и на самом деле будет поздно. Вы приготовили мне список доходных домов Кью?

— Да... Это было просто. Такой список находился в деле, кото-

рое мы завели после того, как выловили первую жену Кью из воды.

Я аккуратно записал все адреса в свою записную книжку. За исключением склада в Уихьюкене, ночного клуба в Нью-Йорке и дома на Восточных Шестидесятих улицах все дома, принадлежавшие Кью, были расположены в нижней части испанского Гарлема, района, охватывающего десять кварталов.

Я пообещал Флинту позвонить попозже и повесил трубку.

Какое-то время я просто сидел и задумчиво рассматривал телефон, как будто в нем спрятался Хэнкс. Потом отыскал номер телефона Кью в Манхеттене и позвонил туда.

— Транспортное агентство, — слышался голос секретарши. — Как о вас доложить?

— Скажите, что это из полиции.

Через несколько секунд я услышал скрипучий голос Кью:

— Гарвей Кью у телефона... Кто...

Я повесил трубку без комментариев. Значит, он в своем бюро. Только это я и хотел выяснить. Я поднялся и одел пальто. Сторми оторвалась от окна и уставилась на меня.

— Вы останетесь здесь, — заявил я. — Позднее я вам позвоню. Ни в коем случае никуда не ходите. Еду и все другое, что вам понадобится, попросите принести в номер. Если позвонит ваша племянница, передайте ей, чтобы она немедленно шла в ближайший полицейский участок и попросила бы связать ее с лейтенантом Флинтом из отдела по расследованию убийств. Он позаботится о том, чтобы ее взяли под охрану.

— А если она не позвонит?

— Попытаюсь отыскать ее сам.

Я немного приоткрыл дверь, убедился, что там меня никто не подстерегает.

— Заприте за мной, пожалуйста, дверь. И открывайте только в том случае, если будете твердо знать, кто именно стоит за дверью. И не забывайте, что револьвер постоянно должен находиться у вас под рукой. Ясно?

— Не беспокойтесь. Я вам уже говорила, что могу побеспокоиться о себе сама. Позаботьтесь лучше о Нине...

Бюро Гарвея Кью находилось в новом здании, почти в конце Западного Центрального парка. Я остановил машину приблизительно в тридцати ярдах от входа, прошел в здание и из телефонной будки, стоявшей в холле, еще раз позвонил в бюро Кью. При этом я положил на микрофон носовой платок, чтобы изменить голос.

Вновь раздался голос секретарши. Я представился:

— Говорит Бен Хэнкс. Передайте мистеру Кью, что он должен как можно скорее приехать ко мне. Звонить не нужно. Это очень важное дело. У нас большие неприятности...

— Минутку, мистер Хэнкс. Я только...

— У меня нет времени! Передайте мистеру Кью, что я вам сказал! — буркнул я и повесил трубку.

После этого я быстро вышел из здания и снова сел в машину, заведя мотор. Прошло немного времени и из дверей вышел коренастый человек. Его правая рука находилась в кармане. Он осмотрелся по сторонам, а потом кивнул. После этого из дверей вышел сам Гарвей Кью. Человек, вышедший перед ним, был, очевидно, его телохранителем. Судя по всему, Кью обеспечил себя полным комплектом гангстеров. Я уже знал пятерых: Джонси, Скрюни, Боксера и того, кого я пристрелил на лестнице в день смерти Марго. И еще Хэнкса.

А этот шел у меня под шестым номером. Наверняка, у него имелись в запасе и другие гангстеры.

Они направились к «бьюнку» каштанового цвета, стоявшему у тротуара.

Они сошли на мостовую и обошли машину спереди. Телохранитель взялся за ручку двери, чтобы открыть ее для Кью, как вдруг, со стороны парка, из-за кустов, грянул сухой гром выстрела. Стекло машины, рядом с которой находился Кью, разлетелось вдребезги...

Гарвей Кью и его телохранитель повернулись в сторону выстрела. В тот же миг грянул второй выстрел.

Кью покачнулся и схватился за бедро. Телохранитель выхватил из кармана револьвер и выстрелил. Кью пополз к водосточному желобу, чтобы спрятаться за машиной. Но выстрелов больше не последовало. Кью окончательно свалился и ноги его лежали в водосточном желобе...

Из соседних домов выбежали люди, чтобы узнать о случившемся. Я подождал, пока телохранитель с разочарованным и озлобленным видом не вернулся из парка. Стрелка он не обнаружил. Между тем вокруг Гарвея уже собралась толпа любопытных. Я нажал на педаль и направился отсюда подальше, пока еще не прибыла полиция.

Проехав восемь кварталов, я остановился возле таксофона. Человек, стрелявший в Гарвея Кью, нарушил все мои планы; я хотел, чтобы сам Кью показал мне, где живет этот гаденый Хэнкс.

Но узнать это можно было еще и другим способом...

Я позвонил своему приятелю, работающему в бюро выдачи номерных знаков, и назвал ему номер «линкольна», на котором блондинка и Кью приезжали тогда на склад.

Оказалось, номер был выдан на имя Розмари Мей Тобин, проживающей в Манхеттене. Мой приятель дал мне также и ее адрес.

Квартира находилась в маленьком, но роскошном домике на Парк-авеню. Я вышел из лифта в коридор с мягким и приятным освещением и толстой ковровой дорожкой. В конце коридора находилась единственная дверь. Я нажал на кнопку звонка. Из квартиры доносились приглушенные голоса.

Дверь открыла женщина. В одной руке она держала большой бокал виски. Она устремила на меня взгляд своих круглых голубых глаз и нежно проворковала:

— Хэллоу!

Голубые глаза смотрели холодно. Щеки были покрыты румянцем. Вероятно, она изрядно выпила. Это вполне меня устраивало. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы как следует меня рассмотреть. В ее безразличных и холодных голубых глазах неожиданно проснулся интерес. Она еще раз внимательно осмотрела меня с головы до ног. На ее пухлых красных губах возникла соблазняющая улыбка. Она еще раз проворковала:

— Хэллоу... — но уже совсем с иной интонацией.

— Розмари Мей Тобин? — спросил я, делая вид, будто вижу ее в первый раз.

В ее волосах был красивый бант, поддерживающий ее «конский хвост», а на плечах — мужская рубашка, доходившая до ее пышных бедер, и застегнутая впереди лишь на две пуговицы. Насколько я мог полагаться на свое зрение, больше на ней ничего не было. Маленькие ножки и длинные шиколотки также не были ничем прикрыты. Но она казалась даже выше, чем тогда в норковом пальто, сидя за рулем «линкольна». Рубашка плотно облегла ее плечи и очаровательные припухлости ее тела. Она была воплощением самой женственности и сексуальности.

— Вы представитель? — произнесла она голосом, в котором чувствовался небольшой акцент.

Голос был плавный и густой, как сироп, который стал еще более густым из-за алкоголя, поглощенного ей в немалом количестве.

— Нет... Я...

— Все так говорят, — протянула она и вновь оглядела меня с головы до ног испытующим взглядом. — Но это ничего не значит. Входите и попытайтесь мне что-нибудь всучить... Я чувствую себя больной от одиночества.

Она отступила на шаг и распахнула дверь. В богато обставленной комнате господствовала большая темно-красная кушетка и два огромных красных кресла в тон остальной мебели. Между ними стоял стол красного дерева, на котором валялась стопка комиксов. Я сразу понял, почему она среди зимы разгуливала в одной рубашке: пол комнаты был полностью укрыт толстым, пушистым ковром и в комнате держалась такая температура, как в оранжерее для выращивания орхидей. Она захлопнула дверь и прошла по комнате к бару, находившемуся за кушеткой. На ней не было бюстгальтера, так как при ее немного танцующей походке, груди ее плавно колыхались, вызывая жажду.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросила она, открывая бутылку «бурбона» и наливая себе очередную порцию.

Я покачал головой и постепенно начал запотевать. Пришлось расстегнуть пальто.

— Отчего вы вообще его не снимете? — поинтересовалась она, выходя из-за кушетки.

Ее бедра плавно колыхались...

— Я люблю, когда в комнате тепло, тогда я забываю о холоде на улице, — продолжала она.

Я снял пальто, положил его на кресло и провел по лбу тыльной стороной ладони.

— Можете снять и куртку, — заметила Розмари, опускаясь на кушетку и поджимая под себя ноги. — Устраивайтесь поудобнее. Отдохните как следует. От одиночества у меня мигрень и мерещатся призраки.

Куртку я пока не снял.

— Такая чудесная девушка и вдруг одна, — вступил я в игру.

Она хихикнула.

— Давайте продолжим эту тему.

Розмари отпила хороший глоток из своего бокала и вновь оценивающе посмотрела на меня.

— Дома, в горах, за мной увивались все парни. Но здесь, на севере, я никого не знаю.

— Даже Бена Хэнкса и Гарвея Кью?

Ее голубые глаза удивленно смотрели на меня.

— Значит, вы не представитель...

— Нет, и я вам уже это говорил. Я приятель Бена из Чикаго. Я только что прибыл.

— Что? Ах, так... Ну, тогда... если вы приятель Бена, то, конечно, принадлежите к семейному кругу... — она прихлопнула по надувной подушке рядом с собой. — Присаживайтесь ко мне поближе, чувствуйте себя как дома.

Я послушно сел. Она находилась от меня так близко, что меня ударило в жар и не только от температуры в комнате. Розмари выпила еще глоток, после которого в бокале осталось точно половина, и глаза ее еще больше заблестели. Она придвинулась еще ближе и притулилась ко мне. Вырез ее рубашки распахнулся еще шире и открыл мне перспективу на ее белые груди — пышные и упругие, с твердыми сосками, подобными спелым сливам.

— Вся беда в том, — проговорила она протяжно, — что Бен и Гарвей не мальчики... Бен мой двоюродный брат, а Гарвей приходит только ночью.

— Вся беда в том, сказали вы... В чем же именно? Если бы я был на его месте, то я бы вообще не уходил от вас.

— От Гарвея мало толку. Он уже стар и часто бывает полностью вымотан... А я... я здоровая девушка и мне хочется большой любви каждую ночь. Временами мне даже кажется, что меня разорвет на части от избытка чувств.

Розмари еще раз приложила к бокалу и придвинулась ко мне так близко, что я ощутил все прелести ее молодого цветущего тела. Я судорожно сглотнул и заставил себя взять в руки все свое

хваленое хладнокровие, а это было тяжким испытанием для нормального мужчины.

— Ваш брат и я были большими друзьями в Чикаго. Пару недель назад я созвонился с ним и он сказал, что будет рад видеть меня, если я выберусь в Нью-Йорк.

— Бен действительно милый парень, — пролепетала Розмари серьезным тоном и вжимаясь в меня доотказа. — У нас дома многие люди считали, что он плохой человек. Но со мной он всегда был очень мил. Как только он здесь недурно устроился, он написал мне, чтобы я приехала к нему. Он знал, что я давно мечтала побывать в Нью-Йорке.

Внезапно ее рука оказалась под моей курткой и прошлась по кобуре с пистолетом. Она усмехнулась.

— Так я и думала, что вы не желаете снимать свою куртку по этой причине. У Бена только такие друзья. Раздевайтесь же! Я не боюсь револьверов... — ее рука скользнула выше и погладила меня по плечу. — Вы кажетесь таким добрым и сильным, — хрипло прошептала она, все больше возбуждаясь.

А я мысленно старался представить себе айсберги, холодный душ или холодильник, но ничего не помогало.

— Бен сообщил мне, что постоянно бывает в бегах и не знает точно, где бы я мог его найти, когда приеду сюда. А мне необходимо обязательно его повидать... Вы не знаете, где бы я мог его найти?

Она ответила не сразу и не потому, что в ее душу закралось подозрение. Просто у нее на уме было сейчас совсем другое.

— Вот как? И что же Бен рассказал вам обо мне?

— Вот как? — машинально повторил я за ней. — Он сказал, что вам чудесно живется и что его босс без ума от вас.

— О да! Гарвей совсем без ума от меня, это верно, — ее пальцы перекачивали с плеч на мою грудь и пытались прорваться еще ниже. Ее ногти впились в мое тело сквозь рубашку. — А как насчет вас? Вам я тоже нравлюсь? Жаль, что это не вы босс Бена!

— Конечно, нравитесь. Но ведь вы подружка Гарвея Кью.

Розмари оставила в покое мое бедное истомившееся тело и откинулась назад, скривила лицо.

— И вы тоже, черт бы вас всех побрал! С тех пор, как я стала подружкой Гарвея, ни один парень даже не осмеливается прикоснуться ко мне. Мне надо было оставаться в том доме, куда Бен привез меня вначале. Там я никогда не чувствовала себя одинокой.

— В каком доме?

— О! В доме, который находится здесь, в городе, и принадлежит Гарвею.

— Вы, случайно, не имеете в виду дом на Шестидесятых?

— Конечно! Именно этот дом я и имею в виду. А вы откуда о нем знаете?

— Бен упоминал мне о нем...

Я был рад, что девушка оказалась не особенно сметливой.

— И там вы охотно проводили время?— спросил я.

— Еще бы! Я целыми днями валялась на роскошной кровати и всегда вокруг меня находились молодые люди, которые развлекали меня. Так было до тех пор, пока не пришел Гарвей и не увидел меня. Он сразу пленился моей внешностью и захотел, чтобы я принадлежала только ему. Я подумала, что мне будет приятно жить в такой роскошной квартире, как эта, которую он мне предоставил. Но на деле получилось совсем не так, тут мне чертовски скучно. Я никогда еще так не скучала, да и Гарвей мне не подходит как мужчина,— она опять прижалась ко мне и умоляюще подняла на меня глаза.— Как глупо, что вы боитесь этого старого импотента.

— Я его не боюсь. Но ведь на него работает Бен. Мне необходимо сперва переговорить с ним, не повредит ли это ему. Где он сейчас.

Розмари разочарованно отодвинулась от меня.

— А вы отлично владеете своими чувствами, я понимаю, чего вам хочется.

— Пытаюсь владеть... Дело в том, что я сначала должен переговорить с Беном по очень важному делу... Где он?

Она глубоко вздохнула:

— Не имею понятия.

— Он сказал мне, что вы знаете, где его можно отыскать. Вы что, даже не знаете, где он живет?

— У какой-то девчонки. Ее зовут Лини Мейсон, так мне сказал Гарвей. Но я не знаю, где он живет. И я никогда не видела его подружки. Я и Бена почти не видела, не говоря уже о ком-нибудь другом... Я вижу лишь маленького старого Гарвея.

Видимо, это было действительно все, что она могла мне сообщить. Теперь надо было пустить пробный шар.

— А мистер Кью никогда не рассказывал вам о человеке по имени Джонни Клоуд?

Ни искорки подозрения в ее голубых глазах. Розмари просто покачала головой и даже улыбнулась.

— Нет, Гарвей почти не говорит о своих делах.

Я предпринял последнюю попытку:

— А не упоминал ли он имя Марго Варга?

— Нет... но я знаю Марго. Мы были вместе в этом доме.

Я чуть не подскочил на месте.

— Марго жила в доме Кью?

— Да...— она задумчиво наморщила лоб.— Только я так и не поняла, почему ей там не понравилось. Не то что мне. Она ненавидела этот дром, но жила там, пока не случилось это.

— Чо «это»?

— Той ночью я не была там и мне все рассказала одна из девушек. Гарвей привез с собой одного знакомого. Тот был очень

удивлен, когда увидел там Марго. Вероятно, он знал ее раньше, и ему не понравилось, что Марго там работает. Поэтому он поссорился с Гарвеем и увез Марго с собой. Она так никогда и не вернулась в этот дом. Наверное, живет с этим человеком...

Я закурил и глубоко затянулся. Но потом бросил сигарету и спросил:

— А Гарвей был здесь в последнюю ночь?

— Я же сказала: он приходит каждую ночь.

— И остается на всю ночь?

Розмари покачала головой.

— Как-то я уже подумала, что он не придет, потому что было поздно. Но он все-таки приперся в четыре утра.

— А он объяснил, почему так задержался?

— Он просто вошел, выпил рюмку и залез ко мне под одеяло.

Я поднялся и надел пальто.

— Мне действительно очень жаль, что вы должны уйти, — жалобно пробормотала Розмари.

Затем она откинулась назад, грациозно потянулась и лениво выгнула спину. С ее фигуркой она могла позволить себе такие штучки.

— Возможно, я вернусь скрасить ваше одиночество.

— Все так говорят, но я буду надеяться.

На Лесингтон-авеню я забрался в будку таксофона и нашел в телефонной книге имя Лини Мейсон. Она жила в Гринвич-Виледж. Я достал монетку и набрал номер. Десять раз раздался длинный гудок, но никто не ответил. Я повесил трубку. А не может быть, что есть еще одна Лини Мейсон? Или же Розмари провела меня, как глупого мальчишку?

Я должен был это выяснить. Снова усевшись в машину, я направился по адресу Лини Мейсон.

Старый, неухоженный дом из песчаника находился в одном из узких переулков неподалеку от Бликер-стрит. Это была одна из тех улиц, которые презирают все современные достижения, и на которой проживают многочисленные итальянские семьи. Где находятся логова битников и где расположены рестораны-ловушки для наивных туристов, которые принадлежат гангстерам.

Квартира Лини Мейсон находилась на втором этаже под заведением одного битника, который дал ему название «Голая шкура». Вытащив «магnum» из кобуры, я положил его в карман. Только после этого я начал осторожно подниматься по лестнице.

Коридор второго этажа не был освещен. Я вынул револьвер и постучал в дверь. Никто не открыл. Я постучал еще раз с тем же успехом. После этого я изучил замок и вынул свою целлофановую полоску. Замок оказался без хитростей и мне удалось открыть его без всякого труда.

В гостиной было грязно, но зато обставлена она была совре-

менной мебелью. В квартире никого не было. Я закрыл за собой дверь и обследовал помещение.

В раковине на кухне громоздилась немытая посуда. По следам на столе можно было сделать вывод, что здесь кто-то завтракал. Я взял чашку с остатками кофе. На ней виднелись следы губной помады. По всей вероятности. Лина Мейсон завтракала совсем недавно. Выходит Бена Хэнкса тут в это утро не было. Он был, как говорится, в бегах по делам. Наверняка, он охотится за Ниной. Если вообще он здесь бывает...

Я заглянул в шкафы и ящики комода. В них я нашел мужскую и женскую одежду. Наконец, я наткнулся на две рубашки, на которых красовались инициалы «Б. Х.». Значит, он действительно жил здесь. Может быть, он скоро вернется? Но у меня не было времени остаться и дожидаться его. Зато я знал, где его можно разыскать, если я не застукаю его в другом месте.

Не найдя более ничего интересного, я спустился вниз. Из таксофона, стоявшего на углу, я позвонил Сторми. Нина еще не звонила. Потом я позвонил Флинту.

— Какие новости?

— Стреляли в Гарвея Кью.

Я сделал вид, что для меня это новость.

— Где же это случилось?

Флинт проинформировал меня в деталях.

— Он умер?

— К сожалению, нет. Лежит в больнице. Пуля попала ему только в бедро. Проваливается с недели в постели и на этом все закончится. Стрелок попался неважный.

— У вас есть какие-нибудь версии по поводу того, кто мог быть этим паршивым стрелком?

— Нет. Да и Кью, конечно, не скажет, даже если и знает. Зато его жену мы довольно хорошо обработали. Она поведала нам, что в организации Гарвея имеются трудности... но это она болтнула в больничной палате в присутствии мужа и тот сразу же шикнул на нее. Если бы я допрашивал ее раньше, то наверняка что-нибудь вытянул бы из нее. Правда, я попытался сделать это позднее, но она уже держала рот на замке.

— Пуля из его бедра тоже тридцать восьмого калибра?

— Нет, 32-го. Она выпущена из того же револьвера, из которого застрелили Марго Варга...

Глава 9

В воздухе пахло снегом. Наверное, скоро упадут первые хлопья. Вода в водостоках покрылась корочкой льда. Елки на средней полосе Парк-авеню уже были украшены рождественскими свечками.

Я поехал в северном направлении. Постепенно Парк-авеню

меняла свое лицо. Исчезали весело украшенные елочки, роскошные дома с дорогими квартирами и отелями, элегантные дамы в норковых шубах и блестящие лимузины с шоферами в униформе. Вместо всего этого появились ручные тележки, мелочные лавки. В буквальном смысле слова — дыры в стенах старых домов, женщины в дешевых пальто, с большими пестрыми платками на головах. Полуразвалившиеся доходные дома с заржавленными лестницами.

Здесь начиналась восточная часть Манхеттена, которая имеет много названий: испанский Гарлем, малое Пуэрто-Рико, и просто Испанский квартал. Жители называют эту часть — квартал нищеты и насилия. Многие поколения эмигрантов поселялись в этом квартале, работали и снова выезжали отсюда, пока, наконец, тут не появились последние эмигранты — пуэрториканцы.

В любом другом квартале города дом, в котором проживал Марго Варга, считался бы постыдным пятном. Здесь он казался почти роскошным. Я остановил машину на приличном расстоянии от домов и провел остаток второй половины дня, занимаясь тем, что бегал по всему кварталу и задавал вопросы. Разумеется, я начал с дома Марго. А затем на очереди оказались и другие дома, принадлежавшие Гарвею Кью.

Особой удачи я не имел. Для людей, проживающих тут, этот квартал — дом родной, в котором они себя чувствуют, как рыба в воде. А я был со стороны. И они чувствовали во мне запах полицейского или репортера. Поэтому они вообще молчали, или давали уклончивые ответы, или делали вид, что говорят только по-испански.

Никто не знал, из-за чего была убита Марго. Дом, в котором жила Марго и три других доходных дома, принадлежавшие Гарвею Кью, находились на краю Испанского квартала. Жители, в известной степени, отличались от других жителей квартала и не контактировали со своими соседями. Они даже покупки делали в другом квартале. И ни одна из этих семей не имела детей более семи лет от роду — что для этого района было странным, поскольку район кишмя кишел подростками. Я закусил в кафе и выпил три чашки черного кофе, чтобы согнать усталость. А на улице, тем временем, уже стемнело. В холодном воздухе появились резвые снежинки и над улицами словно нависли тяжелым гнетом низко идущие тучи. Белый соленый туман, который гнал ветер с Атлантики, дым из фабричных труб и выхлопные газы автомобилей.

Я вернулся к своей исходной точке — к дому, в котором еще недавно жила Марго Варга.

В окнах полуподвального этажа горел свет. Значит, управляющий уже пришел домой. Я спустился по коротенькой лестнице вниз и решил на этот раз вести себя совсем иначе.

На мой стук дверь отворил человек средних лет в черных штанах и пестрой спортивной рубашке. Лицо было морщинистым,

волосы черные, жесткие и густые усы. Темные глаза взглянули на меня без всякого выражения.

— Ну, быстро! — прикрикнул я. — Открывайте вашу дверь. Я от Гарвея Кью!

Он поспешно распахнул дверь и с озабоченным видом отступил в сторону.

Комната была средних размеров, плотно набитая дешевой мебелью. На полу лежал потертый, но чистый ковер. На стенах были наклеены обои. На столе, придвинутом к окну, находилось большое деревянное распятие. Изображения Христа и Святой Марии висели на стенах в красивых рамках рядом с круглыми часами.

Управляющий закрыл дверь и повернулся ко мне.

— Кто вы такой? Я вас не знаю.

— Я из новеньких, начал только на этой неделе.

Я постарался придать себе вид решительного человека.

— Вы что, не верите мне? В таком случае позвоните мистеру Кью и спросите у него.

Я надеялся, что он не осмелится из страха перед громилами Кью, и я оказался способным психологом. Он взглянул в сторону телефона и перевел взгляд на меня.

— А зачем вы пришли? — спросил он довольно решительно, видимо, надеясь скрыть этим свой страх. — Ведь срок следующей платы только через неделю. Кто к тому времени не заплатит, тому я напомним о последней трелке. Наверняка, я соберу деньги в срок.

— Я пришел не по поводу квартирной платы. Я должен задать вам несколько вопросов.

Он развел руками:

— Спрашивайте...

— Марго Варга была убита в переулке перед вашим домом. Вы были дома, когда это произошло?

Он удивленно сморщил брови.

— Мистер Кью ведь знает, что я был дома. После того, как меня допросила полиция, я сразу же ему позвонил и все подробно рассказал.

Не моргнув и глазом, я лишь кивнул головой.

— Мы только хотим увериться, что все было так, а не иначе.

— Я знал, что нужно доложить об этом мистеру Кью, поэтому я и позвонил ему.

— Кто ее убил?

Он приподнял свои массивные плечи.

— Откуда же мне знать? Я услышал выстрел... Моя жена тоже услышала. Но мы не вышли, чтобы поинтересоваться, в чем дело. В этом квартале лучше всего заниматься только своими делами. И я не знал, кто был убит, до тех пор, пока не прибыла полиция и не стала задавать мне вопросы. И я сказал полиции то же самое, что говорю сейчас вам. Я не видел, кто ее застрелил.

— Может быть, вы знаете человека, у которого были причины прикончить ее?

— Нет... Я это говорил уже мистеру Кью и тому рыжеволосому мужчине, который приезжал на мой звонок. А почему вы хотите...

— У нас имеются на это серьезные основания! Вы знали молодую девушку, жившую у Марго Варга?

— Нину? Я уведомил мистера Кью о времени ее прибытия сюда...

Управляющий старался не показывать своего недовольства и продолжал спокойным тоном:

— Мистер Кью обращает очень большое внимание на то, чтобы его никто не обманывал в финансовых вопросах.

Я вытер рукавом свое лицо. Уже несколько часов я ходил по холодному зимнему воздуху, заходя в жарко натопленные квартиры и меня стало немножко лихорадить.

— После вчерашней ночи вы больше не видели девочку?

— Нет. Об этом я уже говорил рыжеволосому, работающему на Кью.

— Бену Хэнксу?

— Да, кажется его так зовут.

— Когда вы с ним разговаривали?

— Этой ночью. И сегодня тоже, час назад. Он спрашивал меня, не видел ли я Нину. Я сообщил ему то же самое, что и вам — одну правду. Вы мне не верите?

Значит, Бен Хэнкс тоже шарил здесь, как и я. А управляющий не знал, у кого бы могла спрятаться Нина, и даже не представлял себе этого. При этом мне бросилось в глаза, как сильно отличаются съемщики домов, принадлежащих Кью, от своих соседей.

— Вы сами-то откуда родом? — неожиданно спросил я.

В его темных глазах вновь возник трепещущий страх.

— Откуда? Из Пуэрто-Рико.

— Где вы там жили?

— В Сан Хуане.

— Я знаю Сан Хуан. И знаете, что я лучше всего там запомнил. Это прекрасное здание торговой палаты на востоке города. У замка Альберто. Вы далеко находились от этого здания?

— Да, на противоположном конце.

Я действительно бывал в Сан Хуано. Там не было никакого замка. Кое-какие выводы я уже сделал, но управляющий уже что-то заподозрил.

— Мистер Кью вас сюда не посылал. Вы, наверняка, из полиции.

— Почему вы так решили?

— Мистер Кью знает, откуда я родом... Что вам от меня нужно?

Я понимал, что мне больше ничего не удастся вытянуть

из него. Я взглянул на распятие, висевшее у окна, и мне пришла в голову одна интересная мысль.

— Вы верующий?

— Конечно.

— Посещаете церковь?

— Разумеется!

Разумеется! И, разумеется, большинство жителей этого района тоже были католиками.

— Где находится ваша церковь?

— В пяти кварталах отсюда...

Мы расстались, не обменявшись более ни единым словом. Между тем, уже совсем стемнело. Направляясь к церкви, я набрал на таксофон. Он оказался свободным. Если Бен Хэнкс рыскал по этому району, разыскивая Нину, мне нельзя было терять времени. Разговор со Сторми оказался недолгим. Выяснилось, что Нина так и не звонила.

— Вы знали лично Марго Варга?— спросил я у Сторми.

— Нет, но Джонни мне много о ней рассказывал.

— Она посещала церковь?

— Не знаю... Но думаю, что да.

— А Нина?

— Она посещала регулярно.

— Она католичка?

— Да. У нас большинство людей католики. Нас обратили в католическую веру испанские священники, высадившиеся на наших землях.

— А Марго была родом из Мексики или Пуэрто-Рико?

— Из Мексики. А что?

— Вы в этом уверены?

— Да. Там она и познакомилась с Джонни, когда он ездил на своем грузовике в Мексику, перевоза строительные материалы.

Священник Питер Брайен был молод. Я рассказал ему всю правду. С занятым веснушчатым лицом и фигурой атлета, он производил хорошее впечатление. Мы сидели в крошечном помещении, расположенном в задней части церкви. Он внимательно меня выслушал и с расстроенным видом покачал головой.

— Я не видел Нины после утренней воскресной мессы.

Я вытер свой лоб рукой: он опять стал мокрым. Теплое помещение быстро вызвало у меня пот, хотя я весь дрожал в ознобе. Мои ноги были совершенно ледяными.

— Хотите глоточек?— понимающе спросил пастор.

— Это пошло бы мне только на пользу.

Он выдвинул ящик большого стола, достал бутылку и содовую, после чего подготовил две порции виски в двух бокалах. Сам он едва пригубил спиртное, зато я сразу выпил весь бокал

большими глотками. Алкоголь, как огонь, побежал по моим жилкам. Ледышки начали оттаивать и мне сразу полегчало.

— А вы не знаете кого-нибудь, кто был дружен с Ниной в этом районе? Кроме Марго Варга, конечно.

— Есть тут некий Санто Канино...

— Санто Канино, а кто он такой?

— Семнадцатилетний паренек из Пуэрто-Рико. Очень умный. Из него наверняка получится хороший человек. Но он слишком красивый и со сложным характером. И к тому же ожесточен, как, впрочем, и большинство из здешних парней. За то короткое время, что я здесь, я сделал все возможное для их блага. Я составил программу свободного времени и попытался отвлечь молодежь от этой банды. Но...

— Вы имеете в виду «Пурпурных дьяволов»?— спросил я наудачу.

Пастор кивнул:

— Санто Канино является одним из ее руководителей.

— И Нина подружилась с ним?

— Более, чем подружилась. В последнее воскресенье Санто даже присутствовал на мессе вместе с Ниной и Марго Варга. С тех пор, как я тут обосновался — а я здесь год — такое видел впервые, хотя мать регулярно посылает его в церковь, — он допил виски и вздохнул. — Я был так удивлен этим, что сразу же после проповеди поговорил с ним и с Ниной. Сразу бросилось в глаза, что он очень ею увлечен, а она такая темпераментная и гордая. Ей удалось добиться того, что парень стал гордиться собой и своим положением. Вы знаете, Нина родом из той местности, где главенствующую роль играет испанская культура. Вы когда-нибудь бывали в Мексике?

Я покачал головой:

— Нет.

Собственно, я хотел сегодня еще кое-что сделать, но алкоголь и тепло так меня разморили, что я просто сидел и слушал.

— Нина родом из той местности Новой Мексики, где в гармонии и взаимном уважении живут и процветают сразу три культуры — испанская, индейская и английская. Это та часть поселения, которая не индейского, не испанского происхождения. То есть, к англам примыкают даже негры и китайцы. В этой части федерального государства они живут в меньшинстве, но, тем не менее, к ним относятся с таким же уважением, как и к остальным. Так что вам теперь понятна разница между отношением там и здесь, где пареньки из Пуэрто-Рико обижены тем, что на них, из-за их испанского происхождения смотрят как на иностранцев. А взгляды Нины на это, судя по всему, влили в Санто новое чувство гордости и самоуверенности.

Я успешно сумел подавить свою вялость, которая пыталась коварно охватить все мое тело, и поднялся.

— Где он живет?

— Его можно найти в двух местах: или в клубе банды, или в доме его родителей.

Пастор назвал мне адрес.

...Дом, где жил Санто, не принадлежал Кью. Там проживала его мать вместе с шестью младшими братьями Санто.

— Я точно не знаю, живет ли он еще в семье. С тех пор, как от чахотки скончался его отец, он находится, как говорится, на своих собственных ногах.

Я поблагодарил Питера Брайена, застегнул пальто и вышел в холодную ночь. У меня появилось такое чувство, что я напал на след Нины...

Глава 10

Огромное кирпичное здание было закопчено сажей, собиравшейся на нем десятилетиями. Под широким сводчатым потолком висело объявление, что дом подлежит сносу. Перекосившиеся некрашенные деревянные двери, окна, с выбитыми стеклами и частично залатанными кусками картона, были полуоткрыты.

Я вошел в дверь и вступил в длинный широкий коридор, освещенный всего одной тусклой лампочкой. На бетонном полу валялась отвалившаяся штукатурка, на стенах красовались всякие грязные высказывания, написанные карандашом или губной помадой. Пахло отбросами, которыми были заполнены два больших ржавых ведра.

Почти из всех квартир сквозь щели в дверях проникал свет. Я постучал в одну из дверей. Мне открыл высокий смуглолицый человек в пижамных штанах и в нижней рубашке. Маленькая грязная комната предстала перед моими глазами. Позади мужчины на веревке висела для просушки его одежда. Веревка тянулась через всю комнату. Полная молодая женщина сидела на ящике из-под фруктов и укачивала ребенка. В углу, на матрасе, спали двое маленьких детей.

Когда человек увидел меня, приветливая улыбка исчезла с его лица.

— Чего вы хотите?

— Где я могу найти миссис Канино?

Он показал пальцем в сторону лестницы, находившейся в конце коридора.

— На третьем этаже, напротив лестницы.

С этими словами он захлопнул дверь перед моим носом. Дом не имел центрального отопления и в коридоре было так же холодно, как и на улице. Лестничная клетка была освещена только тем светом, который просачивался из-под дверей. Перила, с которых давно слетела вся краска, качались. На ступеньках валялись клочки бумаги и другая грязь. Некоторые ступеньки вообще отсутствовали.

Медленно и осторожно я начал пробираться наверх. Наконец, я постучал в дверь, где по моим предположениям должна была проживать семья Канино.

Когда дверь открылась, на меня волной хлынуло тепло из помещения. Это тепло исходило из старомодной газовой печки, что стояла в углу комнаты и чьи горелки полыхали на полную мощность. Окна были плотно закрыты, дыры в окнах заткнуты газетами. Помещение казалось чистым, но это и все, что можно было сказать о нем. Рядом с дыркой на полу насторожилась мышеловка. Мебель была бедной и ее было маловато. Дети разного возраста сидели на кроватях и ели из тарелок, стоявших у них на коленях.

Женщина, открывшая мне дверь, была ширококостной и седой и выглядела она рано постаревшей.

— Миссис Канино?

Она кивнула, и ее морщинистое лицо подсказало мне, что она уже подготовилась к плохому известию.

— Я ищу вашего сына Санто. Он дома?

— А что вы хотите от него? Вы из полиции?

Ей было трудно говорить по-английски.

— Нет. Я разыскиваю девушку, с которой дружит ваш младенец Санто. Она дочь моего друга. Меня послал к вам Питер О'Брайен.

Когда я упомянул имя священника, ее лицо сразу разгладилось и беспокойство исчезло с ее усталых глаз. Но она покачала головой.

— Девушку я не знаю... Я вообще не знаю девушек, с которыми проводит свободное время Санто. Это непорядочные девушки.

— Ваш сын проживает с вами?

— Нет. Он не живет здесь уже более года. Он не понимает, что такое семья. Нью-Йорк его испортил. В Пуэрто-Рико он был хорошим мальчиком и сыном.

— Где мне его найти, миссис Канино?

Она пожала плечами. Но этот наигранный жест, жест равнодушия, не вязался с выражением ее лица.

— Спросите парней, с которыми он разгуливает... Этих бандитов! Они портят Санто и восстанавливают его против семьи.

Я попросил у нее фото Санто. Она мгновение колебалась, но когда я упомянул о пасторе О'Брайене, она снова переменялась и достала фото из старого комода, из коробки с какими-то бумагами. На нем был изображен стройный, смуглый и красивый юноша в джинсах и спортивной рубашке. Но вот улыбка у него была недобрая.

Я поблагодарил ее, вышел и вновь стал преодолевать опасную для жизни лестницу для того, чтобы выбраться на улицу. Улицы уже были покрыты снегом. Один из домов в этом квартале был уже снесен и между домами зияла дыра. Площадка, ограничен-

ная с трех сторон высоко торчащими кирпичными стенами, представляла собой нечто вроде свалки щебня, осколков кирпича, остатков деревянных деталей и штукатурки снесенного дома. Ко всему этому сюда же следовало добавить консервные банки, старые детские коляски и сломанную мебель. Люди, по-видимому, считали, что это место лучше всего использовать, как свалку.

Я с трудом пробрался через эту свалку, чтобы достичь бетонных ступеней, ведущих к подвальной двери одного из соседних домов. А потом спустился в сам подвал, в котором не было окон.

Казалось, что обстановка этого подвала была найдена тоже на свалке перед этим подвалом. Тут находились: старый деревянный стол, несколько кухонных столов, большое кресло без ножек и рваный матрас в двухспальной кровати.

Пахло сигаретами с марихуаной и горевшей керосиновой печкой, стоявшей в углу. С потолка на проволоке свисала лампочка, бросая тусклый свет на стены. На одной из них было написано крупными буквами:

«ПУРПУРНЫЕ ДЬЯВОЛЫ»

В помещении находилось четверо подростков: два парня и две девушки. Одна парочка расположились на матрасе, другая на раскладушке. На обоих парнях были джинсы со спортивными рубашками. Девушка на матрасе была раздета вплоть до нижнего белья. Стройная девушка, лежавшая на раскладушке еще не сняла свои джинсы. Юноша, сидевший рядом с ней, первым увидел меня и отреагировал, естественно, также первым. Он отпустил девушку и вскочил. Его правая рука скользнула в задний карман. Я закрыл дверь.

Парочка на матрасе тоже испуганно вскочила. Девушка на раскладушке села и улыбнулась какой-то одурманенной улыбкой. Она не предприняла ни малейшей попытки прикрыть свои обнаженные груди.

Оба юноши были на пару лет старше своих подруг — лет по семнадцати-восемнадцати. Тот, что расположился на матрасе, был, должно быть, довольно высоким и выглядел плотным и сильным.

Другой был поменьше, более шуплым, но казался и более опасным. Продолжая держать свою руку за спиной, он буркнул:

— Что вам тут надо?

— Ищу Санто Канино.

Смуглые, злобные лица напряглись. Только девушка на раскладушке не обратила на это внимания и захихикала:

— Готова спорить, что это агент из страхового обеспечения для подростков. Узнал, что вы хотите держать здесь сегодня военный совет и...

Ее парень ударил девушку левой рукой — удар отбросил ее

в сторону. Она так и застыла на месте, прижав руку к горячей щеке.

— О-о-о! — закричала она. — Ты меня... О-о-о!

— Заткни пасть... Исчезни отсюда, пока не позову.

Она сердито уставилась на него, но повиновалась и неохотно направилась к дверям. Ее крепкие и упругие бедра пластично покачивались под тугими джинсами.

Другой парень, постарше, также шлепнул свою подругу:

— И ты тоже!

Та последовала за первой к двери, находившейся в углу. За ней находилось помещение с раковиной и туалетом. Они вошли туда и закрыли за собой дверь.

Тот, что повыше, подступил ко мне. Руки его были сжаты в кулаки и весь он был, как сжатая пружина, готовящаяся распрямиться.

— Не подходить!

Что-то в моем голосе заставило его остановиться. Он неуверенно посмотрел на своего напарника, который уже вытащил руку из-за спины вместе с ножом. Он нажал на пружинку и из рукоятки выскочило лезвие, блеснув при тусклом свете лампочки. Высокий ухмыльнулся. Но парень с ножом еще не собирался нападать. Он остановился там, где стоял, лишь поигрывая ножом. Его нахмуренные брови свидетельствовали, что мой вопрос ему не понравился.

— Что вам нужно от Санто?

— Потолковать с ним по одному дельцу.

Я вытащил из кармана зелененькие и посмотрел на ребят. Две десятки. Я помахал деньгами в воздухе и произнес:

— Можете взять их, как только скажете, где найти Санто.

— Держу пари, — проговорил парень с ножом, — что у вас в кармане куча денег.

— Двадцать баксов и ни цента больше!

— Вот как?!

Юноша с ножом начал сближаться со мной. Высокий стал подкрадываться с другой стороны. Я прислонился спиной к двери и вытащил свой «магнум». Они мгновенно остановились, увидев оружие.

— Мое предложение еще в силе! Двадцатка за адрес Санто!

Юноша с ножом облизал пересохшие губы:

— Вы — новый коп в нашем районе?

— Нет. Я работаю на Гарвея Кью.

Они знали это имя и оно произвело на них впечатление. Но от этого я не стал для них симпатичней. Они не двигались и продолжали глазеть на револьвер. Наконец, юноша с ножом ухмыльнулся:

— Черт возьми! Двадцать долларов — это двадцать долларов! Я скажу вам, где вы сможете найти Санто.

Высокий удивленно посмотрел на него, но тот не отвел взгляда.

— Почему бы и нет? Санто все равно больше не принадлежит к банде. Он стал избегать нас с тех пор, как его заарканила эта индианка. Ему пойдет только на пользу, если его немного пощипают!

Высокий нерешительно кивнул.

— Санто гуляет с одной девой из Вест-Сайда, — промолвил юноша с ножом и назвал адрес.

Уголкем глаз я заметил, как другой старается подавить глупую ухмылку.

— Благодарю! Держите двадцатку!

Я протянул деньги высокому левой рукой. Он подошел и хотел сграбастать их, но я выронил деньги и они упали на пол. Его взгляд последовал за деньгами и нагнулся. Я быстро сделал шаг вперед и приложился рукояткой пистолета к голове. Он рухнул на пол.

В тот же миг юноша с ножом бросился на меня. Чувствуя, что он не успеет, он сразу метнул нож, просвистевший мимо моего живота. Я же вмазал ему рукояткой по запястью. Он взвыл от боли, схватился за руку и, прижав ее к своей груди, опустился на колени. Он тихо всхлипывал от боли сквозь плотно сжатые губы.

Я сунул револьвер в кобуру, поднял деньги и положил их в карман. Затем я взял нож, схватил парня за волосы и поднял его на ноги.

Он с криком схватился за голову. А я, продолжая его держать за волосы, стукнул его несколько раз затылком о стенку. Глаза его закатились и немного остекленели. Я сунул кончик ножа в одну из его ноздрей и пригрозил:

— Или ты скажешь мне, наконец, где Санто, или я вспорю тебе нос!

— Прошу вас...

Эта была скорее не просьба, а визг о пощаде.

— Я захвачу тебя с собой! — соврал я. — Если Санто там не окажется, я твоим же ножом нарежу из твоей паршивой кожи итальянских макарон! И ты сам съешь их вместо спагетти!

И тогда он сказал мне испуганным голосом. Я сразу понял, что на этот раз он сказал мне правду. От его наглости не осталось и следа, остался лишь перепуганный насмерть подросток.

Я отпустил его, но его ноги сразу подкосились. Он опустился на колени и тяжело задыхался ртом. Я закрыл нож и зашвырнул его в угол, затем подошел к двери и вышел на свежий воздух.

Мне пришлось отыскивать тропинку на этой свалке, чтобы выбраться обратно на шоссе. Груды мусора на этой свалке уже успели превратиться в снежные холмы, которые слабо мерцали в темноте.

В холодном доходном доме пахло плесенью и сыростью. Коридор в верхнем этаже представлял собой длинную тонкую кишку, почти темную, со слабыми отблесками света из-под дверей. Я вытащил из кармана зажигалку и в свете мерцающего пламени стал искать нужный мне номер.

Перед номером 76 я остановился, спрятал зажигалку и постучал. Несколько секунд мне пришлось ждать, затем дверь открылась и на пороге появился юноша. Он был высоким и мускулистым, лет семнадцати. Если бы не рост и холодные глаза, выражающие жестокость, лицо его можно было бы назвать красивым.

— Хэлло?

— Я ищу Нину Клоуд.

Он хотел закрыть дверь перед моим носом, но я успел подставить плечо. Отскочившая дверь отбросила его в примитивное, неудобное помещение, которое одновременно служило и гостиной, и спальней, и кухней. Я прыгнул на него в тот момент, когда он покачиваясь, старался обрести равновесие... Я оттолкнул его к кровати. Как только он ощутил опору, он сразу же попытался перейти в наступление. В его руках сверкнул нож с длинным лезвием.

Я достал револьвер и направил на него.

— А не хочешь ли ты получить пулю в лоб! Послушай, мне уже надоели сосунки с ножами на пружинах.

Дверь в другом конце комнаты открылась: это была ванная комната. Маленькая щель расширилась и из ванной вышла Нина.

На ней была та же одежда, что и при первой нашей встрече. Выражение ее лица было какое-то растерянное, но в то же время чувствовалось, что она успела повзрослеть.

— Все в порядке, — обратилась она к юноше, — это приятель моего отца.

Санто постепенно расслабился и неуверенно взглянул на меня. Нина устало улыбнулась.

— Я попытался найти вас и мне это удалось. Почему вы не дали знать о себе? — поинтересовался я.

— Я вам звонила, но к телефону подошла женщина, которую я не знала. Тогда я повесила трубку. Мы как раз думали, куда бы я могла теперь пойти, но...

— Никуда ты не пойдешь, малышка! — прозвучал позади меня грубый, гнусавый голос. — Вернее, ты пойдешь с нами!

Я обернулся.

В дверях стояли Бен Хэнкс и Скрюни. В руках у гангстеров находились револьверы, направленные на нас...

Снег, словно пудра, лежал на рыжих волосах Хэнкса и серой шляпе Скрюни. Они встали по обе стороны двери. Хэнкс направил свой револьвер мне в спину, а Скрюни держал на прицеле Санто и Нину.

— Бросьте свой револьвер! — приказал мне Хэнкс. — Или я всажу вам пулю в позвоночник! Выбирайте!

Первый раз я видел его вблизи. Он был моего роста, но фунтов на пять тяжелее меня. Его поза была немного напряженной. Его длинное костлявое лицо было бледным, за исключением красных пятен на щеках, вызванных холодной погодой. У него были тонкие губы и тесно посаженные, слегка раскосые глаза, темно-серые и злые. Его тонкие губы улыбались, а по его глазам я понял, что он не даст мне произнести и первое слово молитвы, если я сделаю какое-нибудь движение.

Я неохотно разжал пальцы: револьвер с глухим стуком упал на пол. Скрюни обратился к Санто:

— Нож, парнишка!

Тот отбросил нож в сторону, точно и не замечая, что до сих пор держал его в руках. Затем он с тревогой посмотрел на револьверы в руках гангстеров и испуганно прошептал:

— Что вы собираетесь с нами делать?

Хэнкс небрежным движением ноги отбросил мой револьвер под кровать и ответил ему, не отрывая от меня своего бешеного взгляда:

— Прикончим!

Спокойный, деловой тон, каким это было сказано, подействовал на юношу, как удар хлыстом. Он понял, что у него нет больше шансов. По тону Хэнкса он почувствовал, что судьба его решена.

А Нина, отступая к стене, также испуганно смотрела на Хэнкса.

— Нас... прикончить? Но почему? Мы ведь ничего никому...

— А потому! — злобно перебил ее Хэнкс. — Не бойся, тебя мы не прикончим... Ты пойдешь с нами. Но эти двое останутся здесь.

Скрюни повернулся в мою сторону.

— Бэрроу принадлежит мне! — повысил он голос, обращаясь к Хэнксу. — Я ему еще должен не заплатил.

Хэнкс равнодушно пожал плечами:

— Мне все равно! Только надо решать между собой, что...

Судя по всему, они перегнули палку, запугав Санто. Вероятно, он пришел к выводу, что терять ему больше нечего. И когда Скрюни направил револьвер в мою сторону, он неожиданно схватил бутылку из-под кока-колы и с быстротой молнии запустил ее в Скрюни. Тот попытался увернуться, но было поздно. Бутылка с силой врезалась ему в голову. Револьвер выпал из его руки, а сам он стукнулся о стенку и сполз на колени. Удар

был настолько силен, что бутылка раскололась, но он все-таки не потерял сознания, потеряв лишь способность к ориентации.

В тот же момент Санто бросился, чтобы овладеть упавшим револьвером, но из-за этого слишком приблизился к Хэнксу. Тот развернулся и ударил его револьвером по уху. Санто свалился на пол. Этого мгновения мне оказалось достаточно — я кинулся на Хэнкса и схватил его за руку, чтобы вырвать револьвер, тогда я нанесу ему удар по горлу правой рукой. Но он этого не сделал. Вместо этого он выпустил револьвер, и когда я его потянул, пошатнувшись, пустил в ход свой приемчик. В этот момент я испытал на себе все, на что был способен Хэнкс.

Он нанес мне сильнейший удар кулаком в живот, а когда я, скрючившись от боли, пошатнулся, он нанес мне второй удар уже в висок. Нервы вышли у меня из-под контроля, и револьвер Хэнкса выпал из моей руки. Я споткнулся о свою собственную ногу и упал спиной на кровать.

Словно в тумане я заметил, как Нина выскочила из комнаты, а в следующий момент я почувствовал, как стальные тиски Хэнкса сомкнулись на моей шее и потащили меня по кровати.

Тем временем очнулся и поднялся Скрюни.

— Хэнкс! Девчонка!

— Догони ее! — прохрипел Хэнкс.

Он был уверен, что справится со мной один, без помощи. Скрюни выскочил из комнаты. Хэнкс уперся коленом в мою грудь и нагнулся надо мной. За тонкими губами появились плотно сжатые желтые прокуренные зубы. Его пальцы сильно сдавливали мне шею. Кровь стучала в моих висках, я почти что потерял сознание.

Но неожиданно, на какое-то мгновение, мое сознание восстановилось. Я дернулся вверх и впился руками в его уши. Он вскрикнул и выпустил мою шею. Ему удалось оторвать мои руки от его ушей, но в тот же момент я размахнулся своей правой рукой и нанес ему резкий удар в челюсть. Но его челюсть оказалась крепкой. Кроме того, он обладал различными приемами. Он вскочил на ноги.

В любом другом квартале шум и грохот, который мы учинили, побудил бы соседей вызвать полицию. Здесь все было иначе. Здесь привыкли к этому, а также к тому, что лучше заниматься своими делами, а не вмешиваться в чужие.

Я продолжал наносить удары кулаком, пока не почувствовал, что руки мои превратились в сплошную рану. Он, со своей стороны, работал как автомат — на удар отвечал ударом. В моей голове скоро все завертелось и наносить удары стало тяжело...

Но и силы Хэнкса были не безграничны. Он начал спотыкаться и жадно ловить ртом воздух. Его удары ослабли и наносились уже не так быстро, как прежде. Он попытался ударить

меня ребром ладони по шее, но я отпрыгнул и споткнулся о лежащего без сознания Санто...

Собрав свои последние силы, я поднял оба кулака и словно кувалду опустил их ему на голову. Он полетел под кровать. Я бросился на него, но его руки снова оказались на моей шее. Я ударил его лбом в нос. Он поднял руки, защищая лицо. Я нагнулся, чтобы добить его окончательно, но не успел. Нечто, гораздо более твердое, чем кулак Хэнкса ударило меня сзади по уху. И сразу наступила ночь: мышцы и нервы точно парализовало.

Хэнкс сбросил меня с себя и я во всю длину растянулся на полу. Затылок мой надулся и надувался, подобно воздушному шару, который накачивают. И где-то в этом тумане прозвучал голос Скрюни:

— Я ее не догнал...

— Парень приходит в себя,— заметил голос Хэнкса.— Он знает, куда она могла убежать.

— Да, но он...

— Заговорит! Будь спокоен! Я его заставлю говорить! И очень быстро!

Казалось, что одна клеточка моего мозга продолжала свою работу. Так сказать, резервная клеточка на экстренный случай. Я осторожно подвигал рукой, моля в душе бога, чтобы мне под руку попался револьвер, мой собственный револьвер.

— Смотри-ка! Он так и не потерял сознания, он еще двигается!

— Одного удара ему, видимо, мало,— проронил Скрюни.— Но на этот раз я ему...

— погоди! Возьми-ка лучше вот это. У меня появились кое-какие мыслишки.

Мне не было больно. Мне только показалось, что в моем мозгу что-то зазвенело и взорвалось, а потом отключилась и последняя резервная клеточка моего мозга, которая до последнего момента пыталась функционировать.

Пол качался подо мной в разные стороны, и я начал различать чьи-то голоса. Моя рука держала что-то твердое и липкое. Я попытался открыть глаза и пол перестал раскачиваться подо мной.

Рядом с моим лицом валялись осколки разбитой бутылки из-под кока-колы. А твердый предмет, который я держал в руке, оказался ножом Санто. Нечто липкое, было кровью, стекавшей с лезвия ножа. Санто лежал, скорчившись на боку, сжимая в руке горлышко бутылки. Его лицо было страшно обезображено ножевыми ранами. Зрелище было ужасным... Вот каким образом Хэнкс собирался заставить его заговорить. В конце концов, ему перерезали горло. Он, по всей вероятности, умирал в страшных мучениях.

Во мне поднялась волна ярости против человека, который смог совершить нечто подобное. Он за это ответит! Это мне было совершенно ясно. Вместе со страшной злобой ко мне вернулись силы. Я пошевелил руками и ногами.

Тяжелый черный сапог больно наступил мне на мою правую руку. Над сапогом виднелись синие форменные штаны полицейского. Меня же можно было сравнить с мышью в мышеловке...

Я разжал руку. Полицейский нагнулся и взял нож кончиками пальцев. В другой руке у него был револьвер. Затем он выпрямился и положил нож на комод — осторожно, чтобы не стереть резкие отпечатки моих пальцев. Я повернул голову и увидел, что в комнате находился еще один полицейский в форме. Он выглядел очень молодым. Вероятно, лишь недавно поступил в полицию. Его револьвер был направлен на меня, и он избегал смотреть на мертвого юношу.

Я уселся на полу и тут же застонал от боли. Ощупал место, которое причиняло мне наибольшую боль. В моих волосах застряли крошечные осколки стекла.

— Вас зовут Бэрроу? — спросил тот, что постарше.

— Да.

— Тогда все ясно — круг замкнулся, — обратился он к молодому. — Первый раз кто-то в этом квартале позвонил и сказал нам правду. — Он посмотрел сверху на меня. — Мы получили анонимный звонок по телефону, в котором сообщили, что человек по имени Бэрроу дерется с каким-то парнишкой, который живет здесь. Только, кажется, мы немного опоздали...

Молодой коп с ненавистью уставился на меня:

— Не совсем... мы не позволили убежать этому мяснику. Старший кивнул.

— И за это нам надо благодарить этого юношу. Вероятно, он вывел из строя этого негодяя, нанеся ему удар бутылкой как раз в тот момент, когда тот перерезал ему горло.

— Еще можно понять, когда убийство происходит в споре, — заявил молодой коп. — Но почему они должны были... Почему вы...

Он мог и не заканчивать. Я ему не противоречил, так как это было бессмысленно. План Хэнкса был продуман и приведен в исполнение так изощренно и тонко, что я сделал бы точно такие же выводы, которые сделала полиция.

Я ничего не мог сделать, а оправдываясь — я еще хуже усугубил бы мое положение. Много, очень много людей знало о том, что я разыскивал этого Санто, чтобы получить у него кое-какую информацию. И, конечно, все решат, что я стал груб с ним, когда он отказался дать ее мне. У нас произошла ссора. Я отнял у него нож и перерезал ему глотку. Ему, со своей стороны, удалось нанести мне удар бутылкой по голове.

Правда, всего этого не хватило бы для того, чтобы обвинить меня в умышленном убийстве, но Хэнкс продумал свой хитроумный план таким образом, чтобы меня могли привлечь за непред-

умышленное убийство. Этого было достаточно, чтобы засадить меня за решетку на несколько лет.

В этой комнате для прокурора будет так много улик против меня, что ему будет нетрудно поставить меня перед судом. У меня в полиции были как друзья, так и враги. Возможно, с помощью друзей мне удастся доказать, что здесь были Хэнкс и Скрюни и я буду оправдан, возможно... Но только возможно...

И даже этот самый оправдательный приговор займет столько времени, что за этот период Нина может погибнуть. Ибо теперь не было никакой надежды, что Хэнкс и Скрюни позволят ей бегать по городу. Ведь она знала, что именно произошло в этой комнате. Они ее сразу же уберут, как только исчезнет необходимость держать ее заложницей, чтобы заставить Джонни молчать. Если эти парни получат ее в свои руки, ее уже никто не увидит живой. А Хэнкс и Скрюни, судя по всему, догадывались, куда могла убежать Нина. Почти наверняка они вытянули это из Санто. Они мучали его до тех пор, пока он не дал сведения, а потом прирезали...

Я просто не мог допустить, чтобы полиция арестовала меня. Я должен найти Нину прежде, чем Хэнкс...

— Пойду позвоню в полицию,— обратился старший полицейский к своему молодому коллеге.— А ты следи за ним. Будь осторожен! Он не должен шевелиться и ни к чему не прикасаться!

Я понуро сидел на полу, сделав вид, что я тяжело переживаю случившееся.

— Не беспокойтесь!

Старший коп вышел. Я прикинул сколько ему понадобится времени, чтобы спуститься по лестнице и добраться до патрульной машины.

Я попытался встать на колени.

— Сидеть! На месте!

Я снова сел и уставился на мертвого юношу.

— Я не хотел этого...— простонал я.

— Слишком поздно приходит раскаяние! И что вы за животное... Учинить такое над подростком!

Я прислонился к кровати и начал громко всхлипывать. В моем состоянии это было легко сделать. Если бы коп не был таким молодым, я бы и не пытался его разыграть. Более опытный наверняка уже привык к людям, которые выглядят удивительно жалко, и просто не обратил бы на это внимания. Но этот коп был еще слишком молод. Он постеснялся смотреть на плачущего мужчину и стыдливо отвернулся... И в тот же миг я швырнул ему на голову одеяло, лежавшее на кровати, и оно обвилось вокруг его головы. Грянул выстрел из его револьвера и пуля впилась в матрас рядом с моей головой. Я вскочил и выпрыгнул из комнаты еще до того, как он успел сбросить с головы одеяло.

Лестницу я использовать не мог — старший коп, вероятно, слышал выстрел и сразу же выскочил из машины. Я помчался по коридору и взлетел на приставную лестницу. Молодой коп уже выскочил вслед за мной и вторично выстрелил, когда я уже закрывал за собой люк на крышу. На этот раз меня спас тусклый свет в коридоре. Пуля просвистела возле меня и ударилась о стену.

Я осмотрелся, выискивая, чем бы я мог заблокировать люк, но ничего подходящего не обнаружил. С ночного неба падал снег и вся крыша была покрыта им. Я лихорадочно огляделся, и все же неуверенно двинулся по заснеженной крыше.

Достигнув конца крыши, я перепрыгнул на соседнюю. Позади меня открылась дверца люка. Я сразу скользнул в сторону. Крыша более высокого дома скрывала меня от взоров полицейского, который уже вылез на крышу. В нормальных условиях тут было бы нетрудно найти какое-нибудь укромное местечко, но только не при этом снеге. Им достаточно было просто идти по моим следам. Я должен был как можно скорее исчезнуть с крыши!

Я добежал до края крыши и внимательно посмотрел вниз. Нет, дорога здесь не проходила, а пять секунд было потеряно. Я помчался в противоположном направлении, протиснулся между рядами труб, обошел клетки с голубями и добрался до лестницы. Но она вела не вниз, она вела на крышу соседнего дома, который был выше на целый этаж.

Я оглянулся и увидел вдали полицейского, шедшего по моим следам. Я схватился за железную перекладину. От моего прикосновения посыпалась ржавчина. Будем надеяться, что он меня выдержит. Лестница значительно прогнулась, но выдержала. Когда я соскочил с последней перекладки на крышу, коп снова выстрелил. Но на таком расстоянии и в такую погоду это была напрасная трата патронов.

Я нагнулся и посмотрел вниз: полицейский был на крыше один. Я подумал, а где же второй, и сразу все понял. Разумеется, он сидит в машине и вызывает подкрепление. Через несколько минут весь этот район будет кишеть копами в машинах, оборудованных прожекторами, пулеметами и слезоточивым газом.

Я выругался и обошел вокруг трубы — мне оставался один путь: на крышу соседнего дома, которая вела косо наверх. С обеих сторон темнела бездна в восемь этажей, обратного пути не было. Между крышами был проем в полтора метра шириной. Я вытянул ногу и нащупал на косой крыше водосточную трубу. Наощупь она казалась прочной. И я был вынужден доверить ей свою жизнь. Я оттолкнулся на соседнюю крышу. К этому времени уже были слышны завывания полицейских патрульных машин.

Неожиданно я заметил слуховое окно, быстро открыл его и прыгнул на чердак. И как раз вовремя, так как в следующую секунду прожектор уже осветил крышу дома.

Моим глазам понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть к темноте. Я подбежал к лестнице и начал спускаться по ступенькам. Большинство дверей, мимо которых я пробегал, были или просто приставлены к лестнице или к стене, или вырваны. В комнатах никого не было. Судя по всему, дом этот уже был выселен и предназначен на слом. Выходит, этот дом мне ничем не поможет. Он был непригодным местом для того, чтобы спрятаться. Они знали, где я, примерно, нахожусь, и рано или поздно окружают меня. Единственная возможность ускользнуть отсюда заключалась в быстроте — надо было выскочить из дома до его блокирования. Я добрался до первого этажа, не встретив ни одного полицейского. Маленькая железная дверь протестующе закричала, когда я открыл ее. Она выходила в переулок, окруженный стенами, не имеющими окон. С одной из сторон находился тупик. С другой стороны этот переулок выходил на поперечную улицу. Я направился в ту сторону. С каждой секундой я ощущал все большую и большую усталость. Ведь я не спал уже сорок восемь часов.

Наконец, я добрался до улицы и осторожно выглянул. У тротуара, как раз в этот момент, остановилась полицейская машина и из нее вылезли четыре копа. Значит и тут путь к бегству перекрыт. Я рванул обратно. Когда я вновь вошел в дом, я услышал чей-то возглас:

— Посмотрите-ка! А тут кто-то проходил!

Они обнаружили мои следы. Мой страх оказался сильнее усталости. Я посмотрел через прихожую одной из квартир, двери которой были открыты. Там находились две маленькие комнаты. Единственное окно находилось в конце второй комнаты и выходило на земельный участок. Двери подвала зияли темнотой. Вокруг лежала щебенка и всякий строительный мусор. Вход в подвал находился метрах в трех подо мной. Когда в доме раздался топот сапог, я больше не раздумывал и спрыгнул вниз...

Я больно ударился о груды кирпичей, покрытых снегом, потерял равновесие и упал на четвереньки. На мгновение все завертелось у меня перед глазами, но в следующий миг я уже поднялся, услышав, как надо мной перекликались полицейские. Я помчался дальше... Вот конец подвала. Я повернул в сторону улицы. Внезапно вспыхнул еще один прожектор: его слепящий свет упал на дверь подвала. Я помчался к противоположной стороне улицы. Там тоже вспыхнул прожектор. Они оба освещали местность.

Один из полицейских, высунувшись из окна, начал в меня стрелять. Из-за одного из прожекторов застрочил пулемет. С другой стороны также раздался выстрел. Я спрятался за остатками стены, но и здесь я тоже не буду в безопасности. ПАЛАЧИ!!! Правда, выстрелы смолкли, но прожекторы продолжали прочесывать пустырь и подбирались ко мне все ближе и ближе. Наконец, мне удалось проскользнуть в подвал, но я понимал, что он может оказаться для меня ловушкой.

Повсюду были копы и пути на свободу не было. Скоро они залезут в подвал для моих поисков. Если меня поймают, все будет кончено, ибо если мне не удастся бежать и найти Нину, которая дала бы показания в мою пользу, меня можно было считать погибшим.

Я в отчаянии огляделся и внезапно заметил в конце подвала трубу, торчащую между фундаментом и стеной. Это был бывший водосток, уже длительное время не работающий. Трудно было сказать, куда он меня приведет и не перекрыли ли они его где-нибудь посередине. Если это так, то я попаду в ловушку и сам себя заупорю.

Луч прожектора скользнул по двери и окнам подвала. У меня не оставалось выбора — я нагнулся и полез в трубу. Метров десять я полз в темноте прямо по трубе, потом я почувствовал, что труба сворачивается налево. Я протиснулся через этот поворот. Было темно и мне приходилось руками нащупывать себе дорогу. Еще метров через двадцать труба пошла вниз, но не сразу, а постепенно.

Я остановился. Откуда-то издалека до меня донесся слабый шум текущей воды. Спускаться туда у меня не было никакого желания, но и обратной дороги тоже не было. Остаться на месте также не было смысла. Через несколько минут они найдут мои следы на снегу, войдут в подвал и поползут вслед за мной с фонарями и револьверами. Здесь уж они не промахнутся...

Плотно сжав губы, я начал спуск. Через какое-то время он стал еще более крутым, а еще позже стал таким крутым, что я должен был упираться в стенки трубы, чтобы не соскользнуть вниз в журчащие воды. Журчание, казалось, доносилось теперь со всех сторон.

Неожиданно для себя, я провалился одной рукой в какое-то отверстие. Я достал зажигалку и зажег ее. От главной трубы шло ответвление — более узкое, но располагающееся выше. Лишь теперь я понял, в какую историю я попал: под городом находился целый лабиринт канализационных труб, ходов и так далее. Я находился в одном из боковых каналов, которые собирали воду с улиц и она стекала в главный канал. Это было опасное для жизни место. Мне нужно было выбраться отсюда и как можно быстрее...

Глава 12

Я протиснулся в боковой канал. Его диаметр был таким маленьким, что я уже не мог ползти на руках и коленях. Я вынужден был лечь на живот. Вытянутыми руками я подтягивался, продвигаясь таким образом вперед.

Вода на дне трубы бежала через мои руки и проникала через куртку, а вместе с холодом увеличивалась и усталость. Мне даже

пришлось крепче стиснуть зубы, чтобы они не стучали. Меня утешало только одно: эта труба шла наверх.

Как бы то ни было, но я опять приближался к поверхности. Внезапно подъем прекратился, труба пошла горизонтально. Но я продолжал продвижение, подавляя страх, что я могу захлебнуться, если вода потечет интенсивней.

Сколько времени я полз — трудно сказать, но снова неожиданно для меня я выполз в более широкую трубу, а из нее в туннель, вернее, там было два туннеля.

Когда я вновь зажег свою зажигалку, мне бросилось в глаза, что они имеют разную форму — один из них был с плоским дном. Несмотря на усталость, я быстро пополз вперед. Правда, огня моей зажигалки хватит ненадолго. Но я тут же обнаружил ступени лестницы, вмонтированной в стену. Я с облегчением вздохнул. По этой лестнице наверняка спускаются рабочие. Значит, и меня она выведет наружу.

Лестница кончилась люком, из-за которого чувствовалось дуновение воздуха и слышался шум поездов подземки. От радости я чуть не засмеялся истерическим смехом.

Открыв люк, я увидел, что он находится в самом конце одной из станций. Дождавшись, пока не прошел поезд и не забрал с собой редких пассажиров, я быстро выскочил из люка и закрыл его за собой. На платформе никого не было. Я бросил взгляд на название станции и быстро вошел в телефонную будку, откуда и позвонил Сторми.

Я не тратил время на детали, а только объяснил ей в общих чертах, что случилось. Она слышала отчаяние в моем голосе и не прерывала мои указания никакими излишними вопросами. Я объяснил ей, что на то, чтобы взять машину напрокат, ей понадобится минут пятнадцать. Потом я сказал ей, что еще надо сделать дополнительно. Я остался в будке, держа трубку у уха. Всякий раз, когда проходил поезд и люди выходили на платформу и шли мимо меня, я отворачивался в сторону, чтобы скрыть свое лицо, и делая вид, что разговариваю по телефону.

Время текло страшно медленно. Прошел час. У меня уже подгибались ноги, лицо горело. Мой мозг плыл в тумане. Наконец, кто-то похлопал меня сзади по плечу. Я уронил трубку и, быстро пригнувшись, повернулся, чтобы в случае необходимости нанести удар. Но этого не потребовалось. У меня даже голова закружилась от радости: я увидел, что передо мной стоит Сторми...

Сторми взяла напрокат новый «крайслер» и она повела машину по почти пустынной сейчас Седьмой авеню, в сторону Нижнего Манхеттена. Я расстегнул пальто и куртку и нагнулся к обогревателю, от которого шел теплый воздух. Большие глотки из плоской бутылочки, привезенной Сторми, ускорили мое восстановление.

Что бы я ни пережил ранее, но мне уже стало лучше — дрожать я перестал. Но я сильно устал и ощущал себя совершенно

разбитым. Алкоголь и тепло обволакивали меня туманной теплотой. Веки мои отяжелели и мне нестерпимо захотелось спать. Я откинулся на сиденье и положил голову на подголовник. Что-то кольнуло меня и загорелось на моем лице. Я застонал и дернулся. Сильная, но нежная рука Сторми взяла меня за подбородок и притянула к себе.

— Не дергайте головой, Джек! Будет немножко больно.

Я открыл глаза. Ее мальчишеское лицо напряженно смотрело на меня. В ее темных глазах можно было заметить нежность, которую нельзя было скрыть. Она держала в руке ватный тампон, смоченный в виски, и обмывала мое грязное, израненное лицо. Я прикусил губу и старался сидеть смирно, а она тем временем промывала мои раны. Машина стояла в безлюдном квартале. Холодное жжение виски оказало пробуждающее воздействие.

— Вот и все... Большого пока сделать невозможно.

Я выпрямился, взял у нее бутылочку и вымыл руки. Алкоголь сразу зашипал во всех пораненных местах так, что я непроизвольно вздрогнул. Сторми протянула мне маленькое зеркальце. Без грязи и засохшей крови моя физиономия выглядела немножко лучше, но на ней было множество ссадин и царапин.

Я взял с заднего сиденья вещи, которые Сторми приобрела для меня — пальто и коричневую шляпу. Я с трудом натянул на себя пальто и застегнул его на все пуговицы. Затем надел шляпу и поднял воротник пальто. После этого я снова посмотрел в зеркальце.

Так было уже лучше. Поля шляпы закрывали лоб, а воротник пальто — нижнюю часть лица. Я опустил подбородок пониже так, чтобы остались видны только нос и губы. Синяк под глазом, правда, скрыть не удалось, но если свет не будет падать непосредственно на меня...

— Дайте мне револьвер! Свой я потерял.

Сторми протянула мне револьвер 32-го калибра, который я ей оставил. По сравнению с «магнумом» это была жалкая детская игрушка, но если хорошенько прицелиться, то на небольшом расстоянии можно обойтись и им.

Я сунул оружие в боковой карман пальто. Мне нужно было еще кое-что сделать до конца ночи. Правда, я был в таком состоянии, что ничего не хотелось делать. Но я понимал, что этого никто за меня не сделает, а сделать надо.

Сначала мне надо немного перекусить и выпить несколько чашек черного кофе, чтобы взбодриться. Я поделился со Сторми своими намерениями. Она включила мотор и повела машину на запад, к Уолл-стрит. Я опять задремал...

Когда я проснулся, машина снова стояла — на этот раз в одном из переулков Бауэра, а Сторми как раз возвращалась из ночной закуской, держа в руках пакет с бутербродами и два станкачика кофе.

— А вы сами будете есть? — промычал я сонно.

Она молча посмотрела на меня, а затем сказала:

— Сегодня я поздно ужинала.

Я принялся за бутерброды с ветчиной, запивая их кофе. Выпив первый стаканчик, я разбавил кровь в жилах еще одной порцией виски, после чего выпил второй стаканчик кофе. Вскоре я почувствовал, как кровь снова заиграла в моих жилах. Туман в голове рассеялся. Я выпрямился и подвигал плечом.

— Что теперь? — тихо спросила Сторми.

— Отправимся на поиски Нины.

— Но если тот парень выдал ее тайник, она, наверняка, в руках этих подонков.

— Может быть и так. В таком случае, надо искать Бена Хэнкса. Быстро! Поехали!

В Гринвич-Виледж Сторми остановила машину в двух кварталах от дома, где проживала Лина Мейсон, подруга Хэнкса.

— Жди меня здесь! — приказал я и вылез из машины, хлопнув за собой дверцу. Потом я быстро зашагал по заснеженной мостовой, держа руки в карманах пальто. Когда я уже хотел свернуть на улицу, где жила Лина Мейсон, я заметил нечто, что сразу заставило меня остановиться и опять нырнуть за угол дома.

Перед ее домом стояла полицейская машина. С напряженным до отказа нервами, я стоял и выжидал, что же будет дальше. Из занавешенных окон пивной доносились громкие голоса. Наконец, они смолкли и из заведения вывалилось с десятков фигур, гонимых худощавым полицейским.

Некоторые имели очень короткую мужскую прическу, другие имели длинные волосы. На одних была женская одежда, на других — мужская. Но с биологической точки зрения все они были женского пола.

— На сегодня хватит! Повеселились! — брезгливо буркнул полицейский. — Убирайтесь прочь по своим норам, паршивые лесбиянки!

Женщины с раздраженным видом начали медленно разбредаться парами. Коп провожал их сердитым взглядом. Из пивной вышел еще один коп. Он был маленький и пухлый. Они еще немного постояли, затем уселись в машину и укатили.

В кафе погасли все огни, кроме одного. Женщина изнутри подошла к стеклянной двери, заперла ее и опустила жалюзи. Теперь улицу освещал только один фонарь на ближайшем углу. Света он давал мало, потому что снег все еще продолжал кружиться в воздухе. Я перешел через улицу и вошел в здание, держа палец на спусковом крючке, чтобы в случае необходимости выстрелить прямо через карман...

Добравшись до квартиры Мейсон, я постучал. Мне никто не открыл. И на этот раз мне помогла целлулоидная полоска. Квартира пустовала. Я обошел все помещения. В раковине стояла

грязная посуда. На кухонном столе находилась бутылка виски, наполовину пустая. Чемодан, стоявший раньше в одном из шкафов, теперь пустовал.

Я вышел из квартиры и, пройдя по тротуару, подошел к кафе. Постучав, я поглубже спрятал свой подбородок, чтобы по возможности скрыть свою внешность. Мне еще везло, что шел снег — никто в такую погоду не удивится, что я приподнял воротник. Ключ в двери повернулся и она немного приоткрылась. Женщина была маленького роста, но фасонистая. Седые волосы обрамляли красивое лицо с тонкими чертами.

— Мы уже закрылись.

— Я ищу одну знакомую, живущую в этом доме. Лини Мейсон.

Она кивнула:

— Знаю ее. Милая девушка.

— Ее нет дома, а мне нужно с ней поговорить. Вы случайно не видели ее сегодня вечером?

— Нет. Она работает по ночам. Играет на рояле в одном ночном клубе.

— У нее живет мой друг, Бен Хэнкс. Вы его знаете?

— По имени нет, а так я его видела.

— Сегодня вечером?

Она покачала головой.

— Я весь вечер проработала... И он вряд ли зашел бы в наше заведение.

— А в каком клубе работает Лини?

Она пожала плечами.

— Где-то за Гудзоном, в Нью-Йорке. Точно не знаю...

Я поблагодарил ее и вернулся к машине. В Нью-Йорке находился ночной клуб Гарвея Кью. И его адрес был в моей записной книжке. Я уселся рядом со Сторми и захлопнул дверцу.

— Никого, — ответил я на ее вопрошающий взгляд.

— Что теперь будем делать?

— В Нью-Йорке работает подружка Хэнкса. Возможно, она знает, где его разыскать. Я поговорю с ней.

— Какой дорогой поедем?

— Через туннель в Нью-Джерси. Но обождите минутку, Сторми. Сначала я должен вам кое-что объяснить. Перед туннелем мы должны остановиться и заплатить пошлину, а меня разыскивают полицейские Нью-Йорка. Если меня узнают и арестуют в вашей машине, у вас будут неприятности. Вас могут арестовать.

Она меланхолично взглянула на меня.

— Это я и так уже знаю... Что дальше?

— Лучше выходите и возвращайтесь домой на такси. Ждите меня там. Я справлюсь один.

Она посмотрела на меня такими глазами, словно я пообещал ее выпороть розгами.

— Интересно, — проговорила она, — какого вы вообще обо мне

мнения? Вы думаете, я испугалась, что у меня будут неприятности? Нет, слава богу, я не принадлежу к такому сорту женщин.

— Я знаю, что вы смелая женщина, но к чему ненужный риск! Я ведь могу справиться и без вас.

— Я остаюсь с вами! Нина моя племянница и я люблю ее. Я помогу вам отыскать этого ублюдка... Думаете, у меня не хватит сил? Сегодня вам уже понадобилась моя помощь, она понадобится еще раз.

Сторми выразительно постучала своим пальчиком по моему лбу.

— Уверяю вас: я очень полезный человек! И у вас еще будет возможность убедиться в этом...

У меня действительно была возможность убедиться в этом, когда мы поехали в Нью-Йорк.

Другие заведения на этой улице, расположенные позади все еще оживленного центра Нью-парка, были уже закрыты. Наискосок к улице шел мощный переулок, деливший квартал на две части. Единственный свет в переулке исходил от бледной неоновой рекламы, висевшей над узкой дверью «Девичий клуб».

Значит, здесь балуются стриптизом. Вот бы удивилась Сторми, посмотрев на такое. По этой причине я оставил ее сидеть в машине. Надвинув шляпу на лоб и спрятав низ лица за воротником пальто, я вошел в клуб. Я надеялся, что в заведениях подобного рода свет всегда притушен, и оказался прав. Войдя, я увидел, что за исключением маленькой сцены, которая была сильно освещена, везде царил полумрак. Я сразу успокоился. Лишь несколько лампочек освещало бар, а в зале было темно.

Девушка на сцене ритмично двигалась в такт музыке рояля и ударного инструмента. Помещение было большим: в два раза больше в длину, чем в ширину. Длинный бар овальной формы тянулся от самой сцены и почти до входной двери. И справа, и слева от него стояли столики и на каждой стене висело по огромной картине с изображением обнаженной девушки, лежавшей на спине.

За стойкой бара находились две солидного роста барменши. На них были узкие, черного цвета брюки и черные куртки, закрепленные спереди лишь бархатным бантом. Перед был довольно открытым и позволял видеть крупные красивые груди.

Официантки и девушки-музыкантши были одеты подобным образом. В таком костюме были даже девушки из гардероба, одна из которых подошла ко мне, чтобы взять шляпу и пальто.

— Я тороплюсь, — объяснил я ей. — Мне нужно лишь перекинуться парой слов с Лины Мейсон.

Гардеробщица посмотрела в сторону сцены.

— После этого номера у нее будет перерыв.

Выходит, я действительно нашел тот клуб, который был мне необходим. Я протиснулся мимо столиков к стене и стал ждать.

Высокая длинноволосая девушка на сцене раскачивала своими красивыми бедрами в примитивном танце в такт музыки. Потом она начала развязывать узенькие тесемки на своих плечах, на которых держалось ее вечернее платье. Наконец, тесемки совсем упали и она широко развела руками. Верхняя часть платья поддерживалась теперь пышными грудями, которыми ее щедро наградила природа. Кончиком языка она провела себя по пухлым красивым губам и одарила присутствующих многообещающей улыбкой. Напружинив ноги, она встала на цыпочки. Барабан начал медленно выбивать дробь. В ритм барабану танцовщица стала подпрыгивать. На шестом прыжке черное платье сползло с верхней части тела и повисло на бедрах... Тихий стон пронесся среди посетителей. А девушка, заложив руки за голову, начала какой-то быстрый дикий танец.

Это было довольно интересно, но я-то пришел сюда не ради этого. Я сконцентрировал свое внимание на девушке, сидевшей за роялем — брюнетке небольшого роста. Фигурка у нее была бесподобная. Тонкая талия подчеркивала ее сексуальность как сверху, так и снизу. Красавицей ее назвать было нельзя — у нее было слишком злое выражение лица, но умные узкие глазки, чувственный рот позволяли судить о том, что в любовных утехах она дает мужчине даже больше того, на что он может надеяться.

Играла она с беззаботной легкостью и при этом пренебрежительно поглядывала на танцовщицу, которая тем временем сумела окончательно освободиться от своей одежды и порхала по сцене, показывая при этом то одну, то другую часть из своих женских прелестей. Ее танец завершился в бешеном темпе и с эффектной концовкой. Под гром аплодисментов она испарилась за черным занавесом.

Лини Мейсон поднялась из-за рояля. В полутьме зала я проскользнул вдоль стены и настиг ее, прежде чем она успела скрыться за дверью, ведущей за кулисы.

— Лини!

Она повернулась и хмуро уставилась на меня своими умными глазами, как будто что-то спрашивая.

— Бен хотел бы с вами поговорить. Он ждет...

— Я вас не знаю, — процедила она с недоверием.

— Меня зовут Джо Фарнум. Я из Чикаго. Бен нашел мне работу у Гарвея Кью. Он разве ничего не рассказывал обо мне?

Она покачала головой, но недоверие с ее лица почти исчезло.

— Бен уехал. Он не может...

До сих пор я не был уверен, знает ли она, где находится Хэнкс. Теперь я был в этом уверен.

— Он хотел уехать... но в него стреляли и он довольно тяжело ранен, Лини...

Я назвал ей еще одно имя, чтобы убедить ее наверняка.

— Между прочим, вместе с ним в машине находится и Джонси...

Мгновение она находилась в нерешительности, потом испытующе посмотрела на меня.

— А что с вашим глазом?

Я дотронулся до синяка.

— Немножко досталось, когда я схватился с парнем, стрелявшим в Бена.

Наконец, она решилась:

— Обождите минутку!

Лини проскользнула в дверь. Вскоре она вернулась, одетая в норковое мантио, доходившее ей до коленок, и последовала за мной на улицу. Когда Сторми нас заметила, она вышла из машины и открыла заднюю дверцу. Лини наморщила лоб, но шага своего не замедлила.

Мы дошли до машины. Лини заглянула в салон и сразу же вырвала свою руку из моей. Я держал ее под руку, направляясь к машине.

— Что это значит?! Бен не...

Я вытащил из кармана револьвер.

— Если вы будете вести себя спокойно, с вами ничего не случится. Мы только совершим небольшую поездку.

Но револьвер ее не напугал. Она была уверена в том, что я не решусь применить его.

— Идите-ка вы к чертям собачьим! — выпалила она и развернулась, чтобы удалиться.

И в тот же момент Сторми проявила такую активность, что я удивился. Она закрыла сзади своей рукой рот Лини, обвила другой рукой ее за шею и тем самым очень эффектно подавила ее крики. После этого она приподняла ее и свалилась вместе с ней в машину, на заднее сиденье. Я захлопнул дверцу, быстро скользнул за руль и нажал на педаль газа. Мейсон стояла на коленях лицом вниз. Сторми облокотилась правым локтем о спину Лини, а другой рукой держала ее за шею.

— Вы ее удержите?

— За меня можете не беспокоиться. И не с такими сучками справлялась!

Сторми еще сильнее нажала локтем в спину Лини и приподняла повыше ее подбородок. Та затихла и даже не пыталась больше кричать...

Между Нью-Йорком и Гудзоном лежит та часть Нью-Джерси, которую называют Модус — пустынная и заброшенная болотистая местность, тянущаяся на несколько миль по обе стороны извилистой дороги. Снег на дороге подмерз и колеса постоянно скользили. Я вынужден был полностью сосредоточиться на вождении, чтобы не заехать в топь.

Я проехал еще какое-то расстояние, потом подрулил к обочине и остановился. Не выключая мотора и отопления, я вышел,

ступая прямо в снег, доходивший до щиколоток, и открыл заднюю дверцу. Сторми выпустила из своих рук пленницу. Лини Мейсон сразу выпрямилась.

— Кто вы такой? — набросилась она на меня. — И что вы хотите от...

— Я хочу быстренько узнать, где мне найти Бена Хэнкса. Она злобно фыркнула:

— Я расскажу ему об этом и он свернет вам обоим шею.

— Я могу предоставить ему эту возможность хоть сейчас. Где он?

Злобный взгляд девушки сменился насмешливой улыбкой.

— Вы действительно думаете, что я вам это скажу?

— Вы избавите себя от массы неприятностей, если послушаетесь моего совета. Не в моих правилах причинять женщинам боль, но если...

— Что вы собираетесь делать? Избить меня? — ее умные глаза посмотрели на меня и она покачала головой. — Вы этого не сделаете. Уж я-то знаю мужчин! Вы не относитесь к числу тех, кто может ударить женщину.

Она была права и я лишь сжал кулаки от гнева. Тем не менее, я потряс ими, чтобы хоть немного напугать ее.

— Я сделаю это, если меня на это вынудят. Я обязан найти Бена Хэнкса и только вы знаете, где я смогу его отыскать. Скажите мне сразу, где он, иначе...

Она расхохоталась мне прямо в лицо. Я уже был готов впасть в отчаяние, но тут вмешалась Сторми.

— Я не мужчина! — заявила она и холодно уставилась на Лини. — А что вы скажете, если я утверждаю, что заставлю вас говорить?

Ухмылку словно водой смыло с личика Лини и на ее месте возникло выражение страха. В тот же момент она проскочила мимо меня и хотела броситься к машине, стоявшей с открытой дверцей. С быстротой и ловкостью пантеры Сторми бросилась вслед за ней и ухватила ее за норковую шубку. Та сразу же выскользнула из нее, оставив ее в руках Сторми. Я не пытался ее удерживать — в такой легкой одежде она далеко не уйдет.

Лини не успела отойти от машины и на три ярда, как ее со страшной силой встретил снежный заряд. На ее лице возникло выражение ужаса и она остановилась. Потом повернулась назад и хотела сесть в машину. Сторми бросила ее шубку на сиденье, вышла из машины и преградила ей дорогу.

— Пропустите! Мне холодно! Вы слышите!

— Где Хэнкс? — сурово спросила ее Сторми.

Лини Мейсон попыталась оттеснить ее от машины, чтобы спрятаться от холода. Сторми сделала шаг в сторону и схватила сзади Лини за куртку. Бант, служивший завязкой спереди, лопнул, а сама Лини споткнулась и качнулась вперед. Курточка сползла с ее груди. Сторми сорвала ее и бросила в снег.

Лини закрутилась, как полоумная, а потом, громко всхлипывая, бросилась на Сторми, пытаясь вцепиться ей в глаза. Та увернулась и влепила ей пощечину. Но и это Сторми показалось мало. Сжав руку в кулак, оно буквально сразу нанесла ей удар сбоку в подбородок, так что Лини отлетела и ударилась о кузов машины. Казалось, она больше не выдержит и вот-вот упадет. Ее кожа начала приобретать синеватый оттенок и скоро ее всю затрясало от холода.

— Где Хэнкс?!

Ноги Лини напряглись и она сделала последнюю попытку, бросившись на Сторми, чтобы все-таки влезть в машину. Бесплезное дело! Сторми ухватила ее за запястье, отбросила от машины и стала перед ней. Затем одной рукой она завернула руку Лини за спину, другой схватила ее за волосы, а ногой дала пинок в зад.

Лини полетела в снег, взыв от холода, страха и бессилия.

— Сторми... — нерешительно начал я.

— Идите прогуляйтесь немного, Джек.

Я остался на месте, так как все это мне не очень нравилось.

— Что вы собираетесь с ней сделать? — спросил я.

— Сделаю так, что эта сучка заговорит, но вам лучше при этом не присутствовать... Пойдите, прогуляйтесь...

Ее слова меня не очень-то убедили, но я понимал, что если мы не разыщем Хэнкса, то жизнь Нины и моя собственная не будут стоить и цента.

Я отправился на прогулку. Когда я вернулся, обе девушки уже сидели в машине. Все дверцы были закрыты. Отопление работало на полную мощность. Я сел на переднее сиденье и повернулся к Лини Мейсон. Она сидела в углу, подальше от Сторми, закутавшись в шубку и тихонько всхлипывая.

— Что она сказала? — обратился я к Сторми, избегая смотреть ей в глаза.

— Она не знает, где Хэнкс. Она лишь знает, что он собирался куда-то улететь на самолете. Сегодня вечером он пришел к ней на квартиру с человеком по имени Делмен и взял чемодан... — затем Сторми многозначительно добавила: — Этот Делмен якобы сказал Хэнксу, что это не к спеху. Нине понадобится некоторое время, чтобы преодолеть это расстояние с помощью автостопа.

Теперь я был вынужден посмотреть на Сторми. Мы оба понимали, что это за поездка автостопом.

— Вы уверены, что она не знает, куда хотел лететь Хэнкс?

— Совершенно уверена. Хэнкс не очень-то делился с ней о своих планах. Она все рассказала, ничего не утаила.

— Как выглядел человек, приходивший с Хэнксом? — обратился я к Лини Мейсон.

Она сжалась в своем углу, завернувшись в мантию и обхватив руками поджатые под себя ноги.

— Маленький такой... шупленький.

Судя по описанию, это мог быть Скрюни. Я нажал на газ и проехал через мост обратно в Нью-Йорк. У границы города я остановил машину.

— У ближайшего перекрестка стоянка такси. Вызовите машину и возвращайтесь в клуб,— сказал я Лини и бросил ей на колени деньги.

Я был уверен, что она не обратится в полицию. В их кругах это считалось неприличным. Тем не менее, чтобы быть полностью в этом уверенным, я ее предупредил:

— Если вы натравите на нас полицию и нас схватят, я все расскажу им о Хэнксе и это будет стоить ему жизни. А сами вы попадете за решетку только за то, что знали его. Подумайте об этом.

Лини подняла голову и испуганно кивнула. Ее глаза все еще были наполнены страхом. Видимо, Сторми полностью сломала ее, как личность. Она взяла деньги, вышла из машины и побежала к перекрестку. Сторми пересела на переднее сиденье.

— По крайней мере, теперь мы знаем, что они еще не схватили Нину.

— Угу... но это и все. Нина находится по дороге в свое ранчо в Нью-Мексико. Хэнкс полетел туда, чтобы дожидаться ее и схватить, как только она там появится.

— Я позвоню отцу и предупрежу его.

— Разумеется! Но этого мало. Нина может попасть в лапы Хэнкса до того, как она доберется до ранчо. Я должен это предотвратить и поймать Хэнкса до того, как это может случиться.

— Как же вы это сделаете? Ведь вы даже не знаете, где он находится. Или же, может быть...

Я перебил ее:

— Он получил через Гарвея Кью связного в Нью-Мексико. Если мне удастся узнать, кто этот человек... Как называется транспортная фирма, где работал Джонни?

— Не знаю. Когда я однажды его об этом спросила, он лишь пожал плечами и ответил, что он работает на несколько фирм.

— Наверняка, он работал только на одну фирму,— пробормотал я, больше обращаясь к самому себе.— Если бы я смог узнать, что это за фирма и направиться туда...

— Но ведь полиция перекрыла все вокзалы и аэропорты, не так ли?

— Верно. Но в Нью-Мексико можно проехать и на машине. Ведь Нине тоже понадобится не так уж мало времени, чтобы добраться туда. И если мы поспешим, то окажемся там раньше.

Мы как раз проезжали мимо закусочной и я затормозил.

— Там наверняка есть телефон. Позвоните отцу и предупредите его, что Нина направилась домой. Когда она там появится, он должен немедленно увезти ее с ранчо. Если она позвонит ему еще до этого, он должен ей сказать, чтобы она сразу направля-

лась в какое-нибудь другое место. Куда угодно — но только не на ранчо.

Сторми кивнула и побежала в закусочную. Когда она вернулась, я направил машину в сторону Гудзона.

— Куда мы теперь? — спросила Сторми.

— В Уихьюкен.

— Что мы там не видели?

— Надо найти бумаги, касающиеся нелегальной деятельности Гарвея Кью. Возможно, среди них я и наткнулся на имя связанного в Нью-Мексико или название этой транспортной фирмы в Аль-букерке.

— Как же вы доберетесь до этих бумаг?

На этот вопрос мне трудно было ответить, поскольку я и сам не знал этого.

Мы медленно проехали мимо пирса и мимо склада Гарвея Кью. Здание было погружено в темноту. Я подъехал поближе к воде, а потом остановил машину. Попросив Сторми подождать меня здесь, я взял карманный фонарик и побежал к зданию. На нем были надежные запоры. Замок моим усилиям не уступил, а решетка на единственном окне оказалась неприступной. Тогда я попытал счастья с передней стороны, но ворота и маленькая дверь имели такие же крепкие замки. Их мне также не удалось открыть, несмотря на все мои усилия.

Имелась еще одна возможность. Я обнаружил ее еще по пути. Я вернулся к полусгнившим деревянным сходням. Осторожно шагая по настилу, я, наконец, добрался до того места, где покачивалась на волнах маленькая весельная лодка, привязанная к одному из столбиков.

Я спрыгнул в лодку, которая сразу же осела под моей тяжестью. Весел в ней не было, поэтому существовала опасность, что течение вынесет меня на Гудзон. Тем не менее, я отвязал лодку и течение тотчас понесло меня от причала. Лодка казалась прочной. Я повернул ее в нужном направлении, изо всех сил оттолкнувшись от причала. Лодка нырнула под причал, причем, течение все время пыталось вытолкнуть ее оттуда. В последнее мгновение мне удалось схватиться за мокрый канат одного из пирсов. Я с трудом подтянулся на руках. Толчок — и лодка скользнула под пирс, где я уже мог ухватиться за другой тонкий столбик. Положив руку на этот столбик, я другой рукой достал фонарик и направил его луч вверх. Надводная часть пирса находилась буквально в нескольких дюймах над моей головой и через несколько секунд я уже нащупал лучом люк в пирсе. Я подтянул лодку поближе и схватился за столбик, который находился рядом с люком. Потом я спрятал фонарик и привязал лодку к одной из свай. Затем я попытался открыть люк.

Я приподнялся на несколько дюймов, а затем наткнулся на какое-то препятствие. Вероятно, это была кушетка. Придерживаясь одной рукой за перекладки, я протянул другую в отверстие

люка и начал водить ею по полу, пока что-то не нашупал. Я на-
пряг все свои силы, пытаюсь сдвинуть ее с места. Это оказалось
долгой и изнурительной работой. Лодка была не такой уж на-
дежной опорой, и на свои ноги рассчитывать не мог. Оста-
валось рассчитывать только на свои руки.

Через какое-то время мне все-таки удалось сдвинуть про-
клятую ножку на небольшое расстояние. Но чего мне это стоило!
Я жадно ловил воздух ртом и обливался отнюдь не холодным
потом. Затем, собрав все свои силы, я толкнул еще раз.

На этот раз ножка отодвинулась настолько, что я мог пол-
ностью открыть крышку люка. Она с громким стуком упала на
пол. Если кто-нибудь находился в помещении, он, наверняка,
слышал этот стук, поэтому я не стал терять времени. Я подтя-
нулся на руках и поднялся в темноту помещения. В ту же се-
кунду я щелкнул фонариком. Дверь, ведущая в переднюю часть
складского помещения, была заперта. Я вытащил свой револьвер
и какое-то, довольно продолжительное время, выжидал. Прошло
несколько томительных минут: никто не открывал двери в поме-
щение. Тогда я повернулся и начал обследовать комнату.

Через пятнадцать минут я уже проверил всю документацию
Гарвея Кью, но не нашел того, что искал. Тут были бумаги, ка-
сающиеся его земельных участков и его транспортных фирм,
но все это было не то.

Вполне возможно, что эти бумаги находились в другом месте
или в сейфе. Сейф был большой и массивный, с надежным запо-
ром, где необходимо было знать комбинацию цифр. Специалист,
имеющий инструменты, возможно, вскрыл бы его за пять минут,
но у меня не было ни опыта в подобных делах, ни инструмента.
Поэтому мне пришлось подавить в душе разочарование. Я вошел
через внутреннюю дверь в короткий узкий коридорчик. В конце
его находилась дверь. Я открыл ее и осветил фонариком
в зал. Там находились два огромных грузовика. На одном из
них был номер Нью-Джерси, на другом — номерный знак Нью-
Мексико. Я осветил этот грузовик. На его борту было написано:
«Стрикер — Фрай Лайкс». Пониже маленькими буквами стояло:
«Альбукерк» и номер телефона.

Наконец-то я нашел то, что искал. Я подошел к заднему борту
машины, открыл дверь и заглянул внутрь. В машине валялись
только грязные матрасы. Я вернулся к кабине водителя и забрал-
ся на сиденье. С помощью фонарика я произвел там тщательное
обследование, но не смог обнаружить ни капелек крови, ни следов
от пуль. Если мое первое предположение соответствовало дей-
ствительности, то Джонни Клоуд был ранен не здесь.

Должно быть, Хэнкс выждал, пока...

Я вздрогнул, внезапно услышав, как отворилась маленькая
дверь, находящаяся рядом с воротами. В следующее мгновение
зажегся яркий свет и я увидел Джонси и телохранителя, который
был при Гарвее Кью, когда того ранили. Оба держали в руках

пистолеты. Прятаться было бессмысленно — они наверняка видели свет от карманного фонарика и точно знали, где я нахожусь.

Грохнул выстрел и пуля срикошетила от крыши грузовика. Я пригнулся и выхватил свой револьвер. Они направились через холл, в мою сторону. Я соскользнул с сиденья, открыл другую дверцу и выпрыгнул из кабины. Приземлившись на пол и не выпрямляясь под грузовиком, я выстрелил в ноги, видневшиеся на другой стороне машины. Левая нога дернулась и телохранитель Гарвея Кью свалился на пол. Его лицо исказилось от боли. Но он не выпустил револьвера из руки и тоже выстрелил. Одна из пуль задела рукав моего пальто, другая просвистела мимо моего уха. Мне пришлось снова нажать на гашетку. Пуля попала ему в правый глаз. За это время ноги Джонси успели исчезнуть...

Я вскочил на подножку грузовика. В тот же миг пуля пробила ветровое стекло и на меня посыпались стекла. Я быстро поставил ногу на радиатор, взметнулся на крышу кабины, а оттуда перепрыгнул на крышу прицепа.

Джонси скрывался за кабиной другого грузовика. Заметив меня, он сразу поднял револьвер, но я его опередил. Пуля вонзилась ему в грудь. Будь у меня «магнум», одной пули было бы ему вполне достаточно, но пуля 32-го калибра, выпущенная с такого расстояния, для его массивного телосложения нанесла не столь уж ощутимый вред. Он, правда, покачнулся, но затем повернулся почти на 90 градусов и спрятался за радиатор.

Он не упал и не выпустил из рук своего револьвера...

Я прыгнул с крыши, и в тот же момент Джонси выпрямился и выстрелил. Пуля пролетела там, где я только что находился. А я приземлился и снова выстрелил в него. Он отлетел к стене и прижался к ней, тщетно пытаясь поднять руку с револьвером, чтобы выстрелить в меня еще раз. Я снова выстрелил. Лицо его как-то обмякло, а рука безвольно повисла. Он попытался выпрямиться, но в следующее мгновение упал всем своим телом на стену грузовика, а затем сполз по ней на пол.

Я повернулся и выскочил в дверь, через которую они вошли, на улицу. Лишь когда я пробежал некоторое расстояние, то осознал, что в моем револьвере больше не осталось патронов. Я вспомнил о двух револьверах, оставшихся там, но я не возвратился, чтобы взять их...

Глава 13

Я предоставил Сторми вести машину и только указывал ей дорогу, пока мы не достигли Нью-Джерси и не помчались дальше на юг. Я прилагал колоссальные усилия, чтобы не заснуть. Усталость, по всей вероятности, достигла критической точки. Сейчас у меня не было сил, чтобы перегнать даже улитку.

Мы не были уверены, что сможем проделать весь длинный

путь до Нью-Мексико. Утром или в течение дня полиция должна обратить внимание на то, что Сторми не вернулась к себе в отель. Ее исчезновение наверняка свяжут с моим именем и придут у выводу, что мы находимся вместе. После этого они все перекроют и когда выяснят, что мы покинули город, они наведут справки в автофирмах, сдающих напрокат машины. Вскоре они узнают и номер машины, и ее внешний вид. И как только они об этом узнают, каждый полицейский пост от Нью-Йорка до Нью-Мексико получит задание задержать нашу машину. Правда, к этому времени я уже настолько себя скомпрометировал, что меня мало беспокоило, что будет делать полиция.

Я лечил свои раны с помощью виски, а когда мы уже ехали в южном направлении, я обратил внимание Сторми на то, что на развилке мы должны свернуть на запад, в сторону Пенсильванской заставы. Потом я опорожнил бутылку, забрался на заднее сиденье и прилег. Через несколько секунд я уже спал, как убитый...

Когда я проснулся, был уже день и мы ехали по холмистой местности. Тело мое затекло, но я все-таки быстро выпрямился. Снег уже не шел и небо было абсолютно голубым. Не было видно ни одного облачка. Но снег остался лежать на земле и покрывал поля словно огромным белым саваном, но дорога была чистой.

Голова моя неимоверно болела. Все суставы, казалось, были вывернуты. Но в остальном все было в порядке, да и голова моя начала немного проходить, когда с меня слетели остатки сна.

— Как вы себя чувствуете? — обратился я к Сторми.

— Откровенно говоря, неважно, — вяло ответила она.

— Вам нужно было разбудить меня пораньше, не стеснясь. Она покачала головой:

— Вы больше меня нуждались во сне.

На одной из боковых улочек мы подъехали к бензоколонке. Я выскочил из машины еще до того, как из конторы появился служащий, и исчез в темноте туалета.

Я не торопился и долго держал голову под струей холодной воды, пока голова совсем не перестала болеть. Потом я приоткрыл дверь и выждал, пока служащий вновь не исчезнет в своей конторе. Я не хотел, чтобы он видел меня в компании Сторми.

Затем мы подъехали к ресторану, где Сторми закупила продукты. Я тем временем совершил небольшую прогулку. Позавтракали мы в машине. Затем я вырулил на шоссе, а Сторми легла на заднее сиденье и заснула.

Таким образом мы решили проблемы о будущем: Сторми покупала продукты и заправляла машину горючим, а я держался в это время подальше.

Недалеко от Питсбурга я свернул с шоссе и поехал дальше на запад по Сороковой дороге. Около полудня Сторми встала и протерла глаза.

— Недолго же вы спали — только четыре часа.

— Я плохо сплю в машине.

— Сегодня вечером я предоставляю вам кровать.

— А можем ли мы позволить себе это? Мы ведь упустим время.

— Думаю, что нет. Мы едем значительно быстрее, чем Нина.

К тому же, она тоже должна когда-то и где-то спать. А если мы не отдохнем как следует, то приедем такие усталые, что не сможем противостоять Хэнксу и его компании.

Сторми перебралась на переднее сиденье.

— А как мы узнаем, где находится Хэнкс?

— Через связного в Нью-Мексико. Джонни когда-нибудь упоминал транспортную фирму в Альбукерке, которая называется «Стрикер — Фрай Лайкс»?

Она задумалась и отрицательно покачала головой.

— Нет... А что, он работал на эту фирму?

— Я почти в этом уверен.

— И целью Хэнкса является тоже эта самая фирма?

— Да..

Сторми нахмурила лоб.

— По вашим словам можно сделать вывод, что вы кое-что знаете о той аванюре, в которой замешан Джонни.

— Думаю, что действительно знаю. У вас в районе много переселенцев из Мексики, прибывших из США нелегальным путем?

— Нет. Мексиканцы, прибывающие в США тайком, вряд ли найдут работу в Нью-Мексико. Ведь там почти нет промышленности, да и земля там сухая и неплодородная. У нас и своих людей хватает. К тому же, наш район заселен настолько плотно, что каждый знает друг друга. Большинство эмигрантов, прибывающих нелегально, направляются в Техас или Южную Калифорнию.

Я понимающе кивнул.

— Но и там им, видимо, трудно спрятаться. Ведь каждый день из Мексики прибывают так много эмигрантов, что полиция должна их постоянно контролировать.

— Все правильно. Только какое это имеет значение?

И я рассказал ей о своих предположениях.

— Джонни, как видно, был членом организации, которая нелегальным путем переправляет мексиканцев из Мексики в Нью-Йорк, где они могут раствориться в большой массе пуэрториканцев. А Пуэрто-Рико относится к США и пуэрториканцы являются американскими гражданами. За последние годы наблюдается буквально массовое переселение пуэрториканцев в Нью-Йорк. Уже сейчас в Манхэттене проживает почти миллион пуэрториканцев, а они все прибывают и прибывают. Поэтому мексиканцы в Нью-Йорке не всегда имеют документы, чтобы доказать, что они приехали в страну законным путем. Их не подозревают и не допрашивают эмиграционные власти, как это имеет место в южных районах страны. В Нью-Йорке так много пуэрто-

риканцев, говорящих на испанском языке, что мексиканцы, также разговаривающие на этом языке, не так легко отличаются от пуэрториканцев, и они совсем не бросаются в глаза. Автоматически предполагается, что они тоже из Пуэрто-Рико. Каждый раз, когда Джонни предпринимал поездку в Нью-Йорк, он вез туда с мексиканской границы нелегальных переселенцев. А там Гарвей Кью предоставлял им комнаты в своих домах. Начиная с этого момента и, видимо, до конца их жизни, он мог требовать с них регулярную плату за квартиру, что, кстати, весьма смахивает на шантаж. Если кто-нибудь из них не вносил платы своевременно, его навещал один из головорезов Кью. Полиции они жаловаться не могут — иначе сразу бы выяснилось, что они проживают нелегально. Но если они исправно платили и держались обособленно от своих соседей-пуэрториканцев, то они и впредь считались пуэрториканцами. А организация обращала внимание на то, чтобы они не привозили с собой детей такого возраста, которые могли бы все выдать, хотя бы своим товарищам по играм...

Я на какое-то время замолчал, а поскольку Сторми ничего не сказала, я спросил:

— Или вы считаете, что Джонни не способен на такое?

— Нет, почему же. Как раз это очень на него похоже. Но только не шантаж. Он, наверное, не знал, что ожидает этих людей в Нью-Йорке. Но все остальное... Да, теперь я кое-что понимаю. Я часто слышала, как он говорил, что вся Америка возникла благодаря эмигрантам. И он придерживался мнения, что нельзя препятствовать потоку эмигрантов, а это имеет место в настоящее время. Джонни часто говорил, что здесь все эмигранты, кроме таких, как мы, то есть индейцев. И он утверждал, что он, как один из немногих коренных жителей этой страны, имеет больше прав решать, кому можно въехать в страну, а кому — нет. Теперь я понимаю, что он подразумевал под этим.

Я задумался над некоторыми из ее слов.

— Вероятно, Джонни не знал, как безобразно обращался Гарвей Кью с этими мексиканцами, — наконец, промолвил я. — Вероятно, он лишь недавно узнал об этом. Ну, а последствия мы уже знаем...

— Что вы имеете в виду?

— Думаю, что это началось с Марго Варга. Можно предположить, что они встретились в первый раз, когда Джонни транспортировал группу мексиканцев в Нью-Йорк. Кью обратил внимание, как хороша эта Марго, и засунул ее в свой публичный дом. В следующий раз, когда Джонни опять прибыл в Нью-Йорк и Кью повел его в этот публичный дом, он обнаружил там Марго Варга. Джонни так возмутился и, причем, до такой степени, что Гарвею Кью пришлось выпустить Марго. Что случилось после, я точно не знаю. Возможно, Джонни узнал от Марго, какая участь ожидала мексиканцев, въехавших в страну нелегально. Кроме

того, мы знаем, что он влюбился в нее и хотел на ней жениться. А потом ее убили...

— Но почему? С какой целью ее застрелили?

— Этого я не знаю. Вероятно, она пригрозила, что расскажет полиции о шантаже. Во всяком случае, в тот день, когда ее убили, Джонни должен был привезти в Нью-Йорк новую партию эмигрантов. Кью понимал, что Джонни сразу узнает об убийстве Марго и направится в полицию. Имелся только один путь помешать этому. Готов спорить, что Хэнкс получил также задание убрать Джонни, как только тот появится в Нью-Йорке. И Хэнкс сделал все, чтобы убрать Джонни, но тому удалось ускользнуть. Поняв, что Джонни от них ушел, они разыскали Нину, чтобы иметь хоть какой-нибудь козырь против Джонни. Ну, а остальное вы знаете.

Мы продолжали свою поездку, погружившись оба в свои мысли. Мы уже пересекли Пенсильванию, проехали по Огайо, миновали города Колумбус и Спрингфелд и въехали в Индиану.

Сторми снова заснула, положив руки и голову на мое плечо и прижавшись ко мне своим телом. Я снял правую руку с руля и обнял ее за шею. Она прижалась еще больше и что-то пробормотала во сне.

Минут через двадцать она прошептала:

— У вас занемееет рука.

Я взглянул на нее и увидел, что глаза ее открыты и она смотрит на меня каким-то странным и немного насмешливым взглядом. Интересно, давно ли она не спит и наблюдает за мной?

— Я полагал, что так вам удобнее, — смутился я.

— Да... Вы удобнее, чем постель, — мечтательно пробормотала она.

— В таком случае продолжайте спать.

— Но я не могу... Мои нервы так напряжены, что того гляди и разорвутся. Лишь бы их хватило, чтобы добраться до Нью-Мексико.

Она медленно и грациозно выпрямилась. Я снял руку с ее шеи и снова положил на руль. Мы вели машину по очереди. Тем не менее, к вечеру мы совсем выбились из сил. Уже ночью, когда мы как раз пересекли границу штатов Индиана и Иллинойс, я пришел к выводу, что на сегодня хватит.

Из придорожного ресторана Сторми принесла нам еду на ужин, а потом я остановил машину у первого попавшегося на пути мотеля. Она прошла вперед и заплатила за номер с двумя кроватями. Ключи она отдала мне. Я отправился в номер, а Сторми смоталась в город, лежащий в нескольких милях от мотеля, чтобы кое-что купить.

Я опустил жалюзи, включил маленькую настольную лампу, разделся и долго стоял под душем. В конце концов, я завалился на кровать.

Сторми возвратилась из поездки с двумя большими паке-

тами. Я сел на кровать. Она закрыла дверь, поставила пакеты на стол и наморщила лоб, когда увидела мои обнаженные плечи и грудь.

— Черт возьми! Кое-что я все-таки забыла! Пижама!

Я улыбнулся:

— Можете не волноваться. Обещаю не подсматривать.

— Именно об этом я и хотела вас попросить, — пробормотала она, поглядывая на меня искоса. — Иначе вас просто паразит шок. При такой затрате энергии и усталости... Взгляните лучше, что я купила.

Она достала из одного пакета бутылку виски и два пива.

— Не знаю, как и благодарить вас за это. Об этом я не мечтал.

— Можете не благодарить. Это все не только для вас, но и для меня, иначе мои нервы не дадут мне заснуть.

Она прошла в ванную и закрыла за собой дверь: послышался шум воды. Я поднялся с постели и заглянул в другой пакет. Возможно, о пижамах она и забыла, зато обо всем другом подумала.

Кроме выпивки, она купила пару брюк, рубашку, нижнее белье и носки для меня. А для себя — штаны, блузку, белый нейлоновый бюстгальтер и куртку. Ко всему этому прилагалась зубная паста, щетки и принадлежности для бритья.

Я открыл бутылку виски и отхлебнул немного. Потом поставил виски и бутылку с пивом на ночной столик и снова забрался под одеяло. Сторми вышла из ванной, закутавшись в большую махровую простыню, которая доходила ей почти до колен. Ее ноги оказались длинными и красивыми. Из ванной она прихватила два стакана. Поставив их на ночной столик, она открыла бутылку с пивом и села рядом со мной на край постели.

— Душ здорово освежил меня. Но все же, мои нервы еще не совсем успокоились. Возможно, поможет вот это, — пробормотала она.

Я щедро наполнил стаканы, затем мы торжественно посмотрели друг другу в глаза, выпили виски и запили их пивом. Спиртное и близость очаровательной женщины, навели меня на другие мысли. Мы выпили еще по порции и после этого я вынужден был сказать:

— Или уйдите с моей постели или оденьтесь, пока что-нибудь не случилось. Я ведь живой человек...

— На мне же простыня, — спокойно промолвила она и сделала еще один глоток. — Разве вам этого мало?

— Очень мало! А достаточно ли она вас защищает?

— Боже мой! Вот уж никогда бы не подумала, что я так на вас действую, — она насмешливо посмотрела на меня. — Я думала, что вы реагируете только на нежных и милых девушек. На таких, как скажем, Линн Мейсон, или им подобных.

Вместо ответа я засунул свою руку в ее блестящие волосы

и притянул ее к себе. Губы мои жадно отыскиали ее губы и прилипли к этому живительному источнику. Во время поцелуя она вытянула руку и поставила свой стакан на столик, а потом положила обе руки мне на грудь. Ногти ее впились в мое тело и она впилась в меня таким страстным поцелуем, что кровь моя забурлила даже в пятках, не говоря уже о других местах, расположенных повыше...

Наконец, мы были вынуждены перевести дыхание. Она спокойно взглянула на меня и сделала мне замечание:

— А ведь можно было бы и побриться.

Потом она поднялась и скользнула под мое одеяло. На мгновение я вновь увидел ее изумительные ножки, когда она сбросила с себя простыню. Затем она бросила в мою сторону:

— Подумайте о моей незапятнанной репутации.

Язык ее немного заплетался от виски и пива. Она легла на бок, спиной ко мне. Я обернул вокруг пояса полотенце, взял принадлежности для бритья и отправился в ванную. Сторми же в это время налила себе еще немного виски.

Когда я возвратился из ванной уже побритый, свет уже был погашен. Комната была в полумраке. Сторми лежала под одеялом и дышала ровно и спокойно. Видимо, она уже заснула. Меня охватило разочарование и я направился к другой постели.

— Джек! — внезапно прошептала она.

Я с надеждой повернулся в ее сторону.

— Видимо, мне надо выпить еще, а то от усталости клонит в сон, — тихо проговорила она.

Я зашел между кроватями и налил ей виски. Потом сел на краешек кровати рядом с ней. Она медленно приподнялась, придерживая на себе одеяло, взяла стакан, выпила и снова поставила его на ночной столик.

— Ты все еще ужасаешься моему поведению? — спросила она.

— Ужасаюсь?!

— Ну, как я взяла на себя эту Лини Мейсон, чтобы заставить ее говорить?

— Я просто был немного удивлен, — честно признался я ей. — Но, кроме того...

— Я ведь была без оружия! Это была честная проба сил, Джек. Ты со мной согласен?

— Ну, не совсем, — произнес я с улыбкой. — Ты ведь сильнее ее, крепче и проворнее.

— Ты говоришь так, Джек, будто я какое-то дикое животное.

— Может быть, это похоже на правду?

— Не забывай, что и дикое животное можно приручить. Надо лишь побольше ласки и терпения.

Она прошептала это так тихо, что я едва смог ее расслышать.

— И ты этого хочешь?

— Каждая женщина этого хочет... если мужчина ей нравится.

Я быстро откинул одеяло и прилег рядом с ней. Все ее тело будто напряглось, и она стыдливо повернулась ко мне. Я крепко сжал ее в своих объятиях и начал жадно целовать ее крепкие груди, плечи, губы. Выросшая на ферме и проведя всю жизнь на открытом воздухе, она была словно сбита на сливках. Темпера-мента ей было не занимать: индейцы очень страстный народ.

Она застонала, крепко обвила меня руками и опять вонзила свои ногти мне в спину.

— Возьми меня... Возьми меня скорее... Я не могу больше ждать...

Я согнул ее ноги в коленях и рывком овладел ею. Она сразу притихла и больше ничего не говорила, а лишь постанывала от наслаждения... Этой ночью вторая кровать нам вообще не понадобилась...

Глава 14

Чем ближе мы приближались к цели нашего путешествия, тем больше меня волновал тот факт, что у меня нет оружия и что, вообще, нас может зацапать полиция. Покинув рано утром мотель, мы быстро докатили до Сан-Луи, потом переехали реку, пересекли почти весь Канзас и, наконец, передохнули еще пять часов в одном из придорожных мотелей на нашем пути.

Когда Канзас остался позади и мы катили по юго-восточной части Колорадо, я уже ожидал, что нас может задержать любой полицейский патруль. Но пока этого не случилось. Тем не менее, я не чувствовал себя спокойно, ведь полиция могла поджидать меня в Санта-Фе.

В конце дня мы проехали через Рэтон-Пас и въехали в штат Нью-Мексико. Здесь Сторми уже знала дорогу и поэтому я предложил ей вести машину. Она выбрала путь через заснеженные горы. Я сидел рядом с ней и прикидывал разные варианты. Мои мысли были такими же мрачными, как и темные снежные тучи, которые нависли над нашими головами. Наконец, я сказал Сторми, что мне необходим револьвер или хотя бы патроны 32-го калибра.

— Это не проблема. Мы можем достать оружие на нашем ранчо, если мы попадем...

— Этого делать нельзя, — перебил ее я. — Мы не должны приближаться к ранчо. Только в случае крайней необходимости. Возможно, полиция в Нью-Йорке еще не установила, что ты взяла напрокат машину, но зато я почти уверен, что они знают, что мы находимся вместе. Поэтому полиция Нью-Мексико наверняка предупреждена и они будут подкарауливать меня поблизости от ранчо..

Она задумчиво нахмурило лоб:

— Я знаю очень много людей в Техасе и там достану оружие.

— Но тебя, наверное, спросят, зачем оно тебе понадобилось.
— Друзья не задают никаких вопросов, если у них что-нибудь просят. Во всяком случае, в наших краях.

Извилистая дорога все еще бежала по горам мимо маленьких деревушек. Наконец мы проехали горы и достигли узкой плодородной, окаймленной лесными склонами, долины. Машина сделала резкий поворот и мы заметили, что по дороге впереди нас ковбой на лошади гнал небольшое стадо.

Сторми резко затормозила. Когда она увидела лицо ковбоя, она сразу заулыбалась, высунулась из окна и громко закричала:

— Эй, Чак!

Ковбой повернул голову в нашу сторону и на его добром веснушчатом лице появилась приветливая улыбка.

— Сторми! — он повернул лошадь и подскочил к нам. — Сторми! Я не видел тебя целую вечность!

После этого он улыбнулся и мне, без всякой осторожности и сдержанности, которая так свойственна людям в больших городах. Затем он снова повернулся к Сторми.

— Как поживает Джонни и ваш отец?

— Подожди меня здесь, — обратилась ко мне Сторми и вышла из машины. Она подошла к ковбою и заговорила с ним. Тот снова взглянул на меня, но не менее дружелюбно, чем в первый раз. Потом он, видно, с чем-то согласился и кивнул. Тогда она поставила ногу в стремя, легко уселась на лошадь позади него и они поскакали к маленькому блокгаузу, находившемуся в нескольких сотнях ярдов у подножия крутого склона.

Минут через пять-шесть она уже вышла из хижины, вновь уселась на лошадь и вернулась на дорогу. Затем Сторми слезла с лошади и подошла к машине. Револьвер, который она бросила мне на колени, был простым и старомодным кольтом 45-го калибра, с потертой рукояткой орехового дерева. Она протянула мне также маленькую красивую коробочку с патронами, захлопнула дверцу и завела мотор. Ковбой помахал нам шляпой на прощание.

Я взял кольт и проверил барабан. Спусковой крючок находился против пустого цилиндра, остальные цилиндры были заполнены пулями. Я сунул кольт за пояс, а патроны положил в карман пальто.

— Нам повезло, что у него оказался револьвер, — произнес я.

— Тут у всех имеются револьверы.

— А он не боится, что я что-нибудь натворю с помощью его колта, и у него возникнут неприятности.

— Ему нечего бояться. Я сказала ему, что ты любишь ходить на охоту с револьвером, а не с винтовкой.

— И он этому поверил?

Сторми покачала головой.

— Чак — не дурак. Но здесь еще сильны традиции старого

запада. И его вовсе не пугает тот факт, если кто-нибудь захочет решить спор с помощью оружия, а не прибегая к помощи полиции.

— У тебя отличные друзья!

С тех пор, как я ощутил на своем поясе тяжесть револьвера, у меня сразу стало спокойней на душе и поднялось настроение.

— Я сумела дозвониться из хижины Чака отцу. Он утверждает, что не видел Хэнкса и ничего не слышал о Нине.

— Значит, волноваться рано. Вероятно, это означает, что она еще в пути.

Мы пообедали в Тассе, маленьком городке, лежавшем в горной долине, а затем поехали на юг по горным дорогам. Миновали каньон Рио-Гранде и выехали на скалистую площадку, похожую на горное плато. Бескрайние просторы — и нигде не души. Вывавшись из Манхеттена, человек может подумать, что он попал на Луну. Пока что мы продолжали ехать на юг все дальше и дальше. Сторми говорила мало, лишь изредка, но когда мы выехали из Санта-Фе и приближались к Альбукерку, она вдруг заговорила. Вероятно, этот вопрос уже давно ее беспокоил.

— Джек, а тот факт, что отец не слышал ни о Хэнксе, ни о Нине — ведь он еще не означает, что Нина в их руках, а он просто не знает ничего об этом?

— Так тоже может быть, — согласился я. — Но, независимо от того, поймали ли они Нину или нет, мы должны добраться до глотки Хэнкса.

Когда мы доехали до Альбукерка, было уже почти темно. Городок, расположенный на равнинном месте, тянулся вдоль Шестьдесят шестой дороги, пересекающей Рио-Гранде.

В телефонной книге я нашел адрес транспортной фирмы. Это было совсем неподалеку от вокзала и железнодорожной линии, ведущей в Санта-Фе. Название этой фирмы было написано на длинном заборе, который тянулся вдоль большого земельного участка. Там стояли два тягача, холодильный прицеп, машина для перевозки мебели и несколько машин, сдававшихся напрокат.

Я вошел в широкие ворота, но не заметил ни одного человека. Железные ворота гаража или складского помещения были закрыты. Правда я заметил стрелку со словом «Бюро» и направился в этом направлении. Пальто я расстегнул. Было так тепло, что я вообще мог бы его снять, но в правом кармане у меня лежал револьвер.

Я поднялся по нескольким деревянным ступенькам и свернул за угол складского помещения. Одна из дверей оказалась открытой. Я сунул руку в карман, где находился револьвер, и вошел в помещение, частично приспособленное под бюро. Стены украшали отрывные календари с разнообразными видами и голыми женщинами. Напротив входа виднелась еще одна открытая дверь, ведущая в темный склад.

В комнате, где я находился, были большой ящик с инструментами и груда покрышек для грузовиков. Надувка покрышек, очевидно, производилась в другом помещении. На другой стороне комнаты стояли письменный стол, два деревянных стула, походная кровать и шкаф для бумаг. Кроме того, здесь был также и сейф.

Человек, сидевший за столом, записывал цифры в свои книги. У него было широкое лицо и коренастая фигура. Сзади него, на плечиках, висела кожаная куртка. Он поднял голову, которая уже успела полысеть и взглянул на меня пустыми тусклыми глазами. Его лягушачий рот совсем не улыбался, когда он невыразительным голосом поинтересовался у меня, что он может для меня сделать.

— Это вы тут шеф?

— Да... Я — Стрикер.

— Очень приятно. Мой самолет запоздал и я уже подумал, что мне придется вас разыскивать.

Он лишь выжидательно посмотрел на меня. Я продолжал:

— Меня послал Гарвей Кью. У меня новые инструкции для Хэнкса.

— Вот как?

Он закрыл свои книги, открыл средний ящик письменного стола и бросил их туда.

— Должно быть, вы новенький... Всех остальных я знаю. Как вас зовут?

— Ричардс. Я работаю у Кью совсем недавно. Он нанял меня, потому что два его человека погибли в Уихьюкене.

Стрикер едва заметно кивнул.

— Слышал об этом. Странно только, что Кью не позвонил мне и не сообщил, что вы приедете.

— Он не мог рисковать и звонить вам из больницы. Он подозревает, что полиция прослушивает все его телефонные разговоры... Так где же мне найти Хэнкса?

— Я право не знаю... Он... — Стрикер замолчал, откинулся на стуле и хмуро уставился на меня. — А что у вас с лицом? У вас такой вид, будто вы бились лицом о камни.

Я слегка улыбнулся и подошел поближе к его столу.

— Выяснилось, что у моей подружки был дружок... — ухмылка моя исчезла. — Почему это вы вдруг не знаете, где Хэнкс? Вы обязаны это знать. Кью совсем не понравится, если я срочно не передам Хэнксу новые инструкции.

— Я не говорил вам, что не знаю, где он теперь, — его правая рука скользнула со стола в открытый ящик. — Я только сказал... — начал он.

Я подошел еще ближе, ткнул коленом в ящик стола и защемил ему руку. Стрикер громко застонал и его лицо перекосилось от боли. Он прикусил зубами губу. Я нажал на ящик посильнее. Он весь выгнулся, так что его лоб оказался на письменном столе.

Я вынул из кармана незаряженный револьвер и ткнул дуло ему в ухо. После этого я убрал свое колено. Стрикер открыл ящик и вытащил оттуда свою руку. Потом выпрямился и стал растирать суставы. Я залез в ящик и вытащил оттуда револьвер 38-го калибра марки «Смит и Вессон».

— Вы свинья... — выдавил Стрикер сквозь плотно сжатые зубы.

Я попытался блефовать и дальше.

— Что вы затеяли, Стрикер, черт вас поберет! Если я сообщу Гарвею Кью, что...

— Вы не от Гарвея Кью... Кью вчера вечером выпустили из больницы. Сейчас он лежит дома... — он поднял голову, посмотрел на меня и произнес. — Вы — Бэрроу?!

— Почему вы так решили? — удивился я.

— Хэнкс предупредил меня, что вы можете здесь возникнуть и описал вашу внешность.

Я сунул свой револьвер в карман и продолжал держать его под прицелом его собственного револьвера.

— Ну, хорошо. Я — Бэрроу. Но вы мне скажете, где находится этот ублюдок Хэнкс.

В это время со стороны двери в склад раздался другой голос:

— Вы так думаете?

Я хотел повернуться, но голос зловеще предупредил:

— Положить револьвер! Иначе я разнесу ваш череп на молекулы!

Я все же повернул голову. Из темноты складского помещения возник маленький щупленький человечек. На нем был замасленный комбинезон, а на лице — самодовольное выражение. Длинноствольный пистолет он держал в своей руке настолько привычно и спокойно, словно это было для него обычным повседневным делом. Я положил револьвер Стрикера на письменный стол. Стрикер поднялся, оттолкнул стул и нанес мне резкий удар. Я успел немного увернуться и кулак лишь скользнул по моей щеке и уху. Удар был болезненный, но равновесия я не потерял, хотя немного покачнулся и наклонился к стене рядом с дверью в помещение склада. Не успел я опомниться, как Стрикер нанес мне удар в живот. Я упал на колени и поднял руки вверх, чтобы оградить себя от дальнейших ударов.

— Если вы меня еще раз ударите, — крихтя, предупредил я, — я вас разорю...

— Меня? Разорите?

Стрикер противно рассмеялся. Его тыльная сторона ладони нацелилась на мою щеку, но я успел поймать этот удар затылком. При этом моя шляпа слетела.

— Что с вами, Бэрроу? Вы не выносите боли?

— Вы ничего не выиграете от того, что будете меня избивать.

— Но я ничего и не потеряю. Вы мне чуть не сломали запястье, и я вам за это отплачу, а затем передам полиции.

Прежде чем опустить голову, я бросил взгляд на часы.

— Это была бы самая большая ошибка, которую вы могли бы сделать.

— М-м-м,— промычал Стрикер и хмуро посмотрел на меня. Маленький человечек стоял рядом с ним не шевелясь.

— Ошибка? — раздраженно переспросил Стрикер.— Ведь вас разыскивают по обвинению в убийстве!

Я кивнул и сказал:

— Конечно. Но если вы передадите меня полиции, я молчать не стану. Расскажу все, что мне известно!

Лицо Стрикера помрачнело:

— Что, например?

— Я расскажу все про вашу фирму, что вы нелегально перевозите людей из Мексики и потом переправляете их в Нью-Йорк, где с них буквально сдирает шкуру Гарвей Кью, не оставляя им, практически, ничего.

Стрикер молчал. Он смотрел на меня и раздумывал. Заговорил его дружок с револьвером в руках.

— Если уж он все знает, мы не можем отдать его полиции. Зачем нам иметь из-за него неприятности? Скоро совсем стемнеет, и мне достаточно зарядить его свинцом и вывезти в пустыню на машине. Его никто никогда не найдет.

— Нам даже нет нужды прятать его труп, ведь его разыскивают по обвинению в убийстве. Он пришел сюда и угрожал нам своим револьвером и мы вынуждены были пристрелить его в порядке самозащиты.

— Мне чрезвычайно интересно выслушивать ваши планы,— обратился я к Стрикеру,— но так дело не пойдет. Не пойдет оно и так, как предлагает это ваш милый друг. Прежде, чем уехать из Нью-Йорка, я все подробно описал и отдал записи одному из своих друзей. Если я не вернусь, он передаст мои мемуары в полицию.

— Вы лжете?! Я вам не верю!

— Ну что ж. Может быть, хотите держать пари? Только имейте в виду, если вы проиграете, вам придется сидеть в тюрьме многие годы.

Тактика затягивания как будто не давала большого эффекта, но, тем не менее, позволяла мне выиграть нужные секунды. Он задумался. А затем пришло время, когда мне уже не нужно было тянуть время. Сторми появилась в дверях точно в назначенное время. В руке она держала револьвер 45-го калибра.

— Не двигаться! — спокойно заявила она.— А ты, скелет,— обратилась она к щуплому,— брось свою игрушку на пол!

Он хотел повернуться.

— Не двигаться! Что я сказала! Или хочешь сыграть в ящик!

Стрикер застыл. Но другой немного повернул голову, так что смог увидеть Сторми через плечо. Своего револьвера он из рук не выпустил.

— Послушайте, девушка, — тихо предостерег он ее, — я специалист в этом деле. У вас все равно нет никаких шансов. Бросьте вы лучше свой кольт, иначе с вами будет быстро покончено. Если я начну двигаться, то это будет так быстро, что вы не попадете в меня с первого выстрела, а до того, как вы выстрелите во второй раз, я уже успею влить вам пулю между глаз.

Он говорил важно, с большой гордостью и, казалось, был убежден, что сразу запугает ее.

— Точно между глаз, — повторил он. — Даю вам три секунды, чтобы... — Он замолк на середине фразы, мгновенно отпрянул в сторону и повернулся, чтобы выстрелить в нее. Но он не сумел запугать Сторми. И он не успел нажать на курок своего револьвера, ибо кольт изрыгнул пламя как раз в тот момент, когда он только начал свой последний прыжок...

Пуля 45-го калибра впиалась ему в руку, в которой он держал револьвер. Он раскрыл рот и в страхе вскрикнул. Револьвер вылетел из его руки. Когда мозглек опустился на колени, Стрикер рванулся к столу, чтобы схватить свой пистолет, но я оттолкнулся от стены и подставил ему ногу. Он шлепнулся на пол, широко раскинув руки. Пока он меня бил, я еще должен был сдерживаться, но теперь меня прорвало. Я схватил его сзади за ворот, рывком поставил на ноги и, размахнувшись, врезал в его рожу. Он отлетел к стене и изо рта у него потекла струйка крови. Я подскочил к нему и нанес удар в живот. Он как-то глухо икнул, переломился надвое и начал тихо сползать на пол. Я успел нанести ему еще пару ударов, прежде чем он окончательно свалился.

— Не надо... — простонал он, — не надо...

— Что с вами, Стрикер? — спросил я и повторил те же слова, которые он сказал мне пару минут назад. — Вы что, не выносите никакой боли?

После этого я оглянулся. Сторми держала под прицелом маленького человечка, а он сидел, скорчившись, на полу и со стоном держал свою раненую руку.

Я вновь схватил Стрикера за отвороты пиджака, рванул его, чтобы поднять на ноги, и бросил его на один из стульев.

— Где Хэнкс?

Он сжался, прижал руки к животу и ничего не ответил.

С его стороны это было глупо. Ведь он принадлежал к организации, которая стреляла в Сэнди и Джонни, которая замучала до смерти парнишку-пуэрториканца, гоняясь за девчонкой по всей стране и хотела пришить мне убийство.

— Раскрой свою вонючую пасть, сволочь! — рявкнул я. — Или я прикончу тебя сию же секунду! Меня все равно разыскивают по обвинению в убийстве! Но ты заговоришь и тогда я смогу освободиться от этого лживого обвинения! Слышишь, ты, смердящий труп!

Его руки внезапно потянулись к моей шее. Я был удивлен.

Оказывается, Стрикер был более вынослив, чем я полагал. Я отпустил его ворот, отскочил немного в сторону и с удовольствием врезал ему по носу.

Он свалился на пол и закрыл глаза. Я нагнулся и опять поставил его на ноги.

— Нет, нет! Прошу вас! — запричитал он каким-то жалким и плаксивым голосом. Меня чуть не стошнило.

— Где Хэнкс?!

— В Санта-Фе, — неразборчиво пробормотал он.

— Где именно? Адрес? И имей в виду, ты поедешь со мной! Если ты солгал, сам понимаешь, что от тебя останется и, вообще, останется ли что-нибудь существенное...

— Я не знаю, где точно! — завопил он в отчаянии. — Клянусь, что не знаю! Я знаю только, что он где-то в Санта-Фе и следит за ранчо Клоудов... и он сумел подключиться к их телефону.

Я взглянул на Сторми. Страх, внезапно овладевший мною, отчетливо отразился на её лице.

— Позвони своему отцу... — я показал на телефон. — Скажи ему, что Хэнкс подслушивает его разговоры. Если позвонит Нина, пусть не говорит, где она находится. Она должна, где бы она ни находилась, немедленно направиться в ближайший полицейский участок и не предпринимать ничего сама.

— Но ведь если Хэнкс подслушивает телефонные разговоры моего отца, то...

— Не имеет значения, — резко перебил я ее рассуждения. — Хэнкс не знает, откуда ты звонишь, и у него нет никакой возможности воспрепятствовать твоему разговору, о чем бы ты ни говорила. Все равно отец обязан узнать, что его телефон прослушивается гангстерами... Давай быстро!

Сторми протянула мне кольт и прошла мимо меня к письменному столу. Я продолжал наблюдение за своими противниками и стоял точно на горячих углях. Наконец, Сторми соединилась с ранчо и немного погодя, произнесла:

— Билл? Позови отца. Я должна...

Неожиданно она застыла на месте и стала слушать. Страх на ее лице сменился ужасом. Трясущимися руками она положила трубку обратно на место.

— Нина уже позвонила. Час с чем-то тому назад. Из Альбукерка. И отец сказал ей...

— Подожди, не спеши! — прервал я ее и ударил Стрикера рукояткой револьвера по макушке. Он мешком свалился со стула на пол и мгновенно потерял сознание. Затем я направился к щуплому человечку и расправился с ним подобным же образом. Мне лишь пришлось умерить силу удара, чтобы не пришибить его насмерть.

— Куда твой отец послал Нину?

— На Акому. Это высокий холм на равнине, приблизительно

в семидесяти милях от Альбукерка. Там, на вершине холма, находится индейский пуэбло, один из старейших в Америке. Во время туристского сезона там живут несколько индейских семейств. Но сейчас там никого нет. Нина должна подняться туда и ждать, пока за ней не придет отец.

— И Хэнкс слышал, как твой отец это сказал? Он сразу же поехал туда после звонка отца?

— Да.

— То есть, приблизительно час назад, — подсчитал я. — Какой дорогой можно добраться туда быстрее всего?

— Если ехать на Санта-Фе, но через Альбукерк, а потом на запад по Шестидесят шестой дороге. Вероятно, тут он уже проехал. Теперь он наверняка находится где-то западнее города.

Я кивнул, соглашаясь с ее выкладками.

— Да. И Хэнкс тоже. Пошли!

И мы побежали к дороге... к машине...

Глава 15

Человек изнывал от жажды. Из открытого рта высовывался язык. Человек ползет по горам, усеянным костями и черепами. Такая картина красовалась на большом плакате, вывешенном прямо на шоссе в двадцати милях от Альбукерка. Над ползущим человеком было написано большими буквами:

«ВНИМАНИЕ!

ПОСЛЕДНЯЯ БЕНЗОКОЛОНКА И ПОСЛЕДНЯЯ ВОЗМОЖНОСТЬ НАБРАТЬ ВОДЫ ПЕРЕД ВЫЕЗДОМ В ПУСТЫНЮ!»

Я непроизвольно посмотрел, сколько у нас осталось бензина. В баке оставалось чуть больше половины. А неприятное чувство во рту исходило не от жажды.

Не останавливаясь и не снижая скорости, Сторми пролетела мимо плаката, а затем мимо бензоколонки. Стрелка спидометра дрожала где-то между цифрами 130 и 140.

Чем дальше мы мчались на запад, тем более унылой становилась местность, простирающаяся по обе стороны дороги. А когда стало темнеть, эта местность стала принимать не только унылое, но и неприятное для глаз очертание. Вскоре на небе появились звезды и луна разлила свой мертвенно-бледный свет. Высокие скалы бросали вокруг себя причудливые тени. Казалось, что мы находимся или где-то в центре земли, или вообще на какой-нибудь другой планете, где нет никакой жизни.

В пятидесяти одной миле от Альбукерка Сторми замедлила ход и свернула с шоссе налево, на узкую и извилистую дорогу.

На маленьком старом указателе стояло:

«АКОМА ПУЭБЛО — 14 МИЛЬ»

Мы словно попали в царство смерти. Нигде нет домов, лишь скалы причудливой формы. И опять скалы, а между ними дорога, извивающаяся, точно змея.

Мы проехали около семи миль, когда я внезапно увидел контуры «джипа».

— Похоже, что наш «джип»? — прошептала Сторми.

Я вытащил кольт. Казалось, что ни в машине, верх которой был открыт, ни поблизости от нее никого не было. Но с другой стороны, в такой местности имелась тысяча уголков, где мог спрятаться вооруженный преступник, поджидая нас в засаде.

Сторми свернула с дороги, подъехала к «джипу» и остановилась.

— Жди здесь! — приказал я ей и вылез из машины.

Но она не обратила на мои слова никакого внимания и вылезла вслед за мной. В ее руке был револьвер и она хотела подбежать к «джипу», но я задержал ее. Никого и ничего поблизости не наблюдалось. Стояла полная тишина, лишь небольшой ветерок веял в ночной воздухе.

Напрягая все свои мышцы, я отошел от своей машины, неохотно покидая защищенное место. Шел я медленно, каждую секунду ожидая, что меня вот-вот настигнет пуля. Но ничего такого не произошло.

Наконец, я добрался до «джипа». Сторми, следовавшая за мной в двух шагах, в тот же миг очутилась рядом со мной. Я взглянул в машину. Там никого не было. Я ощупью провел рукой по щитку. Ключ зажигания был на месте. Тогда я пощупал сиденье и почувствовал под рукой дробовик. Я достал его из машины, чтобы разглядеть при лунном свете. На его стволе было что-то темное и липкое.

Кровь!

Я раскрыл ружье. Оно было разряжено — стреляли из обеих стволов сразу.

А Сторми тем временем заметила темную фигуру, лежавшую на песке по другую сторону дороги. Она кинулась через дорогу, я сразу же последовал за ней. Когда она поняла, что лежащий человек не ее отец, она остановилась.

Человек был маленьким и щуплым. Он лежал на животе лицом вниз. Это был Скрюни.

Я перевернул его ногой. От его лица осталось только то, что обычно остается от головки перепелки, когда в нее стреляют с близкого расстояния.

Сторми сразу отвернулась.

— Отец! — закричала она неожиданно, и я не сумел ей помочь.

В течение нескольких секунд ей отвечал только ветер, а потом неожиданно он донес до нас тихий голос старого человека. Откуда-то из-за скалы послышалось:

Я здесь!

Сторми бросилась в ту сторону, откуда доносился голос. Я последовал за ней.

Пит Клоуд лежал под скалой. Рядом с ним находилось оружие. Его темное изборозженное морщинами лицо было отмечено болью. Одежда была в крови и разорвана.

Сторми присела рядом с ним и спрятала голову у него на груди.

— Отец! — прошептала она с ужасом. — Ох, отец!

Я также присел на корточки. Пит Клоуд повернулся и посмотрел на меня. В его глазах я прочитал боль и отчаяние.

— Двое людей на машине перегнали мой «джип», — произнес он каким-то глухим голосом. — Они стреляли в меня, потом остановили машину и вернулись, чтобы удостовериться в том, что я мертв. Мне удалось подстрелить одного из них из ружья. А другой угодил мне в ногу, когда я вылезал из «джипа». Но мне удалось добраться сюда... и я отогнал его своим ружьем. Он убежал...

— Наверняка, это был Хэнкс. Вы попали в него?

— Думаю, что нет... он снова сел в машину и поехал в Акому... — Пит Клоуд немного приподнялся на локтях. — Там, наверху, Нина...

— Это мы знаем, — быстро ответил я. — Давно он уехал?

— Минут... минут пять назад.

Я взглянул на Сторми.

— Ты должна немедленно отвезти отца в больницу, а я поеду дальше. Как выглядит Акома?

— Это что-то вроде горного плато, гектаров на тридцать. И находится оно на высоте около ста метров. Наверху находится пуэбло, несколько глинобитных домиков. И большая церковь. У Нины там много возможностей спрятаться. Если она не потеряет голову, ему будет трудно ее найти... Но если он наверху, то он заметит тебя издалека. Собственно, у тебя только один шанс — туда ведут две дороги, а он, наверняка, знает лишь одну.

— Тропинка со ступеньками... — прошептал Клоуд.

— Да. Я как раз хотела ему о ней рассказать, — она повернула голову в мою сторону. — Имеется официальная тропа, поднимающаяся на вершину с одной стороны. Вероятно, по ней и заберется наверх Хэнкс. Ее легко найти и она удобна для подъема. Но если ты отправишься дальше влево, то доберешься до другой тропы. Ей уже тысяча лет. Раньше она была единственной тропой, но сейчас ею никто не пользуется, слишком опасно. Она состоит исключительно из маленьких выбоин, сделанных в скале. Но чем выше по ней поднимаешься, тем больше она укрывает тебя и выходит на плато с другой стороны. Хэнкс не сможет следить сразу за обеими тропами, даже если он знает о них обоих... — Помолчав, она добавила: — Больше я ничего не могу тебе добавить к сказанному ранее.

Я положил кольт в карман, поднял старика и отнес его на

руках в нашу машину. Сторми открыла заднюю дверцу и помогла мне уложить его на сиденье. Когда я выпрямился, то заметил, что он закрыл глаза, но дышал ровно и спокойно.

— Думаю, что он выкарабкается, если ты не будешь терять времени и сразу отвезешь его в больницу.

Сторми зажала мое лицо в своих руках и умоляюще посмотрела на меня своими большими печальными глазами.

— Вызволь Нину... Хэнкс не должен...

Она не окончила фразу, повернулась, села в машину и завела мотор. В следующее мгновение машина взвыла, развернулась и помчалась в обратном направлении.

Я залез в «джип» и направился в Акому. Проехав миль пять, я уже смог увидеть это плато. Посреди этой местности оно выглядело, как гигантский, накрытый скатертью, стол, над которым блестели яркие звезды. Я выключил фары и медленно поехал дальше, внимательно всматриваясь в изгибы и повороты дороги. Ведь сейчас приходилось рассчитывать лишь на свет луны. Проехав еще с полмили, я остановил машину, выключил мотор и вылез. Пригнувшись, я начал пробираться вперед.

Вскоре я очутился у подножия плато и прислушался. Было очень тихо. Лишь легкий ветерок разгуливал среди скал и кустарников. Тогда я проскользнул дальше и добрался до того места, где дорога, с которой я ранее сошел, описывала дугу и кончалась на просеке, образованной скалами и ведущей к подножию Акомы. На просеке стояла чья-то машина.

Я вытащил кольт и какое-то время наблюдал за ней и окрестностями. Никаких признаков жизни. Я осторожно направился в сторону машины, будучи готовым ко всяким неожиданностям. Но ничего не случилось: машина оказалась пустой.

Тяжело дыша, я прислонился к машине, пытаюсь сделать хороший вдох и смочить губы языком. Но язык был сухим и шершавым. Я поднял голову и взглянул вверх, на плато. Где-то там, в ста ярдах надо мной, сидел в засаде Хэнкс, подкарауливая Нину. Меня ждал путь вверх. Осторожно, и по возможности бесшумно, я открыл капот машины, вывинтил свечи и сунул их в карман пальто. Возможно, мне самому понадобится эта машина при возвращении, если я буду вообще в состоянии возвращаться.

Я повернул налево и вскоре увидел тропу, про которую упоминала Сторми. Ступеньки, выбитые в скале тысячу лет назад и которыми давно никто не пользовался. Я внимательно взгляделся в них — не слишком ли я большого мнения о своих альпинистских возможностях. Я опять поглядел вверх — черная громада! И эту громадину мне необходимо преодолеть!

Я сунул кольт в карман брюк, сбросил пальто и положил его вместе со шляпой в углубление между скалами. Без пальто будет, конечно, холодно, но зато подниматься будет гораздо легче.

Сколько времени я полз, трудно сказать, но через какое-то время я вдруг почувствовал, что подъем стал легче — скала стала менее крутой. Но подъем все не кончался и не кончался.

Наконец, когда я уже не надеялся, что когда-нибудь доберусь до цели, я обнаружил, что подъем кончился и я очутился на плато, лежа на животе. Какое-то время я лежал, не шевелясь, пока не восстановилось дыхание и сердце не стало биться поспокойнее.

Я осмотрелся. На первый взгляд поверхность плато представляла собой лишь нагромождение обломков скал. Но затем я заметил какую-то водную гладь — видимо, озеро. В нем отражался лунный свет. А за ним, на небольшом возвышении, здание, довольно большое и длинное, одно из старых строений индейцев «пуэбло».

Но нигде никаких признаков жизни. Я поднялся и направился к этому зданию. В толстых стенах были прорублены крошечные окошечки, но дверей вообще не было. Держа палец на спусковом крючке, я осторожно обошел здание со всех сторон. Неподалеку стояло еще два подобных здания, а дальше, за высокой стеной, виднелись башенки церкви. Я осторожно пробрался между этими двумя зданиями. Через каждые три-четыре шага я останавливался и прислушивался, надеясь обнаружить хоть малейший признак присутствия здесь Хэнкса. Ничего...

Хотя здесь, наверху, дул холодный ветер, я был весь в поту. Когда я остановился, уже не знаю в который раз, я внезапно услышал тихий шепот. Судя по всему, он исходил из пуэбло под-зиди меня. И это был голос Нины...

Я повернулся и очутился перед маленьким узким окошечком, похожим скорее на щель. Мгновением позже я увидел два блестящих глаза, уставившихся на меня.

— Он там, у кладбищенской стены, — прошептала она. — Наблюдает за тропой.

Я посмотрел на стену здания, но снова не смог обнаружить никакой двери.

— Как ты туда забралась? — удивился я.

— В крыше есть отверстие. Туда вела стремянка, но я подняла ее вслед за собой. Он уже искал меня, но не нашел. А я все время находилась на крыше и наблюдала за ним.

Голос ее звучал гордо и она по праву могла гордиться собой. Хэнкс был опытным охотником за людьми, но здесь он оказался бессильным в борьбе с девчонкой.

Я лихорадочно обдумывал, как мне лучше использовать возможности Нины и свести преимущество Хэнкса в ночной охоте к минимуму. Он же был намного опытнее меня...

Затем я тихо рассказал ей о моем плане и мне надолго пришлось ждать ответа, так как она ни в чем не уступала в мужестве ни Сторми, ни старому Питу.

— Хорошо, — бросила она не раздумывая.

Я вынул из кармана коробок спичек и протянул их ей через

отверстие. Она взяла спички и исчезла. Я прошел по узкому проулку к противоположному зданию, спрятался там в тени и стал ждать, пока Нина не заберется на крышу. После этого я набрал воздуха в легкие и крикнул:

— Нина! Где ты? Отзовись!

После этого я замолчал, прислушиваясь и надеясь услышать шаги Хэнкса. Но даже когда он действительно стал приближаться, я его не увидел и не услышал. Я не замечал его до тех пор, пока Нина наверху не чиркнула спичкой, подожгла весь коробок и не сбросила его вниз с крыши.

Хэнкс стоял менее чем в тридцати ярдах от меня между двумя домами. Горящий коробок чуть не упал ему на голову. Он отреагировал с поразительной быстротой, и сразу же раздавил пламя каблуком, как только коробок упал на землю. Но, тем не менее, на какую-то долю секунды я успел увидеть его силуэт и выстрелил. Пуля попала в него и сбила с ног, а потом вновь стало совершенно темно.

Но мне не удалось совсем вывести его из строя. В следующую секунду, уже лежа на земле, он выстрелил в мою сторону три раза кряду. Свинец обжег мою правую руку. Кольт вывалился из моей руки.

Я бросился на землю и стал в отчаянии искать выпавшее оружие. В тот же момент я услышал, как Хэнкс поднялся и направился в мою сторону. Вскоре, на фоне неба, возникла его фигура. Надо было что-то предпринимать. Револьвер Хэнкса снова извергнул пламя и пуля с глухим треском вошла в глиняную стену дома, как раз над моей головой.

Еще несколько шагов и он окажется так близко, что сможет расстрелять меня с близкого расстояния. В этот миг моя рука нащупала кольт. Я быстро схватил его и прицелился в надвигающуюся на меня зловещую фигуру.

В этот момент он остановился, словно не решаясь идти дальше. Я нажал на курок. Выстрел прозвучал в моих ушах, точно удар грома. Хэнкса отбросило в сторону, как взрывной волной, и он упал.

Я подполз к нему. Он лежал на земле, раскинув руки и его широко раскрытые глаза смотрели прямо в небо. Но он уже не видел ни звезд, ни неба, и никогда их не увидит.

Его карьера наемного убийцы закончилась вместе с моим последним выстрелом...

Глава 16

Пит Клоуд быстро поправлялся в больнице Альбукерка. Тем не менее Сторми решила остаться с отцом. Я вместе с Ниной вылетел в Нью-Йорк.

Мне удалось нанести короткий визит Сэнди, которая уже

настолько хорошо себя чувствовала, что могла есть сидя на кровати. Я дал ей выпить глоток виски из пузырька, который я нелегально доставил в палату.

А потом состоялась конференция в полицейском управлении Манхеттена. Все оказалось не так плохо, как это было вначале. Показания Нины относительно того, что в действительности случилось в комнате Санто Канино, сняли с меня обвинение в том, что я убил этого юношу. А когда Джонни узнал, что его дочь находится в безопасности, он дал запротokolировать свои показания относительно преступной деятельности Гарвея Кью, касающиеся контрабандной перевозки мексиканцев в Нью-Йорк.

Рэкет был организован именно так, как я и предполагал. В эту организацию Джонни втянул Стрикер. Он предложил ему пару раз перевезти мексиканцев от границы до Нью-Йорка. Джонни увидел в этом деле только романтическую сторону и согласился. Он и понятия не имел, как жестоко Гарвей Кью обращается с мексиканцами, прибывающими в страну нелегальным путем.

Но затем Джонни Клоуд начал кое-что соображать, особенно после ошибки Кью, когда тот пригласил его в свой публичный дом в Ист-Сайде. Джонни пришел в ужас, когда обнаружил там Марго Варга. В свое время он вез ее в Нью-Йорк и она ему приглянулась. Когда же он услышал от нее, что Гарвей Кью заставил ее «работать» в этом доме, он пришел в ярость. В конечном счете, Гарвею Кью пришлось уступить и освободить Марго от этой позорной работы. Сделал он это только ради того, чтобы умиловить Джонни.

После этого Джонни Клоуд, когда бывал в Нью-Йорке, все время навещал Марго. Вскоре выяснилось, что они нравятся друг другу. А когда он был у Марго в последний раз, она рассказала ему о том, как Кью вытягивает из несчастных мексиканцев последние гроши, которые они с таким трудом зарабатывали, и как его подручные гангстеры избивали тех людей, которые не вносили в срок свои взносы.

В результате этого разговора Джонни крупно поругался с Гарвеем Кью и сказал ему, что у него будут большие неприятности, если он не прекратит этот разбой. После этого Гарвей Кью упрекнул Марго в том, что она натравила на него Джонни, а Джонни посоветовал не делать глупостей.

Когда он в последний раз привез партию мексиканцев в Нью-Йорк, он мучительно раздумывал над тем, что ему предпринять. Встретившись с Гарвеем Кью на его складе в Уихьюкене, он прочитал в глазах Кью нечто такое, что заставило его подумать о собственной безопасности.

Выйдя со склада и обнаружив, что его поджидает Хэнкс, он понял, что ему грозит смерть. Он сразу же пустился в бегство и выиграл секунды, пока Хэнкс доставал оружие. Хэнкс сумел ранить его, но Джонни все-таки удалось уйти. Найдя таксофон,

он позвонил Марго. Когда трубку сняла Нина и сообщила ему, что Марго застрелена, Джонни понял все: Гарвей Кью решил убрать с дороги всех, кто мог помешать его бизнесу. Джонни приказал Нине, чтобы она сразу покинула квартиру и искала защиты у меня. После этого ему удалось позвонить отцу в Нью-Мексико, рассказать о случившемся и добраться до больницы. После того, как Джонни Клоуд подписал все бумаги, один из присутствующих полицейских офицеров высказал мнение, что Джонни может отделаться легким наказанием, поскольку он оказал большую помощь в раскрытии преступления.

— Мое наказание меня мало интересует! — буркнул Джонни. — Для меня сейчас важно одно, чтобы Гарвей Кью был наказан за убийство Марго!

В то же самое утро Флинт, два чиновника федеральной полиции и я поехали на машине в Нью-Джерси. Выйдя из машины, мы прошли во владения Гарвея Кью, не считая нужным предварительно позвонить.

Наша машина остановилась перед большой виллой. В тот же момент распахнулась дверь и из дома выскочила жена Кью. Ее светлые волосы развевались по ветру. Увидев нас, она остановилась. Казалось, она была чем-то взволнована. В следующее мгновение она уже подбежала к машине.

— Помогите! — завопила она каким-то диким голосом. — Я собиралась бежать за соседями и прислужгой, чтобы позвать их на помощь... Мой муж заперся в кабинете... Он собирается покончить с собой... Он... он...

В это время из дома послышался глухой звук револьверного выстрела.

— О, боже ты мой! — запричитала миссис Кью. Она сжала руки в кулачки и поднесла их в ужасе ко рту. — Он... он... уже сделал это...

Она развернулась и бросилась обратно в дом. Мы быстро последовали за ней, прошли через обширный холл и поднялись по красивой витой лестнице наверх. Миссис Кью кинулась к двери и стала барабанить по ней кулаками.

— Гарвей! — дико кричала она. — Гарвей! Открой! Это я...

Флинт мягко отстранил ее и с силой пнул ногой дверь. Мощный удар сорвал замок и дверь распахнулась. Мы устремились в кабинет. Две вещи сразу бросились нам в глаза. Одной было кресло на причудливых колесиках, другой был сам Гарвей Кью, лежавший на полу рядом с этим креслом, раскинув руки в стороны.

На нем был красный халат. Из-под него высовывались ноги, с которых еще не были сняты бинты. В его руке находился револьвер 38-го калибра. Крови почти не было, лишь несколько капель было разбрызгано по его лбу, в котором виднелось маленькое отверстие.

Его жена застыла на месте.

— С тех пор, как он вернулся из больницы, он большую часть времени проводил в этой комнате,— прошептала она каким-то глухим голосом.— И постоянно ворчал... Наконец, он признался мне, что его организация развалилась и он опасался, что полиция узнает о его распоряжении об убийстве женщины по имени Марго Варга... Он сказал, что лучше покончит с собой, чем будет владеть остаток своих дней за тюремной решеткой... Но я не поверила, что он действительно... пока не обнаружила, что он заперся на замок. И он не хотел... да, он не хотел...

Она тяжело вздохнула и пожала плечами, не договорив фразу до конца.

— Ну, что ж,— пробормотал Флинт,— этим он избавил нас от необходимости поставить его перед судом.

— Угу,— промычал я,— но это не избавляет нас от необходимости поставить перед судом эту женщину.

Я быстро повернулся и взглянул на миссис Кью. Она побелела, как мел, и закрыла лицо руками.

— На каком основании? — хмуро поинтересовался Флинт.

— Во-первых, по обвинению в убийстве Марго Варга. Гарвей Кью не убивал ее и не отдавал подобного распоряжения. Поинтересуйтесь у управляющего домом, в котором проживала Марго Варга. Как только он узнал о смерти Марго, он сразу же позвонил мистеру Кью, чтобы выяснить, как это случилось. И тот приехал вместе с Хэнксом, чтобы выяснить, как это произошло. Если бы Марго была убита по его распоряжению, он бы так не поступил. Но даже если предположить, что Гарвей Кью решил убрать Джонни Клоуда и Марго Варга, он бы позаботился о том, чтобы сначала прикончить Джонни, а уж потом разделаться с Марго. Нет! Гарвей Кью не имеет никакого отношения к смерти Марго!

В глазах миссис Кью можно было заметить какое-то странное выражение — смесь удивления, непонимания и страха.

Я взглянул на нее в упор и продолжил:

— Вы знали, что ваш супруг влюблен в Розмари Мей Тобин, и вы помните о том, что произошло, когда он в свое время влюбился в вас. Он хотел заполучить вас, а поскольку его первая жена ему порядком обрыдла, она и кончила свою жизнь в реке, чтобы не стоять у него на пути. Вы все это отлично знали и тоже начали опасаться, что и вас ожидает подобная участь.

Ее губы дрожали, подбородок трясся, но она не вымолвила ни единого слова.

— Поэтому вы и разработали план, согласно которому вы должны были пережить своего супруга и, вдобавок ко всему, унаследовать его состояние. И вы постарались все сделать так, чтобы на вас не падало ни капли подозрения. Вы знали о ссоре Гарвея Кью с Джонни Клоудом по поводу «работы» Марго. И вы знали, когда Джонни должен был прибыть в Нью-Йорк с новой партией мексиканцев. И в тот же вечер, когда он должен был

приехать, вы отправились в испанский квартал Гарлема и застрелили Марго Варга. Вы понимали, что вас никто не будет подозревать, так как, судя по всему, у вас не было никакого мотива это делать... Но у вас все-таки был мотив — вы отлично понимали, что когда Джонни Клоуд узнает об убийстве Марго, он решит, что это дело рук вашего супруга. Он мог бы в ярости наброситься на ни о чем не подозревавшего Кью и, к вашему удовольствию, возможно, убил бы его... — сделав паузу, я продолжал: — Но кое-что в этом плане пошло не так, как вы рассчитывали. Во-первых, Гарвей Кью слишком рано узнал об убийстве Марго — еще до того, как Джонни доехал до Нью-Йорка. В этом вам надо винить управляющего домом, где проживала Марго. А Кью пришел к тому же выводу, что и вы. Он понял, что Джонни подумает, что убийство Марго дело его рук и в отместку пойдет в полицию и расскажет все о нелегальном ввозе мексиканцев. Поэтому Кью решил опередить Джонни и приказал Хэнксу убрать его. Дело у них сорвалось, но у них оставался и иной путь. Вы же не знали, что Джонни лежал в больнице. Вы полагали, что он где-то скрывается, и выжидали удобного случая, чтобы убрать мужа. Поэтому, если бы вашего супруга кто-нибудь подстрелил, то, по вашему мнению, все подозрения пали бы на исчезнувшего Джонни Клоуда...

И вот вы сами выходите на сцену. Из-за кустов парка вы стреляете в Гарвея Кью. Только с такого расстояния вам не удалось полностью выполнить задуманное. После этого вам оставалось лишь ждать, когда он выпишется из больницы. На этот раз вы не рискнули стрелять издали. Вы просто вошли в его кабинет, обняли его одной рукой, точно собираясь что-то сказать ему, а потом вогнали ему пулю в лоб, прежде чем он сообразил, что к чему.

Лишь сейчас миссис Кью обрела голос:

— Но ведь меня даже не было в кабинете, когда... Я ведь находилась на улице, когда он застрелился! Вы же сами слышали выстрел!

— Угу, — снова промывчал я и начал осматривать кабинет.

Я обнаружил все за кушеткой — магнитофон, который был еще включен, с вертящимися бобинами. Ведь у нее не было возможности выключить его. Флинт и другие чиновники стали наблюдать, как я манипулирую с магнитофоном. Я переключил его в обратном направлении и включил ленту сначала. В течение минуты вообще ничего не было слышно, а затем из мощного динамика грянул гром, словно револьверный выстрел...

— Вот вам и доказательство, — произнес я. — Вы заранее рассчитали время, которое понадобится, чтобы добежать до слуг и подвести их к дому, где бы они и услышали выстрел. Суду, может быть, и не удастся уличить вас в убийстве Марго Варга, но в убийстве собственного супруга вас наверняка уличат... Этот трюк с магнитофоном достаточное тому доказатель-

ство. Если у вас выдержат нервы, то опытный защитник, правда, мог бы вытянуть вас из этой аферы, но тут нужно чрезвычайно большое искусство и с вашей, и с его стороны. Искусство блефовать...

Но она не выдержала уже сейчас. С громкими рыданиями она бросилась на кушетку.

— Я должна была это сделать! Должна... Иначе он утопил бы меня, как свою первую жену!

В итоге, она должна была провести остаток жизни в тюрьме. Ее защитнику удалось затянуть процесс, который закончился только через год, а потом она вынуждена была отправиться за решетку.

Джонни Клоуда приговорили лишь к месяцу тюремного заключения. А я снова отправился в Нью-Мексико, чтобы участвовать в празднествах по случаю возвращения Джонни домой.

Потом я вернулся в Нью-Йорк, к Сэнди, которая уже выздоровела и была, как всегда, веселой. Лишь небольшой шрам под ее левым плечом мог напомнить о прошлом.

Я рассказал Сэнди о празднике, который устроила семья Клоудов, расписал его подробности, умолчав только о всем, что касалось меня и Сторми...

Сторми написала мне несколько раз. Какое-то время она даже подумывала о том, чтобы приехать в Нью-Йорк, но, в конце концов, не решилась.

И это, вероятно, было к лучшему. Если бы у меня были одновременно две такие страстные кошечки, как Сэнди и Сторми, то в скором времени я пришел бы к выводу, что это слишком большая роскошь для моего организма...

И. ШЕЛЕНШМИДТ

У КАМИНА

Понедельник, десять утра. У камина на загородной вилле сидит мужчина в купальном халате и с аппетитом ест. Время от времени он подливает себе вина.

В тот момент, когда он протягивает руку к пластинке, чтобы положить ее на проигрыватель, в комнату входит какой-то мужчина.

— Извините, но двери были открыты,— говорит он, кланяясь.— Я представитель фирмы «Братья Смит». Рад с вами познакомиться. Вы директор Грей?

Мужчина у камина неохотно поворачивается:

— Да, это я. В чем дело?

— У меня тут маленький счет с прошлого года, господин директор, 100 долларов...

— Хорошо, хорошо. Я пришлю вам деньги завтра из конторы.

— Вы обещали это мне уже несколько раз,— скромно замечает служащий,— и я решил, что проще обратиться непосредственно к вам. К тому же мне представляется возможность лично познакомиться с нашим клиентом...

— А вы не считаете, что это довольно нахальный способ знакомиться?

— Может быть, но мы не часто встречаемся с клиентами, которые требуют быстрого исполнения заказа, а потом медлят с уплатой. Эта задолженность за вами уже год...

— Прошу вас выйти. Счет пришлите в контору. У меня нет при себе денег.

— Это не имеет значения,— вежливо ответил служащий.— Я предвидел и это. Хотя думал, что мне удастся уладить дело с глазу на глаз, без приглашения судебного исполнителя, который знает вас лично и ждет у двери.

Мужчина у камина встал так быстро, что бутылка с вином покатилась на ковер.

— Ну это уж хамство!— закричал он.— Вот ваши деньги. Убирайтесь и больше никогда не показывайтесь мне на глаза!

* * *

Не все выезжают за город, чтобы отдохнуть, насладиться солнцем и тишиной. Есть и такие, которые едут на природу, в малые курортные местечки навестить одинокие домики совсем по другой причине. Джой Сток именно к ним и принадлежал.

Он любил наносить визиты в пустые домики, чтобы посмотреть, что в них находится. Найденные вещи обычно легко было сбыть, что обильно вознаграждало затраты на поездку.

У Джоя было четыре сотни в бумажнике. Человеку, у которого полный бумажник, легче, когда его поймают, прикидываться, что он зашел в дом по ошибке или что это была только шутка. Он знал по опыту, что и полиция гораздо хуже обходится с типами, которые не имеют ни гроша за душой.

Войти в дом директора Грея было детской забавой. Достаточно было простой отмычки. Поскольку вилла была пуста, не нужно было спешить. Прежде всего — по правилам хорошего тона, принятым в этом обществе, — он выкупался и, закутавшись в купальный халат владельца дома, обыскал жилище. В холодильнике он нашел немного сухой колбасы, хлеб и масло, а в погребе бутылку неплохого вина. Так как утро было достаточно холодным, он разжег огонь в камине, устроился в кресле и, будучи в отличном настроении, хотел поставить пластинку.

— И именно тогда, — рассказывал он потом своим друзьям, — встал в дверях этот дурак и потребовал деньги за какой-то там долг. Я порядком струхнул. Еще неделю назад я высмотрел себе этот одинокий домик, постоянно за ним наблюдал и знал, что там никто не показывается. Я влезаю в него совершенно спокойно, не спешу, а тут вдруг этот жадюга приходит за долгом. Что делать? На счастье, он принял меня за хозяина. А за дверьми судебный исполнитель, который знает директора. Хорошо, что у меня в кармане была сотня... Хотя я и потерял ее на этом деле... Потом я сразу удрал. Ну что ж, как говорится, издержки производства — он глубоко вздохнул.

* * *

Самое забавное, что мнимый владелец дома отдал деньги человеку, который не был представителем «Братьев Смит». Потому что «представитель» был настоящий владелец дома!

— Гениальная идея, господин директор, — хвалили на следующий день служащие директора Грея. — Неужели вы не боялись?

— А что оставалось делать? Нажимаю ручку, дверь открыта. Вхожу в комнату, а перед камином сидит взломщик в моем купальном халате. Здоровый детина. К тому же он мог иметь при себе оружие. Уходить уже поздно, пришлось сделать вид, что я принял его за хозяина дома. А лучше всего удалась штука с судебным исполнителем. Испугался мерзавец, что тот его узнает. А я в конце концов еще заработал на этом деле!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Микки Спиллейн</i> СТЕРВЯТНИК	3
<i>Ник Кварри</i> ВЕНДЕТТА	121
<i>Ник Кварри</i> В АДУ ШАНСОВ НЕТ	229
<i>И. Шеленимидт</i> У КАМИНА	332

От составителя:

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Мы снова хотим напомнить Вам, что наша серия отличается от других уже изданных и издаваемых серий детективного, приключенческого и фантастического жанра.

Во-первых, в нашей серии мы объединяем все эти три жанра.

Во-вторых, напоминаем, что мы не останавливаемся на выпуске книг одного известного автора, что характерно для большинства издаваемых серий, а выбираем лучшие на наш взгляд произведения из всего их творчества и предлагаем Вашему вниманию.

Об отличии нашей серии от других в лучшую или худшую сторону — судить ВАМ...

С уважением А. САЯПИН.

Микки Спиллейн
Ник Кварри

«Зарубежный остросюжетный детектив». («Библиотека зарубежного крим. и прикл. романа». Выпуск 4). Издано при содействии коопер. предприятия «Мелор».

Художественный редактор А. Саяпин
Технический редактор Л. Заичкина
Корректор Б. Правдикова

ИБ 2248

Сдано в набор 14.05.91. Подписано в печать 4.10.91. Формат бумаги 60×90/16. Бумага писчая. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 21,85. Заказ № 2961. Тираж 100 000 экз. Цена 23 руб. Заказное.

«Библиотека «Лооминг» 200001. г. Таллинн, ул. Харью, 1.

Отпечатано на Смоленском полиграфкомбинате. 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Уважаемый читатель!
Часть средств от продажи
этой книги пойдёт
в Детский фонд
и на другие
благотворительные цели

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА